

*Российская академия наук
Институт государства и права*

ГОСУДАРСТВО И ПРАВО

№ 10   2020   Октябрь

Основан в феврале 1927 г.
Выходит 12 раз в год
ISSN 1026-9452

Выходил под названиями: «Революция права» (1927–1929 гг.)
«Советское государство и революция права» (1930–1931 гг.)
«Советское государство» (1932–1938 гг.)
«Советское государство и право» ISSN 0132-0769 (1939 г. – первая половина 1992 г.)
«Государство и право» ISSN 1026-9452 (вторая половина 1992 г. – по н/в)

*Журнал издается под руководством
Отделения общественных наук РАН*

Главный редактор
М.И. Клеандров,
член-корреспондент РАН,
доктор юридических наук, профессор

Редакционный совет:

А.Н. Савенков, чл.-корр. РАН (*председатель*);
М.В. Баглай, чл.-корр. РАН; А.П. Вершинин, д.ю.н.; В.И. Жуков, акад. РАН;
В.Д. Зорькин, д.ю.н. (Санкт-Петербург); А.А. Клишас, д.ю.н.; П.В. Крашенинников, д.ю.н.;
Н.М. Кропачев, чл.-корр. РАН (Санкт-Петербург); А.Г. Лисицын-Светланов, акад. РАН;
Е.А. Лукашева, чл.-корр. РАН; Н.А. Макаров, акад. РАН;
А.В. Смирнов, акад. РАН; Ю.К. Толстой, акад. РАН (Санкт-Петербург);
Т.Я. Хабриева, акад. РАН; А.Р. Хохлов, акад. РАН

Редакционная коллегия:

А.И. Абдуллин, д.ю.н. (Казань); С.А. Авакьян, д.ю.н.; Г.Г. Арутюнян, д.ю.н. (Армения);
Вильфрид Бергманн, д.ю.н. (Германия); Окко Берендс, д.ю.н. (Германия); Н.А. Богданова, д.ю.н.;
М.М. Бринчук, д.ю.н.; Бернд Визер, д.ю.н. (Австрия); А.Н. Вылегжанин, д.ю.н.; Е.Ю. Грачева, д.ю.н.;
А.А. Гришковец, д.ю.н.; Е.П. Губин, д.ю.н.; В.Н. Гуцуляк, д.ю.н.; Ульрика Дэви, д-р права (Германия);
Ван Джихуа, д.ю.н. (КНР); А.Г. Диденко, д.ю.н. (Казахстан); В.В. Дорошков, д.ю.н.; И.В. Ершова, д.ю.н.;
В.Н. Жуков, д.ю.н., д.ф.н.; С.С. Занковский, д.ю.н.; С.В. Запольский, д.ю.н.; В.С. Каменков, д.ю.н. (Беларусь);
Кристина Карзай, д.ю.н. (Венгрия); М.И. Клеандров, чл.-корр. РАН (*главный редактор*);
Н.В. Кроткова, к.ю.н. (*заместитель главного редактора*); Куан Цзэнцзюнь, д.ю.н. (КНР);
Лю Хунянь, д.ю.н. (КНР); А.В. Малько, д.ю.н. (Саратов); И.М. Мацкевич, д.ю.н.; Е.И. Носырева, д.ю.н. (Воронеж);
Пламен А. Панайотов, д.ю.н. (Болгария); Т.А. Полякова, д.ю.н.; И.М. Рагимов, д.ю.н. (Азербайджан);
Р.Н. Салиева, д.ю.н. (Казань); Л.В. Санникова, д.ю.н., проф. РАН; Паола Северино, д.ю.н. (Италия);
Г.С. Скачкова, д.ю.н.; Ю.Н. Стариков, д.ю.н. (Воронеж); Янаки Б. Стоилов, д-р права (Болгария);
А.А. Тедеев, д.ю.н.; А.П. Фоков, д.ю.н.; Уве Хеллманн, д-р права (Германия); В.М. Шерстюк, д.ю.н.;
Б.С. Эбзеев, д.ю.н.; В.В. Ярков, д.ю.н. (Екатеринбург)

Адрес редакции: 119019 Москва, ул. Знаменка, 10
тел.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru;
<http://gospravo-journal.ru/>

Москва

© Российская академия наук, 2020
© Институт государства и права РАН, 2020
© Составление. Редакция журнала
«Государство и право», 2020

*Russian Academy of Sciences
Institute of State and Law*

STATE AND LAW

№ 10   2020   October

Published since February 1927
Monthly Publication (12 Times a Year)
ISSN 1026-9452

Formerly known as: “Revolution of the Law” (Revolutsiya prava) (1927–1929)
“Soviet State and the Revolution of the Law” (Sovetskoe gosudarstvo i revolyutsiya prava) (1930–1931)
“Soviet State” (Sovetskoe gosudarstvo) (1932–1938)
“Soviet State and Law” (Sovetskoe gosudarstvo i pravo) ISSN 0132-0769 (1939 – mid-1992)
“State and Law” (Gosudarstvo i pravo) ISSN 1026-9452 (mid-1992 – present)

*The Journal is published under supervisi,
on of the Department of social Sciences of the RAS*

Editor-in-Chief
M.I. Kleandrov,
Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences,
Doctor of Law, Professor

Editorial Council:

A.N. Savenkov, Corresponding Member of the RAS (*Chairman*);
M.V. Baglay, Corresponding Member of the RAS; A.P. Vershinin, Doctor of Law;
V.I. Zhukov, Academician of the RAS; V.D. Zorkin, Doctor of Law (St. Petersburg); A.A. Klishas, Doctor of Law;
P.V. Krasheninnikov, Doctor of Law; N.M. Kropachev, Corresponding Member of the RAS (St. Petersburg);
A.G. Lisitsyn-Svetlanov, Academician of the RAS; E.A. Lukasheva, Corresponding Member of the RAS;
N.A. Makarov, Academician of the RAS; A.V. Smirnov, Academician of the RAS;
Yu. K. Tolstoy, Academician of the RAS (St. Petersburg);
T. Ya. Khabrieva, Academician of the RAS; A.R. Khokhlov, Academician of the RAS

Editorial Board:

A.I. Abdullin, Doctor of Law (Kazan); S.A. Avakyan, Doctor of Law; G.G. Arutyunyan, Doctor of Law (Armenia);
Wilfried Bergmann, Doctor of Law (Germany); Okko Behrends, Doctor of Law (Germany); N.A. Bogdanova, Doctor of Law;
M.M. Brinchuk, Doctor of Law; Bernd Wieser, Doctor of Law (Austria); A.N. Vylegzhanin, Doctor of Law;
E. Yu. Gracheva, Doctor of Law; A.A. Grishkovets, Doctor of Law; E.P. Gubin, Doctor of Law; V.N. Gutsulyak, Doctor of Law;
Ulrike Davy, Doctor of Law (Germany); Wang Jihua, Doctor of Law (China); A.G. Didenko, Doctor of Law (Kazakhstan);
V.V. Doroshkov, Doctor of Law; I.V. Ershova, Doctor of Law; V.N. Zhukov, Doctor of Law, Dsc in Philosophy;
S.S. Zankovsky, Doctor of Law; S.V. Zapolsky, Doctor of Law; V.S. Kamenkov, Doctor of Law (Belarus);
Krisztina Karsai, Doctor of Law (Hungary); M.I. Kleandrov, Corresponding Member of the RAS (*Editor-in-Chief*);
N.V. Krotkova, PhD in Law (*Vice-Editor-in-Chief*); Kuang Zengjun, Doctor of Law (China);
Liu Hongyan, Doctor of Law (China); A.V. Mal'ko, Doctor of Law (Saratov); I.M. Matskevich, Doctor of Law;
E.I. Nosyreva (Voronezh); Plamen A. Panayotov, Doctor of Law (Bulgaria); T.A. Polyakova, Doctor of Law;
I.M. Ragimov, Doctor of Law (Azerbaijan); R.N. Salieva, Doctor of Law (Kazan);
L.V. Sannikova, Doctor of Law, Professor of the RAS; Paola Severino, Doctor of Law (Italy); G.S. Skachkova, Doctor of Law;
Yu. N. Starilov, Doctor of Law (Voronezh); Yanaki B. Stoilov, Doctor of Law (Bulgaria); A.A. Tedeev, Doctor of Law;
A.P. Fokov, Doctor of Law; Uwe Hellmann, Doctor of Law (Germany); V.M. Sherstyuk, Doctor of Law;
B.S. Ebzeev, Doctor of Law; V.V. Yarkov, Doctor of Law

Address: 10 Znamenka street, 119019 Moscow, Russian Federation
tel.: +7 (495) 691-87-34
e-mail: gospravo@igpran.ru
<http://gospravo-journal.ru/>

Moscow

СОДЕРЖАНИЕ

Номер 10, 2020

Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы

М.И. Клеандров

7

Прогнозирование как средство правовой политики в экономической сфере: отечественный и зарубежный опыт

К.В. Агамиров

24

ФИЛОСОФИЯ ПРАВА

От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном
Природа научного метода

В.Н. Жуков

36

ПРАВО И РЕЛИГИЯ

Интеграция права и религии в конституционно-правовом регулировании: сравнительно-правовое исследование

А.В. Мальшкин

45

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

Еще раз о праве и неправе, или почему правовая жизнь называется правовой

А.В. Малько, В.В. Трофимов, В.А. Затонский

55

Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации

Л.Г. Коновалова

67

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА И ГРАЖДАНИНА

Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность

С.Н. Шишков, С.В. Полубинская

81

УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА С ПРЕСТУПНОСТЬЮ

Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад?

А.В. Бриллиантов, А.Д. Щербаков

90

Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы

А.А. Дегтерев

100

СТРАНИЦЫ ИСТОРИИ

Финансово-правовые преобразования в XVIII столетии
Финансово-правовое государство Петра I

К.С. Бельский

109

«Во имя общего блага – за правое дело»: к 150-летию со дня рождения юриста и педагога Никандра Миролюбова

Н.В. Хисамудинова, А.А. Хисамудинов

121

Судопроизводство в Бухарском эмирате

А.А. Мухитдинов

129

НАУЧНЫЕ СООБЩЕНИЯ

К вопросу о свободном правосудии <i>С.М. Амосов</i>	136
Связь безусловного и условного в конституционном праве <i>Г.Н. Уткин</i>	141
Теории принятия юридического решения в современной правовой доктрине Германии <i>М.А. Белова</i>	146

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия <i>А.В. Малько, С.Ф. Афанасьев, В.Ф. Борисова, Н.В. Кроткова</i>	151
--	-----

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

О закономерностях развития государства и права в советской России (На примере прокуратуры) В.Н. Галузо. Институт власти прокуратуры в советской России (1917–1991). Часть III. Забвение права <i>С.Л. Никонович</i>	160
---	-----

ПЕРСОНАЛИИ

Доктору юридических наук, профессору В.А. Юсупову – 80 лет <i>С.Н. Братановский</i>	164
--	-----

CONTENTS

Number 10, 2020

Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons <i>M.I. Kleandrov</i>	7
Forecasting as means of legal policy in the economic sphere: domestic and foreign experience <i>K.V. Agamirov</i>	24

PHILOSOPHY OF LAW

From “methodological essentialism” to totalitarianism: unfinished dispute Karl Popper with Platon Nature of the scientific method <i>V.N. Zhukov</i>	36
--	----

LAW AND RELIGION

Integration of law and religion in constitutional and legal regulation: comparative legal research <i>A.V. Malyshkin</i>	45
---	----

DISCUSSIONS AND DEBATES

Once again about law and wrong, or why legal life is called legal <i>A.V. Mal'ko, V.V. Trofimov, V.A. Zatonsky</i>	55
Problems of implementing the Rule of Law in the Russian Federation <i>L.G. Konovalova</i>	67

RIGHTS AND FREEDOMS OF A MAN AND A CITIZEN

Caring for one's own health as legal duty <i>S.N. Shishkov, S.V. Polubinskaya</i>	81
--	----

STRENGTHENING OF LEGALITY AND STRUGGLE WITH CRIMINALITY

The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? <i>A.V. Brilliantiv, A.D. Shcherbakov</i>	90
Criminological characteristics of the personality of a criminal who commits crimes against the foundations of the political system <i>A.A. Degterev</i>	100

PAGES OF HISTORY

Financial and legal transformations in the XVIII century Financial and legal state of Peter I <i>K.S. Belsky</i>	109
"In the name of the common good – for a just cause": to the 150th anniversary of the birth of lawyer and teacher Nikandr Mirolyubov <i>N.V. Khisamutdinova, A.A. Khisamutdinov</i>	121
Legal proceedings in the emirate of Bukhara <i>A.A. Muhitdinov</i>	129

SCIENTIFIC REPORTS

On the issue of free justice <i>S.M. Amosov</i>	136
The connection in the Constitutional Law of the unconditional and conditional <i>G.N. Utkin</i>	141
Theories of legal decision making in modern German legal doctrine <i>M.A. Belova</i>	146

SCIENTIFIC LIFE

Problems of digitalization in the field of justice <i>A.V. Mal'ko, S.F. Afanasyev, V.F. Borisova, N.V. Krotkova</i>	151
--	-----

CRITICISM AND BIBLIOGRAPHY

On the laws of state and law development in Soviet Russia (For example of the Prosecutor's office) V.N. Galuzo. Institute of power of the Prosecutor's office in Soviet Russia (1917–1991). Part III. Oblivion of law <i>S.L. Nikonovich</i>	160
---	-----

PERSONALIA

Doctor of Law, Professor V.A. Yusupov is 80 years old <i>S.N. Bratanovsky</i>	164
--	-----

КОНСТИТУЦИОННЫЕ ИЗМЕНЕНИЯ 2020 г. И МЕХАНИЗМ ПРАВОСУДИЯ: ПЛЮСЫ И МИНУСЫ

© 2020 г. М. И. Клеандров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Поступила в редакцию 14.07.2020 г.

Аннотация. Рассматриваются и анализируются нововведения 2020 г. в Конституцию РФ, относящиеся к отечественному организационно-правовому механизму правосудия. Рассмотрены проблемные аспекты нововведений, связанные со статусными требованиями к кандидатам на должность судьи, а также с созданной этими нововведениями конституционной ответственности судей. Серьезное внимание уделено проблематике переориентации всего трехстороннего механизма судебной власти на создание и достижение главной цели правосудия — вынесение справедливых судебных актов, чему места в Конституции РФ и после ее реформы в 2020 г. не нашлось. Одним из средств обеспечения достижения этой цели автор полагает более глубокую специализацию в правосудии, для чего обосновывает и предлагает радикальное преобразование всей судебной системы, посредством чего будет создано пять полностью самостоятельных судебных систем (по числу пяти видов судопроизводств, провозглашенных в новых редакциях ч. 2 ст. 118 и ч. 3 ст. 128 Конституции РФ, примеры чего есть в некоторых зарубежных государствах). Эффективному правосудному функционированию новой судебной системы и повышению эффективности судопроизводственной и судейско-статусной составляющей механизма правосудия поспособствует реализация предложения о создании принципиально нового для нас конституционно-государственно-властного органа, олицетворяющего судебную ветвь государственной власти, но не являющегося судебным органом, — Совет судебной власти РФ, чего у нас пока нет (но который вполне реально мог появиться в 1993 и в 2001 гг.), однако он широко представлен примерно в половине государств мира, и нужда в нём у нас велика.

Ключевые слова: механизм правосудия, нововведения 2020 г. в Конституцию РФ, обеспечение справедливого правосудия, новые судебные системы, Совет судебной власти РФ.

Цитирование: Клеандров М.И. Конституционные изменения 2020 г. и механизм правосудия: плюсы и минусы // Государство и право. 2020. № 10. С. 7–23.

DOI: 10.31857/S102694520012228-1

CONSTITUTIONAL CHANGES IN 2020 AND THE MECHANISM OF JUSTICE: PROS AND CONS

© 2020 M. I. Kleandrov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: mkleandrov@igpran.ru

Received 14.07.2020

Abstract. The article considers and analyzes the innovations of 2020 to the Constitution of the Russian Federation related to the domestic organizational and legal mechanism of justice. The problematic aspects of innovations related to the status requirements for candidates for the position of judge, as well as the constitutional responsibility of judges created by these innovations, are considered. Serious attention is paid to the problem of reorienting the

entire three – part mechanism of the judicial power to create and achieve the main goal of justice-passing fair judicial acts, which has no place in the Constitution of the Russian Federation even after its reform in 2020. One means of achieving this goal the author believes a deeper specialization of justice, which justifies and proposes a radical transformation of the entire judicial system, through which you will create five fully independent judicial systems (the number of five types of proceedings, enshrined in a new edition of part 2 of article 118 and part 3 of article 128 of the Constitution of the Russian Federation, examples of which are in some foreign countries). The effective judicial functioning of the new judicial system and the improvement of the efficiency of the judicial and judicial-status component of the justice mechanism will be facilitated by the implementation of the proposal to create a fundamentally new constitutional state authority that represents the judicial branch of state power, but is not a judicial body – the Council of judicial power, which we do not yet have (but which could have appeared in 1993 and 2001), which is widely represented in about half of the world's States, and is in great need of it.

Key words: mechanism of justice, innovations in the Constitution of the Russian Federation in 2020, ensuring fair justice, new judicial systems, Council of the judicial power of the Russian Federation.

For citation: Kleandrov, M.I. (2020). Constitutional changes in 2020 and the mechanism of justice: pros and cons // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 7–23.

Проведенная в 2020 г. серьезная корректировка Конституции РФ (изменение и дополнение редакций прежних конституционных положений), как и включение в нее новых, в т.ч. принципиально новых, положений, заслуживают оценки в качестве конституционной реформы. В значительной части эта реформа затронула и те государственные устои нашей страны, которые составляют совокупный организационно-правовой механизм правосудия.

Нормы о правосудии в обновленной в 2020 г. Конституции РФ занимают серьезное место (это, где содержатся положения со словами «суд», «судебная власть», «судебное решение», «правосудие», «судебная защита», «судоустройство», «судебные органы», «судьи», «судопроизводство»): ст. 10, 11 (ч. 1), 19 (ч. 1), 20 (ч. 2), 22 (ч. 2), 23 (ч. 2), 25, 32 (ч. 5), 35 (ч. 3), 46 (ч. 1), 47 (ч. 1, 2), 49 (ч. 1), 50 (ч. 2, 3), 71 (п. «г», «о»), 72 (п. «л» ч. 1), 83 (п. «е», «е³»), 93 (ч. 1), 102 (п. «ж», «л» ч. 1), 104 (ч. 1), 107 (ч. 3), 108 (ч. 2), 118 (все три части), 119, 120 (обе части), 121 (обе части), 122 (обе части), 123 (все четыре части), 124, 125 (все восемь частей), 126, 128 (все три части) и 133.

При этом в первых двух главах Конституции РФ (в приведенном перечне – до ст. 50 включительно) нововведений, как известно, не могло быть, хотя в ряде статей они «прямо напрашиваются», как, впрочем, и в ряде других глав, где они были бы целесообразны (даже желательны), но не состоялись. Изменению же редакций либо введению новых положений в результате коррекции Конституции РФ в 2020 г. подверглись её ст. 83, 93, 102, 107, 108, 118–126, 128.

В принципе речь идет об изменениях и дополнениях Конституции РФ, произведенных в 2020 г., которые можно – в части механизма правосудия – классифицировать как: а) позитивные; б) негативные; в) не состоявшиеся, но необходимые. Но эти изменения – сущностные, а не отчетливо редакционные, и отнести каждое нововведение к какому-либо (из названных) классификационному

виду не представляется возможным. К тому же не все конституционные нововведения значимы, поэтому есть смысл не останавливаться на малозначительных.

Как известно, в Древней Византии хорошо организованный государственный аппарат – в период её могущества и в воззрениях того времени – именовался симфонией. Стал ли такой «симфонией» организационно-правовой механизм правосудия, где все три его составляющих (судоустройственная, судопооизводительная и судьейско-статусная) функционируют синхронно, сбалансированно, высокопрофессионально и нацелены на решение стратегической задачи: выносить справедливые судебные акты – после и в результате конституционной реформы 2020 г.? К сожалению, считать так нет оснований.

В отечественной научной юридической литературе наблюдается всплеск интереса к проблематике конституционной реформы 2020 г. как общего плана¹, так и в ее сегменте о правосудии². Но, поскольку эта проблематика безгранична, места для научных исследований хватит всем.

¹ См., напр.: *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24; *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль “Ex ante” как институт отечественного зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.

² См., в частности: *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. Т. 73. 2020. № 5 (162). С. 41–52; *Корсаков Д.Н.* О поправках в Конституцию Российской Федерации, регулирующих статус и полномочия органов судебной власти // Росс. юстиция. 2020. № 7. 2020. С. 55–58; *Джаваханян Р.М.* Судебная власть: в поисках конституционного баланса // Современное право. 2020. № 3. С. 6–13.

Так как центральным звеном судебной системы, главным двигателем механизма судебной власти является судья, человек государственный, непосредственно вершащий правосудие, начать анализ конституционных нововведений следует с него, с его статуса.

Статья 119 Конституции РФ, в изначальной редакции закрепляющая требования к судьям (гражданство Российской Федерации, возраст более 25 лет, высшее юридическое образование и стаж работы по юридической профессии не менее пяти лет, с указанием, что федеральным законом могут быть установлены дополнительные требования к судьям судов Российской Федерации), в 2020 г. была дополнена следующими положениями: «постоянно проживающие в Российской Федерации, не имеющие гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства. Судьям судов Российской Федерации в порядке, установленном федеральным законом, запрещается открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации».

Это дополнение находится, что называется, в тренде: буквально текстуально оно в 2020 г. было «вмонтировано» также в тексты: п. «г» ст. 71 (ограничения для замещения государственных и муниципальных должностей, должностей государственной и муниципальной службы); ст. 77 (в виде внесения дополнения ч. 3 — о требованиях к высшему должностному лицу субъекта Российской Федерации к руководителю высшего исполнительного органа государственной власти субъекта Федерации); ст. 78 (в виде внесения дополнения ч. 5 — о требованиях к руководителю федерального государственного органа); ч. 2 ст. 81 (о требованиях к Президенту РФ); ст. 95 (в виде внесения дополнения ч. 4 — о требованиях к сенатору Российской Федерации); ст. 103 (п. «е» ч. 1 — о требованиях к Уполномоченному по правам человека); ст. 110 (в виде внесения дополнения ч. 4 — о требованиях к Председателю Правительства РФ, федеральным министрам, иным руководителям федеральных органов исполнительной власти).

Однако названные конституционные новации относительно требований к судьям от новаций о требованиях к перечисленным руководящим лицам отличаются принципиально. Статья 119 Конституции РФ как в прежней редакции (1993 г.), так и в новой (2020 г.) посвящена только и исключительно судьям. И требование не иметь гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на

территории иностранного государства, адресованное судьям, было включено в ст. 4 Закона РФ от 26 июня 1992 г. № 3132-1 «О статусе судей в Российской Федерации»³ (далее — Закон о статусе судей) еще Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О противодействии коррупции”»⁴, и с тех пор редакция ст. 4 «Требования, предъявляемые к кандидатам на должность судьи» включала положение, согласно которому судьей может быть гражданин Российской Федерации, в п. 3: «не имеющий гражданства иностранного государства либо вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

Правда, в середине 90-х годов прошлого века отношение, причем более-менее устоявшееся, к возможности (праву?) судьям иметь также гражданство иного государства было качественно иным. Например, в Постатейном комментарии к Конституции РФ, изданным 24 года назад, в 1996 г., было буквально сказано: «Что касается гражданства, то, как представляется, судьей может быть и гражданин Российской Федерации, имеющий одновременно гражданство другого государства. Во всяком случае Закон “О статусе судей в Российской Федерации” никаких ограничений на этот счет не содержит, а Закон Российской Федерации от 28 ноября 1991 г. “О гражданстве Российской Федерации” (с изменениями и дополнениями от 17 июня 1993 г. и от 6 февраля 1995 г. — ВВС РФ. 1992. № 6, ст. 243; 1993. № 29, ст. 1112; СЗ РФ. 1995. № 7, ст. 496) устанавливает, что “граждане Российской Федерации, имеющие также иное гражданство, не могут на этом основании быть ограничены в правах..., вытекающих из гражданства Российской Федерации” (ст. 3)»⁵.

Таким образом, закрепленное в процитированном дополнении к ст. 119 Конституции РФ требование к судье постоянно проживать в Российской Федерации представляется несколько завышено абстрактным: представить себе судью, постоянно проживающим вне Российской Федерации и продолжающим осуществлять правосудие, весьма сложно. Но представить необходимость закрепления в 2020 г. в Конституции РФ запрета судье иметь гражданство иностранного государства либо вида на жительство и т.д., уже в 2008 г. запрещенного Федеральным законом, еще сложней. К тому же Федеральным законом от 25 декабря 2008 г. № 274-ФЗ в этом плане

³ См.: Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. № 30, ст. 1792.

⁴ См.: СЗ РФ. 2008. № 52 (ч. I), ст. 6229.

⁵ Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 476 (автор — д-р юрид. наук С.В. Боботов).

была предусмотрена законодательная «подстраховка» на случай наличия у судьи иностранного гражданства и т.д.: с тех пор в числе оснований прекращения полномочий судьи действует установленное п/п. 6 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей такое основание, как «прекращение гражданства Российской Федерации, приобретение гражданства иностранного государства либо получение вида на жительство или иного документа, подтверждающего право на постоянное проживание гражданина Российской Федерации на территории иностранного государства».

А ситуация с запретом судьям (в обновленной в 2020 г. ст. 119 Конституции РФ) открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, выглядит еще более странно. Здесь дело в том, что еще Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ (в ред. от 01.05.2019 г.) «О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами»⁶ был установлен названный запрет: 1) в частности: лицам, замещающим (занимающим) государственные должности Российской Федерации и субъектов Федерации, должности федеральной государственной службы, государственной гражданской службы субъектов Российской Федерации и т.д. (перечень весьма длинен); 1.1) депутатам представительных органов муниципальных районов и городских округов, осуществляющим свои полномочия на постоянной основе, депутатам, замещающим должности в представительных органах муниципальных районов и городских округов (этот запрет введен Федеральным законом от 03.11.2015 г. № 303-ФЗ⁷); 2) супругам и несовершеннолетним детям лиц, указанных в п/п. «а»–«з» п. 1 и п. 1.1 настоящей части (в ред. Федеральных законов от 22.12.2004 г. № 431-ФЗ⁸, от 03.11.2015 г. № 303-ФЗ); 3) иным лицам в случаях, предусмотренных федеральными законами.

Иными лицами, которым этот запрет установлен федеральными законами, и являются судьи, которым данный запрет был установлен Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 102-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в связи с принятием Федерального закона “О запрете отдельным категориям лиц открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные

денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами”»⁹. Этот Закон, дополненный Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 505-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части определения понятия “иностранные финансовые инструменты”»¹⁰, внес указанный запрет для судей в Закон о статусе судей в виде его дополнения п/п. 5.1 п. 3 ст. 3, и с тех пор судья не вправе (это полная редакция с 2016 г. действующего п/п. 5.1): «5.1) открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Супруг (супруга) и несовершеннолетние дети судьи также не вправе открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами. Понятие “иностранные финансовые инструменты” используется в настоящем Федеральном законе в значении, определенном Федеральным законом от 7 мая 2013 г. № 79-ФЗ».

Здесь так же, как и в предыдущей ситуации, имеется «страхующая» законодательная норма: п/п. 6.1 п. 1 ст. 14 Закона о статусе судей (введенный в этот Закон Федеральным законом от 07.05.2013 г. № 102-ФЗ) в качестве оснований прекращения полномочий судьи закрепил: «нарушение судьей, его супругой (супругом) и несовершеннолетними детьми запрета открывать и иметь счета (вклады), хранить наличные денежные средства и ценности в иностранных банках, расположенных за пределами территории Российской Федерации, владеть и (или) пользоваться иностранными финансовыми инструментами».

Таким образом, очевидно: редакция обеих проинведенных в 2020 г. дополнений в ст. 119 Конституции РФ полностью поглощается Законом о статусе судей – редакциями его дополнений 2008 и 2013 гг. Предусматривались также и «страхующие» механизмы (в отношении обоих запретов судьям), призванные обеспечить соблюдение этих запретов (закрепленные также в Законе о статусе судей) в его п/п. 6 и 6.1 (добавленных в этот Закон соответственно в 2008 и в 2013 гг.). Наконец, автору этих строк не известно ни одного случая – на практике – нарушения кем-либо из судей какого-либо из двух названных запретов (подобное нарушение, можно быть

⁶ См.: СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2306.

⁷ См.: СЗ РФ. 2015. № 45, ст. 6204.

⁸ См.: СЗ РФ. 2014. № 52 (ч. I), ст. 7542.

⁹ См.: СЗ РФ. 2013. № 19, ст. 2329.

¹⁰ См.: СЗ РФ. 2017. № 1 (ч. I), ст. 46.

уверенным, обязательно стало бы известным в судебской среде, а ведь автор с 1996 по 2016 г. был членом Совета судей РФ, в т.ч. 10 лет — членом Президиума Совета судей РФ).

Так что, зачем закреплённые федеральным законодательством оба запрета для судей было поднимать в 2020 г. на конституционный уровень — попросту непонятно, никаких оснований для этого не просматривается. Вряд ли стоит предполагать, что это сделано в целях недопущения в более-менее отдалённом будущем федеральным законодателем этих запретов, установленных федеральным законом. И одновременно остаётся неясным, почему на конституционный уровень были подняты лишь два названных для судей запрета и остались не поднятыми 12 не менее значимых запретов, закреплённых в п. 3 ст. 3 Закона о статусе судей (замещать иные государственные должности, принадлежать к политическим партиям, заниматься предпринимательской деятельностью и т.д.).

Кроме того, стоит обратить внимание на отсутствие запрета — как в обновлённой в 2020 г. Конституции РФ, так и в федеральном законодательстве — судьям (и иным лицам, названным выше) иметь в зарубежных государствах недвижимое имущество на праве собственности. Нелогично: иметь счета, вклады, денежные средства и ценности в иностранных банках запрещено категорически, а иметь недвижимое имущество можно, причем можно будет его приобретать и после указанных нововведений 2020 г. в Конституцию РФ. Кстати, а как без счетов, денег и ценностей за границей российский собственник недвижимого имущества сможет уплачивать за него различные налоги (включая налог на земельный участок, неразрывно связанный с недвижимым имуществом), оплачивать коммунальные услуги, платить за охрану и т.д.? Это же на какие ухищрения придётся пойти названным собственникам заграничной недвижимости для её содержания?

Далее. В откорректированной в 2020 г. ст. 128 Конституции РФ провозглашено (ч. 1, 2), что председатели, заместители председателей и судьи всех федеральных судов, включая Конституционный и Верховный суды РФ, назначаются в порядке, установленном федеральным конституционным законом. Точнее, в ч. 1 этой статьи — о назначении Председателя, заместителей Председателя и судей Конституционного и Верховного судов РФ Советом Федерации по представлению Президента РФ — о федеральном конституционном законе речь не идет, о нем речь идет в ч. 2 данной статьи — о назначении Президентом РФ председателей, заместителей председателей и судей иных федеральных судов. И такая разница с очевидностью объясняется тем, что конституционная норма ч. 1 ст. 128 фактически (и почти текстуально) совпадает

с вновь введенными в Конституцию РФ положениями п. «е» ст. 83 и п. «ж» ч. 1 ст. 102 (о полномочиях Президента РФ по внесению в Совет Федерации представлений о назначении руководителей и судей Конституционного и Верховного судов РФ и о полномочиях Совета Федерации их назначения на должность по представлению Президента РФ). А уж эти полномочия, как и процедуры их реализации, закреплёны в соответствующих федеральных конституционных законах — о Президенте РФ и о Совете Федерации. Это означает скорее всего, что вместо Закона РФ о статусе судей 1992 г. (более чем с 50 доп. и изм.), являющегося федеральным законом, придет на смену федеральный конституционный закон — ведь сложно представить, что узкому вопросу назначения председателей, заместителей председателей и судей федеральных судов (причем за исключением Конституционного и Верховного) будет посвящен специальный федеральный конституционный закон.

Но смущает в этой корректировке одно обстоятельство. В предыдущей (исходной) редакции ч. 1 и 2 ст. 128 Конституции РФ сегментации судейского корпуса на судей (рядовых?), председателей и заместителей председателей судов (руководителей?) не было. Аксиомой является то, что судейский корпус России составляют судьи — и «рядовые», и руководители судов. Быть заместителем председателя суда, как и председателем суда, и не быть при этом судьей невозможно; прекращение полномочий судьи для любого председателя любого суда, как и для любого заместителя председателя любого суда, одновременно и автоматически означает и прекращение полномочий председателя (заместителя председателя) суда. Причем по любым основаниям, но не наоборот: прекращение полномочий председателя (заместителя председателя) суда, например, по истечении установленных сроков (максимум два срока по шесть лет) означает, что он может продолжать работать в том же суде «рядовым» судьей до достижения им возраста 70 лет. И это — широко распространенная практика.

А что означает проведенная в 2020 г. конституционная сегментация судейского корпуса — разделение его на «рядовых» судей и руководителей судов? Повлечет ли она за собой корректировку базового принципа единства статуса судей, ныне закреплённого в ст. 2 Закона о статусе судей? Могут ли теперь в любых судах, включая высшие, быть председатели и заместители председателей судов, не являющиеся судьями? Будут ли эти руководители управлять «своими» судебными органами, без права лично осуществлять правосудие? А если на все эти вопросы ответы отрицательные, в чем глубинный смысл сегментационной корректировки судейского корпуса России частями 1 и 2 ст. 128 Конституции РФ 2020 г.?

Дополнение в ч. 3 ст. 128 (в связке дополнением ч. 2 ст. 118) Конституции РФ, произведенное в 2020 г., — об арбитражном судопроизводстве — заслуживает одобрения. Ведь в реальности оно существовало изначально, с создания системы арбитражных судов, и даже раньше — есть все основания считать, что органы как государственного арбитража, так и ведомственные арбитражи времен СССР (а также иные девять организационно-правовых механизмов, наделенных тогда полномочиями по разрешению хозяйственных споров в пределах своих полномочий), в своей деятельности руководствовались нормами арбитражного судопроизводства, тогда еще не кодифицированными.

Одновременно следует всячески приветствовать введение в ч. 3 ст. 128 Конституции РФ завершающего ее положения, согласно которому порядок осуществления пяти перечисленных видов судопроизводства регулируется также (т.е. помимо Конституции РФ и федерального конституционного закона, о чем сказано в первом предложении ч. 3 ст. 128) соответствующим процессуальным законодательством. Дело в том, что из анализа текста предыдущей редакции ч. 3 ст. 128 Конституции РФ (в ред. 2014 г.) можно было сделать вывод (вырвав смысл из контекста), что порядок деятельности судов (полностью там было сказано: полномочия, порядок образования и деятельности... судов) устанавливается федеральным конституционным законом. Не что иное, как судебный процесс — различными видами судопроизводства — словосочетание «порядок деятельности судов» означать не могло. Ведь нельзя же предположить, что под этим порядком понимаются, к примеру, правила внутреннего распорядка в судах, порядок пропуска в здание суда и т.п. А все процессуальные кодексы были и будут федеральными (а не федеральными конституционными) законами. И получается — с 1993 по 2020 г. конституционное положение о том, что все судебные процессуальные кодексы должны быть в формате федеральных конституционных законов, не соблюдалось, но в 2020 г. это «недоразумение» было устранено.

Однако далее при анализе нововведений 2020 г. в ст. 128 и ее месте в гл. 7 Конституции РФ возникает более серьезный, проблемный вопрос. В ней закреплено, что руководители и судьи Конституционного и Верховного судов РФ назначаются Советом Федерации по представлению Президента РФ, а руководители и судьи других федеральных судов назначаются Президентом РФ.

Разумеется, эти назначения — конституционно значимые действия — означают, что государство доверяет назначенным осуществлять государственную, весьма важную, функцию — вершить правосудие. Безусловно, этому конституционному

регулированию место в гл. 7 Конституции РФ, где содержатся вопросы регулирования судебной власти. Правда, может быть, поближе к ее началу, сразу за ст. 119 Конституции РФ (о требованиях к судьям).

Но разве регулирование вопросов принудительного прекращения полномочий судей в случае утраты государством к ним доверия не конституционно значимые действия, положению о которых место также в гл. 7 Конституции РФ? Но в этой главе их нет сейчас после нововведений в Конституцию РФ 2020 г. И что парадоксально, до этих нововведений в Конституции РФ их вообще не было.

Может быть, разработчики проекта Конституции РФ в 1993 г. были идеалистами и искренне полагали, что вновь назначенные судьи, уже не находящиеся «под партийным гнётом» (а все без исключения судьи в СССР обязательно были членами КПСС), не будут совершать неблагоприятные поступки, а уж тем более — правонарушения, влекущие за собой последствия в виде прекращения их судейских полномочий? Похоже, что так, ведь в первоначальном тексте Закона о статусе судей 1992 г., т.е. принятого до Конституции РФ 1993 г., дисциплинарная и административная ответственность для судей не предусматривалась вовсе. Законодательно она была введена лишь Федеральным законом от 15 декабря 2001 г. № 169-ФЗ¹¹, и там, в числе ее видов, предусматривалось досрочное прекращение полномочий судьи.

Но есть основания полагать, что досрочное прекращение полномочий судьи — это вид не дисциплинарной, а конституционной ответственности, что автор этих строк попытался обосновать: сначала в монографии (в § 5 «Особенности механизма конституционной ответственности судьи»¹²), а затем, развивая эту тему, в предметной статье¹³. Характерно, что в эпоху советской власти прекращение полномочий судьи дисциплинарной ответственностью не являлось: в Положении о порядке выборов и организации деятельности квалификационных коллегий судей судов РСФСР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 6 декабря 1989 г.¹⁴, и в Положении о дисциплинарной ответственности судей, отзыве и досрочном освобождении судей и народных заседателей судов РСФСР, утвержденном Указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 27 февраля 1990 г.¹⁵, механизм дисциплинарной ответственности судьи не содержал

¹¹ См.: СЗ РФ. 2001. № 51, ст. 4834.

¹² Клеандров М.И. Ответственность судьи. М., 2011. С. 494–511.

¹³ См.: Клеандров М.И. Конституционная ответственность судьи — дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2 (26). С. 1–8.

¹⁴ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1989. № 50, ст. 1480.

¹⁵ См.: Ведомости ВС РСФСР. 1990. № 10, ст. 288.

ни отзыв судьи, ни досрочное освобождение судьи от исполнения своих обязанностей в качестве меры дисциплинарных взысканий (дисциплинарными взысканиями, налагаемыми ККС на судью, тогда были: а) замечание; б) выговор; в) строгий выговор). Вопрос об отзыве судей, т.е. об их досрочном освобождении от занимаемой должности, решался не в режиме дисциплинарного производства, а соответствующими Советами (представительными органами), их избравшими на должность судьи. То же, кстати, касалось тогда и народных заседателей. В реалии же этот вопрос решался соответствующими партийными органами.

Как бы то ни было, принудительное прекращение полномочий судьи, как его ответственность за определенные действия, в откорректированной в 2020 г. Конституции РФ появилось. Но не в гл. 7 – о судебной власти, а в гл. 4 «Президент Российской Федерации». Это нововведение в форме п. «е»³ ст. 83 Конституции РФ содержит такую формулировку: «Президент Российской Федерации: ... е.3) вносит в Совет Федерации представление о прекращении в соответствии с федеральным конституционным законом полномочий Председателя Конституционного Суда Российской Федерации, заместителя Председателя Конституционного Суда Российской Федерации и судей Конституционного Суда Российской Федерации, Председателя Верховного Суда Российской Федерации, заместителей Председателя Верховного Суда Российской Федерации и судей Верховного Суда Российской Федерации, председателей, заместителей председателей и судей кассационных и апелляционных судов в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий».

Естественно, корреспондирующее конституционное нововведение о прекращении Советом Федерации по представлению Президента РФ полномочий названных лиц было оформлено в виде п. «л» ч. 1 ст. 102 гл. 5 «Федеральное Собрание» Конституции РФ (2020 г.).

Обращает на себя внимание, что в обоих конституционных нововведениях (о дополнительных полномочиях Президента РФ и Совета Федерации) говорится о двух основаниях принудительного прекращения полномочий перечисленных в них лиц: а) в случае совершения ими поступка, порочащего честь и достоинство судьи; б) в иных предусмотренных федеральным конституционным законом случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий.

В еще большей мере привлекает внимание обширный перечень судов, где полномочия лиц

(судей? или – отдельно – руководителей судов?) прекращаются Советом Федерации по представлению Президента РФ. Это: Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, кассационные и апелляционные суды.

Общеизвестно, что предпосылкой и основанием конституционной реформы 2020 г. явилось Послание Президента РФ Федеральному Собранию РФ (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства) от 15 января 2020 г. А там (о рассматриваемой здесь проблеме) было сказано (текстуально): «И наконец, седьмое. Ключевую роль в обеспечении законности и прав граждан играет судебная система – Конституционный и Верховный суды. Подчеркну, безусловным должен быть не только профессионализм судей, но и доверие к ним. Справедливость и моральное право принимать решения, затрагивающие судьбы людей, всегда в России имели первостепенное значение. Основной Закон должен закреплять и защищать независимость судей, принцип их подчинения только Конституции и федеральному законодательству. При этом считаю необходимым предусмотреть в Конституции полномочия Совета Федерации по представлению Президента России отрешать от должности судей Конституционного и Верховного судов в случае совершения ими проступков, порочащих честь и достоинство, а также в иных случаях, предусмотренных федеральным конституционным законом, свидетельствующих о невозможности сохранения лицом статуса судьи. Это предложение делается, исходя из сложившейся практики. Этого явно сегодня не хватает (Аплодисменты)»¹⁶.

В своем Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3 о поправках Конституции РФ Конституционный Суд РФ указал: «В настоящее время Конституция РФ ни в главах 1 и 2, ни в главе 7 “Судебная власть и прокуратура” не закрепляет конкретного порядка прекращения полномочий судей, определяя лишь, что полномочия судьи могут быть прекращены или приостановлены не иначе как в порядке и по основаниям, установленным федеральным законом (статья 121, часть 2). Наделение соответствующими полномочиями Совета Федерации и Президента РФ не может рассматриваться как несовместимое со статьей 10 Конституции РФ, гарантирующей самостоятельность органов законодательной, исполнительной и судебной власти, и с конституционной природой судебной власти в демократическом правовом государстве, принимая во внимание, что в соответствующей процедуре участвуют Президент

¹⁶ См.: Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2020. С. 43.

РФ и законодательная власть в лице Совета Федерации и она во всяком случае не допускает немотивированного и ничем не обоснованного прекращения полномочий судей, предполагая установление федеральным конституционным законом оснований и порядка такого прекращения».

И если бы во введенных в 2020 г. в Конституцию РФ положениях об отрешении от должности судей за совершение названных проступков ограничилось бы лишь судьями Конституционного и Верховного судов РФ, организационно-правовой механизм конституционной ответственности судей этих судов был бы незатейлив. Попросту потому, что судей этих судов по количественному составу немного — по штату в Конституционном Суде РФ 11 человек, а в Верховном Суде РФ — 170 (а там и вакансий сегодня немало). И судьи этих судов — люди отборные, высокоморальные, и, если, не дай Бог, кто-либо из них совершит проступок, могущий повлечь прекращение его полномочий, это будет что-то сверхординарное и уникальное (и до сих пор такого не было).

Но ведь в нововведениях 2020 г. в Конституции речь идет и о председателях, заместителях председателей и судьях кассационных и апелляционных судов, т.е. о судах второй и третьей инстанций судов общей юрисдикции и арбитражных судов. А этих судов немало: пять апелляционных и девять кассационных судов общей юрисдикции плюс один военный апелляционный и один военный кассационный, а также 21 апелляционный и 10 кассационных арбитражных судов, т.е. всего этих судов 47, и если в среднем (в самом грубом приближении) в каждом из них трудится 50 судей, то речь идет о более чем двух тысячах судей. Конечно, не все суды полностью укомплектованы — в рамках штатной численности, например, в сентябре 2020 г. ВККС России объявила конкурс об открытии вакантных должностей шести судей Второго кассационного суда общей юрисдикции; восьми судей Третьего кассационного суда общей юрисдикции¹⁷, да и с момента подачи кандидатом на должность судьи пакета документов для участия в конкурсе до назначения на должность судьи проходит в среднем год. Тем не менее это уже совсем другая ситуация, среди них потенциальных нарушителей, проступки которых могут повлечь досрочное принудительное прекращение их полномочий, заведомо больше нуля, и Совет Федерации в этом сегменте своих обширных полномочий вынужден будет действовать, эти нормы вряд ли останутся мёртворожденными.

Разумеется, разного рода правонарушения, за совершение которых судье следует досрочно прекратить полномочия, в основном совершают судьи

первых инстанций: мировые судьи, судьи арбитражных судов субъектов Российской Федерации, судьи районных, межрайонных, городских судов общей юрисдикции. В целом таких прекращенных полномочий (за совершение дисциплинарного проступка) немного: в 2018 г. всего 23. Хотя поступило в 2018 г. обращений граждан в ВККС России 11 295, в ККС субъектов Российской Федерации — 39 577, содержащих сведения о совершении судьей или руководителем суда дисциплинарного проступка¹⁸, т.е. в результате проверки обращений и их рассмотрения такой вид дисциплинарного наказания, как досрочное прекращение полномочий судьи, применялся редко. Но в подавляющей-то части обращений ведь содержатся требования «уволить» судью...

Конечно, как в этом сегменте Совет Федерации будет действовать — определит будущий соответствующий федеральный конституционный закон. Так, он скорее всего исправит явно дефектную формулу дисциплинарного проступка судьи. Сегодня ст. 12.1 Закона о статусе судей (в ред. Федерального закона от 31.07.2020 г. № 268-ФЗ) установлено, что дисциплинарный проступок судьи — это его виновное действие (виновное бездействие) при исполнении служебных обязанностей либо во внеслужебное время, в результате которого были нарушены положения Закона о статусе судей и (или) Кодекса судейской этики, что повлекло умаление авторитета судебной власти и причинение ущерба репутации судьи, в т.ч. вследствие грубого нарушения прав участников процесса. Ядром этой формулы служит нарушение Закона и (или) Кодекса судейской этики. А это, раз сказано «или», означает, что само по себе только лишь нарушение Кодекса судейской этики образует состав дисциплинарного проступка судьи. И в правоприменительной практике таких случаев немало, более того, такой подход подкреплен Определением Кассационной коллегии Верховного Суда РФ от 22 ноября 2005 г. № КА05-527 по жалобе бывшей судьи О., где сказано: довод кассационной жалобы о невозможности оценки этичности совершенного поступка в отрыве от оценки его законности в рассматриваемом случае не может служить основанием для отмены обжалованного решения суда, поскольку вышеприведенное положение Закона о статусе судей, а также Кодекс судейской этики допускают наложение дисциплинарного взыскания на судью в связи с совершением неэтичного поступка, несовместимого с высоким званием судьи, независимо от того, нарушена ли при этом судьей норма федерального закона либо нет.

Но ведь дисциплинарная ответственность судьи (да кого угодно) — это ответственность юридическая, а нарушение Кодекса судейской этики может и должно влечь за собой свою — этическую — ответственность,

¹⁷ См.: Росс. газ. 2020. 10 сент.

¹⁸ См.: Вестник ВККС РФ. 2019. № 2 (64). С. 3, 4.

которая по определению не юридическая. И отсутствие механизма этической ответственности судьи никак не может отождествить юридическую и неюридическую (этическую) ответственность судьи.

Отрадно, что при разработке и принятии соответствующего федерального конституционного закона федеральный законодатель скорее всего исправит указанную дефектность формулы дисциплинарного проступка судьи, и Совету Федерации не придется в ходе рассмотрения вопроса о досрочном прекращении полномочий судей второй, третьей и четвертой инстанций разбираться в данной проблеме, создавая определённый прецедент.

Но высвечиваются в связи с рассматриваемыми относительно ответственности судей поправками 2020 г. Конституции РФ проблемы более серьезного характера. Придется Совету Федерации разбираться в иной, не менее сложной и наверняка в будущем — названном федеральном конституционном законе — неустранимой проблеме. Дело в том, что каждый вид дисциплинарной ответственности судей (а их теперь четыре) дифференцируется особенностями состава дисциплинарного проступка судьи в рамках изложенной выше формулы. Пункт 5 ст. 12.1 Закона о статусе судей теперь установил: «Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью в исключительных случаях за существенное, виновное, несовместимое с высоким званием судьи нарушение положений материального права и (или) процессуального законодательства, настоящего Закона и (или) кодекса судейской этики. Дисциплинарное взыскание в виде досрочного прекращения полномочий судьи может налагаться на судью за нарушение указанных положений при осуществлении правосудия только при наличии жалобы или обращения участника (участников) процесса о нарушении его (их) прав незаконными действиями судьи, ранее подвергавшегося дисциплинарному взысканию, если допущенные судьей нарушения носят систематический и (или) грубый характер, повлекли искажение принципов судопроизводства, свидетельствуют о невозможности продолжения осуществления судьей своих полномочий и установлены вступившим в законную силу судебным актом вышестоящей судебной инстанции или судебным актом, принятым по заявлению об ускорении рассмотрения дела либо о присуждении компенсации за нарушение права на судопроизводство в разумный срок». То есть именно Совету Федерации — его пленарному заседанию — придется досконально разбираться: есть ли и в какой полноте это доказано в действиях судьи все названные квалифицирующие признаки дисциплинарного проступка судьи. А все представленные предварительно подготовленные квалификационными коллегиями судей, комитетами и комиссиями самого Совета Федерации и иными

структурами материалы именно Совет Федерации должен будет на своем пленарном заседании проверять и перепроверять, ибо он, и никто иной, теперь будет принимать окончательное решение о досрочном прекращении полномочий судьи за совершение им конкретного дисциплинарного проступка. И вряд ли при разработке названного федерального конституционного закона изложенная формула дисциплинарного проступка судьи, за совершение которого он может быть подвергнут дисциплинарному взысканию в виде досрочного прекращения судейских полномочий, будет упрощена.

А это означает, что при рассмотрении на очередном пленарном заседании — по представлению Президента РФ — вопроса о прекращении полномочий судьи в случае совершения им поступка, порочащего честь и достоинство судьи, а также в иных предусмотренных федеральным конституционным законом (какой бы он ни был по содержанию) случаях, свидетельствующих о невозможности осуществления судьей своих полномочий, Совет Федерации должен перейти к формату работы квазисудебного органа. То есть кроме серьезного изучения материалов дела (что можно сенаторам сделать заблаговременно) предстоит выслушать выступления «стороны обвинения», судьи, которому предъявлено «обвинение», и, как почти всегда на заседаниях соответствующих квалификационных коллегий судей, целого ряда иных лиц, могущих дать пояснения по существу дела. Обычно это сопровождается вопросами, ответами на вопросы, комментариями, выступлениями..., в т.ч. и членов ККС. Ведь эпизодов нарушений, вменяемых судье, может быть несколько. Все это, могущее быть по аналогии названо «судебным следствием», осуществляется на основе соблюдения принципа состязательности и соответственно может занять немало времени, проходить в нервно-эмоциональном режиме, подчас будет слушанием откладываться для представления дополнительных документов, приглашения экспертов и других лиц. И если по завершении заседания Совет Федерации придет к выводу, что Президент РФ (которому, естественно, материалы по проступку конкретно судьи готовили соответствующие службы) в своем представлении был не достаточно точен и «проштрафившийся» судья заслуживает более мягкого наказания, чем прекращение его полномочий, может ли Совет Федерации принять решение об объявлении этому судье, к примеру, выговора? Иными словами, вправе ли Совет Федерации изменить квалификацию проступка «проштрафившемуся» судье и изменить его ответственность с конституционной на дисциплинарную?

Но проблема здесь явно усугубляется следующим обстоятельством. Постановление Совета Федерации о прекращении полномочий судьи будет окончательным и обжалованию не подлежать? Или

не будет? Например, решения ККС (обоих уровней) могут быть по жалобам пересмотрены, например, Решение ККС Республики Крым от 8 сентября 2017 г. о дисциплинарной ответственности судьи *Е.* по ее жалобе пересматривалось ВККС РФ 24 января 2018 г. и более не обжаловалось. А решения ККС Омской области от 29 июня 2018 г. о привлечении к дисциплинарной ответственности в виде досрочного прекращения полномочий судьи *М.* пересматривалось по ее жалобе ВККС РФ 19 сентября 2018 г., затем – Дисциплинарной коллегией Верховного Суда РФ 19 декабря 2018 г. (Решение № ДК18-73), а затем и Апелляционной коллегией Верховного Суда РФ 29 марта 2019 г. (№ АПЛ19-2Д).

А если решение (постановление) Совета Федерации о досрочном прекращении полномочий судьи нельзя обжаловать (как нельзя обжаловать постановление Конституционного Суда РФ), то не будет ли это противоречием провозглашенному в ч. 2 ст. 46 Конституции РФ положению, согласно которому «решения и действия (или бездействие) органов государственной власти... могут быть обжалованы в суд»? К тому же Конституционный Суд РФ в своем Постановлении от 7 марта 1996 г. жестко указал: «Никаких исключений из этого конституционного принципа законодательство Российской Федерации не допускает».

Далее. Все четыре части ст. 123 Конституции РФ, оставшиеся в 2020 г. в неизменном виде, посвящены судопроизводству, которое осуществляется, как провозглашено в ч. 3 этой статьи, на основе состязательности и равноправия сторон. Но можно ли эти два условия судопроизводства рассматривать в качестве основной цели судопроизводства, более того – в качестве главной задачи всего организационно-правового механизма судебной власти?

У автора данных строк нет сомнений, что такой целью, такой главной – стратегической – задачей являются обеспечение по всем судебным делам вынесения справедливых судебных актов, организации всего механизма судебной власти таким образом, чтобы у нас весь механизм правосудия был заострён на справедливое правосудие. На достижение этой главной цели, на решение этой главной задачи должны быть ориентированы все три составляющих механизма судебной власти – судоустройственная, судопроизводственная и судьейско-статусная, все звенья большой судебной системы страны, все ее судебные органы и их подразделения, вся судебная инфраструктура, процессуальное законодательство вкуче с судебной практикой, весь судебный корпус страны и каждый судья (как и каждый руководитель каждого судебного органа) в отдельности.

Само чувство справедливости исключительно важно для каждого отдельного человека, общества, государства, всего человечества. И. Кант говорил:

«Когда справедливость исчезнет, не останется ничего, что могло бы придать ценность жизни людей». Для нашего народа справедливость сакральна, за нее («за правду») люди шли на эшафот, стрелялись на дуэли, бунтовали, уходили в глухую тайгу... Все государственные (и муниципальные) органы призваны обеспечивать справедливость в общественных отношениях, но ведь среди государственных органов центральное, ключевое место здесь занимают суды – они для восстановления нарушенной справедливости созданы специально, в этом их изначальное предназначение.

В системе правовой организации судьейско-статусной составляющей механизма отечественного правосудия есть важная норма, закрепленная в тексте присяги судьи (ст. 8 Закона о статусе судей), в соответствии с которой приносящий присягу судья (именно в этот момент он преобразуется из кандидата на должность судьи в судью) торжественно клянется «быть беспристрастным и справедливым...». Но кроме субъективного устремления судьи к справедливости должны иметь место объективные условия для реализации этого положения судьейской присяги. Не говоря уже о том, что понимание справедливости у людей, в т.ч. у судей, весьма различается, да и у отдельного человека (в т.ч. у судьи) оно не является с течением времени неизменным.

Однако главная цель, главная задача судебной ветви государственной власти – справедливое правосудие – не провозглашено ни в ст. 123 Конституции РФ, ни в какой-либо иной ее статье (хотя в идеале ей место было бы в гл. 1 Конституции). Обеспечение же состязательности и равноправия сторон может быть лишь условием (одним из многих), направленным на вершение в судебном процессе справедливого правосудия, и каким оно может быть на практике (без ориентации на обязательности достижения справедливости), совсем недавно наглядно продемонстрировали адвокаты – представители потерпевших и подсудимого в судебном процессе по делу артиста М. Ефремова.

Разумеется, справедливость больше философская, чем правовая категория, но она для нашего народа (повторимся) – понятие сакральное, и настоячивые требования ее во всех сферах жизнедеятельности общества постоянно выявляют социологические опросы. Механизм же правосудия в системе государственных органов, общественных организаций и других структур, в той или иной мере признанных восстанавливать порушенную справедливость, является ключевым. Повышение уровня справедливости в механизме правосудия – важная (если не важнейшая) проблемная задача государства и общества (если государство несправедливо к гражданину, зачем оно гражданину нужно?). Решение этой задачи может быть обеспечено

в нескольких направлениях, каждое из которых должно иметь добротную конституционную основу.

Ключевой фигурой в механизме правосудия выступает судья, и необходим иной, более жесткий организационно-правовой механизм отбора кандидатов на должность судей и наделения их судебскими полномочиями. Нужна не только серьезная проверка кандидата по анкетным показателям, но и, что определяющее важно, его глубокая проверка психофизиологических характеристик на наличие у него чувства справедливости, выявление у него истинной мотивации к занятию должности судьи, определение морально-нравственно-этических сторон характера, черт души и проч. То есть необходимы психодиагностические исследования каждого кандидата на должность судьи (методику чего еще предстоит серьезно совершенствовать, а по ряду параметров — и создавать изначально). Конечно, решить эту задачу одними лишь правовыми средствами невозможно, необходимы усилия психологов, социологов, айтишников и других специалистов; в основе всей этой работы должны быть положены результаты соответствующих научных исследований, для чего нужна специальная программа с необходимым финансированием и т.д.

Другое направление повышения уровня справедливости в правосудии — организационное укрепление его специализации. Ключевым понятием здесь является ответ на вопрос: какой судья вынесет по рассмотренному им в процессе делу более справедливый судебный акт? Глубокий специалист, десятилетия специализирующийся на рассмотрении дел узкой категории (например, дорожно-транспортных происшествий), прекрасно знающий в этой сфере законодательство и всю массу нормативно-правовых актов, обобщенную судебную практику, возможности и особенности экспертных исследований, научную литературу и проч., и все это — в динамике? Или же судья суда общей юрисдикции, не специализирующийся на рассмотрении дел отдельной категории, вчера рассматривавший уголовные дела, сегодня — гражданские, а завтра в связи с «производственной необходимостью» его «бросают» на закрытие прорыва в административную коллегия — там накопилось много нерассмотренных дел о неуплате налогов с доходов физических лиц (НДФЛ)?

Ответ очевиден: более справедливый судебный акт вынесет судья — глубокий специалист в сфере данной категории судебных дел; он глубже оценит доказательства по делу, лучше определит причины и условия совершения преступления, характер и степень вины подсудимого (ответчика по гражданскому делу) и проч. Ясно же, что в конкретной области специалист сильнее дилетанта.

И такой подход достоин распространения на весь механизм правосудия, в т.ч. на всю большую судебную систему нашей страны. Большую — в каком смысле? В нее входят все государственные суды страны, но не входят, разумеется, суды третейские, спортивные и т.п., т.е. в нее входят Конституционный Суд РФ, конституционный (уставные) суды субъектов Российской Федерации и все суды, возглавляемые Верховным Судом РФ. Последние тоже составляют судебную систему, в которую ныне входят две автономные (не самостоятельные) судебные системы: арбитражных судов и военных судов. К настоящему времени полностью специализированными судами можно назвать лишь конституционно-уставную ветвь судебной власти, судебную систему не составляющую.

Каким критериям должны отвечать самостоятельные, полностью специализированные системы (или — отдельные суды, в систему не входящие, — моносуды)? У них должны быть отдельными, полностью самостоятельными все три составляющих механизма правосудия: судоустройственная, судопроизводственная и судебско-статусная, т.е. в такую систему должны входить только «свои» суды, возглавляемые отдельным, собственным, высшим в стране судом; судопроизводство должно быть «своим» — отдельным видом; и «свои» судьи, которые должны изначально назначаться с учетом особенностей специализации именно этой судебной системы (моносуда), включая сдачу специального, соответствующего специализации квалификационного экзамена при отборе кандидатов в судьи.

Повторимся, сегодня у нас нет ни одной самостоятельной специализированной судебной системы, есть только специализированные моносуды — Конституционный Суд РФ и конституционно-уставные суды субъектов Российской Федерации. У них «свои» все три названные составляющие, притом что судопроизводственная составляющая представлена не в виде отдельного кодифицированного процессуального закона (как, например, в Республике Беларусь, Монголии и ряде иных стран, которые федеративными государствами не являются, в силу чего у них эту ветвь судебной власти представляет лишь единственный в государстве конституционный суд), а «вмонтирована» в «персональный» закон о каждом конкретном суде, что явно недостаточно.

Дополнением к Конституции РФ (в ред. 2020 г.), ее ст. 118 в ч. 3 вторым предложением провозглашено: судебную систему Российской Федерации составляют Конституционный Суд РФ, Верховный Суд РФ, федеральные суды общей юрисдикции, арбитражные суды, мировые суды субъектов Российской Федерации.

Обращает на себя внимание, что в этом перечне нет федеральных судов по делам военнослужащих и конституционных (уставных) судов субъектов Федерации.

Относительно военных судов можно такое положение объяснить тем, что п. 1 ст. 1 Федерального конституционного закона от 23 июня 1999 г. № 1-ФКЗ «О военных судах Российской Федерации»¹⁹ закрепил: военные суды являются федеральными судами общей юрисдикции, входят в судебную систему Российской Федерации... Так же как это закреплено в ст. 1 Федерального конституционного закона от 28 апреля 1995 г. № 1-ФКЗ «Об арбитражных судах в Российской Федерации»²⁰, арбитражные суды тоже «являются федеральными судами и входят в судебную систему Российской Федерации». Причем в настоящее время и военные суды, и арбитражные суды (после ликвидации ВАС России в 2014 г.) являются автономными (не самостоятельными) судебными системами, входящими в самостоятельную судебную систему практически на одинаковых условиях. У них даже количество судебных органов схоже — около сотни, хотя количество звеньев отличается — в системе военных судов их 2: гарнизонные и окружные (флотские), а в системе арбитражных судов их 3: субъектов Российской Федерации, апелляционные и кассационные, — и обе эти системы замыкаются на соответствующие судебные коллегии Верховного Суда РФ (по делам военнослужащих и по экономическим спорам). Различия между этими обеими автономными судебными системами не принципиальны: количество арбитражных судей — 4 тыс. чел., а военных судей — около 600 (к тому же они уже давно «распогонены») и т.д. Но при этом арбитражно-судебная система — специализирована (все три составляющие ее механизма (судоустройственный, судопроизводственный и судейско-статусный) свои собственные, отдельные от системы судов общей юрисдикции), а система военных судов этой триадой не обладает, есть «своя» судоустройственная составляющая (военные суды), есть «своя» судейско-статусная составляющая (военные судьи), но нет «своей» судопроизводственной составляющей — собственного вида судопроизводства. Это даже подчеркивается: п. 4 ст. 7 Федерального конституционного закона (в действующей ред.) «О военных судах Российской Федерации» установил: «военным судам, дислоцирующимся за пределами территории Российской Федерации, подсудны все гражданские, административные и уголовные дела, подлежащие рассмотрению федеральными судами общей юрисдикции, если иное не установлено международным договором Российской Федерации». То есть

и в Российской Федерации, и за ее рубежами наши военные суды руководствуются не «своим» военно-процессуальным законодательством (которого нет, как явно нет и нужды в нем), а процессуальным законодательством судов общей юрисдикции.

Но можно и по-иному интерпретировать отсутствие в дополнениях 2020 г. к ст. 118 ч. 3 Конституции РФ упоминания о военных судах. Можно предположить, что предстоит их упразднение, но это уже высокая государственная политика (впрочем, такое развитие событий маловероятно).

Положение дел с конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации иное. Их к настоящему времени осталось всего 15, основными претензиями к ним являются: а) они рассматривают мало дел; б) они дороги для бюджетов субъектов Федерации. Но главным является критерий: нужны ли они жителям субъекта Российской Федерации? Если спроецировать на уровень субъекта Федерации полномочия Конституционного Суда РФ (сомнений в необходимости которого нет и быть не может), то следует полагать: нужны! Ведь конституционно-уставная ветвь судебной власти, хотя систему не составляет, является специализированной, у судов, в нее входящих, все три составляющие — свои. И если ходатайство гражданина, проживающего в субъекте Российской Федерации, обжалующее соответствующий акт (действие) властных структур этого субъекта, нарушивший его права и противоречащий конституции (уставу) этого субъекта Федерации, будет рассматривать специализированный, предназначенный именно для этих дел суд в режиме специализированного судопроизводства специализирующими для этого судьями (как, например, в г. Санкт-Петербурге), то вынесенный им судебный акт наверняка будет более справедливым, чем такое же ходатайство, рассмотренное судьями административной коллегии суда общей юрисдикции субъекта Федерации в режиме административного судопроизводства (как, например, в г. Москве).

Поскольку все три составляющие механизма правосудия, осуществляемого конституционными (уставными) судами субъектов Российской Федерации, базируются на именных о таких судах законах самих субъектов Федерации (федеральные начала лишь вскользь упоминаются в п. 4 ст. 4, п. 2 ст. 17 и ст. 27 Федерального конституционного закона от 31.12.1996 г. № 1-ФКЗ (с изм. и доп.) «О судебной системе Российской Федерации»²¹), то объем компетенции (сколько и какие дела ему рассматривать) определяет сам субъект Федерации. К тому же бюджетные расходы субъекта Российской Федерации на «свой» конституционный (уставный) суд могут быть

¹⁹ См.: СЗ РФ. 1999. № 26, ст. 3170.

²⁰ См.: СЗ РФ. 1995. № 18, ст. 1589.

²¹ См.: СЗ РФ. 1997. № 1, ст. 1.

сокращены до весьма низкого уровня самим законом субъекта Федерации о таком суде (например, штатных единиц в таком суде нет, законом предусматривается, что суд собирается лишь при поступлении обращения к нему, денежное содержание избранным судьям выплачивается лишь в период, когда суд рассматривает конкретное дело, и этот период не может быть больше месяца, функции аппарата такого суда на общественных началах осуществляют сотрудники кафедры конституционного права юрфака местного госуниверситета и т.д.).

Похоже, что проблемы постепенной, длящейся уже значительное время деградации конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации вызваны в большей мере причинами организационно-политического характера в тех субъектах, где эти суды упразднены либо находятся в стадии упразднения (равно в тех, где они, несмотря на принятые в отдельных субъектах Федерации законы о них, так и не созданы). Свою роль, и немаловажную, играет, безусловно, и отсутствие отдельного федерального закона о таких судах: ведь мировая юстиция — это тоже не федеральные суды, но она действует во всех субъектах Российской Федерации, и никто ни в одном из субъектов не ставит вопрос об ее упразднении.

Даже если дел, рассмотренных такими судами в том или ином субъекте Федерации, будет мало или годами их вообще не будет, это не означает, что конституционно-уставная юстиция субъектов Российской Федерации не нужна — ведь она государственная. Хорошо известно, что военно-морской флот любого государства (где он есть) самим фактом своего существования умиротворяюще действует во внешней политике своего государства, несмотря на огромную стоимость его содержания и на то, что прибавочный продукт он не производит и доход не приносит. Если в определенном субъекте Федерации такой суд «безработный», это вполне может означать, что в этом субъекте нет нарушений прав граждан со стороны властных структур региона и нет соответственно оснований к обращению в этот суд.

К тому же такой суд — это детище самого субъекта Федерации. В силу ч. 2 ст. 11 Конституции РФ государственную власть в субъектах Российской Федерации осуществляют образуемые ими органы государственной власти, а провозглашение ст. 10 Конституции разделение государственной власти на законодательную, исполнительную и судебную отнюдь не означает, что в ней речь идет лишь о федеральном уровне. Значит, субъект Российской Федерации может создать свой (субъекта Федерации) судебный орган в виде конституционного (уставного) суда, по крайней мере такие субъекты Федерации, как республики, которые ч. 2 ст. 5 Конституции РФ провозглашены государствами. А то обстоятельство, что п. «о» ст. 71 Конституции РФ

к исключительному ведению Российской Федерации относит судоустройство, в принципе можно рассматривать как относящиеся только к федеральному уровню.

Длительный период со времени принятия в 1993 г. Конституции РФ ситуация, при которой в одних субъектах Федерации были конституционные (уставные) суды, а в других их не было, означала принципиальное и массовое невыполнение положения ч. 1 ст. 19 Конституции РФ, провозгласившей, что «все равны перед законом и судом».

В этом плане житель Санкт-Петербурга, где есть свой Уставный суд²², находится в более выигрышном положении по сравнению с жителем Москвы, в котором такого суда нет (несмотря на то что Закон г. Москвы об Уставном суде г. Москвы был принят еще в 2002 г.²³), поскольку при нарушении его прав, например, Законом г. Санкт-Петербурга, он за их защитой обращается в специализированную уставную юстицию; а житель Москвы в идентичных обстоятельствах такой возможности лишен и вынужден обращаться в неспециализированную (неконституционно-уставную) юстицию, что означает: эти жители разных субъектов Российской Федерации не равны ни перед законом, ни перед судом.

Повсеместное упразднение всех существующих на сегодня конституционных (уставных) судов субъектов Российской Федерации выправит это неравенство, но одновременно упразднит специализированную конституционно-уставную (субъектов Федерации) юстицию. А это не есть хорошо по ряду причин, прежде всего потому, что в этом можно усмотреть ущемление прав и возможностей субъектов Федерации, проживающих там граждан Российской Федерации.

Весьма значимым представляется введение в ч. 2 ст. 118 Конституции РФ (в ред. 2020 г.) пятого вида судопроизводства — арбитражного (помимо перечисленных ранее там конституционного, гражданского, административного и уголовного). Этот вид судопроизводства назван также и в нововведении в виде дополнения в 2020 г. в ч. 3 ст. 128 Конституции РФ.

Но введение в 2020 г. в Конституцию РФ (помимо ранее провозглашенных четырех видов судопроизводства) также арбитражного судопроизводства можно и нужно расценивать с принципиально важных позиций. Теперь можно рассматривать

²² См.: Закон Санкт-Петербурга от 05.06.2000 г. № 241-21 (в ред. от 22.07.2020 г.) «Об Уставном суде Санкт-Петербурга» // Вестник ЗС Санкт-Петербурга. 2000. № 9. С. 5.

²³ См.: Закон г. Москвы от 13.02.2002 г. № 10 (в ред. от 04.04.2012 г.) «Об Уставном суде города Москвы» // Вестник мэрии Москвы. 2002. № 12; Вестник Мэра и Правительства Москвы. 2012. № 24.

арбитражно-судебную систему как систему, полностью специализированную – все три составляющие для этого теперь налицо. За исключением того, что ее высшее звено – Коллегия по экономическим спорам Верховного Суда РФ – не высший орган экономического правосудия.

Оставляя за скобками важный вопрос: а правильным ли шагом было упразднение в 2014 г. ВАС России – высшего органа экономического правосудия в нашей стране (по мнению автора этих строк, это было ошибочное решение), – есть смысл вкратце рассмотреть, какой хотелось бы видеть организацию большой судебной системы Российской Федерации в идеале (а если идеал недостижим, то в форме, максимально приближенной к идеалу).

Базовой целью стремления к названному идеалу опять же должно послужить стремление к формированию механизма правосудия, максимально способного обеспечить вынесение именно справедливых судебных актов, что, как сказано выше, может быть обеспечено в т.ч. и углубляемой специализацией механизма правосудия в общегосударственном масштабе.

В чем усматривается несовершенство в вопросе специализации высшего судебного органа нашей страны – Верховного Суда РФ? В том, что в состав как его Пленума, так и Президиума входят судьи различных судебных коллегий, т.е. различных судебных специализаций. Нет сомнения, что все судьи Верховного Суда РФ – профессионалы очень высокого уровня, но наверняка каждый – в сфере своей судебной специализации. И получается, что принимает соответствующие постановления что Пленум (например, по обобщению судебной практики по отдельным категориям дел), что Президиум (по конкретным делам в порядке надзора) коллектив судей, в большинстве своем состоящий из неспециалистов (в том понимании, что судья Судебной коллегии по уголовным делам вряд ли может быть специалистом высокой квалификации по гражданским делам, хотя могут быть и исключения...) по рассматриваемому и голосуемому большинством голосов вопросу.

Эта ситуация очень напоминает механизм защиты кандидатских и докторских диссертаций, существовавший в СССР до 1976 г. В многопрофильном госуниверситете (а их и тогда было в СССР много, и там как раз и защищалась подавляющая часть диссертаций) диссертации защищались на заседании ученого совета этого университета. Данный совет состоял из членов – представителей всех факультетов университета. То есть соответствие защищаемой диссертации, к примеру, по теме «Виктимологическое влияние поведения жертвы преступлений сексуального характера на степень, глубину и продолжительность преступления» (чисто

узкоюридическая тема) предъявляемым к диссертациям требованиям (наличие научной новизны, личный вклад соискателя, глубина проработки проблемы, методика проведенного исследования и проч.) оценивали физики, химики, философы, специалисты в сфере истории КПСС, научного коммунизма, научного атеизма, политэкономии социализма... и голосованием присуждали ученую степень соискателю или отказывали в присуждении, в диссертации которого ничего (или почти ничего) не понимали. В литературе того периода указывалось даже, что высказывалось мнение о перенесении защиты диссертаций в советы лабораторий, секторов, кафедр, конструкторских бюро, исходя из тезиса о том, что на современном этапе «процесс дифференциации и специализации наук зашел столь далеко, что даже ученые, работающие в составе одной кафедры или сектора, не всегда оказываются в состоянии быть “судьями” по новым для науки проблемам, разработанным их же товарищами. Еще менее этими судьями могут быть члены совета, работающие в других кафедрах или секторах»²⁴.

В Высшем Арбитражном Суде РФ работали судьи, прекрасно разбиравшиеся в экономических правоотношениях, в экономическом правосудии, соответственно и Президиум ВАС России, и его Пленум состояли из таких же специалистов, и, что самое главное – принимаемые ими постановления были окончательными, т.е. экономическое правосудие по всей без исключения вертикали звеньев арбитражно-судебной системы было специализированным. С упразднением в 2014 г. ВАС России эта специализированность утрачена.

Как известно, подлинная фундаментальная наука требует полностью открытого восприятия, без какого-либо фильтра, в форме установившихся в обществе догм, правил, воззрений... Значит, позволительно будет высказать мнение: упразднение Высшего Арбитражного Суда РФ было решением ошибочным, создание в структуре Верховного Суда РФ Коллегии по экономическим спорам упраздненный ВАС России даже в малейшей степени не заменило.

Более того, в целях радикального, по сути, стратегического решения проблемы углубления специализации всего механизма отечественного правосудия, всех трех его составляющих следовало бы создать пять (по числу самостоятельных видов судопроизводства) полностью самостоятельных судебных систем: конституционного правосудия, гражданского правосудия, административного правосудия, экономического правосудия и уголовного

²⁴ *Лебин Б.Д.* Подбор, подготовка и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования. М.–Л., 1966. С. 148 (со ссылкой на: *Федькин Г.И.* Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М., 1958. С. 234).

правосудия. Каждая из этих систем возглавляется (в основном в процессуальном плане) своим Высшим или Верховным судом (а конституционно-уставная судебная система — федеральным конституционным судом); каждая состоит из двух, трех или четырех судебных звеньев; каждая финансируется отдельной строкой в Федеральном бюджете; каждая комплектуется специализирующимися на «своем» виде судопроизводства судьями и т.д.

Нынешнюю ситуацию, когда в одном судебном органе (районном, субъекта Федерации...) работают взаимозаменяемые судьи в трех видах судопроизводства — гражданском, уголовном и административном (включение их в соответствующие коллегии не препятствует их переводу в иные коллегии этого же судебного органа), благополучной и даже нормальной (в плане рассматриваемой в настоящей работе проблемы) считать невозможно.

В то же время, например, в Республике Узбекистан ныне действуют областные, Ташкентский городской, межрайонные, районные (городские), т.е. отдельные суды по гражданским делам, по уголовным делам, административные, экономические, и все эти суды — отдельные судебные органы, каждый такой суд — суд «своей» юрисдикции.

А в ФРГ функционируют пять отдельных, самостоятельных судебных систем, не считая Федерального конституционного суда и конституционных судов 15 земель, которые в совокупности судебную систему не составляют. Это: 1) система судов общей юрисдикции во главе с Федеральным верховным судом: участковые суды, земельные суды, высшие суды земель и Федеральный патентный суд, входящий в эту систему; 2) система общей административной юстиции (51 административный суд, 14 высших административных судов и Федеральный административный суд); 3) система финансовой юстиции (18 финансовых судов земель и Федеральный финансовый суд); 4) система судов по трудовым делам (111 судов по трудовым делам, 18 высших судов земель по трудовым делам и Федеральный суд по трудовым делам); 5) система судов по социальным вопросам (59 судов по социальным вопросам, 16 высших (земельных) судов по социальным вопросам и Федеральный суд по социальным вопросам). Имеется и Общий сенат высших федеральных судов, учрежденный в 1968 г. с целью обеспечения единства судебной практики, в состав которого входят председатели высших федеральных судов, председатели сенатов соответствующих высших федеральных судов и по одному судье от каждого из этих сенатов, заседания которого созываются, когда Высший федеральный суд намерен иначе

решить вопрос права, чем он решается другим Высшим федеральным судом или Общим сенатом²⁵.

Да и у нас 20 лет назад имела место попытка создания отдельной судебной системы административных судов, правда, не самостоятельной как арбитражно-судебная, а автономной²⁶.

Проблемы непересечения юрисдикции каждой из пяти названных, полностью самостоятельных судебных систем, которые наверняка в правосудной деятельности так или иначе будут возникать, несложно будет решать совместными постановлениями двух (или всех) высших судов. Благо, такой опыт есть — в 90-х годах прошлого века были приняты несколько совместных постановлений Пленумов Верховного и Высшего Арбитражного судов.

Но будет ли после этого весь совокупный организационно-правовой механизм правосудия страны функционировать как симфонический оркестр — гармонично сочетать цели, задачи и т.д. каждой судебной системы, каждого судебного органа, каждого судьи, обеспечивая справедливость в судопроизводстве? Смогут ли это обеспечить будущая законодательная база (даже если она в значительной части примет кодификационные формы), обобщенная судебная практика и т.д.?

Вряд ли. Симфонию — прекрасное, гармоничное сочетание звуков, создаваемых многочисленными музыкальными инструментами симфонического оркестра, обеспечивают не только ноты, имеющиеся у каждого музыканта оркестра, но и дирижер оркестра. А такого дирижера в механизме судебной власти нет, не было его и до конституционной реформы 2020 г., не предусмотрен он и конституционными нововведениями. Однако он предлагался в проекте (ельцинском!) Конституции РФ.

Дело в том, что сама судебная власть — это не только непосредственно правосудная деятельность судей и судов. Ее сегодня обеспечивает огромная судебная инфраструктура: аппараты судов, Судебный департамент при Верховном Суде РФ, Российский государственный университет правосудия, органы судейского сообщества, издательская деятельность многих судебных органов и проч., занимающиеся решением вопросов финансового, материально-ресурсного, кадрового, информационного, законно (и норма) проектного и т.д. характера.

²⁵ См. подр.: Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 62–76.

²⁶ Как известно, федеральный конституционный законопроект № 7886-3 «О федеральных административных судах в Российской Федерации», подготовленный Верховным Судом РФ, был внесен в Государственную Думу 21 сентября 1999 г., а снят с рассмотрения (исключен из плана работы Госдумы) лишь 11 июня 2013 г.

Для решения всех этих вопросов необходим соответствующий конституционный государственно-властный орган, олицетворяющий судебную ветвь государственной власти (как палаты Федерального Собрания олицетворяют законодательную ветвь, а Правительство РФ – исполнительную ветвь), не являясь при этом судебным органом. Такие конституционно закрепленные органы есть в половине государств мира, есть и в шести из 10 государств – участников СНГ. Вопрос о создании такого органа в нашем государстве поднимался не только в ходе работы над проектом Конституции РФ в 1993 г. (и был начисто исключен из него после «черных» дней октября 1993 г.), но и в 2000–2001 гг. – в ходе работы Рабочей группы по вопросам совершенствования законодательства Российской Федерации о судебной системе, образованной Распоряжением Президента РФ В.В. Путина от 28 ноября 2000 г. № 534-рп²⁷ (т.е. вскоре после того, как он был избран Президентом РФ). Так что наработки в этой области у нас есть, и серьезные.

Вот такой орган и будет «дирижером» всего механизма правосудия Российской Федерации, обеспечивающим независимость судов и судей, вершащих справедливое правосудие. Оптимальным его наименованием было бы – Совет судебной власти Российской Федерации. Его отсутствие (а рассредоточенные функции, которые он консолидировал бы, разбросаны по множеству государственных органов, органов судейского сообщества и проч.) привело к тому, что у нас нет стратегии развития механизма судебной власти, нет органа, способного обеспечить подлинную ее независимость, и т.д. Федеральные целевые программы (сейчас действует третья – на период 2013–2021 гг.) разрабатывались Минэкономразвития России, ему же доверено и обеспечение индикаторов и показателей этих программ: укрепление независимости судей, повышение престижа суда, повышение доверия общества к правосудию, повышение качества правосудия и т.п., что, очевидно, данное министерство, как и любой иной орган исполнительной ветви государственной власти, обеспечить не в состоянии.

Особенно значимо отсутствие в нашей стране этого органа сказалось на осуществлении правосудия в период резкого обострения коронавирусной пандемии. Экстраординарные обстоятельства, реально угрожающие жизни и здоровью многих людей – участников судебных процессов, настоятельно требовали скорейшего перехода судопроизводства в режим экстремального судопроизводства – с соблюдением требований открытого разбирательства дел во всех судах, осуществление судопроизводства на основе состязательности и равноправия сторон (ч. 1, 3 ст. 123 Конституции РФ).

Но некому было ни по Конституции РФ, ни по федеральному законодательству переводить механизм правосудия на экстремальные рельсы функционирования (да и само государство к этой пандемии фактически оказалось не готово – ни организационно, ни законодательно). Поэтому данную функцию взяли на себя Президиумы Верховного Суда РФ и Совета судей РФ, принявшие соответствующие постановления 8 апреля 2020 г. и 29 апреля 2020 г., не имея на это, в принципе, соответствующих полномочий. Неудивительно, что в правосудной деятельности того периода можно обнаружить пренебрежение конституционными ценностями. В СМИ, в частности, отмечается: «Завершая почти 40 страниц судебного решения, содержащего длинные цитаты из законов и не содержащие подробного правового анализа, Мосгорсуд напоминает – для чего ограничения были введены: отдельные конституционные права могли быть и были ограничены для сохранения важнейшего конституционного права на жизнь для многих»²⁸.

А ведь проявления иных пандемий, как и крупномасштабных катастроф природного и техногенного характера, требующих оперативного принятия мер экстренного характера, в т.ч. в сфере правосудия (при этом без объявления режима чрезвычайного положения), в будущем исключить невозможно.

* * *

Частично высказанные выше замечания и предложения могут быть учтены в рамках действующей (с поправками 2020 г.) Конституции РФ. Некоторые потребуют новой корректировки – в рамках гл. 3–8 Конституции РФ, что, без сомнений, будет иметь место лет через пять (ведь серьезная ее корректировка 2020 г. произошла всего через шесть лет после корректировки 2014 г., упразднившей ВАС России). Но, может быть, через несколько лет общество потребует серьезной корректировки положений первой и второй глав Конституции РФ, а значит, разработки и принятия новой Конституции РФ, и вот там можно будет реализовать в полной мере уже сейчас назревшую судебную реформу.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Виноградова Е.В., Данилевская И.Л.* Поправки 2020 года в Конституцию Российской Федерации. Конституционный контроль “Ex ante” как институт отечественного зарубежного конституционализма // Государство и право. 2020. № 5. С. 7–18.
2. *Джаваханян Р.М.* Судебная власть: в поисках конституционного баланса // Современное право. 2020. № 3. С. 6–13.

²⁷ См.: СЗ РФ. 2000. № 49, ст. 4815.

²⁸ Ведомости. 2020. 17 мая.

3. *Клеандров М.И.* Конституционная ответственность судьи – дело послезавтрашнего дня? // Журнал конституционного правосудия. 2012. № 2 (26). С. 1–8.
4. *Клеандров М.И.* Ответственность судьи. М., 2011. С. 494–511.
5. *Корсаков Д.Н.* О поправках в Конституцию Российской Федерации, регулирующих статус и полномочия органов судебной власти // Росс. юстиция. 2020. № 7. С. 55–58.
6. *Лебин Б.Д.* Подбор подготовки и аттестация научных кадров в СССР. Вопросы истории и правового регулирования. М.–Л., 1966. С. 148 (цит. по: *Федькин Г.И.* Правовые вопросы организации научной работы в СССР. М., 1958. С. 234).
7. Послание Президента Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации (О положении в стране и основных направлениях внутренней и внешней политики государства). М., 2020. С. 43.
8. Постатейный комментарий к Конституции Российской Федерации / под ред. Ю.В. Кудрявцева. М., 1996. С. 476 (автор – д-р юрид. наук С.В. Боботов).
9. *Стеничкин Н.Г.* Обеспечение независимости и самостоятельности судебной власти в контексте конституционной реформы 2020 года // Lex Russica. Т. 73. 2020. № 5 (162). С. 41–52.
10. Судебные системы Европы и Евразии: науч.-энциклопед. изд.: в 3 т. Т. 1. Западная и Северная Европа / под ред. Р.А. Курбанова, Р.А. Гурбанова. М., 2019. С. 62–76.
11. *Эбзеев Б.С.* Актуализация Конституции России: собирательный образ поправок Президента РФ В.В. Путина и новые смыслы Основного Закона // Государство и право. 2020. № 4. С. 7–24.
2. *Javakhanyan R.M.* Judicial power: in search of constitutional balance // Modern law. 2020. No. 3. P. 6–13 (in Russ.).
3. *Kleandrov M.I.* Constitutional responsibility of the judge – the case of the day after tomorrow? // Journal of constitutional justice. 2012. No. 2 (26). P. 1–8 (in Russ.).
4. *Kleandrov M.I.* Responsibility of the judge. M., 2011. P. 494–511 (in Russ.).
5. *Korsakov D.N.* On amendments to the Constitution of the Russian Federation regulating the status and powers of judicial authorities // Russ. justice. 2020. No. 7. P. 55–58 (in Russ.).
6. *Lebin B.D.* Selection of training and certification of scientific personnel in the USSR. Questions of history and legal regulation. M.–L., 1966. P. 148 (Cit. by: *Fedkin G.I.* Legal issues of the organization of scientific work in the USSR. M., 1958. P. 234) (in Russ.).
7. Message of the President of the Russian Federation to the Federal Assembly of the Russian Federation (On the situation in the country and the main directions of domestic and foreign policy of the state). M., 2020. P. 43 (in Russ.).
8. Article – by-Article commentary on the Constitution of the Russian Federation / ed. by Yu. V. Kudryavtsev. M., 1996. P. 476 (author – Doctor of Law S.V. Bobotov) (in Russ.).
9. *Stenichkin N.G.* Ensuring the independence and independence of the judiciary in the context of the constitutional reform of 2020 // Lex Russica. Vol. 73. 2020. No. 5 (162). P. 41–52 (in Russ.).
10. Judicial systems of Europe and Eurasia: scientific and encyclopedic publication: in 3 vols. Vol. 1. Western and Northern Europe / ed. by R.A. Kurbanov, R.A. Gurbanov. M., 2019. P. 62–76 (in Russ.).
11. *Ebzeev B.S.* Actualization of the Constitution of Russia: collective image of amendments of the President of the Russian Federation V.V. Putin and new meanings of the Basic Law // State and Law. 2020. No. 4. P. 7–24 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Vinogradova E.V., Danilevskaya I.L.* Amendments of 2020 to the Constitution of the Russian Federation. Constitutional control “Ex ante” as an institution of domestic and foreign constitutionalism // State and Law. 2020. No. 5. P. 7–18 (in Russ.).

Сведения об авторе

КЛЕАНДРОВ Михаил Иванович – член-корреспондент РАН, доктор юридических наук, профессор, главный научный сотрудник Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

KLEANDROV Mikhail I. – Corresponding Member of RAS, Doctor of Law, Professor, chief researcher of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenska str., 119019 Moscow, Russia

ПРОГНОЗИРОВАНИЕ КАК СРЕДСТВО ПРАВОВОЙ ПОЛИТИКИ В ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СФЕРЕ: ОТЕЧЕСТВЕННЫЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ

© 2020 г. К.В. Агамиров

Институт государства и права Российской академии наук, Москва

E-mail: agamirow@yandex.ru

Поступила в редакцию 30.07.2020 г.

Аннотация. В статье исследуется функционирующая система социально-экономического развития как важнейшая задача государства, требующая непрерывного и качественного правового регулирования. В Российской Федерации в 2020–2022 гг., вероятно, будет осуществлена модернизация законодательства в сфере государственного прогнозирования, под которым следует понимать функцию государственного управления по научно обоснованному предвидению направлений развития страны, отдельных видов экономической деятельности и административно-территориальных единиц с учетом сценарных условий развития на прогнозный период. Показателем актуальности работы в этом направлении со стороны государства стало принятие Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». Прогнозирование законодательной поддержки экономической деятельности предопределяется тем, что каждый из ее участников руководствуется своими интересами, влияющими на значительное количество государственных процессов в целом. На основе компаративистского анализа показано, что участники экономического процесса действуют в рамках определенной правовой парадигмы. Используя методы сравнительного правоведения, аналогии, правового моделирования, контент-анализа, экстраполяции, системно-структурный и формально-логический методы и обращаясь к результатам научных отечественных и зарубежных разработок в сфере государственного прогнозирования, автор обосновал актуальность прогнозирования правовой политики в экономической сфере. В заключение делается вывод о том, что документы стратегического планирования на долгосрочный период задают вектор регуляторной политики в сфере хозяйственной деятельности и служат моделью для разработки хозяйствующими субъектами собственных прогнозов и стратегий.

Ключевые слова: экономическая деятельность, экономические процессы, экономические риски, государственное прогнозирование, юридическое прогнозирование, правовые риски, правовая политика, правовая обеспеченность, конвергенция.

Цитирование: Агамиров К.В. Прогнозирование как средство правовой политики в экономической сфере: отечественный и зарубежный опыт // Государство и право. 2020. № 10. С. 24–35.

DOI: 10.31857/S102694520012309-0

FORECASTING AS MEANS OF LEGAL POLICY IN THE ECONOMIC SPHERE: DOMESTIC AND FOREIGN EXPERIENCE

2020 K. V. Agamirov

Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: agamirow@yandex.ru

Received 30.07.2020

Abstract. This paper shed light on the problem of legal support for the socio-economic development in Russian Federation. In the coming years, modernization of forecasting legislation is expected in Russia. From a managerial point of view, we are talking about scientifically based prediction of the development directions. This processes are referred to the state, particular territories, and markets. This prediction is carried out taking into account the scenario development conditions for the forecast period. Forecasting is one of the essential components of strategic planning. An indicator of the relevance of work in this direction was the adoption of the Federal Law of July 19, 2018 No. 218-ФЗ (the bill was introduced by the President of the Russian Federation), which included in the goals of the Russian Academy of Sciences forecasting the main areas of scientific, scientific, technological and socio-economic development of the state. Forecasting legislative support for economic activity is determined by the fact that its own interests guide each of its participants, but its behavior affects the public sphere as a whole. Based on a comparative analysis, it is shown that the participants in the economic process act within the framework of a certain legal paradigm, the possibility of forecasting which is determined by the knowledge of individual parameters of economic development, as well as the use of special legal structures that ensure this development. The results of our study are based on methods of formal logic, systems theory, comparative law, analogy, modeling, content analysis, and extrapolation. In addition, we refer to the results of scientific developments in the field of state forecasting, existing regulatory legal acts in this area. The author justified the relevance of forecasting legal policy in the economic sphere, which is determined by the need to coordinate the strategy of economic security, the concept of socio-economic development and the forecast of long-term social economic development of the Russian Federation with legislative plans. In conclusion, it is mentioned that long-term strategic planning documents set the vector of regulatory policy in the economic sphere and serve as a model for business entities to develop their own forecasts and strategies.

Key words: economic activity, economic processes, economic risks, forecasting in the state, legal forecasting, juridical risks, legal policy, juridical security, convergence.

For citation: *Agamirov, K.V. (2020). Forecasting as means of legal policy in the economic sphere: domestic and foreign experience // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 24–35.*

Прогнозирование является процессом научного предвидения будущих событий на основании информации о процессах в настоящем и прошлом. **Государственное прогнозирование** представляет собой деятельность по выработке подтвержденных суждений о направлениях, движущих силах и стадиях социально-экономического развития государства. Как было указано в утратившем силу Федеральном законе от 20 июля 1995 г. № 115-ФЗ «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации»¹, такого рода суждения или представления должны быть основаны на законах рыночного хозяйствования. В современных условиях перманентной нестабильности формирования внешнеэкономических региональных стратегий Российской Федерации на приоритетных европейском и евразийском направлениях определение адекватного их целям надлежащего правового обеспечения является контрпродуктивным без применения современного междисциплинарного прогностического инструментария как на государственном уровне, так и на уровне субъектов хозяйствования².

Необходимость сознательного коллективного контроля за динамикой рынка и эффектами, производимыми рыночной системой в обществе, обусловила принятие Федерального закона от 19 июля 2018 г. № 218-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”»³ (законопроект был внесен Президентом РФ⁴), включившим в цели деятельности Российской академии наук “**прогнозирование основных направлений научно-го, научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации**”. Показательно в этом событии не то, что оно произошло, а то, что государственная власть лишь сейчас поняла, как важно, чтобы крупномасштабные прогнозы готовились компетентными субъектами, которые одновременно не связаны узкобюрократическими интересами.

Описание, объяснение и прогноз являются тремя основными функциями любой научной теории. В качестве важнейшего вида социального прогнозирования и гносеологической функции правовой

¹ См.: СЗ РФ. 1995. № 27, ст. 2533.

² См.: *Luo Da-rong, Kai-zhong Guo, Hao-ran Huang. Regional economic forecasting combination model based on RAR+SVR // Fuzzy Information & Engineering and Operations Research & Management / ed. Bing-Yuan Cao and Hadi Nasser. Berlin; Heidelberg, 2014. P. 329–338.*

³ См.: СЗ РФ. 2018. № 30, ст. 4553.

⁴ См.: законопроект от 24.02.2018 г. № 398393-7. «О внесении изменений в Федеральный закон “О Российской академии наук, реорганизации государственных академий наук и внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации”». URL: <http://sozd.parlament.gov.ru/bill/398393-7> (дата обращения: 26.03.2020).

науки **юридическое прогнозирование** исследует имманентно присущие правовой действительности процессы, равно как и нормативные структуры (профильные данные, или профильный фон), происходящее в них становление новых качеств, отношений или объектов, протекающее в силу наличия разнообразных объективных факторов: экономических, политических, демографических, духовных, (фоновые данные, или прогнозный фон), формулирует перспективы развития правовой системы, которые могут быть документированы и даже наделены юридической силой. Тем самым юридическое прогнозирование вырабатывает у соответствующих субъектов умение строить долгосрочные планы по управлению социумом, главным производственным ресурсом которого являются информация и знание⁵.

Правовая система устроена так, что траектории ее будущего всегда многообразны и не до конца определены; здесь хаотическое начало соседствует с идеей порядка. Прогнозные усилия в этих условиях сводятся к определению наиболее вероятного варианта для последующей реализации, а также соответствующего социального эффекта. Ценность прогнозной деятельности прямо пропорциональна тому, в какой мере будет снята неопределенность относительно конкретного правового режима, подлежащего выбору для решения конкретной общественной задачи.

Юридическое прогнозирование не является монополией государства, но тесно взаимосвязано с управлением обществом в целом. Государство создает основу для планирования фундаментальных направлений социально-экономического развития, тогда как деятельность по выработке прогнозов интеллектуально обеспечивает предпосылки для материализации указанных направлений в правовую форму.

Перманентные риски в ходе геополитических процессов определяют приоритет правового прогнозирования как направления государственной финансовой политики на долгосрочную перспективу⁶. В контексте динамических трансформаций глобального и региональных экономических правопорядков актуальность приобретает **государственное прогнозирование в экономической сфере (государственное экономическое прогнозирование)**, представляющее собой вероятностное определение состояний изучаемой системы экономических отношений (рынка) и ее показателей (уровня

продаж, спроса и проч.) в будущем времени на основании имеющихся данных.

Методика государственного экономического прогнозирования заключается в совокупности приемов, на основе которых исследуются данные, внешние и внутренние связи объекта прогнозирования, их изменения в рамках того или иного явления или процесса и с определенной долей вероятности формулируются выводы в отношении характера развития объекта в будущем. Так, при осуществлении бюджетного прогнозирования применяют **следующие методы:** нормативный, балансовый, экстраполяционный (коэффициентов), экономического анализа, прямого расчета и программно-целевой.

Нормативный метод регламентирует планирование отдельных показателей доходов и расходов на основании установленных нормативов. Например, согласно Бюджетному кодексу РФ, к доходам общего фонда местных бюджетов зачисляется 60% налога на доходы физических лиц, 100% налога и прибыли предприятий и учреждений коммунальной собственности и т.п. По уровню охвата нормативы делятся на обобщенные и детализированные. С помощью обобщенных нормативов рассчитываются расходы на образование (финансовый норматив бюджетной обеспеченности одного ученика), здравоохранение (финансовый норматив бюджетной обеспеченности одного жителя административно-территориальной единицы по состоянию на 1 января года, предшествующего планируемому)⁷. Детализированные нормативы устанавливаются по каждой статье сметы главных распорядителей средств и бюджетных учреждений.

Балансовый метод обеспечивает сбалансированность доходной и расходной части бюджета. Применение этого метода исключает возможность возникновения диспропорций между доходами и расходами, что является ключевой проблемой для всей деятельности по планированию бюджетов. Кроме того, данный метод позволяет выработать такой вариант рассредоточения денежных средств между получателями различных уровней, благодаря которому будет достигнут оптимум, и выраженные получателями потребности окажется возможным обоснованно сопоставить с теми финансами, которые на текущий момент имеются в наличии. Это, в свою очередь, позволяет расставить приоритеты в финансировании тех или иных значимых проектов.

Метод экстраполяции (коэффициентов) базируется на применении соответствующих коэффициентов для определения динамики бюджетных

⁵ См.: Агамиров К.В. Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал рос. права. 2018. № 8. С. 26.

⁶ См.: Альбов А.П., Шулепова И.В. Правовое прогнозирование в условиях отсутствия научно-разработанной экономической стратегии // Уч. тр. РАН. 2018. № 2. С. 17.

⁷ См.: Lin Jian, Bangzhu Zhu. Improved principal component analysis and neural network ensemble based economic forecasting // Intelligent Computing / ed. De-Shuang Huang, Kang Li and G.W. Irwin. Berlin; Heidelberg, 2006. P. 135–145.

показателей. Планируются такие показатели на основании достигнутого в предыдущем году уровня с учетом коэффициентов, отражающих изменения, которые предусматриваются в плановом периоде.

Метод экономического анализа используют для сопоставления плановых показателей с фактическими в денежном выражении, а также для определения удельного веса отдельных показателей в общей величине, уровня выполнения бюджетных показателей за определенный период. С помощью такого анализа устанавливают причины невыполнения доходов и расходов бюджета, эффективность использования бюджетных средств, тенденции роста или убывания, объемы финансирования отраслей и направлений и проч. Анализ изменения показателей в течение планового периода и влияния факторов по сравнению с базовым периодом является основанием для принятия оперативных управленческих решений и разработки прогноза на перспективу.

Метод прямого расчета заключается в осуществлении подробных расчетов по каждому источнику доходной части бюджета, а также по каждому направлению расходов бюджета. К примеру, планирование единого налога предусматривает осуществление расчетов по каждой группе его плательщиков. Метод прямого расчета применяется при составлении сметы, содержащей обоснованные детальные расчеты по каждой из статей.

Программно-целевой метод в бюджетном процессе применяется с 2002 г. на уровне государственного бюджета. Бюджетным кодексом РФ внедрение программно-целевого метода составления и выполнения местных бюджетов предусмотрено с 1 января 2017 г.

Планирование представляет собой разновидность проектировочной деятельности, в ходе которой осуществляется формулирование целевых показателей развития того или иного хозяйствующего субъекта, детализация этих показателей и их группировка по равномерным интервалами времени (от месяца до нескольких лет)⁸. Спецификой планирования (вне зависимости от того, говорим ли мы о рыночном хозяйстве либо экономике, регулируемой императивами, исходящими от органов публичной власти) является адресное распределение ответственности за выполнение составных частей плана. Именно план позволяет функционально увязывать между собой работу различных исполнителей, так что будущее состояние системы с точки зрения планирования является величиной

комплексной и может быть представлена как сумма показателей будущего состояния для всех компонентов системы, а также связей между ними. Для целей упрощения все новые межсистемные связи считаются предвидимыми, все ресурсы – доступными, а все распределения обязанностей и ответственности – взаимно приемлемыми⁹.

Прогнозирование и планирование следует отличать от непрофессиональных предсказаний, поскольку последние не основаны на объективной информации. Прогнозы и планы, напротив, не обходятся без надежных эмпирических индикаторов¹⁰. Выработка прогнозов и планов предполагает такое ограничение возможного спектра образов будущего состояния той или иной системы, при котором становится возможным ответ на вопрос, достижима ли определенная цель в определенных (здесь: с большой долей вероятности) условиях. Но и при этих ограничениях генерация правдоподобных выводов остается делом чрезвычайно сложным. Вот почему здесь требуются вычислительные ресурсы и информационные технологии, способствующие созданию все более сложных моделей¹¹. Важно и то, что данные модели должны переводиться на понятный для конечного пользователя язык, дабы быть включенными в соответствующие нормативные документы. Таким образом, подготовка плана (прогноза) предполагает не только задействование математического аппарата, но и адаптацию полученных результатов для использования в политических и правовых целях.

Особо математизированной разновидностью прогнозной деятельности является финансовое прогнозирование. Оно базируется на редукции всей многообразной деятельности субъекта (группы субъектов) к достижению исключительно исчисляемых денежных показателей (деньги входят в эту систему уже не только как средство платежа). При этом, как и в прочих случаях, прогноз предполагает совокупность показателей, которые будут достигнуты при стабильности исходных условий (как самой системы, так и окружающей среды), тогда как план опирается на направленное развитие и оперирует категорией должного. С точки зрения финансового плана определенные показатели должны быть достигнуты определенными

⁹ См.: *Ozherelev V.N., Ozhereleva M.V.* Cross-country comparisons as an instrument of economic forecasting // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 442–446.

¹⁰ См.: *Holden K., Peel D.A.* Combining economic forecasts // *Journal of the Operational Research Society*. 1988. Vol. 39. No. 11. P. 1005–1010.

¹¹ См.: *Lin Jian, Bangzhu Zhu.* A novel neural network ensemble system for economic forecasting // *Advanced Intelligent Computing Theories and Applications. With Aspects of Contemporary Intelligent Computing Techniques* / ed. De-Shuang Huang, Laurent Heutte and M. Loog. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 1227–1233.

⁸ См.: *Grechikhin A.A.* Modern theories of economic forecasting and short-term fluctuation // *Risk and uncertainty: proceedings of a conference held by the International Economic Association* / ed. K. Borch and J. Mossin. London, 1968. P. 395–404.

усилиями и в определенные сроки. Понятно, что финансовое планирование в вычислительном (и познавательном) смысле оказывается сложнее, т.к. для расчета состояний системы, находящейся под управляемым воздействием, требуется учесть больше функционально связанных переменных¹². В познавательном смысле выработка прогноза оказывается первичнее подготовки плана, поскольку в первом случае специалисты имеют дело с большей степенью свободы системы. Планирование предполагает намеренное ограничение данной свободы и имеет в виду последствия такого ограничения, как полезные, так и вредные (при всей относительности этих понятий). Конечно, определить состояние системы при неизменном распределении действующих на нее сил оказывается проще, нежели просчитать ту же систему в динамическом окружении, но для целей управления необходимо и первое, и второе. Система, о которой идет здесь речь, может представлять собой возможные действия государственных структур, конкурентов, покупателей, динамику развития, объективные закономерности рыночной деятельности. Внутри любой такой системы есть объекты («вещи») и связи (отношения вещей)¹³.

Важно иметь в виду, что ни прогноз, ни план не могут быть релевантными в течение сколь угодно длительного времени. Для каждого вида и для каждой отрасли управления могут быть найдены свои оптимальные сроки подготовки такого рода документов. Нет ничего удивительного в том, что прогноз часто оказывается долгосрочнее плана, зато план всегда остается более определенным, информативным.

Учитывая процессы как конвергенции, так и дивергенции в сферах законодательного обеспечения внешнеэкономических стратегий в государствах ЕАЭС, в т.ч. и в Российской Федерации, в частности, важно раскрыть общие основы российского законодательства в сфере государственного прогнозирования, а также основные подходы к его модернизации.

Поскольку фундаментальные исследования теоретико-методологических и прикладных аспектов прогнозирования отсутствуют, раскрытие концептуальных основ модернизации законодательства

¹² См.: An application of genetic programming to economic forecasting / Li Kangshun, Zhangxin Chen, Yuanxiang Li and Aimin Zhou // Current Trends in High Performance Computing and Its Applications / ed. Wu Zhang, Weiqin Tong, Zhangxin Chen and Roland Glowinski. Berlin; Heidelberg, 2005. P. 71–80.

¹³ См.: Lin Jian, Bangzhu Zhu. A novel kernel clustering algorithm based selective neural network ensemble model for economic forecasting // Advances in Computation and Intelligence / ed. Lishan Kang, Yong Liu and Sanyou Zeng. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 310–315.

в сфере государственного прогнозирования как правовой формы регулирования экономики (отраслевое хозяйственно-правовое прогнозирование) следует рассматривать в качестве важного перспективного направления научных разработок и обязательной предпосылки формирования и успешной реализации внешнеэкономических региональных стратегий государства и субъектов частного права (внешнеэкономическое прогнозирование).

Для достижения поставленной цели целесообразным представляется обращение к результатам научных разработок, действующим нормативным правовым актам Российской Федерации в сфере государственного прогнозирования и соответствующим законопроектам.

Исходя из того, что государственное регулирование экономики осуществляется в рамках системы правовых форм, которая структурно состоит из нескольких подсистем, С.В. Терехова и Е.Е. Кабанова при анализе современной практики стратегического планирования в Российской Федерации отмечают необходимость формирования устойчивой нормативно-правовой базы, обеспечивающей создание полноценной стратегии в социально-экономической сфере; достаточного уровня финансирования соответствующих стратегических проектов; определения компетенции и ответственности органов системы стратегического планирования; использования различных методов планирования и прогнозирования для максимального учета всех возможных ситуаций¹⁴.

Т.Я. Хабриева и Н.Н. Черногор, отмечая возрастающее значение права в условиях цифровой экономики и усиление процесса «циклизации» в праве (сквозное пронизывание «циклическими правовыми массивами» всех или большинства элементов системы права), обособляют роль правового мониторинга, юридического прогнозирования, юридического моделирования, проектирования юридических норм, экспертизы проектов нормативных правовых актов, оценки регулирующего воздействия в «оцифровке» юридических технологий, применяемых в правотворчестве, и подчеркивают важность в условиях цифровой реальности подготовки прогнозных сценариев изменения места и роли в регулировании цифровой экономики права и государства¹⁵.

М.В. Баранова, рассматривая опережающее правотворчество как отражение важнейшего аспекта прогностического потенциала права, обращает

¹⁴ См.: Терехова С.В., Кабанова Е.Е. Проблемы и перспективы развития стратегического планирования в Российской Федерации // Новое поколение. 2018. № 15. С. 166–171.

¹⁵ См.: Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н. Право в условиях цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 85–102.

внимание на необходимость системы долгосрочного прогнозирования для определения последовательности шагов по ключевым приоритетам развития государства не только для создания юридической базы стратегического планирования направлений и темпов развития Российской Федерации, но и для ее национальной безопасности¹⁶.

Органическая связь государственного (публичного) и частноправового уровней в сфере прогнозирования проявляется, в частности, в том, что показатели федеральных стратегических прогнозных документов должны считаться ориентиром для формирования отраслевых документов стратегического планирования при четкой увязке юридического прогнозирования с основными направлениями стратегического планирования осуществления государственной социально-экономической политики и должном урегулировании ответственности за нарушение положений документов стратегического планирования¹⁷.

Исходя из утвержденного порядка разработки указанных документов, привлекает внимание то, что обязательным разделом структуры прогнозов социально-экономического развития Российской Федерации как на среднесрочный, так и на краткосрочный периоды является «внешнеэкономическая среда» как возможная угроза экономической безопасности. В рамках среднесрочного прогноза предусматривается обязательное исследование прогноза развития государств. Между тем отечественными исследователями уделяется больше внимания построению механизмов обеспечения экономической безопасности для хозяйствующих субъектов. В связи с этим актуальным представляется изучение факторов, воздействующих на экономическую безопасность регионов, и разработка действенного механизма развития экономической безопасности региона, а также усиление ответственности хозяйствующих субъектов за правонарушения и преступления в сфере экономики¹⁸.

Рассматривая указанные процессы как внешние факторы, которые будут определять возможности и ограничения для государства создавать достаточно благоприятный правовой режим для обеспечения интересов российских субъектов хозяйствования на внешних и на внутреннем рынках,

¹⁶ См.: Баранова М.В. Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник СГЮА. 2018. № 1. С. 82–90.

¹⁷ См.: Залоило М.В. Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал рос. права. 2018. № 4. С. 43–53.

¹⁸ См.: Руденко М.Н., Долганова Я.А. Исследование и оценка факторов, влияющих на функционирование регионального механизма экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 14. 2018. № 3. С. 465–479.

способствующий прогнозированию правового воздействия на экономическую безопасность¹⁹, и осуществляя расширительное толкование «внешнеэкономической среды», отметим, что в его структуру следует включать также правовые процессы и явления всех уровней, которые могут выступать относительно самостоятельными или органически связанными объектами юридического прогнозирования. Эти объекты должны представлять такие уровни, как глобальный (многосторонние соглашения ВТО), межрегиональный и трансрегиональный (соглашения об экономическом партнерстве и о преференциальной торговле), региональный и субрегиональный (первичное и вторичное законодательство ЕС, договорно-правовая база ЕАЭС, международные договоры государств АСЕАН в субрегионе Юго-Восточной Азии, соглашения о зоне свободной торговли и таможенные союзы), а также национальный (внешнеэкономическое законодательство государств, прежде всего новых центров силы – КНР, Индии, экономическая политика которых оказывает влияние на глобальные и региональные процессы).

Поскольку субъекты хозяйствования признаны участниками государственного стратегического планирования, они наделяются правом принимать участие в разработке соответствующих стратегических документов, в т.ч. инвестиционных программ, национальных и региональных инвестиционных проектов и их исполнении, а в рамках государственно-частного партнерства будут подавать информацию о прогнозах и планах развития их деятельности, способствуя таким образом и активизации планирования на уровне публичной власти, и институциональному оформлению указанного вида деятельности²⁰.

При этом в соответствии с принципом гласности и прозрачности приоритеты и показатели таких документов используются субъектами хозяйствования для планирования своей деятельности. Принцип равенства заключается в соблюдении прав и учете интересов, в том числе субъектов хозяйствования независимо от формы собственности. Принцип партнерства означает равноправное взаимодействие между субъектами публичного права и представителями бизнеса в ходе реализации документов государственного стратегического планирования, проведения мониторинга и оценки выполнения определенных задач. Именно поэтому перспективное планирование и прогнозирование

¹⁹ См.: Берг Л.Н. Об основных гносеологических проблемах формирования модели правового воздействия // Государство и право. 2018. № 3. С. 95–98.

²⁰ См.: Громов Е.И. Способы и механизм управления устойчивым развитием сельских территорий // Экономика и предпринимательство. 2018. № 4. С. 355–364.

как обязательные составляющие управленческой практики на федеральном, региональном и муниципальном уровнях предполагают модернизацию нормативно-правовой базы стратегического менеджмента, дальнейшее углубленное исследование приемов и способов оптимальной и эффективной плановой деятельности, а также повышение качества подготовки специалистов, обладающих соответствующими знаниями, навыками и умениями²¹.

В Соединенных Штатах Америки административно-бюджетное управление Администрации Президента США (41 The Office of Management and Budget) ответственно за определение приоритетных областей и их согласование с федеральными департаментами (агентствами) и профильными комитетами Конгресса США, в число которых включены, например, обеспечение кибербезопасности, предотвращение климатических изменений, инвестиционная деятельность и новые рабочие места, содействие развитию рынков, развитие информационных технологий и т.д. Плановые и отчетные документы департаментов (агентств) согласовываются с межведомственными приоритетными целями правительства (Cross-Agency Priority goals).

Правительство США для решения общегосударственных задач формирует стратегические и ежегодные исполнительские планы. Главный инструмент госуправления – планы отраслевых и функциональных департаментов (агентств). Каждая приоритетная область деятельности в Администрации Президента США и ответственный департамент (агентство) имеют своего руководителя, который разрабатывает среднесрочные (стратегические) и годовые планы действий, определяет показатели и наиболее значимые события и размещает поквартальные отчеты²².

Годовые исполнительские планы департаментов (агентств) структурированы следующим образом: область планирования, виды деятельности, приоритетные цели, задачи по каждой цели, обоснования, пути решения, показатели конечных эффектов, ключевые контрольные события, первоочередные меры, обеспечивающие достижение конечного эффекта, необходимые законодательные решения, ресурсы, подготовка кадров, профессиональный состав, партнеры, ответственное лицо.

Еще одна структура в федеральной системе США, влияющая на экономическое развитие регионов и городов, – Партнерство устойчивых

сообществ (Partnership for Sustainable Communities). Оно было создано администрацией Барака Обамы в 2009 г. и объединило три федеральных агентства: Департамент транспорта (Управление транспортной политики), Департамент жилищного и городского строительства (Управление устойчивого жилья и сообществ) и Агентство по охране окружающей среды (Управление устойчивых сообществ).

Стимулирование экономического роста достигается за счет комплексного подхода к повышению доступности жилья и транспорта и защите окружающей среды. Деятельность департаментов и их управлений состоит в совместном рассмотрении заявок на гранты, подлежащие оценке с точки зрения устойчивости развития территорий. Пример финансирования, выделяемого Департаментом жилищного и городского строительства, – грант на планирование региональных устойчивых сообществ (Sustainable Communities Regional Planning Grant Program).

Позитивным опытом является более чем 80-летняя история функционирования в США Администрации социальной поддержки (SOCIAL SECURITY ADMINISTRATION), имеющей около 1300 отделений. Администрация предоставляет на местах доступ гражданам к информации о реализуемых федеральных программах и порядке доступа к их услугам, распространяет информацию о работе федерального правительства, отвечает на запросы населения, обеспечивает участие населения в обсуждении вопросов политики правительства.

Ключевую роль в нормативном обеспечении стратегического процесса в системе государственного стратегического планирования в США играет Федеральный закон «Об оценке результатов деятельности государственных учреждений» (Government Performance Results Act, 1993, 8), согласно которому каждый федеральный орган должен подготовить, доложить Президенту и Конгрессу США и представить на портале новый стратегический план к первому понедельнику февраля следующего года после вступления вновь избранного Президента США.

Стратегический план разрабатывается, начиная с финансового года его опубликования, на период не менее четырех лет, однако ведомство вправе разрабатывать его и на более длительную перспективу. Стратегические планы федеральных органов публикуются одновременно с президентским проектом бюджета (февраль) на очередной финансовый год. Для того чтобы поставленные цели учитывались в проекте бюджета и плане работы ведомства на следующий год, федеральным органам рекомендуется подготовить проект Стратегического плана на год к сентябрю предшествующего опубликованию проекта бюджета года.

²¹ См.: Будущее как объект управления / Ю.Р. Вишневецкий, С.Ю. Вишневецкий, Т.Б. Багирова, О.Р. Белова // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. ст. к 80-летию проф. Ю.Р. Вишневецкого / под общ. ред. Ю.Р. Вишневецкого, отв. за вып. Д.Ю. Нархов. Екатеринбург, 2018. С. 121–128.

²² An official website of the United States government. URL: <https://www.performance.gov> (дата обращения: 26.03.2020).

Законом установлены также процедура отчетности (Annual Performance Report) и порядок действий при невыполнении планов; необходимость определения приоритетов федерального правительства и агентств (министерств), конечных эффектов (результатов) и требуемых улучшений в управлении на федеральном уровне для обеспечения конечного результата; персональная ответственность за достижение результатов. Учреждается институт главных исполнителей (Chief Operating Officers) агентств (должность утверждается в каждом агентстве с определенными функциями)²³.

В нашем государстве основным нормативным правовым актом в сфере стратегического прогнозирования является Федеральный закон от 28 июня 2014 г. № 172-ФЗ (в ред. от 23.06.2016 г. № 210-ФЗ, от 03.07.2016 г. № 277-ФЗ, от 30.10.2017 г. № 299-ФЗ, от 31.12.2017 г. № 507-ФЗ) «О стратегическом планировании в Российской Федерации»²⁴, который заменил уже упомянутый Федеральный закон «О государственном прогнозировании и программах социально-экономического развития Российской Федерации». Вновь принятый нормативный правовой акт должен по замыслу его создателей заложить правовой фундамент для системы государственного стратегического планирования социально-экономического развития. Функционирование такого рода системы, как предполагается, будет способствовать оптимизации перехода от текущего состояния социально-экономических отношений до желаемого.

Согласно Указу Президента РФ от 7 мая 2018 г. № 204 (в ред. от 19.07.2018 г. № 444) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»²⁵ Правительство РФ должно обеспечить устойчивый естественный рост численности населения страны; повышение ожидаемой продолжительности жизни до 78 лет (к 2030 г. — до 80 лет); устойчивый рост реальных доходов граждан, а также рост уровня пенсионного обеспечения выше уровня инфляции; снижение в два раза уровня бедности; улучшение жилищных условий не менее 5 млн семей ежегодно; ускорение технологического развития страны, увеличение количества организаций, осуществляющих технологические инновации, до 50%

²³ См.: Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования. Ч. 2 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских и др. М., 2016. С. 4–19; An official website of the United States government. URL: <https://www.performance.gov> (дата обращения: 26.03.2020); Система стратегического планирования США. URL: <https://yury-st.livejournal.com/294130.html> (дата обращения: 26.03.2020).

²⁴ См.: СЗ РФ. 2014. № 26 (ч. I), ст. 3378.

²⁵ См.: СЗ РФ. 2018. № 20, ст. 2817.

их общего числа; ускоренное внедрение цифровых технологий в экономике и социальной сфере.

Отмеченная в Указе Президента РФ необходимость повышения уровня инновационного развития предприятий приобретает особую значимость в условиях экономического кризиса и санкционного давления на Российскую Федерацию. Между тем, как показывает исследование, эти неблагоприятные факторы не оказали значительного влияния на модель инновационного поведения компаний, а снижение инновационной активности связано в основном со среднесрочными тенденциями развития инновационных процессов и неблагоприятной макроэкономической динамикой²⁶.

Правительство РФ в соответствии с Указом Президента РФ также должно обеспечить вхождение Российской Федерации в число пяти крупнейших экономик мира, темпы экономического роста выше мировых при сохранении макроэкономической стабильности, в т.ч. инфляции на уровне не выше 4%.

Кроме того, документом предусмотрено «создание в базовых отраслях экономики, прежде всего в обрабатывающей промышленности и агропромышленном комплексе, высокопроизводительного экспортно-ориентированного сектора, развивающегося на основе современных технологий и обеспеченного высококвалифицированными кадрами».

Согласно Указу Президента РФ Правительству РФ к 2024 г. необходимо обеспечить доступным жильем семьи со средним достатком, в т.ч. создать возможности для приобретения (строительства) ими жилья с использованием ипотечного кредита, ставка по которому должна быть менее 8%. Президент РФ поручил Правительству РФ утвердить среднесрочный прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 г., который разрабатывается с учетом основных направлений налоговой, бюджетной и таможенно-тарифной политики.

Во исполнение поручения Президента РФ на заседании Правительства РФ 27 сентября 2018 г. был рассмотрен и одобрен документ о приоритетах социально-экономического развития Российской Федерации на среднесрочный период — Основные направления деятельности Правительства РФ на период до 2024 года, в которых вопросам прогнозирования в приоритетных направлениях социально-экономического развития отведено значительное место (прогнозируемые объемы грузо- и пассажироперевозок; прогнозируемые потребности

²⁶ См.: Грасмик К.И. Инновационная активность предприятий российской промышленности в условиях экономического кризиса // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5. С. 156–165.

социально-экономического развития Российской Федерации для обеспечения энергетической безопасности страны; развитие единой государственной системы предупреждения и ликвидации чрезвычайных ситуаций, внедрение аппаратно-программных комплексов и технических средств мониторинга, прогнозирования и поддержки принятия решений, информирования и оповещения населения о чрезвычайных ситуациях и угрозе стихийных бедствий; федеральные инфраструктурные ограничения и демографический прогноз в разрезе территорий Российской Федерации)²⁷.

Президент РФ утвердил также Стратегию экономической безопасности на период до 2030 года²⁸, которая направлена на обеспечение противодействия вызовам и угрозам экономической безопасности; предотвращение кризисных явлений в ресурсно-сырьевой, производственной, научно-технологической и финансовой сферах; недопущение снижения качества жизни населения.

Документ определяет основные угрозы экономической безопасности, к которым относятся: стремление развитых государств использовать свои преимущества, в том числе информационные технологии, в качестве инструмента глобальной конкуренции; рост частной и суверенной задолженности, разрыв между стоимостной оценкой реальных активов и производственных ценных бумаг; ограничения доступа к международным финансовым ресурсам и современным технологиям; колебания на мировых товарных и финансовых рынках; изменения структуры мирового спроса на энергоресурсы и развитие «зеленых» технологий; создание межгосударственных экономических объединений без участия Российской Федерации; уязвимость финансово-банковской системы; исчерпание экспортно-сырьевой модели экономического развития; отсутствие российских несырьевых компаний среди глобальных лидеров мировой экономики; недостаточный объем инвестиций в реальный сектор экономики; отставание в сфере передовых технологий; исчерпание действующих месторождений; низкая конкурентоспособность российского несырьевого экспорта; недостаточное развитие транспортной и энергетической инфраструктуры; несбалансированность национальной бюджетной системы; сохранение значительной доли теневой экономики; недостаточно эффективное госуправление; высокий уровень криминализации и коррупция в экономической сфере; недостаточность трудовых ресурсов и т.д.

²⁷ См.: URL: <http://government.ru/news/34168/> (дата обращения: 26.03.2020).

²⁸ См.: Указ Президента РФ от 13.05.2017 г. № 208 «О Стратегии экономической безопасности Российской Федерации на период до 2030 года» // СЗ РФ. 2017. № 20, ст. 2902.

В условиях, когда позиции значительной части национальных правительств ослаблены интернационализацией рынков и становлением всевозможных транснациональных образований, основными из которых являются многонациональные компании и международные финансовые учреждения²⁹, среди главных целей государственной политики в экономической сфере: укрепление экономического суверенитета Российской Федерации; повышение устойчивости экономики к воздействию внешних и внутренних вызовов; обеспечение экономического роста; поддержание научно-технического потенциала развития экономики; поддержка оборонно-промышленного комплекса; повышение уровня качества жизни населения.

Среди основных направлений государственной политики в области обеспечения экономической безопасности: развитие системы госуправления, прогнозирования и стратегического планирования; обеспечение устойчивого роста реального сектора экономики; разработка и внедрение современных технологий, стимулирование инновационного развития; развитие национальной финансовой системы; укрепление единства экономического пространства Российской Федерации; повышение эффективности внешнеэкономического сотрудничества; обеспечение безопасности экономической деятельности; развитие человеческого потенциала.

Стратегия реализуется в два этапа:

первый этап (до 2019 г.): разработка и реализация мер в целях обеспечения экономической безопасности, совершенствование механизмов мониторинга;

второй этап (до 2030 г.): выполнение мер по нейтрализации вызовов и угроз экономической безопасности.

Таким образом, предмет правового регулирования нормативного правового акта Российской Федерации значительно шире Стратегического плана США, поскольку включает в себя прогнозирование, программно-целевое планирование и стратегический контроль социально-экономического развития государства. При этом, исходя из официального аутентичного толкования, под прогнозированием следует понимать деятельность по разработке научно обоснованных представлений о направлениях и результатах социально-экономического развития Российской Федерации и ее субъектов, определению его параметров, достижение которых обеспечит реализацию целей и приоритетов социально-экономической политики.

²⁹ См.: *Коница М.* Черты современной геоэкономики // Международные процессы. 2018. № 2. С. 186–196.

В основу процесса разработки документов государственного стратегического планирования Российской Федерации положен прогноз научно-технологического развития на долгосрочный период, который разрабатывается каждые шесть лет на период двенадцать и более лет. В свою очередь, с учетом указанного прогноза осуществляется разработка прогноза социально-экономического развития на долгосрочный период также каждые шесть лет на период 12 и более лет. Акцентируя внимание на методологическом аспекте, отметим, что такой прогноз разрабатывается на вариативной основе и содержит, в частности, определение вариантов внешних условий развития страны в долгосрочной перспективе, показатели вариантов прогноза на долгосрочный период и других вариантов, учитывающих изменения как внутренних, так и внешних условий развития.

Финализацией правовой политики в экономической сфере может стать обоснование, разработка и принятие **Стратегии развития правовой системы Российской Федерации** с обозначением в ней направлений правовой политики в условиях экономической трансформации, а также средств, методов и форм правового воздействия на социально-экономические процессы с учетом прогноза социально-экономического развития государства. **Такая Стратегия могла бы стать составной частью нормативного правового акта о стратегическом планировании.**

Заключение

Неотъемлемым элементом в системе правовых форм осуществления государственного регулирования экономики наряду с управлением, государственным контролем и нормативным правовым регулированием является государственное прогнозирование.

При формировании региональной внешнеэкономической стратегии Российской Федерации на евразийском направлении и определении правового инструментария для ее реализации необходимым является осуществление системного анализа, а также поискового и нормативного прогнозирования исходя из положений следующих взаимосвязанных ключевых документов в сфере государственного стратегического планирования на федеральном уровне: Посланий Президента РФ Федеральному Собранию РФ, Стратегии экономической безопасности, Стратегии национальной безопасности, Стратегии развития информационного общества, Доктрины информационной безопасности, Стратегии инновационного развития, Основных направлений деятельности Правительства до 2024 года.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Агамиров К.В.* Юридическое прогнозирование как фактор совершенствования российской правовой системы // Журнал рос. права. 2018. № 8. С. 25–36.
2. Актуальный опыт зарубежных стран по развитию государственных систем стратегического планирования. Ч. 2 / А.В. Клименко, В.А. Королев, Д.Ю. Двинских и др. М., 2016.
3. *Альбов А.П., Шулепова И.В.* Правовое прогнозирование в условиях отсутствия научно-разработанной экономической стратегии // Уч. тр. РАН. 2018. № 2. С. 16–21.
4. *Баранова М.В.* Исключение из правил как технико-юридическое средство опережающего правотворчества // Вестник СГЮА. 2018. № 1. С. 82–90.
5. *Берг Л.Н.* Об основных гносеологических проблемах формирования модели правового воздействия // Государство и право. 2018. № 3. С. 95–98.
6. Будущее как объект управления / Ю.Р. Вишневский, С.Ю. Вишневский, Т.Б. Багирова, О.Р. Белова // Не расстанусь с молодежью, буду...: сб. науч. ст. к 80-летию проф. Ю.Р. Вишневского / под общ. ред. Ю.Р. Вишневского, отв. за вып. Д.Ю. Нархов. Екатеринбург, 2018. С. 121–128.
7. *Грасмик К.И.* Инновационная активность предприятий российской промышленности в условиях экономического кризиса // Проблемы прогнозирования. 2018. № 5. С. 156–165.
8. *Громов Е.И.* Способы и механизм управления устойчивым развитием сельских территорий // Экономика и предпринимательство. 2018. № 4. С. 355–364.
9. *Залоило М.В.* Стратегическое планирование в обеспечении эффективности правотворчества // Журнал рос. права. 2018. № 4. С. 43–53.
10. *Конина М.* Черты современной геоэкономики // Международные процессы. 2018. № 2. С. 186–196.
11. *Руденко М.Н., Долганова Я.А.* Исследование и оценка факторов, влияющих на функционирование регионального механизма экономической безопасности // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. Т. 14. 2018. № 3. С. 465–479.
12. *Терехова С.В., Кабанова Е.Е.* Проблемы и перспективы развития стратегического планирования в Российской Федерации // Новое поколение. 2018. № 15. С. 166–171.
13. *Хабриева Т.Я., Черногор Н.Н.* Право в условиях цифровой реальности // Журнал рос. права. 2018. № 1. С. 85–102.

14. An application of genetic programming to economic forecasting / Li Kangshun, Zhangxin Chen, Yuanxiang Li and Aimin Zhou // *Current Trends in High Performance Computing and Its Applications* / ed. Wu Zhang, Weiqin Tong, Zhangxin Chen, and Roland Glowinski. Berlin, 2005. P. 71–80.
15. *Gretchikhin A.A.* Modern theories of economic forecasting and short-term fluctuation // *Risk and uncertainty: proceedings of a conference held by the International Economic Association* / ed. K. Borch and J. Mossin. London, 1968. P. 395–404.
16. *Holden K., Peel D.A.* Combining economic forecasts // *Journal of the Operational Research Society*. 1988. Vol. 39. No. 11. P. 1005–1010.
17. *Lin Jian, Bangzhu Zhu.* A novel kernel clustering algorithm based selective neural network ensemble model for economic forecasting // *Advances in Computation and Intelligence* / ed. Lishan Kang, Yong Liu and Sanyou Zeng. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 310–315.
18. *Lin Jian, Bangzhu Zhu.* A novel neural network ensemble system for economic forecasting // *Advanced Intelligent Computing Theories and Applications. With Aspects of Contemporary Intelligent Computing Techniques* / ed. De-Shuang Huang, Laurent Heutte and M. Loog. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 1227–1233.
19. *Lin Jian, Bangzhu Zhu.* Improved principal component analysis and neural network ensemble based economic forecasting // *Intelligent Computing* / ed. De-Shuang Huang, Kang Li and G.W. Irwin. Berlin; Heidelberg, 2006. P. 135–145.
20. *Luo Da-rong, Kai-zhong Guo, Hao-ran Huang.* Regional economic forecasting combination model based on RAR+SVR // *Fuzzy Information & Engineering and Operations Research & Management* / ed. Bing-Yuan Cao and Hadi Nasser. Berlin; Heidelberg, 2014. P. 329–338.
21. *Ozherelev V. N., Ozhereleva M.V.* Cross-country comparisons as an instrument of economic forecasting // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 442–446.
4. *Baranova M.V.* An exception to the rules as technical and legal means of the advancing law-making // *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj juridicheskoy akademii*. 2018. No. 1. P. 82–90 (in Russ.).
5. *Berg L.N.* About the main epistemic problems of modeling for legal influence // *Gosudarstvo i pravo*. 2018. No. 3. P. 95–98 (in Russ.).
6. The future as object of management // *Ne rasstanus' s molodezh'ju, budu...: sb. nauch. st. k 80-letiju prof. Yu.R. Vishnevskogo* / ed. Yu. R. Vishnevsky. Yekaterinburg, 2018. P. 121–128 (in Russ.).
7. *Grasmik K.I.* Innovative activity of the enterprises of the Russian industry in the conditions of an economic crisis // *Problemy prognozirovaniya*. 2018. No. 5. P. 156–165 (in Russ.).
8. *Gromov E.I.* The management of sustainable development of rural territories // *Jekonomika i predprinimatel'stvo*. 2018. No. 4. P. 355–364 (in Russ.).
9. *Zaloilo M.V.* Strategic planning in ensuring efficiency of law-making // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 4. P. 43–53 (in Russ.).
10. *Konina M.* Features of modern geoeconomics // *Mezhdunarodnye processy*. 2018. No. 2. P. 186–196 (in Russ.).
11. *Rudenko M.N., Dolganova Ya. A.* 2018. A research and assessment of the factors influencing functioning of the regional mechanism of economic security // *Nacional'nye interesy: priority i bezopasnost'*. Vol. 14. 2018. No. 3. P. 465–479 (in Russ.).
12. *Terekhova S.V., Kabanova E.E.* Problems and the prospects of development of strategic planning in the Russian Federation // *Novoe pokolenie*. 2018. No. 15. P. 166–171 (in Russ.).
13. *Khabriyeva T. Ya., Chernogor N.N.* The law in the conditions of digital reality // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 1. P. 85–102 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Agamirov K.V.* Legal forecasting as a factor of improvement of the Russian legal system // *Zhurnal rossijskogo prava*. 2018. No. 8. P. 25–36 (in Russ.).
2. The state development through strategic planning: actual foreign experience. Part 2 / A.V. Klimenko, V.A. Korolev, D. Yu. Dvinskikh, etc. M., 2016 (in Russ.).
3. *Al'bov A.P., Shulepova I.V.* Legal forecasting in the absence of a scientifically developed economic strategy // *Uchenye trudy Rossijskoj akademii advokatury i notariata*. 2018. No. 2. P. 16–21 (in Russ.).
15. *Gretchikhin A.A.* Modern theories of economic forecasting and short-term fluctuation // *Risk and uncertainty: proceedings of a conference held by the International Economic Association* / ed. K. Borch and J. Mossin. London, 1968. P. 395–404.
16. *Holden K., Peel D.A.* Combining economic forecasts // *Journal of the Operational Research Society*. 1988. Vol. 39. No. 11. P. 1005–1010.
17. *Lin Jian, Bangzhu Zhu.* A novel kernel clustering algorithm based selective neural network ensemble model for economic forecasting // *Advances in Computation and Intelligence* / ed. Lishan Kang, Yong Liu and Sanyou Zeng. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 310–315.

- tion and Intelligence / ed. Lishan Kang, Yong Liu and Sanyou Zeng. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 310–315.
18. *Lin Jian, Bangzhu Zhu*. A novel neural network ensemble system for economic forecasting // *Advanced Intelligent Computing Theories and Applications. With Aspects of Contemporary Intelligent Computing Techniques* / ed. De-Shuang Huang, Laurent Heutte and M. Loog. Berlin; Heidelberg, 2007. P. 1227–1233.
19. *Lin Jian, Bangzhu Zhu*. Improved principal component analysis and neural network ensemble based economic forecasting // *Intelligent Computing* / ed. De-Shuang Huang, Kang Li and G.W. Irwin. Berlin; Heidelberg, 2006. P. 135–145.
20. *Luo Da-rong, Kai-zhong Guo, Hao-ran Huang*. Regional economic forecasting combination model based on RAR+SVR // *Fuzzy Information & Engineering and Operations Research & Management* / ed. Bing-Yuan Cao and Hadi Nasser. Berlin; Heidelberg, 2014. P. 329–338.
21. *Ozherelev V. N, Ozhereleva M.V.* Cross-country comparisons as an instrument of economic forecasting // *Studies on Russian Economic Development*. 2018. Vol. 29. No. 4. P. 442–446.

Сведения об авторе

АГАМИРОВ Карэн Владимирович — кандидат юридических наук, доцент, старший научный сотрудник сектора философии права, истории и теории государства и права Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors' information

AGAMIROV Karen V. — PhD in Law, associate Professor, senior researcher of the sector of Philosophy of Law, history and theory of state and law of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

ОТ «МЕТОДОЛОГИЧЕСКОГО ЭССЕНЦИАЛИЗМА»
К ТОТАЛИТАРИЗМУ: НЕОКОНЧЕННЫЙ СПОР
КАРЛА ПОППЕРА С ПЛАТОНОМ

ПРИРОДА НАУЧНОГО МЕТОДА¹

© 2020 г. В. Н. Жуков

Московский государственный университет им. М.В. Ломоносова

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Поступила в редакцию 23.09.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается эпистемология К. Поппера, напрямую связанная с его политическими взглядами. Анализируется отношение Поппера к метафизике в контексте его теории фальсификации научного знания. Раскрывается позиция Поппера на существование научного метода.

Ключевые слова: эпистемология, юридическая наука, философия права, Поппер, метафизика, Кант, социология.

Цитирование: Жуков В.Н. От «методологического эссенциализма» к тоталитаризму: неоконченный спор Карла Поппера с Платоном // Государство и право. 2020. № 10. С. 36–44.

DOI: 10.31857/S102694520012229-2

FROM “METHODOLOGICAL ESSENTIALISM”
TO TOTALITARIANISM:
UNFINISHED DISPUTE KARL POPPER WITH PLATON

NATURE OF THE SCIENTIFIC METHOD

© 2020 V. N. Zhukov

Lomonosov Moscow state University

E-mail: pifagor2002@mail.ru

Received 23.09.2020

Abstract. The article discusses the epistemology of K. Popper, directly related to his political views. The article analyzes Popper's attitude to metaphysics in the context of his theory of falsification of scientific knowledge. Popper's position on the essence of the scientific method is revealed.

Key words: epistemology, legal science, Philosophy of Law, Popper, metaphysics, Kant, sociology.

¹ Данная статья является первой в цикле публикаций, посвященных творчеству К. Поппера, взаимосвязи его эпистемологии и политических взглядов.

For citation: Zhukov, V.N. (2020). From “methodological essentialism” to totalitarianism: unfinished dispute Karl Popper with Platon
Nature of the scientific method // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 36–44.

Карл Раймунд Поппер (1902–1994) – выдающийся философ науки, оказавший значительное влияние на эпистемологию XX столетия. Он родился в Вене в семье профессора права. В Венском университете изучал математику, физику, историю музыки. Увлекался марксизмом и психоанализом. По окончании университета, получив диплом учителя математики и физики, работал в школе. В 1937 г., опасаясь преследования со стороны нацистов из-за своего еврейского происхождения, переехал в Новую Зеландию, где преподавал философию в университете Кентербери. С 1945 г. – британский подданный, с 1946 г. – профессор Лондонской школы экономики и политических наук. Творчество Поппера развивалось главным образом в рамках позитивизма и неопозитивизма, он шел к философии от математики и естествознания, опираясь на гносеологию Канта. В этом смысле Поппер – одновременно типичный позитивист и неокантианец, ставивший и парадоксальным образом решавший философские проблемы науки. Неокантианство и позитивизм – не антагонисты, а тесно связанные направления. Позитивизм О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля был нацелен на преодоление метафизики, не способной, с их точки зрения, на основе современного естествознания давать адекватную смысловую модель мира, и создание универсальной науки, органично совмещающей в себе философские обобщения и данные эмпирических наук (естественных и социальных). Неокантианство также возникает из стремления преодолеть разрыв между метафизикой и естествознанием. Если в «первом» позитивизме есть некое равновесие между содержательными проблемами, заданными различными науками, и методологией, то для неопозитивизма центральная тема – эпистемология. Влиятельной разновидностью неопозитивизма стал логический позитивизм, который в 20–30-е годы проявил себя в деятельности Венского кружка (Р. Карнап, Ф. Вайсман, Г. Фейгль, О. Нейрат и др.). Поппер поначалу был к нему близок, но сразу же заявил о своей особой позиции, которую и развивал всю свою жизнь. Роль Поппера в философии науки определяется как минимум двумя обстоятельствами. Во-первых, он мог, как никто другой, вскрывать проблему там, где ее никто не видел. Обращаясь к классикам философии и науки, ему удавалось показать противоречия и парадоксы познания там, где давно сформировалась традиция, которая, казалось бы, все объясняла непротиворечивым образом. Нужен был парадоксальный ум Поппера, чтобы увидеть за всеми принятой позицией, вроде бы многократно доказанной, первозданный хаос идей, который требовал новой, более глубокой интерпретации. Во-вторых,

в отличие от своих коллег по эпистемологии Поппер способен был показать всю цепочку этапов и звеньев от первичных методологических и теоретических установок до политических и социологических идей, философско-исторических конструкций и социальных утопий. Конечно, Поппер был пристрастен в своих политических взглядах (пропагандировал либерализм и гуманизм, отвергал насилие и тоталитаризм), что снижало объективность его социологического анализа. Вместе с тем ему удалось четко, ясно и глубоко показать возможные подходы, позволяющие установить связь между гносеологией и философией политики и права. В этом – непреходящая ценность творчества Поппера.

Демаркация науки и метафизики

Л. Витгенштейн и Р. Карнап сформулировали базовый для логического позитивизма тезис: если теорию невозможно доказать, она представляет собой бессмыслицу. На этом основании к «бессмыслице» была отнесена вся неопозитивистская философия, прежде всего идеалистическая и религиозная метафизика. В данном случае продолжалась линия «первого» позитивизма на борьбу с метафизикой, изгнание ее из естествознания и обществоведения и создание «подлинно научной» методологии. Набиравший огромное влияние с начала XX в. сциентизм проявил себя и в логическом позитивизме: поскольку наука предстает исключительно в виде знаково-символических средств, научная методология не должна выходить за рамки анализа языка науки. В качестве главного научного метода выдвигалась идея верификации (верифицируемости) (от лат. *verificatio* – доказательство, подтверждение): истинность научных утверждений должна подтверждаться эмпирическими данными «чистого опыта», фиксируемых логическими средствами языка науки. Иными словами, наука ограничивалась сферой эмпирики, опыта, систематизируемого на основе индукции. Уже в 20-е годы Поппер отверг такое понимание науки, выдвинув собственную теорию фальсификации: теория является научной только в том случае, если ее (в целом или в части) можно опровергнуть (проверить). Центральная идея данного подхода – отказ от индуктивизма, признание приоритета научной теории (научной гипотезы) перед опытом. В конечном счете речь шла о том, чтобы восстановить в правах теоретическое, внеопытное знание, без которого, согласно Попперу, наука невозможна. Фактически Поппер выступил за реабилитацию умозрительной философии (метафизики), считая ее необходимым средством добывания научного

знания. Отсюда — главный вектор и точка отсчета его творчества: проведение демаркации между наукой и метафизикой, определение роли метафизики в формировании научного знания.

Проблема соотношения науки и философии, социальной науки и естествознания была поставлена в античности, подготовлена эпохой Просвещения и зазвучала в полную силу в XIX — первой половине XX в. Данная проблема достигает своего пика в той части обществоведения, которая претендует на открытие социальных закономерностей и построение социальных идеалов. Тоталитарные режимы XX в. стали дополнительным стимулом для многих интеллектуалов, в т.ч. для Поппера, пересмотреть сциентистские установки философии и социальной науки. Огромное число авторов от Платона до К. Маркса, М. Вебера, Г. Зиммеля и К. Манхейма ставили перед собой цель познать общество, его структуру и законы развития. Недостаток знания, как правило, восполнялся метафизикой, что часто вело к мистификации социальной науки. В XIX в. появляется социология, заявившая о себе как о подлинной науке, способной синтезировать естественнонаучное и обществоведческое знание и максимально приблизиться по точности к математике, естественным и техническим наукам. Во второй половине XIX — первой трети XX в. в социологии было три господствующих направления: позитивизм, неокантианство, марксизм. Позитивисты провозгласили полный отказ от умозрительной философии (метафизики), поскольку она, с их точки зрения, мистифицировала науку. Неокантианцы пошли по пути модернизации метафизики, включение ее в том или ином виде в обществоведение (к ним принадлежал Поппер). Маркс и Энгельс заявили о создании «научной философии», под которой понимали якобы очищенную от идеализма гегелевскую логику. Фактически речь шла о новой метафизике, поскольку т.н. диалектический материализм точно так же, как и идеализм, строился на априорных, принципиально не доказуемых положениях, требующих веры. Сам термин «метафизика» был дискредитирован и стал маркером всякого рода идеализма. На самом деле метафизика была реабилитирована, модернизирована и включена в экономическую и политическую доктрину марксизма. Материалистическая диалектика, материалистическое понимание истории, концепция классовой борьбы и построения коммунизма — все это подавалось как единство теории и практики, философии и жизни. Иными словами, марксизм не только не отказался от метафизики, но сделал ее своей основой. В интерпретации Ленина марксизм приобретает статус партийной философии и теории рабочего класса. Это означало, что критерием научности стала приверженность делу борьбы рабочего класса: автор тем

более приближался к истине, чем сильнее проявлял убежденность в неизбежной гибели капитализма и переходе к коммунизму. В данном случае метафизика перерастала в идеологию и объявлялась «научной философией». Любые сомнения в победе социалистической революции должны были трактоваться как уклонение от истины, от научности. Примерно такой же подход был взят на вооружение итальянским фашизмом и германским национал-социализмом.

Следует подчеркнуть, что марксизм (особенно в советском его варианте), фашизм и национал-социализм — только крайние проявления включенности метафизики в социальную науку. Обществоведение любых эпох и народов всегда с необходимостью содержит в себе метафизику, обычно очень быстро приобретающую форму политической идеологии. Яркий пример такой метаморфозы — концепции естественных прав, договорного государства и выстроенных на их основе теории либеральной демократии и правового государства. Буржуазия, отстаивая свой экономический интерес и борясь за власть, нуждалась в соответствующей идеологии, которая и была создана политической философией просветителей. Г. Гроций, Т. Гоббс, Дж. Локк, Ж.-Ж. Руссо, И. Кант философски обосновали модель нового буржуазного государства. Неподготовленный читатель вполне мог подумать, что в их сочинениях представлены крупные научные открытия, касающиеся организации политической жизни (верховенство парламента и закона, разделение властей, система сдержек и противовесов и т.п.), тогда как на самом деле имела место трансформация рационалистической философии в политическую идеологию, метафизика воплотилась в социальную утопию. Демократические механизмы были порождены самой жизнью, либеральная демократия стала новым способом управления массами в условиях буржуазной культуры. Политическая мифология (метафизика) отчасти зафиксировала данное положение дел, отчасти продолжала оставаться недостижимым идеалом. Между практикой буржуазного государства и либеральной идеологией существовал и продолжает существовать заметный разрыв.

Классики логического позитивизма, разрабатывая, казалось бы, специальную тему о границах науки, имели в виду, конечно, и более широкую проблему деидеологизации общественной науки. Косвенно это выразилось в отрицании метафизики, а вместе с ней — всего обществоведения, в той или иной мере связанного с метафизикой. После Второй мировой войны тема деидеологизации социальных наук становится одной из центральных. Важнейшим стимулом здесь была «холодная война», стремление стран Запада подорвать могущество стран «реального социализма». Создавались бесчисленные советологические центры,

призванные развенчать марксизм и его разновидности (прежде всего в форме советского марксизма). Борьба с идеологией тоталитарных режимов требовала пересмотра связи философии и социальной науки. Поппер выступил одним из главных борцов этого идеологического фронта, выпустив свою знаменитую книгу «Открытое общество и его враги» (1945 г.). Его позиция изначально, еще с 20-х годов, была двойственной: с одной стороны, он выступал за поиски подлинной научности, в т. ч. в социальной науке, за освобождение ее от иррационализма, с другой — признавал неизбежность и необходимость метафизики в деле научного познания. Притом что Поппер своим творчеством только еще раз подтвердил тезис о невозможности разделить науку и метафизику, социальную науку и идеологию (за что выступали марксисты), он много сделал для понимания их взаимодействия.

Философская позиция Поппера (как он сам ее формулирует) — индетерминизм, реализм, рационализм. Критерием научного статуса теории, с его точки зрения, является ее фальсифицируемость (опровержимость, проверяемость). Если теория успешно противостоит попыткам опровержения, можно утверждать, что она подтверждается, подкрепляется опытом. Благодаря методу предположений и опровержений подлинная наука получает все более приспособленные теории посредством устранения менее приспособленных. Непроверяемые теории не представляют интереса для ученого, их можно назвать метафизическими. Метафизика не означает бессмысленности, она означает непроверяемость. Авторы ненаучных теорий могут намеренно разрушать проверяемость своих теорий. Так, не подвергается проверке астрология, не обращающая внимание на неблагоприятные для нее примеры. Она делает свои интерпретации и пророчества неопределенными, чтобы ими можно было объяснить все, в т. ч. факты, способные опровергнуть их теорию. Марксистская трактовка истории — также из разряда метафизических (т. е. непроверяемых), т. к. выносит свои предсказания в неопределенно далекое будущее.

Несмотря на то что метафизика относится к разряду непроверяемых теорий, утверждает Поппер, демаркационную линию между наукой и метафизикой нельзя проводить слишком жестко, поскольку большинство научных теорий имели своим источником миф. Чтобы доказать выдвинутый тезис, он обращается к трансцендентальной гносеологии Канта, которая, по его убеждению, вырастает из проблем естествознания. Кант осознал, полагает Поппер, что история науки опровергает бэконский миф о том, будто наука начинается с наблюдений, а затем выводит из них свои теории. Логически невозможно вывести теорию из наблюдений, поэтому такая процедура никогда в истории не встречалась. Физические эксперименты,

согласно Попперу, столько же мало предшествуют теории, как и астрономические наблюдения. Они представляют собой вопросы, которые человек задает природе с помощью теорий. Так, идея Коперника поместить в центр универсума Солнце, а не Землю, была не результатом новых наблюдений, а новой интерпретацией старых и хорошо известных фактов в свете полурелигиозных платонических и неоплатонических идей (например, в «Государстве» Платона: в мире воспринимаемых вещей Солнце играет ту же роль, которую играет идея блага в мире идей). Последовательность возникновения коперниковской теории такова: сначала появилась идея (в виде мифа), затем стали собираться результаты наблюдений. Для подкрепления своей мысли Поппер цитирует Канта: «Ясность для всех естествоиспытателей возникла тогда, когда Галилей стал скатывать с наклонной плоскости шары с им самим избранной тяжестью, когда Торричелли заставил воздух поддерживать вес, который, как он заранее предвидел, был равен весу известного ему столба воды... Естествоиспытатели поняли, что разум видит только то, что сам создает по собственному плану, что он с принципами своих суждений должен идти впереди согласно постоянным законам заставляя природу отвечать на его вопросы, а не тащиться у нее словно на поводу, так как в противном случае наблюдения, произведенные случайно, без заранее составленного плана, не будут связаны необходимым законом, между тем как разум ищет такой закон и нуждается в нем»². «Наш разум, — подчеркивает Кант, — не выводит закона из природы, а пытается — с разной степенью успешности — налагать на природу законы, которые он свободно изобретает»³. Поппер считает данный тезис выдающимся открытием, но отвергает положение Канта, что эти законы необходимо истинны или что мы всегда добиваемся успеха, налагая их на природу. На самом деле, утверждает Поппер, законы, данные разумом (иначе говоря, теория), могут быть ошибочны, их следует проверять, подвергать методу фальсификации. Наука, делает он вывод, должна начинать с критики мифов, а не с совокупности наблюдений и не с придумывания тех или иных экспериментов. Вера в то, что мы можем начать научное исследование с одних чистых наблюдений, не имея чего-то похожего на теорию, является абсурдной. «Логический анализ показывает, что опыт не сводится к механическому накоплению наблюдений. Опыт креативен. Он является результатом свободных, смелых

² Поппер К. П. Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008. С. 317.

³ Там же. С. 321.

и творческих интерпретаций, контролируемых су-
ровой критикой и строгими проверками»⁴.

Каждая рациональная теория (научная или фи-
лософская), по Попперу, рациональна в той мере,
в какой пытается решать определенные проблемы.
«Теория понятна и разумна лишь в отношении
к конкретной проблемной ситуации, и ее мож-
но обсуждать, только обсуждая это отношение»⁵.
Предмет или разновидности вещей не создают ос-
новы для различения дисциплин. «Мы исследуем
не предметы, а проблемы. Проблемы же способны
пересекать границы любых дисциплин и их пред-
метов»⁶. Данные требования относятся и к фило-
софии (метафизике). Любая философская школа
вырождается, когда отрывается от реальных про-
блем. «Подлинно философские проблемы всегда
вырастают из проблем, возникающих вне филосо-
фии, и они умирают, если эта связь прерывается»⁷.
В философии важны не методы, а чуткость к про-
блемам. Тексты классиков философии без специ-
альной подготовки могут показаться набором бес-
смысленных слов и выражений. Только история
математики и науки может объяснить, как появ-
лялись философские проблемы, а они появлялись
при обсуждении проблем науки и математики. Так,
теория идей Платона возникла в результате откры-
тия иррациональности квадратного корня из двух,
а в более общем плане — из утверждения, что число
является умопостигаемой сущностью всех вещей.
Философ, заключает Поппер, должен философ-
ствовать, а не говорить о философии.

Социальная природа научного метода

Для Поппера все разновидности наук (есте-
ственные, технические (прикладные), социальные)
объединяются единственно важным, с его точки
зрения, критерием — научным методом, который
определяется им как метод фальсификации: «Ме-
тод науки состоит в том, чтобы обнаружить факты,
которые могут опровергнуть теории»⁸. Отбор фак-
тов происходит на основе научной гипотезы, ко-
торая «подобно прожектору» высвечивает имею-
щие отношение к изучаемой проблеме. Хотя факты
и подбираются под углом зрения некоей исходной
рабочей теории, они должны быть нацелены в т.ч.
и на опровержение данной теории. В случае, если
факты теорию не опровергают, она подтверждает-
ся. Избежать отбора фактов не только невозможно,
но и не следует к этому стремиться, в противном

случае перед исследователем окажется конгломерат
никак не связанных между собой фактов. В зави-
симости от целей научного исследования науки де-
лятся на теоретические (физика, биология, социо-
логия и т.д.) и прикладные (например, техниче-
ские). Теоретические науки проверяют истинность
универсальных законов, прикладные науки пред-
назначены для предсказания конкретных событий.
Теоретические и прикладные науки взаимосвя-
заны, поскольку по разным параметрам и в разных
аспектах проверяют друг друга.

Как было отмечено выше, Поппер заметно осла-
бил сциентизм неопозитивизма (логического пози-
тивизма), объявив метафизику необходимым усло-
вием получения научного знания. Данную посылку
он развивает в концепции «научной объективности»
(«объективности научного метода»). Научный метод,
утверждает Поппер, делает объективным социальная
среда, где совершаются научные открытия. «Объек-
тивность тесно связана с социальными аспектами
научного метода, с тем фактом, что наука и научная
объективность не есть (и не может быть) результатом
попыток отдельного ученого стать “объективным”».
Она есть результат дружески враждебного сотрудни-
чества многих ученых. Поэтому научная объектив-
ность может быть определена как интерсубъектив-
ность научного метода»⁹. В данном случае речь идет
не просто о критике со стороны других ученых, соз-
дающих своеобразную конкурентную среду, где вы-
двинутая теория (гипотеза) должна доказать свою
истинность. Социальный аспект научного метода,
по Попперу, состоит в возможности пересмотреть
донаучные, мировоззренческие (т.е. метафизиче-
ские) предпосылки научного знания, которые при-
нимаются научной средой без доказательств. Здесь
опять идет отсылка к метафизике как необходимому
условию научного познания, но с той поправкой, что
данные метафизические установки следует постоян-
но пересматривать. В качестве примера Поппер при-
водит теорию относительности Эйнштейна, который
пересмотрел не саму ньютоновскую механику, а ее
мировоззренческие основания. Иначе говоря, соци-
альная природа научного метода состоит в том, что
он предопределен мировоззренческими (метафизи-
ческими) установками, формируемыми социальной
(в т.ч. научной) средой. «Следует признать, что в каж-
дый момент времени наши научные теории зави-
сят не только от экспериментов и т.п., проведенных
к этому моменту, но также от предпосылок, которые
мы принимаем без доказательств, т.е. принимаем, не
осознавая их... Однако, глядя на этот твердый слой
предубеждений, мы можем сказать, что наука спо-
собна изучать и разбивать некоторые из своих пан-
цирей. Процесс этот никогда не может быть завер-
шен, но не существует и никакого определенного

⁴ Поппер К.Р. Указ. соч. С. 323.

⁵ Там же. С. 332.

⁶ Там же. С. 120.

⁷ Там же. С. 126.

⁸ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 300.

⁹ Там же. С. 251.

барьера, перед которым он должен резко остановиться. Любое допущение в принципе может быть подвергнуто критике. Научная же объективность состоит в том, что критиковать может каждый»¹⁰. Поппер специально оговаривает, что метод фальсификации не ведет к релятивизму, «если утверждение истинно, оно истинно всегда»¹¹. Истина относительна только в том отношении, что она является одним из этапов бесконечного процесса познания. «Это значит, что большинство научных результатов имеют характер гипотез, т.е. утверждений, доказательство которых не могут быть окончательными и которые поэтому могут быть пересмотрены в любое время»¹².

Определившись со своим пониманием социальной природы научного метода, Поппер предпринял атаку на широкий круг авторов (от Аристотеля и Гегеля до Маркса, Шелера и Манхейма), объединенных, с его точки зрения, «теорией социальной детерминации научного знания». Ставя в один логический ряд таких очень разных авторов (по философским и социологическим взглядам), он, конечно, намеренно огрубляет их методологические установки, чтобы создать некую общую картину. Она зачастую весьма далека от оригинала, но здесь важно понять концепцию самого Поппера. Все критикуемые персоналии, по его мнению, являются представителями т.н. социологии знания, «социологизма», согласно которому наука (особенно социальная наука) в значительной мере обусловлена социальной средой. Методологические и ценностные установки исследователя формируются социальной средой, о чем он может и не догадываться. Идеи могут представляться ему как самоочевидные, не требующие проверки. Поскольку культурно-исторические условия, где формируется наука, весьма различны, представления ученых также могут весьма различаться. Такое положение дел ведет к тому, что между научными взглядами, школами, сформированными в разных социальных средах, возводится стена, между ними невозможен никакой компромисс. Социология знания называет научное знание, одновременно определяемое и разделяемое социальной средой, тотальной идеологией.

Согласно Попперу, социология знания есть гегельянская версия кантовской теории познания. В истории философии, полагает он, выделяются две разновидности теории познания: пассивная и активная. Первая представлена эмпириками до Юма включительно. Ее суть в том, что знания формируются в человеке посредством ощущений, которые естественным образом, сами собой, без активного

вмешательства субъекта трансформируются в представления. Поскольку логические ошибки здесь возникают из-за вмешательства субъекта, лучший способ их избежать — оставаться совершенно пассивным. Активная теория познания связывается с Кантом, для которого знание есть результат творческой деятельности человеческого разума. Важная особенность кантовской гносеологии — попытка создать универсальный понятийный аппарат, неизменный и истинный независимо от культурно-исторических условий. По Попперу, Гегель — также сторонник активной роли разума — отверг идею универсализма научного знания, связав его с «духом нации»: всякая истина относительна, поскольку всегда соответствует конкретно-исторической ступени в развитии общественного сознания. Маркс также отказался от универсализма в пользу классового сознания: представления только в той мере истинны, в какой отвечают борьбе пролетариата за социализм. И Гегель, и Маркс сознавали односторонность, субъективизм знания, связанного либо с национальным духом, либо с классовым сознанием пролетариата, что заставило обоих искать средство достижения большей объективности. Таким средством, считает Поппер, стал «социологический анализ», т.е. методология, нацеленная на изучение механизма получения знания путем переработки духовного материала той или иной культурно-исторической среды. Социологический анализ, применяемый социологией знания, становится также и своеобразной психотерапией, позволяющей восстанавливать психологическое равновесие, нарушенное неразрешимыми логическими противоречиями. На самом деле, констатирует Поппер, социологический анализ не способен достичь объективности. Сама социология знания неспособна понять социальную природу научного метода, поскольку отрывает механизм формирования знания у отдельного ученого от социальной среды. Согласно логике Поппера, здесь речь идет о том, что рассмотрение сферы сознания как относительно самостоятельной ведет к односторонности, субъективизму. Социология знания, развивая свою мысль, надеется реформировать социальные науки, заставив ученых для ликвидации предубеждений сознательно воспринимать силы, действующие в обществе, и те идеологии, с которыми эти силы сочетаются на уровне бессознательного. Но полное избавление от предубеждений (при помощи социологического анализа), по Попперу, невозможно. Социологические, психологические или антропологические исследования не помогут избавиться от предубеждений. Самоанализ (социологический, психоанализ) не только не ведет к преодолению бессознательных детерминант наших воззрений, но, напротив, приводит к более тонкому самообману. В качестве примера приводится известный тезис, идущий от Спинозы, о свободе как познанной необходимости.

¹⁰ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 255–265.

¹¹ Там же. С. 256.

¹² Там же.

Поппер считает его реакционным предубеждением, ведущим к социальной пассивности: если принять данный тезис за истинный, социальный прогресс был бы невозможен, общество до настоящего времени было бы поделено на рабов и господ.

Кантианцы и гегельянцы, утверждает Поппер, исходят из допущения, что предпосылки научного исследования (теория) не могут ни изменяться по решению людей, ни отвергаться посредством эксперимента, что они сами находятся над и вне научных методов проверки теорий. Такое допущение, с его точки зрения, основано на непонимании отношений между теорией и опытом (практикой). Социологизм убежден, что методологические трудности социальных наук связаны с тем, что в них слишком переплетены теория и практика, рациональное и иррациональное. Поппер считает данный аргумент несостоятельным, поскольку естественные и технические науки встречаются с теми же проблемами. Для настоящего учебного тесного контакта с реальностью необходим. «Практическое применение наших открытий есть, таким образом, средство, с помощью которого мы можем устранить иррационализм из социальной науки»¹³.

Главный вывод Поппера относительно социологии знания таков: страх перед изменениями заставил мыслителей, историков, социологов создать концепции, нацеленные на подчинение этих изменений рациональному контролю: если изменение не может быть остановлено, рассуждали они, оно должно быть по крайней мере планируемо и контролируемо государством, для чего власть государства должна быть существенно расширена.

Социальные науки, убежден Поппер, могут быть реформированы только благодаря методу фальсификации, методу «проб и ошибок», методу выдвижения гипотез и их проверки на практике. «Необходима такая социальная технология, достижения которой могут быть проверены с помощью постепенной или поэтапной социальной инженерии»¹⁴.

Поппер, конечно, глубоко прав, утверждая, что исходной предпосылкой любого научного исследования является метафизика. Мир непознанного бесконечен, он подобен космосу, в крошечной тьме которого кое-где возникают крохотные проблески познания, дающего знание о действительности. Познание действует по принципу ядерного взрыва: каждое новое открытие рождает десятки и сотни новых проблем, что свидетельствует не о безграничных возможностях человеческого разума, а о бездонной тьме нашего незнания. Чем больше мы узнаем о мире, тем более он представляется нам загадочным. В этих условиях метафизика становится необходимой

и неизбежной основой, своего рода средой познания. В классической европейской философии под метафизикой обычно понимали философию, опирающуюся на признание сверхприродных принципов бытия. По распространенной классификации такая философия — идеализм того или иного вида. Вместе с тем распространена точка зрения, согласно которой материализм также является разновидностью метафизики: поскольку доказать первичность материи и смертность человеческой души не представляется возможным, данный тезис можно принимать только в виде гипотезы, т.е. на веру. Материализм в своих исходных мировоззренческих посылах — типичная метафизика. Метафизика неизбежна и необходима потому, что человек нуждается в смысловой картине мира, а получить ее он способен, только опираясь на допущения, гипотезы. Метафизика компенсирует отсутствие знаний о мире при помощи умозрительных конструкций, позволяющих на основе известных фактов создать целостную картину бытия. Поппер прав в том, что познание (научное и философское) строится не по предметному принципу, а по проблемному: та или иная философская или научная дисциплина возникает не потому, что выделяется предмет исследования, а вследствие поставленной человеком проблемы, которую надо решить. Метафизика и есть предельно обобщенный способ постановки проблемы, в рамках которой решаются проблемы более частного порядка.

Поппер в духе позитивистской традиции выступает за единство науки. Различая науки естественные, технические и социальные, он тем не менее представляет дело так, будто между ними нет и не должно быть принципиальных различий. Поппер отдает отчет, что социальная наука страдает заметными изъянами по сравнению с естествознанием (отсутствие необходимой точности, строгости), но считает это преходящим явлением. Социальная наука, полагает он, должна изжить свои недостатки и максимально приблизиться к математике и естествознанию. Сциентистская традиция, которой придерживается Поппер, берет свое начало в эпоху Просвещения и достигает апогея в «первом позитивизме» О. Конта, Г. Спенсера и Дж. Ст. Милля. Контовская классификация наук предложила смотреть на социальный мир как часть мироздания, развивающегося по единым законам. Законы, открытые математикой, астрономией, физикой, химией и физиологией, в полной мере распространяют свое действие, по мысли Конта, на жизнь общества. Данный подход должен был радикально реформировать обществоведение и сделать его подлинной наукой. Такой «подлинной» обществоведческой наукой стала социология, которая за несколько десятков лет приобрела огромную популярность. Однако уже на рубеже XIX—XX вв. стало очевидно, что социология (особенно в форме

¹³ Поппер К.Р. Открытое общество и его враги. Т. 2. С. 257.

¹⁴ Там же.

органицизма) страдает хроническими для обществоведения недостатками (приблизительность знания, неспособность дать прогноз). Ситуация с пониманием специфики социальных наук заметно меняется с появлением баденской школы неокантианства (В. Виндельбанд, Г. Риккерт), которая предложила деление на «науки о природе» и «науки о культуре». В качестве критерия был положен метод исследования: генерализирующий и индивидуализирующий. Первый выявлял законы (в естествознании), второй описывал явления (прежде всего в истории). Социология была отнесена к генерализирующей науке, что выглядело, конечно, неоправданным авансом. Во всяком случае четко и внятно было объяснено, что социальная наука принципиально отличается от математики, естествознания и техники, группировка изучаемых ею фактов зависит не от объективных критериев, а от ценностных (т.е. глубоко субъективных) установок исследователя. В этом случае истина в социальной науке объявлялась принципиально относительной, субъективной. После открытий, сделанных баденской школой, сциентистская установка в социальной науке, характерной для «первого позитивизма», представляется как анахронизм, который должен быть окончательно изжит. Особенно это стало понятно в XX в., когда тоталитарные диктатуры, созданные по лекалам обществоведов, полностью дискредитировали прогностические возможности социальной науки. Поппер, призывая к реформированию социальной науки с целью сделать ее подобной естествознанию, выглядит безнадежным романтиком, как будто только что вернувшимся из XVII или XVIII в. Его установка на реабилитацию метафизики привносит здоровый реализм в понимание специфики обществоведения, но общий сциентистский пафос от этого не исчезает, неоправданный оптимизм относительно возможного реформирования социальной науки остается.

Поппер справедливо говорит о существовании активного познания (его представители — Кант, Гегель, Маркс): познающий субъект, отбирая факты и давая им свое объяснение, формирует свою субъективную картину мира, которая может в большей или меньшей степени приближаться к истине. Поппер доказывает существование активного познания, как правило, на примере естествознания, но в социальных науках (особенно в истории) активность познания — вещь почти очевидная. Как верно указала баденская школа неокантианства, активность познающего субъекта состоит в том, что он не просто описывает явления культуры, но осмысливает их с позиции своих ценностных установок. Одни и те же факты истории и современности могут подаваться в контексте разных смысловых моделей, что предопределяет относительность истины и ставит непроходимую преграду между теориями и школами.

Как утверждали правые гегельянцы (например, идеолог итальянского фашизма Дж. Джентиле), исторического прошлого не существует вне сознания познающего субъекта, историк не отображает действительную картину прошлого, а заново творит ее в собственном воображении. Задолго до него народник П.Л. Лавров, стремясь обосновать роль интеллигенции в качестве основной движущей силы русского революционного движения, фактически выступил за отождествление познающего сознания и познаваемой реальности. Согласно его логике выходило, что социальная действительность такова, какой ее видит человек. Критически мыслящие личности, т.е. русская революционная интеллигенция, распространяя свой политический идеал в обществе, меняют его сознание, а значит, и общественные отношения. Здесь активность сознания состоит не только в том, что оно стимулирует соответствующее поведение, но и в том, что оно способно менять смысл известных фактов действительности. Люди выстраивают свои отношения так, как они им видятся, объективность их отношений, общественной практики в целом — всегда проекция их сознания.

Субъективизм и относительность знаний социальной науки предопределены также тем, что она в полной мере зависит от культурно-исторических условий, при которых существует и развивается. Как верно отмечает сам Поппер, социальная наука не делает открытий, она лишь обобщает социальный опыт и совершенствует его. Поппер ставит в вину Гегелю и Марксу, что они отошли от универсального научного аппарата, созданного Кантом, и предложили свой, тесно связанный с культурно-историческими условиями. Категории их социальных доктрин, полагает Поппер, отражают не социальную реальность, а субъективные установки той среды, где они формируются и чьи интересы выражают. На самом деле в социальной науке имеет место некий компромисс: ее категории отчасти универсальны, отчасти несут на себе опечаток времени и среды. Так называемый прогресс в социальной науке есть не столько углубление уровня понимания социальных явлений, сколько отражение меняющейся реальности: меняется реальность, усложняется и дифференцируется общественная жизнь — меняется и наука, которая фиксирует и анализирует социальные явления в меняющихся исторических условиях. Базовые, наиболее общие положения о человеке, обществе, государстве, праве были высказаны еще в античности, до настоящего времени они не устарели, в дальнейшем социальная наука и философия лишь наращивают свой объем знаний. В этом отношении социальная наука и философия в каждой новой исторической эпохе каждой отдельной страны есть, как правило, набор категорий и положений, отражающих корпоративный дух конкретно-исторической национальной исследовательской среды,

ее некую конвенцию. Пересмотр данной конвенции другими поколениями ученых — факт не столько прогресса науки, сколько изменений культурно-исторических условий.

Поппер прав, что ставит вопрос о социальной природе науки. Наука — не просто совокупность знаний о мире, адекватно его отражающих, наука — производное человека и его свойств (сознания, познания, психологии, физиологии), сфера его деятельности. Наука в значительной мере антропоморфна, на что и обращает внимание Поппер своей теорией фальсификации. Действительно, социальная среда формирует мифологию (метафизику), являющуюся предварительным условием любого научного творчества. Поппер, исходя из единства наук (естественных, технических и социальных), сетует на то, что социальная наука до настоящего времени не приобрела еще полностью социального характера, т.е. не в полной мере способна применять метод фальсификации. В этой связи разворачивается его полемика с представителями «социологизма», прежде всего с Марксом. Последний справедливо утверждал, что социальная наука, поскольку она всегда выражает чей-то интерес, по большей части представляет собой идеологию, ложное сознание. Задача идеологии — не поиск истины, а стремление отстоять свой интерес. Отсюда, по Марксу, вытекает необходимость преодолеть идеологию, посмотреть на мир общественных отношений прямо и без иллюзий, т.е. с позиции строгой науки. Одна из граней данного процесса — установление характера взаимодействия теории и практики. Согласно Попперу, проблема соотношения теории и опыта в естествознании и обществоведении стоит одинаковым образом. Маркс смотрит на это иначе. Марксизм изначально выступал за единство теории и практики, что внешне вроде бы соответствовало подлинным научным критериям. Действительно, наука, изучая социальные явления, открывает действующие в них законы и предлагает обществу брать их на вооружение, чтобы уже сознательно применять на практике. Вместе с тем Маркс, стремясь изжить идеологию, одновременно делает ее своей методологической установкой: научный социализм, по его мысли, раскрывая ход мировой истории по направлению к коммунизму, выражает интересы пролетариата, а вместе с ним — всего человечества. Здесь наука намеренно объединяется с идеологией

Сведения об авторе

ЖУКОВ Вячеслав Николаевич — доктор юридических наук, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права и политологии юридического факультета МГУ им. М.В. Ломоносова; 119991 г. Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 13 (4-й учебный корпус)

(т.е. с метафизикой), что, очевидно, ставит предел ее строгости и адекватности. Маркс, отождествляя идеологию и науку, намерен достичь объективности последней, но фактически таким подходом ее исключает. Классовый подход делает социальную науку односторонней, субъективной, вносит раскол в социальную науку, против чего выступает Поппер. Марксистская методология демонстрирует общий изъян социальной науки, но Маркс возводит данный изъян в принцип познания. Единство социальной науки и практики состоит в том, что социальная наука, обобщая практику и переводя ее в разряд логики, включает в себя идеологический и ценностный компоненты в качестве ее органических частей. Маркс и Поппер, так или иначе, признают этот факт, но мотивы и способы его обоснования у них разные. Маркс считает идеологию (метафизику) ложным сознанием и требует ее изжить до конца. Поппер видит в этом методологическую ошибку, т.к. метафизика, с его точки зрения, неизбежна и неизживаема. Маркс фактически вводит идеологию (метафизику) в социальную науку в качестве необходимого компонента, Поппер делает то же. По Марксу, наука открывает социальные законы и ставит их на службу пролетариату (а с ним всему человечеству), по Попперу, социальная наука должна открывать законы и заниматься социальной инженерией, но классовый подход в ней должен быть исключен. Подлинная наука, полагает Поппер, должна не разъединять ученых и общество, а объединять.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Поппер К.Р.* Открытое общество и его враги. Т. 2. М., 1992. С. 251, 255–265, 300.
2. *Поппер К.Р.* Предположения и опровержения. Рост научного знания. М., 2008. С. 120, 126, 317, 321, 323, 332.

REFERENCES

1. *Popper K.R.* Open society and its enemies. Vol. 2. M., 1992. P. 251, 255–265, 300.
2. *Popper K.R.* Assumptions and refutations. Growth of scientific knowledge. M., 2008. P. 120, 126, 317, 321, 323, 332.

Authors' information

ZHUKOV Vyacheslav N. — Doctor of Law, Doctor of Philosophy, Professor, Professor of the Department of theory of state and law and political science of the faculty of law at Lomonosov Moscow state University; 1 Leninskie Gory, building 13 (4th academic building), 119991 Moscow, Russia

ИНТЕГРАЦИЯ ПРАВА И РЕЛИГИИ В КОНСТИТУЦИОННО-ПРАВОВОМ РЕГУЛИРОВАНИИ: СРАВНИТЕЛЬНО-ПРАВОВОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

© 2020 г. А. В. Мальшкин

Владимирский государственный университет им. А.Г. и Н.Г. Столетовых

E-mail: law33region@yandex.ru

Поступила в редакцию 08.06.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы, связанные с интеграцией веры в Бога в Конституцию. Анализируются конституции государств Европы, среди которых в конституциях семи европейских государств содержится упоминание Бога, в конституциях 15 — установлена официальная (государственная) религия, или подчеркивается особый статус определенной религии, в конституциях 22 государств Европы прямо закрепляется светский характер и отделение церкви от государства. На основе проведенного анализа обосновывается, что интеграция веры в Бога в ткань конституционных норм — это исторически обусловленный процесс нормативного закрепления естественных прав человека, не нарушающий светский характер государства, отражающий ценность культурно-исторической преемственности. Кроме того, интеграция права и религии на конституционном уровне создает основу для законности интегративного правоприменения.

Ключевые слова: правовое регулирование, социальное регулирование, светское государство, интегрированная юрисдикция, религиозные нормы, правовые нормы, социальные нормы, государственная религия.

Цитирование: Мальшкин А.В. Интеграция права и религии в конституционно-правовом регулировании: сравнительно-правовое исследование // Государство и право. 2020. № 10. С. 45–54.

DOI: 10.31857/S102694520012230-4

INTEGRATION OF LAW AND RELIGION IN CONSTITUTIONAL AND LEGAL REGULATION: COMPARATIVE LEGAL RESEARCH

© 2020 A. V. Malyshkin

Stoletovs Vladimir state University

E-mail: law33region@yandex.ru

Received 08.06.2020

Abstract. The article deals with issues related to the integration of faith in God in the Constitution. The author analyzes the constitutions of European States, among which the constitutions of 7 European States mention God, the constitutions of 15 European States establish an official (state) religion, or emphasize the special status of a particular religion, and the constitutions of 22 European States explicitly enshrine the secular nature and separation of Church and state.

Based on the analysis, it is proved that the integration of faith in God into the structure of constitutional norms is a historically determined process of normative consolidation of natural human rights, which does not violate the secular nature of the state, and reflects the value of cultural and historical continuity. In addition, the integration of law and religion at the constitutional level creates the basis for the legality of integrative law enforcement.

Key words: legal regulation, social regulation, secular state, integrated jurisdiction, religious norms, legal norms, social norms, state religion.

For citation: *Malyshkin, A.V. (2020). Integration of law and religion in constitutional and legal regulation: comparative legal research // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 45–54.*

Законом РФ о поправке к Конституции Российской Федерации от 14 марта 2020 г. № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти»¹ в Конституцию РФ включено указание на веру в Бога, переданную народу России предками (ч. 2 ст. 67.1). Данное обстоятельство вызвало споры в обществе относительно соответствия нового конституционного положения светскому характеру государства².

Конституционный Суд РФ в Заключении от 16 марта 2020 г. № 1-3³ пришел к выводу о том, что включение в текст Конституции указания на веру в Бога не свидетельствует об отказе от светского характера государства и от свободы совести, поскольку по своей формулировке: не связано с конфессиональной принадлежностью; не объявляет наличие тех или иных религиозных убеждений обязательными в Российской Федерации; не ставит в неравное положение в зависимости от наличия такой веры и ее конкретной направленности, а лишь призвано подчеркнуть необходимость учета при осуществлении государственной политики той исторически значимой социально-культурной роли, которую в становлении и развитии российской государственности сыграла религиозная составляющая.

Полагаем необходимым привести ряд аргументов, обосновывающих нашу позицию, согласно которой интеграция веры в Бога в ткань конституционных норм – это исторически обусловленный процесс нормативного закрепления естественных прав человека, не нарушающий светский характер государства, отражающий ценность культурно-исторической преемственности.

Во-первых, по нашему мнению, включение упоминания Бога в Конституцию РФ в принятой редакции, по существу, отражает ценность преемственности и эволюционного, созидательного пути в развитии общества и государства. Одним из элементов этой преемственности является историческая передача предками веры в Бога, что не отрицает, а подчеркивает трансляцию в рамках уникального культурного наследия широкого спектра идеалов и ценностей, в т.ч. свободы (во всех видах и проявлениях, включая свободу совести), справедливости, добра, взаимопомощи, патриотизма. Передача предками народу России веры в Бога есть

бесспорное обстоятельство и непреложный факт: даже не принимая во внимание все культурно-историческое наследие нашей страны, а ограничиваясь лишь тканью юридических текстов, отметим, что в правовых актах упоминание Бога пронизывает всю отечественную историю нормотворчества (за исключением лишь советского периода), начиная с Устава князя Владимира Святославовича (X в.)⁴, содержащего краткую инвокацию «Во имя Отца, и Сына, и Святаго Духа», и до наших дней, например, в виде констатации охраны Богом нашей родной земли во втором куплете текста Государственного гимна Российской Федерации, утвержденного Федеральным конституционным законом от 25 декабря 2000 г. № 3-ФКЗ «О Государственном гимне Российской Федерации»⁵.

Поэтому констатация в Конституции факта передачи предками веры в Бога сама по себе не нарушает светский характер нашего государства, а отражает ценность культурно-исторической преемственности.

Во-вторых, относительно интеграции и взаимодействия религии и государства Конституция РФ содержит целый ряд норм и механизмов, направленных на обеспечение светского характера государства, в т.ч. закрепляет:

светскость государства в Российской Федерации (ч. 1 ст. 14);

идеологическое многообразие (ч. 1 ст. 13);

невозможность установления какой бы то ни было религии или идеологии в качестве государственной или обязательной (ч. 1 ст. 14, ч. 2 ст. 13);

отделение религиозных объединений от государства (ч. 2 ст. 14);

равенство религиозных объединений перед законом (ч. 2 ст. 14);

равенство прав и свобод человека и гражданина независимо от отношения к религии и убеждений (ч. 2 ст. 19);

запрещение любых форм ограничения прав граждан по признакам религиозной принадлежности (ч. 2 ст. 19);

гарантирование каждому свободы совести и свободы вероисповедания, включая право исповедовать индивидуально или совместно с другими

¹ См.: СЗ РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

² См., напр.: Мельников А., Приймак А., Фаустова М. Богу тесно в Конституции. К чему приведут инициативы церкви по реформации Основного закона // Независимая газ. 2020. 4 февр.

³ См.: СЗ РФ. 2020. № 12, ст. 1855.

⁴ См.: Устав князя Владимира Святославовича о десятинах, судах и людях церковных // В кн.: Российское законодательство X–XX веков: в 9 т. Т. I. Законодательство Древней Руси. М., 1984. С. 139.

⁵ См.: СЗ РФ. 2000. № 52 (ч. I), ст. 5022.

любую религию или не исповедовать никакой, свободно выбирать, иметь и распространять религиозные и иные убеждения и действовать в соответствии с ними (ст. 28);

гарантирование каждому свободы мысли и слова (ч. 1 ст. 29);

недопустимость принуждения к выражению своих мнений и убеждений или отказу от них (ч. 3 ст. 29);

недопустимость пропаганды или агитации, возбуждающих религиозную ненависть и вражду (ч. 2 ст. 29);

запрещение пропаганды религиозного превосходства (ч. 2 ст. 29).

Приведенные конституционные нормы и гарантии, как нами отмечалось ранее⁶, коррелируют с положениями ст. 18 Всеобщей декларации прав человека, ч. 1 и 2 ст. 9 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, Декларации о ликвидации всех форм нетерпимости и дискриминации на основе религии или убеждений и обеспечивают системность и стабильность конституционно-правового института светскости государства, системообразующими элементами которого являются отделение религиозных объединений от государства и недопустимость установления общеобязательной религии⁷. Следовательно, включение упоминания Бога в Конституцию РФ не противоречит светскому характеру государства также в силу наличия в Конституции вышеприведенных норм и механизмов, обеспечивающих системность и стабильность конституционно-правового института светскости государства.

В п. 32 Доклада Специального докладчика по вопросу о свободе религии или убеждений Генеральной Ассамблеи ООН от 17 января 2017 г.⁸ отмечается, что придание каким-либо конкретным религии или убеждениям статуса официальных или их признание сами по себе не представляют нарушения государством обязательств, предусмотренных ст. 18 Международного пакта о гражданских и политических правах (Нью-Йорк, 16.12.1966 г.). При этом преимущественное положение тех или иных религий или государственных идеологий не должно приводить к ущемлению права на свободу мысли, совести и религии и других основных прав, признанных в международном праве; это не

должно приводить и к дискриминации в отношении лиц, не принимающих официальную идеологию или выступающих против нее.

Поэтому при наличии необходимых конституционно-правовых гарантий светскости государства и их реальной практической реализации конституционная интеграция положений о Боге либо придание конкретным религии или убеждениям статуса официальных не нарушают принцип свободы совести и вероисповедания, а также светский характер государства.

В-третьих, анализ доктринальных подходов к природе права на свободу совести и вероисповедания позволяет отнести это право к естественным правам⁹. Действительно, мировоззрение человека по своей сути либо религиозное (в т.ч. мифологическое), либо атеистическое. Человек не может существовать вне системы взглядов, оценок, представлений о мире и своем месте в нем. Мировоззрение придает деятельности человека осознанный и целенаправленный характер, поэтому потребность придерживаться религиозных либо атеистических взглядов (свобода совести), а также возможность исповедовать и практиковать любое вероучение (свобода вероисповедания) — естественные права человека. Конституционно-правовые нормы о религии в таком случае являются формой рассматриваемого естественного права. Закрепляя в Конституции указание на веру в Бога, переданную народу России предками, законодатель продолжил правовое оформление естественного права человека на свободу совести и вероисповедания, интегрируя естественное право в позитивное право. Интеграция веры в Бога в ткань конституционных норм — это неизбежный и исторически обусловленный процесс нормативного закрепления естественных прав человека.

В-четвертых, среди европейских конституций Конституция России не первая в части упоминания Бога. В зависимости от сакрально-правовой интеграции государства Европы можно разделить на три группы.

1. Государства, в конституциях которых содержится упоминание Бога.

В Преамбуле Конституции Греции¹⁰ присутствует инвокация: «Во имя Святой, Единственной и Нераздельной Троицы», а согласно ч. 1 ст. 3

⁶ См.: *Малышкин А.В.* Некоторые аспекты интеграции религиозных и правовых норм в светском государстве // *Государство и право.* 2019. № 5. С. 30–40.

⁷ См.: *Понкин И.В.* Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 147–166.

⁸ См.: Report of the Special Rapporteur on freedom of religion and belief (A/HRC/34/50). URL: <https://documents-dds-ny.un.org/doc/UNDOC/GEN/G17/008/79/PDF/G1700879.pdf?OpenElement> (дата обращения: 05.04.2010).

⁹ См., напр.: *Большакова В.М.* Право на свободу совести и свободу вероисповедания: особенности реализации в современной России // *Власть.* 2015. № 2. С. 129; *Кокорев В.Г., Зайцев И.А.* Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // *Социально-экономические явления и процессы.* Т. 11. 2016. № 7. С. 78–86; и др.

¹⁰ См.: Конституция Греции [Σύνταγμα της Ελλάδας]. URL: <https://www.hellenicparliament.gr/UserFiles/f3c70a23-7696-49db-9148-f24dce6a27c8/FEK%20211-A-24-12-2019%20NEO%20SYNTAGMA.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

господствующей в Греции религией является религия восточно-православной Церкви Христовой.

В Преамбуле Конституции Венгрии¹¹ отражается «чувство гордости» по поводу превращения королем Иштваном Святым государства в «часть христианской Европы...» и признается роль *христианства* в сохранении нации, а в «Заключительных положениях» Конституции указано: «Мы, депутаты Государственного Собрания, избранного 25 апреля 2010 года, осознавая свою ответственность перед Богом и людьми, пользуясь полномочиями по принятию Основного Закона, настоящим принимаем изложенный выше первый единый Основной Закон Венгрии».

Преамбула Конституция Ирландии¹² начинается словами: «Во имя Пресвятой Троицы, от которой исходят все власти и к которой как к нашей последней надежде должны быть направлены все действия человека и Государства, мы, народ Эйре, смиренно признавая все наши обязанности перед нашим Священным Господином Иисусом Христом, который поддерживал наших отцов в столетиях испытаний...». Согласно ст. 6 вся власть в соответствии с Божьим велением исходит от народа, который вправе назначать правителей государства и решать все вопросы национальной политики в целях всеобщего блага. В силу ч. 1 ст. 44 Конституции Ирландии «государство признает, что уважение к публичному поклонению является исполнением долга перед Всемогущим Богом, и должно благоговеть перед Его именем, уважать и почитать религию».

Вера в Бога и мировоззренческий плюрализм весьма изящно интегрированы в Конституцию Польши¹³, в преамбуле которой закрепляются следующие положения: «Мы, Польский Народ — все граждане республики, как верующие в Бога, являющегося источником истины, справедливости, добра и красоты, так и не разделяющие этой веры, а выводящие эти универсальные ценности из иных источников, равные в правах и обязанностях по отношению к общему благу — благодарные нашим предкам за их труд, за борьбу за независимость, стоившую огромных жертв, за культуру, укоренившуюся в христианском наследии Народа и общечеловеческих ценностях, продолжая лучшие традиции Первой и Второй Республики...».

¹¹ См.: Конституция Венгрии [Magyarország Alaptörvénye]. URL: https://www.keh.hu/magyarorszag_alaptorvenye/1515-Magyarorszag_Alaptorvenye&pnr=3 (дата обращения: 02.04.2020).

¹² См.: Конституция Ирландии [Constitution of Ireland]. URL: <http://www.irishstatutebook.ie/eli/cons/en/html> (дата обращения: 01.04.2020).

¹³ См.: Конституция Республики Польша [Konstytucja Rzeczypospolitej Polskiej]. URL: <https://www.https://www.prawo.pl/akty/dz-u-1997-78-483,16798613.html> (дата обращения: 01.04.2020).

В Преамбуле Конституции Украины¹⁴ указано, что Верховная Рада Украины «от имени Украинского народа — граждан Украины всех национальностей, выражая суверенную волю народа..., осознавая ответственность перед Богом, собственной совестью, предшествующими, нынешним и грядущими поколениями...» принимает Конституцию.

В Преамбуле Конституции (Основного закона) Федеративной Республики Германия¹⁵ содержатся слова: «Сознавая свою ответственность перед Богом и людьми, воодушевленный желанием служить делу мира во всем мире в качестве равноправного члена в объединенной Европе, немецкий народ в силу своей учредительской власти дал себе настоящий Основной закон».

К рассматриваемой группе государств в связи с принятием Закона РФ о поправке к Конституции РФ от 14 марта 2020 г. относится и Российская Федерация.

Наряду с упоминанием Бога во всех названных конституциях (как и в Конституции России) содержатся как декларативное закрепление светского характера государства, так и конкретные нормы и механизмы, обеспечивающие достижение светскости.

Например, Конституция Греции закрепляет: равную защиту со стороны государства независимо от религиозных убеждений (ч. 2 ст. 5); неприкосновенность свободы религиозного сознания и религиозных убеждений (ч. 1 ст. 13); запрет прозелитизма, т.е. деятельности, направленной на обращение других в свою веру (ч. 2 ст. 13); свободу всякой известной религии и беспрепятственное, под охраной закона отправление культовых обрядов, не нарушающих общественный порядок и нравственные нормы (ч. 2 ст. 13); равные со служителями государственной религии обязанности перед государством служителей всех известных религий (ч. 3 ст. 13); недопустимость отказа от подчинения законам государства со ссылкой на религиозные убеждения (ч. 4 ст. 13); возможность принесения депутатами парламента, исповедующими не православную веру, присяги в соответствии со своей религией или вероучением (ч. 2 ст. 59).

В Преамбуле Конституции Венгрии наряду с признанием ведущей роли христианства в сохранении нации указано на уважение различных религиозных традиций страны. Кроме того, Конституция

¹⁴ См.: Конституция Украины [Конституція України]. URL: <https://zakon.rada.gov.ua/laws/show/254%D0%BA/96-%D0%B2%D1%80> (дата обращения: 03.04.2020).

¹⁵ См.: Основной закон Федеративной Республики Германия [Grundgesetz für die Bundesrepublik Deutschland]. URL: <http://www.gesetze-im-internet.de/gg/index.html> (дата обращения: 02.04.2020).

закрепляет: право каждого на свободу мысли, совести и религии, включающее свободу избирать или менять религию, иное убеждение, а также свободу проявлять свою веру или иное убеждение, либо игнорировать такое проявление, отправлять или проповедовать путем осуществления религиозных действий, обрядов или иным способом, как единолично, так и совместно с другими, открыто или в частной жизни (ч. 1 ст. VII); раздельное функционирование государства и церкви, независимость церкви, взаимодействие государства с церквями для достижения общественных целей (ч. 2 ст. VII); правовое регулирование общих правил, распространяющихся на все церкви (ч. 3 ст. VII).

Конституция Ирландии, с одной стороны, рассматривая Пресвятую Троицу как источник всей власти, с другой — закрепляет, что: свобода совести и свобода повседневного и профессионального отправления религии гарантированы каждому гражданину при условии соблюдения общественного порядка и морали (ч. 2.1 ст. 44); государство гарантирует, что не будет покровительствовать какой-либо религии (ч. 2 ст. 44); государство не может осуществлять дискриминацию по мотивам религиозной принадлежности или веры (ч. 3 ст. 44); законодательство, предоставляющее государственную помощь школам, не должно вводить дискриминацию школ, состоящих под управлением различных религиозных направлений, а также воздействовать на право детей посещать получающие общественные деньги школы, в которых нет религиозных вероучений (ч. 4 ст. 44); каждая религиозная организация вправе владеть, приобретать и управлять собственностью (ч. 5 ст. 44).

В Конституции Польши закрепляются: равноправие церквей и иных религиозных организаций (ч. 1 ст. 25); беспристрастность публичных властей в вопросах религиозных, мировоззренческих и философских убеждений и обеспечение свободы их выражения в публичной жизни (ч. 2 ст. 25); построение отношений между государством и церквями, иными религиозными организациями на принципах уважения их автономии, взаимной независимости каждого в своей области, а также взаимодействия на благо человека и общее благо (ч. 3 ст. 25); право национальных и этнических меньшинств на создание собственных учреждений, служащих охране религиозной самобытности (ч. 2 ст. 35); свободу совести и религии, охватывающую свободу исповедовать или принимать религию по собственному выбору, а также проявлять индивидуально или вместе с другими, публично или частным образом свою религию посредством отправления культа, молитв, участия в обрядах, практик и обучения, а также владение храмами и иными культовыми местами и право лиц пользоваться религиозной помощью (ч. 1 и 2 ст. 53); право родителей

обеспечивать детям религиозное воспитание и обучение согласно своим убеждениям (ч. 3 ст. 53); возможность ограничения свободы проявления религии только посредством закона и только если это необходимо для охраны безопасности государства, публичного порядка, здоровья, морали или свобод и прав других лиц (ч. 5 ст. 53); недопустимость принуждения к участию в религиозных практиках (ч. 6 ст. 53); недопустимость установления обязанности гражданина раскрывать органам публичной власти своего мировоззрения, религиозных убеждений или вероисповедания (ч. 7 ст. 53); право на замену обязательной военной службы альтернативной по религиозным убеждениям (ч. 3 ст. 85).

В Конституции Украины в рамках обеспечения механизмов, гарантирующих свободу слова и вероисповедания, закреплены: положение об отделении церкви и религиозных организаций от государства, а школы — от церкви, а также о том, что никакая религия не может быть признана государством как обязательная (ст. 35); право на свободу мысли и слова, на свободное выражение своих взглядов и убеждений и основания ограничения этих прав (ст. 34); право на свободу мировоззрения и вероисповедания, включающее свободу исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, беспрепятственно отправлять единолично или коллективно религиозные культы и ритуальные обряды, вести религиозную деятельность, а также возможность ограничения указанного права законом только в интересах охраны общественного порядка, здоровья и нравственности населения или защиты прав и свобод других людей (ст. 35); возможность замены обязательной военной службы альтернативной службой по религиозным убеждениям (ст. 35); обязанность государства содействовать консолидации и развитию религиозной самобытности всех коренных народов и национальных меньшинств (ст. 11); равенство всех перед законом независимо от религиозных и других убеждений (ст. 24).

Согласно п. 3 ст. 3 Конституции (Основного закона) Федеративной Республики Германия никому не может быть причинен ущерб или оказано предпочтение вследствие его пола, его происхождения, его расы, его языка, его места рождения и родства, его вероисповедания, его религиозных или политических воззрений. В Конституции также закреплены гарантии: свободы вероисповедания, совести и провозглашения религиозных и мировоззренческих взглядов (п. 1 ст. 4); беспрепятственного отправления религиозных обрядов (п. 2 ст. 4); недопустимость принуждения против своей совести к военной службе с оружием (п. 3 ст. 4); решения законными представителями вопроса об участии детей в религиозном обучении (п. 2 ст. 7).

В рамках анализа конституций рассматриваемой группы государств необходимо отметить следующие существенные обстоятельства:

а) если в Конституции РФ Бог упоминается в аспекте культурно-исторической преемственности, то в конституциях других государств Бог рассматривается как источник власти, источник ответственности, основа государства, что свидетельствует о «большой степени светскости» отечественного варианта сакрально-правовой интеграции;

б) наряду с упоминанием Бога во всех названных конституциях содержатся как декларативное закрепление светского характера государства, так и конкретные нормы и механизмы, обеспечивающие достижение светскости;

в) в государствах, в конституциях которых содержится упоминание Бога, государственная религия может как устанавливаться (Греция), так и отсутствовать (Венгрия, Ирландия, Польша, Россия, Украина, Федеративная Республика Германия);

г) большинство из указанных конституций принято в последние десятилетия (Венгрия, Польша, Россия, Украина, Федеративная Республика Германия), что свидетельствует о востребованности в настоящее время правового оформления естественного права человека на свободу совести и вероисповедания посредством упоминания Бога в правовых актах, имеющих высшую юридическую силу в государствах.

II. Государства, в конституциях которых установлена официальная (государственная) религия или подчеркивается особый статус определенной религии.

Государственная религия установлена в конституциях следующих европейских государств.

Как отмечалось выше, в силу ч. 1 ст. 3 Конституции Греции господствующей в стране религией является религия восточно-православной Церкви Христовой.

Согласно § 4 Конституции Королевства Дания¹⁶ евангелическая лютеранская церковь является датской официальной церковью и как таковая поддерживается государством.

В соответствии со ст. 62 Конституции Республики Исландия¹⁷ евангелическо-лютеранская церковь является государственной церковью в Исландии и поддерживается и защищается государством.

¹⁶ См.: Конституция Королевства Дания [Danmarks Riges Grundlov]. URL: <https://grundloven.dk/> (дата обращения: 01.04.2020).

¹⁷ См.: Конституция Республики Исландия [Stjórnarskrá lýðveldisins Íslands]. URL: <https://www.althingi.is/lagas/nuna/1944033.html> (дата обращения: 01.04.2020).

Согласно ст. 37 Конституции Княжества Лихтенштейн¹⁸ римско-католическая церковь является государственной церковью и пользуется полной поддержкой государства. При этом другим религиозным культу гарантируется исповедание соответствующих верований и выполнение церковных служб при соблюдении публичного порядка и требований нравственности.

В силу п. 1 ст. 2 Конституции Мальты¹⁹ государственной религией Мальты является римская католическая апостольская религия.

Согласно ст. 9 Конституции Монако²⁰ римско-католическая апостольская религия является государственной религией.

В соответствии с § 2 Конституции Королевства Норвегия²¹ евангелическо-лютеранская религия является официальной государственной религией.

Согласно ч. 3 ст. 13 Конституции Республики Болгария²² традиционной религией в Республике Болгария является православная религия.

Католицизм в качестве государственной религии также закреплен в Конституции Ватикана²³.

Кроме того, определенная религия напрямую может не устанавливаться в качестве официальной, но подчеркивается ее особый статус посредством распределения всех религий на одну определенную религию и все остальные религии.

Так, Конституция Княжества Андорра²⁴ гарантирует Католической Церкви свободное

¹⁸ См.: Конституция Княжества Лихтенштейн [Verfassung des Fürstentums Liechtenstein]. URL: https://www.regierung.li/media/medienarchiv/101_28_08_2019_en.pdf?t=3 (дата обращения: 01.04.2020).

¹⁹ См.: Конституция Мальты [Constitution of Malta]. URL: <http://www.justiceservices.gov.mt/DownloadDocument.aspx?app=lom&itemid=8566&l=1> (дата обращения: 01.04.2020).

²⁰ См.: Конституция Княжества Монако [La Constitution de la Principauté]. URL: https://www.gouv.mc/Gouvernement-et-Institutions/Les-Institutions/La-Constitution-de-la-Principaute#eztoc81068_1 (дата обращения: 01.04.2020).

²¹ См.: Конституция Королевства Норвегия [Kongeriket Norges Grunnlov]. URL: http://www.concourt.am/armenian/legal_resources/world_constitutions/const/norway/norway-r.htm (дата обращения: 01.04.2020).

²² См.: Конституция Республики Болгария [Конституция на Република България]. URL: <https://www.lex.bg/bg/laws/ldoc/521957377> (дата обращения: 01.04.2020).

²³ См.: Основной закон Ватикана [Legge fondamentale dello Stato della Città del Vaticano]. URL: <https://www.vaticanstate.va/phocadownload/leggi-decreti/Legge%20CCLXXIV%20Legge%20sul%20Governo%20dello%20Stato%20della%20Citta%20del%20Vaticano.pdf> (дата обращения: 03.04.2020).

²⁴ См.: Конституция Княжества Андорра [La Constitució del Principat d'Andorra]. URL: <http://www.consellgeneral.ad/ca/el-consell-dandorra/constitucio-i-reglament/la-constitucio-del-principat-d-andorra> (дата обращения: 02.02.2020).

и публичное осуществление своей деятельности и поддержку ее особых отношений сотрудничества с государством.

В ч. 3 ст. 16 Конституции Испании²⁵, с одной стороны, закрепляется, что никакое вероисповедание не может быть государственным, с другой — установлено, что «власти принимают во внимание религиозные верования испанского общества и поддерживают соответствующие отношения сотрудничества с Католической Церковью и другими вероисповеданиями».

В соответствии со ст. 7 Конституции Италии²⁶ государство и Католическая Церковь являются, каждый в своей сфере, независимыми и суверенными. Их отношения регулируются лютеранскими соглашениями. Статья 8 гласит, что религиозные конфессии, отличные от католической, имеют право организации согласно своим уставам, поскольку они не противоречат правовой системе Италии; их отношения с государством регулируются законом на основе интервю с их представителями.

В Преамбуле Конституции Латвийской Республики²⁷ указано, что идентичность Латвии в культурном пространстве Европы с давних времен формируется латышскими и ливскими традициями, латышской жизненной мудростью, общечеловеческими и христианскими ценностями. При этом в силу ст. 99 каждый имеет право на свободу мысли, сознания и религиозных убеждений. Церковь отделена от государства.

Согласно ст. 19 Конституции Северной Македонии²⁸ Македонская православная церковь, другие религиозные объединения и религиозные группы отделены от государства и равны перед законом. Македонская православная церковь, другие религиозные объединения и группы пользуются свободой учреждения церковных школ и других социальных и благотворительных учреждений в соответствии с предусмотренной законом процедурой.

²⁵ См.: Конституция Испании [Constitución Española]. URL: http://noticias.juridicas.com/base_datos/Admin/constitucion.html (дата обращения: 01.04.2020).

²⁶ См.: Конституция Итальянской Республики [Costituzione della Repubblica Italiana]. URL: <https://www.normattiva.it/uri-res/N2Ls?urn:nir:stato:costituzione> (дата обращения: 02.04.2020).

²⁷ См.: Конституция Латвийской Республики [Latvijas Republikas Satversme]. URL: <http://www.satv.tiesa.gov.lv/ru/2016/02/04/конституция-латвийской-республики/> (дата обращения: 02.04.2020).

²⁸ См.: Конституция Северной Македонии [Устав на Република Северна Македонија]. URL: <https://www.sobranie.mk/the-constitution-of-the-republic-of-macedonia.nspх> (дата обращения: 01.04.2020).

В соответствии с § 76 Конституции Финляндии²⁹ предписания об организации евангелическо-лютеранской церкви и управлении ею содержатся в Законе о церкви.

Во всех названных конституциях анализируемой группы содержатся конкретные нормы о свободе совести и вероисповедания, светском характере государства, отделении церкви от государства.

III. Государства, в конституциях которых прямо закрепляется светский характер и отделение церкви от государства, а также отсутствует упоминание Бога и установление официальной религии.

В конституциях государств рассматриваемой группы напрямую закрепляется их светский характер и отсутствует упоминание Бога и (или) установление официальной или традиционной религии.

Так, согласно ст. 10 Конституции Республики Албания³⁰ в Республике Албания нет официальной религии; государство нейтрально в вопросах веры и совести и гарантирует свободу их выражения в общественной жизни; государство признает равенство религиозных объединений; государство и религиозные объединения взаимно уважают независимость друг друга и сотрудничают на благо каждого и для всех; отношения между государством и религиозными объединениями регулируются на основе соглашений.

В силу ст. 4 Конституции Республики Беларусь³¹ идеология религиозных объединений не может устанавливаться в качестве обязательной для граждан, а согласно ст. 31 каждый имеет право самостоятельно определять свое отношение к религии, единолично или совместно с другими исповедовать любую религию или не исповедовать никакой, выражать и распространять убеждения, связанные с отношением к религии, участвовать в отправлении религиозных культов, ритуалов, обрядов, не запрещенных законом.

В соответствии со ст. 43 Конституции Литовской Республики³² в Литве нет государственной религии, а согласно ст. 26 свобода мысли, вероисповедания и совести ограничению не подлежит.

²⁹ См.: Конституция Финляндии [Suomen perustuslaki]. URL: <https://www.finlex.fi/fi/laki/ajantasa/1999/19990731> (дата обращения: 01.04.2020).

³⁰ См.: Конституция Республики Албания [Kushtetuta e Republikës së Shqipërisë]. URL: <http://www.parlament.al/Files/sKuvendi/kushtetuta.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

³¹ См.: Конституция Республики Беларусь. URL: https://etalonline.by/document/?regnum=v19402875&q_id=1671620 (дата обращения: 02.04.2020).

³² См.: Конституция Латвийской Республики [Lietuvos Respublikos Konstitucija]. URL: <https://www.e-tar.lt/portal/lt/legalAct/TAR.47BB952431DA/asr> (дата обращения: 02.04.2020).

В силу ст. 11 Конституции Республики Сербия³³ Республика Сербия является светским государством. Церкви и религиозные общины должны быть отделены от государства. Ни одна религия не может быть установлена как государственная или обязательная религия.

Согласно Конституции Республики Словакия³⁴ государство не связано никакой идеологией или религией (ст. 1); свобода мысли, совести, религии и веры гарантируется; это право включает и возможность изменить религию или веру; каждый имеет право не исповедовать никакую религию (ч. 1 ст. 24); каждый имеет право свободно отправлять свою религию или веру индивидуально или совместно с другими лицами, частным образом или публично, путем участия в богослужениях, осуществления религиозных ритуалов, соблюдения обрядов, а также участвовать в обучении им (ч. 2 ст. 24); церкви и религиозные общины самостоятельны (ч. 3 ст. 24).

В соответствии со ст. 1 Конституции Франции³⁵ Франция является светской республикой. Государство обеспечивает равенство перед законом всех граждан без различия происхождения, расы или религии; уважает все вероисповедания.

Как следует из ст. 2 Хартии основных прав и свобод³⁶, являющейся составной частью Конституции Чешской Республики, государство основано на демократических ценностях и не может быть связано ни исключительной идеологией, ни вероисповеданием. В Хартии также закрепляется: основные права и свободы гарантируются всем независимо от веры и религии (ст. 3); свобода мысли, совести, вероисповедания гарантируется; каждый имеет право изменить свою религию или веру или не исповедовать никакую религию (ст. 15); каждый имеет право свободно отправлять свою религию или веру индивидуально или совместно с другими лицами, частным образом или публично, путем осуществления богослужения, обучения, соблюдения религиозных ритуалов или обрядов; церкви и религиозные общины самостоятельны; законом определяются условия обучения религии в государственных школах (ст. 16).

³³ См.: Конституция Республики Сербия [Устав Републике Србије]. URL: <https://www.srbija.gov.rs/tekst/330326/ustav.php> (дата обращения: 01.04.2020).

³⁴ См.: Конституция Республики Словакия [Ústava Slovenskej Republiky]. URL: <https://www.ustavnysud.sk/ustava-slovenskej-republiky> (дата обращения: 02.04.2020).

³⁵ См.: Конституция Франции [Constitution française]. URL: <https://www.legifrance.gouv.fr/affichTexte.do?cidTexte=LEGITEXT000006071194> (дата обращения: 02.04.2020).

³⁶ См.: Хартия основных прав и свобод [Listina základních práv a svobod]. URL: <https://www.psp.cz/docs/laws/listina.html> (дата обращения: 02.04.2020).

Согласно ст. 40 Конституции Эстонской Республики³⁷ каждый обладает свободой совести, вероисповедания и мысли; принадлежность к церкви и религиозным общинам свободна; государственной церкви нет; каждый волен как сам, так и вместе с другими публично или приватно исполнять религиозные обряды, если это не наносит ущерба общественному порядку, здоровью или нравственности. В силу ст. 12 никто не может быть подвергнут дискриминации из-за его вероисповедания; разжигание религиозной ненависти, насилия и дискриминации запрещается и карается по закону.

Аналогичные положения содержатся в ст. 7 Конституции Австрии³⁸, ст. 19–21, 24 Конституции Бельгии³⁹, в п/п. «Г» п. 3 ст. 2 Конституции Боснии и Герцеговины⁴⁰, в ст. 19, 20 Конституции Великого Герцогства Люксембург⁴¹, ст. 31 Конституции Республика Молдова⁴², ст. 1 и 6 Конституции Королевства Нидерланды⁴³, ст. 41 Конституции Португалии, ст. 29 Конституции Румынии⁴⁴, ст. 4 Конституции Сан-Марино⁴⁵, ст. 41 Конституции Республики Словения⁴⁶, ст. 40, 41 Конституции Республика Хорватия⁴⁷, в Конституции Черно-

³⁷ См.: Конституция Эстонской Республики [Eesti Vabariigi põhiseadus]. URL: <https://www.riigiteataja.ee/akt/115052015002> (дата обращения: 02.04.2020).

³⁸ См.: Конституция Австрии [Bundes-Verfassungsgesetz]. URL: <https://www.jusline.at/gesetz/b-vg> (дата обращения: 03.04.2020).

³⁹ См.: Конституция Бельгии [Belgische Grondwet]. URL: https://www.dekamer.be/kvvcr/pdf_sections/publications/constitution/GrondwetNL.pdf (дата обращения: 02.04.2020).

⁴⁰ См.: Конституция Боснии и Герцеговины [Ustav Bosne i Hercegovine]. URL: <https://www.paragraf.ba/propisi/bih/ustav-bosne-i-hercegovine.html> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴¹ См.: Конституция Великого Герцогства Люксембург [La Constitution du Luxembourg]. URL: <http://legilux.public.lu/eli/etat/leg/loi/1868/10/17/n1/jo> (дата обращения: 02.04.2020).

⁴² См.: Конституция Республики Молдова [Constituția Republicii Moldova]. URL: <http://lex.justice.md/viewdoc.php?id=311496&lang=2> (дата обращения: 02.04.2020).

⁴³ См.: Конституция Королевства Нидерланды [Grondwet voor het Koninkrijk der Nederlanden]. URL: <https://wetten.overheid.nl/BWBR0001840/2008-07-15> (дата обращения: 02.04.2020).

⁴⁴ См.: Конституция Румынии [Constituția României]. URL: <https://www.cdep.ro> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴⁵ См.: Конституция Сан-Марино [Dichiarazione dei diritti dei cittadini e dei principi fondamentali dell'ordinamento sammarinese]. URL: <https://www.consigliograndeegenerale.sm/on-line/home/archivio-leggi-decreti-e-regolamenti/scheda17011763.html> (дата обращения: 02.04.2020).

⁴⁶ См.: Конституция Республики Словения [Ustava Republike Slovenije]. URL: <http://www.pisrs.si/Pis.web/prelegPredpisa?id=USTA1> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴⁷ См.: Конституция Республики Хорватия [Ustav Republike Hrvatske]. URL: <https://www.zakon.hr/z/94/Ustav-Republike-Hrvatske> (дата обращения: 01.04.2020).

рии⁴⁸, в ст. 15 Конституции Швейцарии⁴⁹, в п. 6 ст. 1 Конституции Швеции⁵⁰.

В-пятых, интеграция права и религии на конституционном уровне создает основу для законности интегративного правоприменения, что, в свою очередь, позволит эффективно и справедливо разрешать дела, связанные с взаимодействием религиозных и правовых норм.

При этом в судебной практике возникают ситуации, связанные с необходимостью обеспечения баланса норм права и религиозных правил.

Так, гражданин *Н.* обратился в Октябрьский районный суд г. Владимира⁵¹ с административным иском к Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику о признании незаконным взыскания входной платы в Успенский собор г. Владимира, построенный в XII в., с граждан, которые желают поклониться его христианским святыням или совершить обряд молитвы. По мнению административного истца, требование об обязательном приобретении входного билета в Собор ограничивает право граждан на свободу совести и вероисповедания, гарантированное ст. 28 Конституции РФ. Необходимость платить за вход в Собор создает препятствия к совершению религиозных обрядов в помещении культового учреждения. Для верующих, указывал истец, Собор является прежде всего православным храмом, а не памятником архитектуры.

Представитель Владимиро-Суздальского музея-заповедника, возражая относительно удовлетворения иска, полагал, что установлением входной платы права верующих не нарушаются, поскольку по договоренности с Владимирской Епархией Русской Православной Церкви для посетителей Собора определены «музейные» и «богослужбные» часы. В «музейное» время вход в Собор платный, но для бесплатного посещения всегда открыт Георгиевский придел Собора. Кроме того, верующие могут свободно посетить Собор в «богослужбные» часы, устанавливаемые согласно церковному календарю. Позицию Владимиро-Суздальского музея-заповедника в суде поддержала и Владимирская Епархия РПЦ.

⁴⁸ См.: Конституция Республики Черногория [Ustav Republike Crne Gore]. URL: <http://www.gov.me/biblioteka/1055251939.pdf> (дата обращения: 01.04.2020).

⁴⁹ См.: Конституция Швейцарии [Bundesverfassung der Schweizerischen Eidgenossenschaft]. URL: <https://www.admin.ch/opc/de/classified-compilation/19995395/index.html> (дата обращения: 01.04.2020).

⁵⁰ См.: Конституция Швеции [Sveriges grundlagar]. URL: https://riksdagen.se/sv/dokument-lagar/dokument/svensk-forfattningssamling/kungorelse-1974152-om-beslutad-ny-regeringsform_sfs-1974-152 (дата обращения: 01.04.2020).

⁵¹ См.: Дело № 2а-3359/2019 // Архив Октябрьского районного суда г. Владимира.

Рассматривая дело, суд установил, что Успенский кафедральный собор на праве собственности принадлежит Российской Федерации, включен в реестр федерального имущества и передан в оперативное управление Владимиро-Суздальскому музею-заповеднику. В Уставе музея закреплено, что он является некоммерческой организацией, осуществляющей культурную, образовательную и научную деятельность по сохранению, созданию, распространению и освоению культурных ценностей. Статьей 52 Основ законодательства Российской Федерации о культуре от 1992 г. предусмотрено, что музеи осуществляют платную деятельность. Они самостоятельно устанавливают цены и тарифы на платные услуги и продукцию, включая цены на билеты. Согласно Уставу музей утверждает своим приказом цены на входные билеты в экспозиции музея-заповедника, в т.ч. в экспозицию «Успенский собор. Интерьер», расположенную в Успенском соборе. Приказом директора музея от 17 апреля 2019 г. установлена плата в размере 150 руб. за одного человека (для граждан России — 100 руб.), т.е. юридически Успенский собор — это объект государственной собственности, находящийся в управлении музея. С точки зрения права музей мог бы установить исключительно платный вход в Собор. В 2006 г. между Владимиро-Суздальским музеем-заповедником, Владимирской Епархией и Территориальным управлением Росимущества во Владимирской области заключен договор безвозмездного пользования Успенским собором. Договором определен порядок и режим использования Собора, в т.ч. установлены «богослужбные» и «музейные» часы.

Бесплатный вход в Собор осуществляется только во время богослужений. В остальное время ежедневно, с 13.00 до 16.45, кроме понедельника, в Собор допускаются организованные экскурсионные группы, а также одиночные посетители, оплатившие входной билет в кассе музея. Кроме того, верующие могут свободно посещать Георгиевский придел с колокольной в Успенском соборе в любое время, в «музейные часы» закрыта только историческая часть храма.

При указанных обстоятельствах, учитывая статус Успенского собора, являющегося как православным храмом, так и памятником истории и культуры, суд пришел к выводу о том, что взимание входной платы в «музейное время» закону не противоречит, такое решение принято в пределах компетенции Владимиро-Суздальского музея-заповедника и не нарушает права верующих, гарантированные ст. 28 Конституции РФ. В связи с чем решением Октябрьского районного суда г. Владимира от 6 августа 2019 г. административному истцу в удовлетворении иска отказано.

* * *

Проведенный сравнительный анализ показал, что в конституциях семи европейских государств (16% от общего числа государств Европы) содержится упоминание Бога, в конституциях 15 (34% от общего числа государств Европы) – установлена официальная (государственная) религия или подчеркивается особый статус определенной религии, в конституциях 22 государств Европы (50% от их общего числа) отсутствует упоминание Бога и установление официальной религии и прямо закрепляется светский характер и отделение церкви от государства.

При этом в конституциях европейских государств, упоминающих Бога либо устанавливающих официальную государственную религию, содержатся нормы и механизмы, обеспечивающие достижение светскости государства.

Включение упоминания Бога в Конституцию РФ отражает ценность преемственности и эволюционного, созидательного пути в развитии общества и государства, не противоречит светскому характеру государства, в совокупности с другими нормами Конституции обеспечивает системность и стабильность конституционно-правового института светскости государства.

Закрепляя в Конституции указание на веру в Бога, переданную народу России предками, законодатель продолжил правовое оформление естественного права человека на свободу совести и вероисповедания, интегрируя естественное право в позитивное право, поскольку естественное право – это содержательная характеристика права, а конституционные нормы отражают его форму.

Учитывая, что большинство конституций, в которых содержится упоминание Бога, принято в последние десятилетия, имеются основания прогнозировать, что в будущем указанная тенденция продолжится, что обусловлено интеграцией естественных прав и позитивного права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Большакова В.М.* Право на свободу совести и свободу вероисповедания: особенности реализации в современной России // *Власть*. 2015. № 2. С. 128–132.

Сведения об авторе

МАЛЫШКИН Александр Викторович – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры «Судебная деятельность» Владимирского государственного университета им. А.Г. и Н.Г. Столетовых; 600000 г. Владимир, ул. Горького, д. 87

2. *Кокорев В.Г., Зайцев И.А.* Право на свободу совести и вероисповеданий и условия его ограничения по отечественному законодательству // *Социально-экономические явления и процессы*. Т. 11. 2016. № 7. С. 78–86.
3. *Малышкин А.В.* Некоторые аспекты интеграции религиозных и правовых норм в светском государстве // *Государство и право*. 2019. № 5. С. 30–40.
4. *Понкин И.В.* Современное светское государство: конструктивная светскость. Конституционно-правовое исследование. М., 2006. С. 147–166.
5. *Мельников А., Приймак А., Фаустова М.* Богу тесно в Конституции. К чему приведут инициативы церкви по реформации Основного закона // *Независимая газ*. 2020. 4 февр. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-02-04/9_480_constitution.html (дата обращения: 30.03.2020).

REFERENCES

1. *Bol'shakova V.M.* The right to freedom of conscience and freedom of religion: the specificity of its implementation in modern Russia // *Vlast*. 2015. No. 2. P. 128–132 (in Russ.).
2. *Kokorev V.G., Zaytsev I.A.* Right for liberty of conscience and religions and condition of its restriction on the domestic legislation // *Social-economic phenomena and processes*. Vol. 11. 2016. No. 7. P. 78–86 (in Russ.).
3. *Malyshkin A.V.* Some aspects of the integration of religious and legal norms in a secular state // *State and Law*. 2019. No. 5. P. 30–40 (in Russ.).
4. *Ponkin I.V.* Modern secular state: constructive secularism. Constitutional and legal research. M., 2006. P. 147–166 (in Russ.).
5. *Mel'nikov A., Priymak A., Faustova M.* For God is closely in the Constitution. What will the Church's initiatives to reform the Basic Law lead to // *Independent newspaper*. 2020. February 4. URL: http://www.ng.ru/ng_religii/2020-02-04/9_480_constitution.html (accessed: 30.03.2020) (in Russ.).

Authors' information

MALYSHKIN Alexander V. – PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department “Judicial activity” of Stoletovs Vladimir state University; 87 Gorkogo str., 600000 Vladimir

УДК 340.1

ЕЩЕ РАЗ О ПРАВЕ И НЕПРАВЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ ПРАВОВАЯ ЖИЗНЬ НАЗЫВАЕТСЯ ПРАВОВОЙ

© 2020 г. А. В. Малько^{1, *}, В. В. Трофимов^{2, **}, В. А. Затонский^{3, ***}

¹Поволжский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции, г. Саратов

²Тамбовский государственный университет им. Г.Р. Державина

³Саратовский филиал Института государства и права Российской академии наук

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: iptgutv@mail.ru

***E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

Поступила в редакцию 15.06.2020 г.

Аннотация. В статье обосновывается эвристическое значение для науки теории права категории «правовая жизнь». Раскрывается объем понятия «правовая жизнь», которое, в отличие от многих иных претендующих на статус правовых категорий (как, например, «правовая система»), реально и достоверно позволяет охватывать весь мыслимый комплекс статических и динамических правовых явлений, в т.ч. разнополюсные правовые явления, имеющие не только положительный, но и отрицательный показатели. Устанавливается, что в рамках правовой жизни существуют как позитивные, правомерные (право), так и негативные, неправомерные (неправо) правовые явления, представления о которых в сумме дают полное понимание картины бытия права, законов движения и саморазвития феномена «правовое».

Ключевые слова: правовая жизнь, общество, юридическая наука, доктрина, правовая система, право, позитивные правовые явления, неправо, негативное право, правомерное, неправомерное, правопослушание, правонарушение.

Цитирование: Малько А.В., Трофимов В.В., Затонский В.А. Еще раз о праве и неправе, или почему правовая жизнь называется правовой // Государство и право. 2020. № 10. С. 55–66.

Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФИ в рамках научного проекта № 19-011-00726.

DOI: 10.31857/S102694520012231-5

ONCE AGAIN ABOUT LAW AND WRONG, OR WHY LEGAL LIFE IS CALLED LEGAL

© 2020 A. V. Mal'ko^{1, *}, V. V. Trofimov^{2, **}, V. A. Zatonsky^{3, ***}

¹Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice, Saratov

²Derzhavin Tambov state University

³Saratov branch at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: iptgutv@mail.ru

***E-mail: zatonsky-va@yandex.ru

Received 15.06.2020

Abstract. The heuristic value for the science of the theory of law of the category “legal life” is substantiated. The volume of the limiting concept of legal life is revealed, which, unlike many other claiming to the status of “marginal” legal categories (such as the «legal system»), realistically and reliably allows covering the entire conceivable complex of static and dynamic legal phenomena, including different – polar legal phenomena that have not only positive, but also negative indicators. It is established that in the framework of legal life there are both positive, legitimate (law), and negative, unlawful (wrong) legal phenomena, the ideas about which in total give a full understanding of the picture of the existence of law, the laws of movement and self-development of the phenomenon of “legal”.

Key words: legal life, society, legal science, doctrine, legal system, law, positive legal phenomena, unlaw, negative law, lawful, unlawful, law obedience, law violations.

For citation: Mal'ko, A.V., Trofimov, V.V., Zatonsky, V.A. (2020). Once again about law and wrong, or why legal life is called legal // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 55–66.

The research was carried out with the financial support of the RFBR as part of the research project No. 19-011-00726.

Как бы ни оценивалось состояние современного российского общества, ясно одно – наше общество уже совсем не то, каким оно было в недавнем прошлом, всего лишь два десятилетия назад. Совершенно ли оно, на том ли оно уровне, каким мы все хотели бы его видеть? Конечно же, нет. Но в нем есть то, чего не было по историческим меркам совсем недавно, – внутренний механизм развития и самосовершенствования: имеющая определенный запас прочности свободная рыночная экономика (удерживаемая в «рамках» необходимым и достаточным государственным регулированием), идеологическое и политическое многообразие, возможность свободно выражать свои взгляды, давать оценки деятельности властных структур и отдельных должностных лиц, разделение властей и т.д. Иными словами, мы имеем то, что позволяет называть российское общество системой открытого типа, способной к саморазвитию и воспроизводству ключевых структурных институтов.

Насколько данный механизм эффективен, – вопрос, который нас в данном исследовании интересует не в первую очередь, не напрямую, а опосредованно. Главное в том, что общество имеет внутренний потенциал прогрессивного развития. Первостепенный по своей значимости вопрос заключается в том, как сделать данный механизм действенным и результативным. И прежде всего, что должна внести в решение этой задачи юридическая наука (правовая доктрина), каким образом она может повлиять на один из основных компонентов механизма общественного развития и самосовершенствования – правовую систему, а через это – на достижение оптимального качества всех сторон социальной жизни.

Не ошибемся, если предположим, что на данный вопрос, заданный напрямую, получим ответ: юридическая наука, как и любая иная, должна выработать практические рекомендации, направленные на развитие общества. И это правильно,

если не учитывать, что такого рода рекомендации должны быть научно обоснованными, опираться на отвечающую требованиям времени теорию, доктрину, в наибольшей степени обеспечивающую внутренний потенциал развития и самосовершенствования общества.

Принципиально новая, более сложная социально-правовая действительность нуждается в юридической доктрине, которая и станет ответом теоретико-правовой науки на вызовы времени, поможет адаптировать механизм общественного развития и самосовершенствования к постоянно усложняющимся социально-правовым реалиям.

Реально существующая юридическая доктрина, которой придерживаются в своих исследованиях многие юристы-теоретики, базируется на схеме «право → правовая система», где право – первичный, отправной, изначальный пункт, а правовая система – конечный, самый общий, включающий в себя все правовые процессы и явления современного общества.

Такой подход в отечественной юридической науке сформировался к концу 1970 – началу 1980-х гг. Детальное теоретическое осмысление и обоснование он получил в коллективной монографии о правовой системе социализма¹. В.Н. Кудрявцев, А.М. Васильев и В.П. Казимирчук – авторы первой главы этой монографии – объяснили основание введения в науку категории «правовая система» тем, что «в юридической науке сложилась ситуация, когда аналитические разработки в праве перешагнули через наличные теории (ведь понятие, по существу, есть развивающаяся теория). Поскольку же наличный аналитический материал уже не укладывается в существующие теории, потребность синтеза необходимо ведет к новой теории

¹ См.: Правовая система социализма: в 2 кн. / под ред. А.М. Васильева. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. М., 1986; кн. 2: Функционирование и развитие. М., 1987.

(понятию), более адекватно обобщающей данные анализа». Был сделан вывод о том, что ответом на сложившуюся ситуацию может быть концепция правовой системы².

Данный вывод соответствовал духу того времени. Это сейчас, в условиях идеологического и политического многообразия, все более очевидным становится ограниченность выработанной в 70–80-е годы XX в. юридической доктрины, которая, к сожалению, и сегодня остается путеводной звездой для значительной части юристов-теоретиков.

В чем же состоит ограниченность существующей юридической доктрины, и почему она нуждается в корректировке?

Базовой, исходной точкой для ответа на данные вопросы является понимание сущности и соотношения категорий «право» и «правовое» (явление, пространство, поле, сфера, жизнь, поведение и т. п.), «право» и «неправо». Иначе говоря, для соответствующего действительности понимания права и правовой системы принципиально важно установить пределы, границы того пространства, в котором действует собственно право (правовые нормы), а где — иные правила, существующие в обществе. Нужно точно представлять, где кончается правовая сфера и начинается неюридическое (неправовое) пространство³.

Что касается права, то здесь все более или менее ясно. Многие ученые определяют право как систему норм, создаваемых (санкционируемых) и обеспечиваемых государством, выражающих общественные, классовые, национальные и т. п. интересы и регулирующих поведение людей в соответствии с закрепившимися в данном обществе устоями социально-политической, экономической и духовной жизни⁴.

Получается, что в современной отечественной юридической науке сущность и социальная значимость права видится в его исходной правильности, безупречности, предустановленности выражать «должное» как ориентир правильного поведения в обществе, в его первичной, изначальной

направленности на служение людям, удовлетворение потребностей как всего общества в целом, так и каждого гражданина. В весьма существенной степени подобная трактовка сущности и социального назначения права присутствует и в трудах авторов данной статьи.

Наши же расхождения с другими авторами возникают тогда, когда указанное выше в целом верное понимание права механически переносится на многообразную по своей внутренней природе жизнь общества, его юридическую сферу, в результате чего выходит, что правовое поведение, юридическая деятельность, правовая жизнь — это во всех случаях феномены правомерные, законные, основанные на уважении к праву и законодательству, осознанном согласии с его принципами⁵.

«Оригинальную» точку зрения формулирует известный криминолог П. Н. Панченко. Он пишет, что «в рамках широкого подхода в принципе любое поведение может рассматриваться как контролируемое правом, а следовательно, оно всегда должно признаваться правовым. Другое дело, что основная часть такого поведения является правомерным, а остальная — неправомерным. Первая — в правовом поле, вторая — вне его»⁶. Вот так и получается «нелогичная логика»: любое поведение «должно признаваться правовым», но одна часть находится в правовом поле, а другая — вне его.

Интересно заметить, что появились авторы, которые термин «правовое» используют в названии своих работ, а в содержании, стремясь избежать решения спорных вопросов (в нашем случае — о составе правового поведения), вместо попытки анализа проблемы просто затушевывают ее, используя вместо понятия «правовое поведение» словосочетание «юридически значимое поведение». Это сделано, как поясняет один из таких авторов, «с целью недопущения двоякого толкования поведения, имеющего юридическое значение»⁷. Как будто в результате замены спорного понятия другим, но равнозначным первому проблема различных трактовок правового поведения сама собой исчезнет. Тогда зачем в названии монографии использовано понятие

² См.: Правовая система социализма. Кн. 1. С. 32.

³ См.: Бержель Ж.-Л. Общая теория права / под общ. ред. В. И. Даниленко. М., 2000. С. 36; Матузов Н. И. Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 112.

⁴ См., напр.: Матузов Н. И., Малько А. В. Теория государства и права: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 139; Лазарев В. В., Липень С. В. Теория государства и права: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 230; Цыбулевская О. И. Право и правовая система // Общая теория государства и права: учеб. / под ред. С. Ю. Наумова, А. С. Мордовца, Т. В. Касаевой. Саратов, 2018. С. 86–89; Суслин Э. В., Рыбин Д. В. Теория государства и права: учеб. пособие. СПб., 2018. С. 94–96; Шабуров А. С., Жайкбаев Ж. С. Теория государства и права: учеб. пособие. Курган, 2019. С. 144.

⁵ См.: Оксамытный В. В. Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 61; Тепляшин И. В. Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал рос. права. 2002. № 1. С. 39; Скоробогатов А. В., Краснов В. А. Правовое поведение как феномен правовой реальности // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25–35.

⁶ Панченко П. Н. Правовое поведение в условиях правового государства и распространенные ошибки и нарушения, допускаемые при применении в отношении закона // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7 (91). С. 8.

⁷ Морозов А. С. Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект. Новокузнецк, 2018. С. 20.

«правовое поведение», если автор и не собирался его анализировать? Если количество авторов, занимающихся подобной понятийной эквилибристикой, будет расти, то отечественную теоретико-правовую науку ждет не совсем благоприятное будущее.

Вряд ли указанные позиции могут быть признаны соответствующими реальной структуре правового общественного пространства. В жизни общества имеют место самые разные ее проявления. Определенная часть социальных субъектов живет и действует правомерно, правопослушно; другая часть нарушает сложившийся правопорядок, не соблюдает действующее законодательство; третья часть субъектов, не нарушая правовых установлений, ведет аморальный образ жизни, игнорируя в своем поведении этические нормы, отвергая моральные устои данного социума, и т.д. Для формирования адекватной протекающим в обществе процессам и складывающимся в нем отношениям юридической доктрины принципиально важно выяснить, какие из общественных связей и отношений являются правовыми, а что в обществе не имеет отношения к праву.

Нельзя сказать, что данный вопрос в качестве исследовательской задачи ставится впервые. Мы уже не раз поднимали его в научных публикациях⁸. Однако периодически появляются труды, в которых отстаивается охарактеризованный выше традиционный, но не соответствующий современному состоянию общества и научным тенденциям (к познанию феномена «сложного») подход⁹.

⁸ См.: Малько А.В., Затонский В.А. «Правовая жизнь и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 6–20; Затонский В.А., Малько А.В. Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. 2006. № 4. С. 4–17; Трофимов В.В. О методологическом потенциале категорий «правовая жизнь» и «правовая система» // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 20–31; Малько А.В., Трофимов В.В. «Правовая жизнь» в категориальном строе юриспруденции: проблемы введения и некоторые методологические аспекты исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 8–18; Их же. Правовая жизнь общества как объект теории права (к постановке проблемы) // Государство и право. 2017. № 5. С. 39–50; Их же. Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018; Затонский В.А. Правовая политика, правовая жизнь и проблема уяснения правового и неправового в поведении социальных субъектов // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2016. С. 25–46.

⁹ См., напр.: Баранов В.М. Теневое право как антиюридическая жизнь // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2014. № 4 (28). С. 9–21; Асланян Н.П. Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2012. № 5. С. 100–108; Личман Б.В. Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60–67; Черных Е.Н. Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15.

В отечественной юридической науке продолжает существовать ограниченно-упрощенный, одномерный анализ правовой реальности, которая якобы состоит только из позитивных, положительных, соответствующих правовым нормам явлений. И только такие явления будто бы могут считаться правовыми. Но такой подход, на наш взгляд, не может считаться верным. А потому необходимы дальнейшие усилия, направленные на обоснование сложной природы правового регулирования.

Сторонники подхода, согласно которому «правомерное» и «правовое» — равнозначные понятия, не видят истинной сущности правового воздействия на общественные отношения и тем самым заведомо обедняют гносеологические и методологические задачи юридической науки, поскольку множество проблем, таких как, например, проблема формирования и действия права, не могут быть исследованы без выхода за пределы упорядоченного, правомерного социального поля¹⁰.

В связи с этим нужно прежде всего выяснить содержание и соотношение категорий «право» и «неправо», иными словами, определиться в том, что представляет собой «неправо» — «негативное право»¹¹ (негативное, но право) или «то, что не есть право»¹².

Категорию «неправо» ввел в научный оборот Г.В.Ф. Гегель в своем труде «Философия права». Данное понятие он использовал для обозначения особенной воли, демонстрирующей произвол и обособленность индивида от всеобщей воли и всеобщего права, под которым философ понимал естественное право.

Гегель рассматривал три формы неправа¹³:

1) *непреднамеренное (простодушное) неправо* — явление правовое, «носителями» которого являются субъекты, не обладающие достаточно развитым правосознанием, наивные, не способные обнаружить разницу между правомерным и противоправным поведением. Их воля полностью определяется частными интересами. Данные субъекты считают, что совершая деяния, влекущие порой тяжкие последствия, они не заслуживают наказания, поскольку не хотели нарушить право.

¹⁰ См.: Шундигов К.В. Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 44.

¹¹ Бачинин В.А. Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.

¹² Самигуллин В.К. Право и неправо // Государство и право. 2002. № 3. С. 5–8.

¹³ См. подр.: Гегель Г.В.Ф. Философия права / пер. с нем.; ред. и сост.: Д.А. Керимов, В.С. Нерсисянц. М., 1990. С. 139–145; Бачинин В.А. Указ. соч. С. 14–20.

Такого рода явления Гегель называл правовыми коллизиями;

2) *обман* — действия одних субъектов, направленные на создание видимости права для других. В отношении обманываемого создаются при этом условия, которые заставляют его поверить, что с ним поступают правомерно, хотя в реальности это не так. Обман — это правонарушение, поэтому он влечет наказание;

3) *принуждение и преступление*. Эту форму Гегель называл «подлинным неправом», поскольку в нем «не уважаются ни право в себе, ни право, каким оно мне кажется, в котором, следовательно, нарушены обе стороны, объективная и субъективная»¹⁴. Тем не менее преступление сохраняет качество правового явления, в котором, как пояснял философ, «именно право как абсолютное не может быть снято, следовательно, проявление преступления ничтожно в себе, и эта ничтожность есть сущность преступного действия». И еще: «Действительное право есть снятие этого нарушения (преступления. — *Авт.*), именно этим снятием (привлечением виновного к ответственности. — *Авт.*) право показывает свою действительность и утверждает себя как необходимое опосредованное наличное бытие»¹⁵.

Таким образом, по Гегелю, как право, так и неправое представляют собой явления единого характера — юридического. Неправо — это тоже право, только негативное.

Опираясь на вышеизложенные позиции, можно сформировать нашу позицию по вопросу о том, каковы пределы правового пространства, где оно начинается и где заканчивается.

Правовое пространство появляется в обществе в тот момент, когда начинают действовать нормы права, запускается механизм правового регулирования общественных отношений, присутствует регламентация степени юридической свободы, действуют процедуры определения правомерного и противоправного, законного и противозаконного. Выходит, что юридическая часть общественной жизни — это все пространство бытия права, жизни и деятельности различных субъектов со всеми положительными и отрицательными, т.е. противоправными, незаконными, но по своей сути также правовыми поведенческими проявлениями. Указанные проявления по своей природе и направленности различны (как, например, поведение, соответствующее законодательству, и нарушающее его). Тем не менее по своему характеру все эти проявления правовые и являются компонентами

юридического пространства, составными частями правовой среды.

Данные выводы подтверждаются также имеющимися теоретическими разработками. Так, В.Н. Кудрявцев справедливо указывал, что «основное различие в рамках правового поведения — это различие между поведением правомерным и неправомерным, противоправным... <...>. Так как правовое поведение имеет две полярные разновидности, то и сама ответственность складывается из двух аспектов: позитивного и негативного»¹⁶. Подобная позиция все чаще появляется в научных и учебных публикациях¹⁷.

Думается, вовсе не случайно поведение, нарушающее нормы права, называют правовым. Ведь в противоправном поведении так же, как и в правомерном проявляется регулятивная функция права, его роль как регулятора общественных отношений, фиксирующего юридический характер деятельности субъектов. В данном случае мы видим разницу между «правом в себе» (статической его стороной) и правом действующим, «правом для жизни» (динамической стороной). Именно динамизм права позволяет ему действовать, работать, обеспечивать развитие общества. При этом вряд ли кто-либо сможет оспорить то, что социальная практика, повседневная реальная жизнь общества не свободна от разнообразных негативных явлений, а зачастую и сама их порождает.

В научной литературе существует точка зрения, согласно которой правовое социальное пространство — это сфера отношений нормальных и цивилизованных, что данное пространство обрывается там, где начинаются противоправные явления¹⁸.

Если согласиться с данным положением, то получится, что право в качестве объекта регулирования имеет только отношения «нормальные и цивилизованные», позитивные, основанные на праве, нормативных правовых актах, юридических нормах. Иными словами, мы должны будем утверждать, что право регулирует уже упорядоченные явления и процессы, тут же задавая вопрос о том,

¹⁶ Кудрявцев В.Н. Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 231, 232.

¹⁷ См., напр.: Певцова Е.А. Правовое поведение и правовая активность личности // *Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики*. 2014. № 5. С. 93–98; Булавкин А.А., Васильков М.А., Самыгин П.С. Правовое присваивающее поведение в современном российском обществе: социально-правовые характеристики и пути преодоления. М., 2016; Лысенко В.А., Рязанова Н.А. Правовое поведение сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Белгород, 2018; Тетерятников Н.Ю., Демидова И.А., Чугаев В.В., Овсянников П.Ю. Правовое поведение и юридическая ответственность: учеб. пособие. Красноярск, 2020. С. 12–21.

¹⁸ См., напр.: Матузов Н.И. Указ. соч. С. 112, 113.

¹⁴ Гегель Г.В.Ф. Указ. соч. С. 141.

¹⁵ Там же. С. 145.

что в таком обществе, где доминирует «порядок», есть ли нужда в праве как регуляторе, если общественные отношения в регламентации вовсе не нуждаются (поскольку все это уже и так «нормальное и цивилизованное»).

Однако такое понимание иллюзорно, и как бы мы ни желали думать, что социально-правовая жизнь — это исключительно порядок и благоденствие для всех участников, в реальности это далеко не так. Социальная жизнь характеризуется не только фактами следования позитивным (правовым) социальным нормам, но и фактами отступления от них, которых в реальной действительности очень много, в связи с чем немалая часть правовой системы (со всеми ее уровнями и атрибутами), как это может быть ни парадоксально, представляет собой «материализацию» именно социальных отклонений. Как верно отметил Н. Винер, «проблемы права... представляют собой проблемы упорядоченного и повторяющегося управления известными критическими состояниями»¹⁹. В правовой науке, подвергая анализу норму права, уже давно пришли к выводу, что несмотря на то, что правовые нормы всех трех видов (дозволяющие (управомочивающие), обязывающие и запрещающие) ориентируют индивида, подсказывают ему разумные, оптимальные и одобряемые варианты поведения, тем самым они предотвращая хаос и нерациональность многих социальных действий людей, способствуя введению общественных отношений в известное позитивное, социально полезное русло, преимущественно снабжены негативной санкцией, а это означает не что иное, как то, что правовые нормы предполагают возможность нарушения в такой же степени, в какой и соблюдение. Более того, сам факт описания в норме прав и обязанностей различных лиц, а также существование особых процессуальных норм, регулирующих помимо прочего порядок защиты права, оспаривания или притязания, склоняет к мысли о «конфликтном» предназначении нормы²⁰. Значит, не было бы критических состояний — не было бы и нужды в общеобязательных правилах поведения. К какой же сфере в таком случае отнести сами эти «критические состояния» — к «правовой» или к «неправовой»? В последнем случае мы пришли бы к явному противоречию — неправовое содержание составляет основную часть правовых норм. Вряд ли перспективно вступать в противоречие с логикой строения правовой реальности (жизни) вообще,

которая генерируется вокруг разных энергетических сред, имеющих в основе не только «плюс», но и «минус».

Вывод из этих размышлений очевиден. Право: а) создается для фиксации круга социальных отношений, которые нужны обществу, обеспечивая его функционирование и прогрессивное развитие, поддерживает их (регулятивная функция); б) присущими ему средствами воздействует на нежелательные явления, обозначает отношения вредные либо опасные для общества, оказывает на них ограничивающее воздействие и способствует либо трансформации их в правомерные, либо устранению из жизни общества (охранительная функция).

Таким образом, *правовое* — это абсолютно все общественные явления, весь комплекс положительных и отрицательных (солидарных и конфликтных) социальных отношений (тенденций, процессов, поведения людей и их объединений и т.п.), функционирование и развитие которых так или иначе опосредовано нормами права.

В данную часть общественного пространства — правовое пространство — включены две разнохарактерные, разнонаправленные части.

1. Позитивные, упорядоченные, правомерные процессы и отношения. Это — основная, наиболее обширная часть социально-правового пространства, «внутренне организованная, динамичная целостность, состоящая из процессов и действий, ведущих к образованию и совершенствованию правовых явлений и взаимосвязей между ними»²¹. Данная часть правового пространства характеризуется через соответствующий понятийный аппарат, ряд понятий, отражающих нормативно-упорядоченный характер этой обширной сферы: «право», «законодательство», «нормативные правовые акты», «правопорядок», «система права», «законность», «дисциплина», «норма права» и т.п.

Из сказанного следует, что в данном случае речь идет о правовой системе. Именно она и образует основную, наиболее объемную часть правового пространства, правовой порядок, упорядоченный комплекс общественных отношений. По отношению ко всему правовому пространству общества правовая система, прежде всего, выполняет организующую функцию, придает единство и целостность, вносит правомерные начала, задает критерии «должного», хотя и предусматривает арсенал средств противодействия возможным социально-правовым отклонениям. В правовой системе заложен действенный организующий механизм, имеется упорядочивающий потенциал, способный

¹⁹ Винер Н. Кибернетика и общество. Творец и робот. М., 2003. С. 104.

²⁰ См.: Кудрявцев Ю.В. Действие социальной нормы // Социальные отклонения. М., 1989. С. 88.

²¹ Кухарук Т.В. Правовая система и систематика законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 10.

культивировать в обществе законность, дисциплину, правопослушание.

2. Другую неотъемлемую часть социально-правового пространства образуют отрицательные, негативные явления, процессы, отношения, которые определяются правовыми нормами как вредные либо опасные для общества. Это по своему характеру тоже правовые феномены, но не согласующиеся с нормами права, правовые (но не правомерные) явления со знаком минус. Данный комплекс правовых отношений – негативно-правовой.

Та же часть общественных явлений, которая не опосредована правом, находится под воздействием социальных правил иной, не правовой природы (нормы морали, религиозные, технические и т.п. нормы), они образуют *внеправовое пространство* – совокупность явлений, не включенных в сферу права. Этот (внеправовой) социальный сегмент функционирует и развивается вне правового, т.е. опосредованного правом пространства.

Казалось бы, в данных рассуждениях и сделанных на их основе умозаключениях все достаточно логично, методологически и теоретически выверено. Так почему же эти теоретические положения, постепенно приобретая новых сторонников, тем не менее не становятся общепризнанными? Почему процесс переосмысления, обновления юридической доктрины идет медленно, темпами, которые никак не могут быть признаны достаточными для нынешнего времени?

Главное препятствие на пути выработки новых подходов к совершенствованию механизма правового регулирования общественных отношений, по нашему убеждению, имеет теоретико-методологическое основание – отождествление правового с правильным, нормальным, цивилизованным, одобряемым. Для отечественного правоправедения это традиционная, привычная и распространенная концепция. Да и в других государствах она немало распространена. Такая позиция превалирует в сознании многих авторов и преодолевается очень трудно во многом потому, что существует давно и опирается на философско-правовые традиции, многие носители и распространители которых убеждены, что право есть сугубо правильное образование, непогрешимая, а потому неприкасаемая ценность, абсолютное благо. А потому все, что порождено правом, все, что с ним связано – тоже благо.

А. Кауфман, в частности, писал, что «право – это не то, что содержится в нормах, не абстрактная схема для правильных действий, оно само является правильным действием и правильным решением в конкретной ситуации»²².

²² Kaufmann A. Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. Frankfurt n/M., 1972. S. 131.

С.И. Максимов, исходя из данного положения, отмечает, что «наиболее конкретной (развитой) формой бытия права являются правильные действия и решения в конкретной ситуации самого субъекта. В них смысл права и предметная форма воплощения даны в единстве»²³. При этом автор ссылается на идеи Фомы Аквинского, который, рассуждая о сущности права, указывал, что право есть «собственно справедливое дело»²⁴. И далее С.И. Максимов развивает свою мысль о «каждом правовом решении» как о «правильном, истинном»²⁵.

Глупо было бы оспаривать данные умозаключения. В них все верно. В то же время очевидно, что как названные ученые, так и многие их сторонники сосредоточивают внимание лишь на одной из сторон правового пространства – правомерной, позитивной его части. Между тем, как было показано выше, право в процессе своего действия, работающее право, вовлекает в сферу своего влияния не одни только упорядоченные, позитивные явления и процессы общественной жизни. Протиправные, негативные явления также включены в орбиту действия права, на них в не меньшей, если не большей, степени право распространяет свое влияние, свой инструментарий.

На основании вышеизложенного возможным выводом становится положение о том, что действующая юридическая доктрина, выраженная схемой «право → правовая система» не в состоянии охватить весь комплекс социально-юридических явлений, процессов, отношений. В правовом пространстве присутствует широкий круг проявлений юридического характера (состояний, видов деятельности, субъектов, взаимодействий и т.п.), которые по объективным причинам не могут быть включены в правовую систему. Данная категория недостаточно объемна, чтобы отразить абсолютно все социально-правовое пространство. По своей сути и своему предназначению правовая система и не должна охватывать всю правовую действительность.

Иными словами, в современных реалиях категория «правовая система» и основанная на ней юридическая доктрина уже не может охватить весь наличный аналитический материал; очевидна потребность в обновленной концепции. Данная проблема может быть решена с помощью категории «правовая жизнь».

²³ Максимов С.И. Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 184.

²⁴ Там же.

²⁵ Там же. С. 187.

По нашему мнению, *правовая жизнь общества*²⁶ — это форма социальной жизни, выражающаяся преимущественно в правовых актах и правоотношениях (в т.ч. негативных), характеризующая специфику и уровень правового развития данного общества, отношение субъектов к праву и степень удовлетворения их интересов.

Правовая жизнь как социальная реалья и научная категория может быть охарактеризована следующими существенными признаками, которые обосновывают, что именно на ее основе можно обновить, осовременить юридическую доктрину.

1. Правовая жизнь — составная часть и особая разновидность общественной жизни. Ее фундаментом, основой является право как социальный институт, приспособленный к особенностям жизни конкретного народа. В силу этого правовая жизнь охватывает весь комплекс юридических явлений и факторов, которые влекут за собой те или иные юридические последствия. Правовые акты и соответствующие отношения обособляют юридическую часть жизни общества, занимают особое место в системе социальных актов и связей.

2. Правовая жизнь непосредственно сопряжена с юридическими предписаниями (правилами поведения) и с соответствующими последствиями точно так же, как социальная жизнь в целом характеризуется неперенным наличием «социальных норм вообще, т.е. различного рода правил, регулирующих распорядок совместной жизни людей, их взаимные отношения»²⁷. Если правовая жизнь в любом случае связана с юридическими нормами, то, безусловно, в идеале она должна соответствовать этим нормам.

3. Правовая жизнь в качестве своей фундаментальной основы имеет объективно выраженное право по отношению к обществу, базируется на «объективном значении права».

4. Правовая жизнь — необходимое условие функционирования государственной организации общества; именно в рамках правовой жизни личность, государство и все общество получают возможность вести соответствующим образом оформленную жизнь.

5. Правовая жизнь имеет духовные корни, является частью духовной практики народа, в которой явственно проявляются национальные

²⁶ См., напр.: Малько А.В., Пономаренков В.А., Кроткова Н.В. Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоведения» по теме «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112.

²⁷ Михайловский И.В. Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 38.

особенности, специфика той или иной нации, ее менталитет.

6. Правовая жизнь может успешно развиваться только в тесной взаимосвязи с другими видами социальной жизни, прежде всего, — с жизнью экономической и политической, по отношению к которым правовая жизнь выступает в виде специфической формы. В то же время она сама способна влиять на экономику и политику, оказывать на все иные сферы жизни общества стимулирующее либо ограничительное (сдерживающее) воздействие. Получается, как видим, что юридические факторы соотносятся с экономическими и политическими как форма и содержание, а потому недостаточно было бы исследовать правовую жизнь отдельно от других (неюридических) факторов.

7. Состояние правовой жизни есть критерий оценки уровня правового развития данного общества и государства, отношения социальных субъектов к праву, а также степени удовлетворения их интересов. Правовая жизнь того или иного общества по своей сути непосредственно произрастает из сложившегося в нем юридического опыта, а такого рода опыт (его дальнейшее накопление) в то же время является определенным результатом развития процессов правовой жизни.

8. Правовая жизнь — не система, а совокупность различных форм юридического бытия общества, охватывающая собой: а) нормальные, упорядоченные, цивилизованные явления и отношения; б) неупорядоченные, рассогласованные процессы (например, правонарушения); в) случайные явления, спонтанные факторы.

9. Правовая жизнь — сфера общественной жизни, в пределах которой реализуется регулятивно-охранительный потенциал права, его энергия, проявляется его творческое влияние. Здесь же, в этом же пространстве осуществляется в различных формах как правомерная, так и противоправная, неправомерная деятельность (активность) субъектов, которые действуют (конфликтуют и сотрудничают) в различных ипостасях: работодателей и работников, руководителей и подчиненных, пострадавших и преступников, судей и адвокатов, прокуроров и подсудимых и т.д. Все эти виды деятельности — правовые, осуществляются в правовой жизни общества.

10. Содержание правовой жизни составляют все юридические явления, существующие в обществе: и позитивные (право, правовая система, механизм правового регулирования, законные правовые акты, юридические средства, правоотношения и юридическая практика, правосознание и правовая культура, законность и правопорядок, юридическая наука и образование и т.д.), и негативные (преступления и другие правонарушения, их

субъекты, криминальные структуры, коррупция, злоупотребления, деформации правосознания, ошибки в праве и т.д.).

* * *

Таким образом, категория «правовая жизнь» вполне может служить ответом юридической науки на сложноразвивающуюся и противоречивую действительность. Именно концепция правовой жизни во многом может стать основой юридической доктрины в Российской Федерации. Данное закономерное развитие юридической мысли схематично может быть выражено следующим образом: «право → правовая система → правовая жизнь» (от отдельного явления к более сложному – целостной системе, и от нее к самому сложному – совокупной разнообразной жизнедеятельности, опосредованной феноменом «правового»).

Особое неприятие у наших оппонентов вызывает предложение о придании понятию «правовая жизнь» статуса самостоятельной научной теоретико-правовой категории. Так, В.М. Баранов отвергает данное понятие, считая его необоснованным и не обладающим специфическим содержанием, достаточным для придания специального научного статуса²⁸.

Одним из основных доводов в пользу своей точки зрения В.М. Баранов указывает на то, что есть понятия, которые якобы не менее широки и не менее «вместительны» в сравнении с правовой жизнью. Он имеет в виду такие понятия, как «бытие права», «правовая среда», «правовая действительность», «правовая реальность», «правовая сфера».

Вряд ли данное утверждение соответствует действительности. Да, все эти понятия используются в научных трудах, но не как научные категории, а в качестве обыденных выражений, не имеющих научного категориального статуса. Предполагаем, что в ответ на данное замечание услышим, что и правовая жизнь не обладает таким статусом. Да, это так. Однако, по нашему мнению, «правовая жизнь» обладает достаточной «вместимостью», широтой, что позволяет ей, в отличие от иных схожих понятий, реально быть предельно объемной научной категорией, способной охватить и само право, и его реализацию, и теневой, т.е. негативно-правовой, сегмент.

Современное общество, отягощенное и внутренними проблемами, и глобальными вызовами времени, уже давно испытывает потребность в обновленных теоретических концепциях, научных категориях, способных реагировать на те вызовы, которые уже проявились, и те, которые возникнут

(могут возникнуть) в будущем. Нужны теоретические разработки, позволяющие дать адекватное реалиям объяснение тем или иным процессам, выработать механизмы решения новых проблем. Не должна стоять в стороне и юридическая наука, которая также нуждается в новых видах «научного оружия» – обобщающих понятиях.

Есть достаточно веские основания предположить, что оказать действенную помощь обществу в решении стоящих перед ним задач юридическая наука сможет, если в ее арсенале появится категория «правовая жизнь».

Правовой она называется вовсе не потому, что эта жизнь правильная, нормальная, цивилизованная, а потому, что всесторонне опосредуется правом, как категория позволяет охватить исследовательским взором всю правовую действительность – как позитивную, так и негативную, изучать как плюсы в правовом развитии и поведении субъектов, так и минусы, вырабатывать способы борьбы с отрицательными явлениями.

Категория «правовая жизнь» позволяет исследовать юридические явления комплексно и целостно, воспринимать их в реальном состоянии, со всеми позитивами и негативами, сильными и слабыми сторонами.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Асланян Н.П.* Понятие правовой реальности: постановка цивилистической проблемы // Известия Иркутской гос. экономической академии. 2012. № 5. С. 100–108.
2. *Баранов В.М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002. С. 22–24.
3. *Баранов В.М.* Теневое право как антиюридическая жизнь // Вестник Нижегородской академии МВД России. Юридическая наука и практика. 2014. № 4 (28). С. 9–21.
4. *Бачинин В.А.* Неправо (негативное право) как категория и социальная реалья // Государство и право. 2001. № 5. С. 14–20.
5. *Бержель Ж.-Л.* Общая теория права / под общ. ред. В.И. Даниленко. М., 2000. С. 36.
6. *Булавкин А.А., Васьков М.А., Самыгин П.С.* Правовое присваивающее поведение в современном российском обществе: социально-правовые характеристики и пути преодоления. М., 2016.
7. *Винер Н.* Кибернетика и общество. Творец и робот. М., 2003. С. 104.
8. *Гегель Г.В.Ф.* Философия права / пер. с нем.; ред. и сост.: Д.А. Керимов, В.С. Нерсесянц. М., 1990. С. 139–145.

²⁸ См.: *Баранов В.М.* Теневое право. Н. Новгород, 2002. С. 22–24.

9. *Затонский В.А., Малько А.В.* Категория «правовая жизнь»: опыт теоретического осмысления // Правоведение. 2006. № 4. С. 4–17.
10. *Затонский В.А.* Правовая политика, правовая жизнь и проблема уяснения правового и неправового в поведении социальных субъектов // Правовая жизнь общества: проблемы теории и практики / под ред. А.В. Малько. М., 2016. С. 25–46.
11. *Кудрявцев Ю.В.* Действие социальной нормы // Социальные отклонения. М., 1989. С. 88.
12. *Кудрявцев В.Н.* Правовое поведение: норма и патология. М., 1982. С. 231, 232.
13. *Кухарук Т.В.* Правовая система и систематика законодательства: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. СПб., 1998. С. 10.
14. *Лазарев В.В., Липень С.В.* Теория государства и права: учеб. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2011. С. 230.
15. *Личман Б.В.* Многоконцептуальность методологии российской юриспруденции // Вестник Уральского института экономики, управления и права. 2013. № 2. С. 60–67.
16. *Лысенко В.А., Рязанова Н.А.* Правовое поведение сотрудников органов внутренних дел: учеб. пособие. Белгород, 2018.
17. *Максимов С.И.* Правовая реальность: опыт философского осмысления. Харьков, 2002. С. 184, 187.
18. *Малько А.В., Затонский В.А.* «Правовая жизнь и «правовая система»: соотношение понятий // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 6–20.
19. *Малько А.В., Пономаренков В.А., Кроткова Н.В.* Обзор Всероссийской научной конференции в форме «круглого стола» журналов «Государство и право», «Правовая политика и правовая жизнь», «Актуальные проблемы правоведения» по теме «Правовая жизнь общества и средства ее упорядочения» // Государство и право. 2017. № 9. С. 105–112.
20. *Малько А.В., Трофимов В.В.* «Правовая жизнь» в категориальном строе юриспруденции: проблемы введения и некоторые методологические аспекты исследования // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 4. С. 8–18.
21. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Правовая жизнь общества как объект правовой политики в условиях глобализации и регионализации. М., 2018.
22. *Малько А.В., Трофимов В.В.* Правовая жизнь общества как объект теории права (к постановке проблемы) // Государство и право. 2017. № 5. С. 39–50.
23. *Матузов Н.И.* Актуальные проблемы теории права. Саратов, 2003. С. 112, 113.
24. *Матузов Н.И., Малько А.В.* Теория государства и права: учеб. 4-е изд., испр. и доп. М., 2016. С. 139.
25. *Михайловский И.В.* Очерки философии права. Т. 1. Томск, 1914. С. 38.
26. *Морозов А.С.* Правовое и религиозное поведение в пенитенциарной сфере: теоретический аспект. Новокузнецк, 2018. С. 20.
27. *Оксамытный В.В.* Правомерное поведение личности (теоретические и методологические проблемы): дис. ... д-ра юрид. наук. Киев, 1990. С. 61.
28. *Панченко П.Н.* Правовое поведение в условиях правового государства и распространенные ошибки и нарушения, допускаемые при применении в отношении закона // Право и государство: теория и практика. 2012. № 7 (91). С. 8.
29. *Певцова Е.А.* Правовое поведение и правовая активность личности // Фундаментальные и прикладные исследования кооперативного сектора экономики. 2014. № 5. С. 93–98.
30. Правовая система социализма: в 2 кн. / под ред. А.М. Васильева. Кн. 1: Понятие, структура, социальные связи. М., 1986. С. 32; кн. 2: Функционирование и развитие. М., 1987.
31. *Самигуллин В.К.* Право и неправое // Государство и право. 2002. № 3. С. 5–8.
32. *Скоробогатов А.В., Краснов В.А.* Правовое поведение как феномен правовой реальности // Правовая культура. 2017. № 1 (28). С. 25–35.
33. *Суслин Э.В., Рыбин Д.В.* Теория государства и права: учеб. пособие. СПб., 2018. С. 94–96.
34. *Тепляшин И.В.* Становление российской правовой государственности и правовая активность граждан // Журнал рос. права. 2002. № 1. С. 39.
35. *Тетерятников Н.Ю., Демидова И.А., Чугаев В.В., Овсянников П.Ю.* Правовое поведение и юридическая ответственность: учеб. пособие. Красноярск, 2020. С. 12–21.
36. *Трофимов В.В.* О методологическом потенциале категорий «правовая жизнь» и «правовая система» // Правовая политика и правовая жизнь. 2006. № 2. С. 20–31.
37. *Цыбулевская О.И.* Право и правовая система // Общая теория государства и права: учеб. / под ред. С.Ю. Наумова, А.С. Мордовца, Т.В. Касяевой. Саратов, 2018. С. 86–89.
38. *Черных Е.Н.* Категория «правовая жизнь»: вопросы методологии // Правовая политика и правовая жизнь. 2014. № 3. С. 8–15.
39. *Шабуров А.С., Жайкбаев Ж.С.* Теория государства и права: учеб. пособие. Курган, 2019. С. 144.
40. *Шундигов К.В.* Синергетический подход в правоведении. Проблемы методологии и опыт теоретического применения. М., 2013. С. 44.
41. *Kaufmann A.* Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. Frankfurt n/M., 1972. S. 131.

REFERENCES

1. *Aslanyan N.P.* The concept of legal reality: setting a civil problem // Proceedings of the Irkutsk state Academy of Economics. 2012. No. 5. P. 100–108 (in Russ.).
2. *Baranov V.M.* Shadow law. N. Novgorod, 2002. P. 22–24 (in Russ.).
3. *Baranov V.M.* Shadow law as an anti-legal life // Herald of the Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of internal Affairs of Russia // Legal science and practice. 2014. No. 4 (28). P. 9–21 (in Russ.).
4. *Bachinin V.A.* Wrong (negative law) as a category and social reality // State and Law. 2001. No. 5. P. 14–20 (in Russ.).
5. *Bergel J.-L.* General theory of law / under the General editorship of V.I. Danilenko. M., 2000. P. 36 (in Russ.).
6. *Bulavkin A.A., Vaskov M.A., Samygin P.S.* Legal appropriating behavior in modern Russian society: socio-legal characteristics and ways of overcoming. M., 2016 (in Russ.).
7. *Wiener N.* Cybernetics and society. The Creator and the robot. M., 2003. P. 104 (in Russ.).
8. *Hegel G.V.F.* Philosophy of Law / transl. from German; ed. and comp.: D.A. Kerimov, V.S. Nersesyants. M., 1990. P. 139–145 (in Russ.).
9. *Zatonsky V.A., Mal'ko A.V.* Category “legal life”: experience of theoretical understanding // Jurisprudence. 2006. No. 4. P. 4–17 (in Russ.).
10. *Zatonsky V.A.* legal policy, legal life and the problem of understanding the legal and non-Legal in the behavior of social subjects // Legal life of society: problems of theory and practice / under the editorship of A.V. Mal'ko. M., 2016. P. 25–46 (in Russ.).
11. *Kudryavtsev Yu. V.* The effect of social norms // Social deviance. M., 1989. P. 88 (in Russ.).
12. *Kudryavtsev V.N.* Legal behavior: norm and pathology. M., 1982. P. 231, 232 (in Russ.).
13. *Kukharuk T.V.* Legal system and the systematization of legislation: author. dis. ... PhD in Law. SPb., 1998. P. 10 (in Russ.).
14. *Lazarev V.V., Lipen' S.V.* Theory of state and law: Textbook. 4th ed., reprint. M., 2011. P. 230 (in Russ.).
15. *Lichman B.V.* Multi-Conceptuality of the methodology of Russian jurisprudence // Herald of the Ural Institute of Economics, management and law. 2013. No. 2. P. 60–67 (in Russ.).
16. *Lysenko V.A., Ryazanova N.A.* Legal behavior of employees of internal Affairs bodies: Textbook. Belgorod, 2018 (in Russ.).
17. *Maksimov S.I.* Legal reality: the experience of philosophical understanding. Kharkiv, 2002. P. 184, 187 (in Russ.).
18. *Mal'ko A.V., Zatonsky V.A.* “Legal life” and “legal system”: correlation of concepts // Legal policy and legal life. 2006. No. 2. P. 6–20 (in Russ.).
19. *Mal'ko A.V., Ponomarenkov V.A., Krotkova N.V.* Review of all-Russian scientific conference in the form of “Round Table” journals “State and Law”, “Legal policy and legal life”, “Actual problems of jurisprudence” on topic “Legal life of society and the means of its ordering” // State and Law. 2017. No. 9. P. 105–112 (in Russ.).
20. *Mal'ko A.V., Trofimov V.V.* “Legal life” in the categorical structure of jurisprudence: problems of introduction and some methodological aspects of research // Legal policy and legal life. 2014. No. 4. P. 8–18 (in Russ.).
21. *Mal'ko A.V., Trofimov V.V.* Legal life of society as object of legal policy in conditions of globalization and regionalization. M., 2018 (in Russ.).
22. *Malko A.V., Trofimov V.V.* Legal life of society as an object of theory of law (problem statement) // State and Law. 2017. No. 5. P. 39–50 (in Russ.).
23. *Matuzov N.I.* Actual problems of the theory of law. Saratov, 2003. P. 112, 113 (in Russ.).
24. *Matuzov N.I., Mal'ko A.V.* Theory of state and law: Textbook. 4th ed., rev. M., 2016. P. 139 (in Russ.).
25. *Mikhailovsky I.V.* Essays on the Philosophy of Law. Vol. 1. Tomsk, 1914. P. 38 (in Russ.).
26. *Morozov A.S.* Legal and religious behavior in the penitentiary sphere: a theoretical aspect. Novokuznetsk, 2018. P. 20 (in Russ.).
27. *Oxamytny V.V.* Lawful behavior of the individual (theoretical and methodological problems): dis. ... Doctor of Law. Kiev, 1990. P. 61 (in Russ.).
28. *Panchenko P.N.* Legal behavior under the rule of law and common mistakes and violations made when applying the law // Law and state: theory and practice. 2012. No. 7 (91). P. 8 (in Russ.).
29. *Pevtsova E.A.* Legal behavior and legal activity of the individual // Fundamental and applied research of the cooperative sector of the economy. 2014. No. 5. P. 93–98 (in Russ.).
30. The legal system of socialism: in 2 books / ed. by A.M. Vasil'ev. Book 1: The concept, structure, and social relations. M., 1986. P. 32; book 2: Functioning and development. M., 1987 (in Russ.).
31. *Samigullin V.K.* Law and wrong // State and Law. 2002. No. 3. P. 5–8 (in Russ.).
32. *Skorobogatov A.V., Krasnov V.A.* Legal behavior as a phenomenon of legal reality // Legal culture. 2017. No. 1 (28). P. 25–35 (in Russ.).
33. *Suslin E.V., Rybin D.V.* Theory of state and law: textbook. stipend. SPb., 2018. P. 94–96 (in Russ.).

34. *TePLYashin I.V.* Formation of the Russian legal state and legal activity of citizens // Journal of Russian law. 2002. No. 1. P. 39 (in Russ.).
35. *Teteryatnikov N. Yu., Demidova I.A., Chugaev V.V., Ovsyannikov P. Yu.* Legal behavior and legal responsibility: Textbook. Krasnoyarsk, 2020. P. 12–21 (in Russ.).
36. *Trofimov V.V.* On the methodological potential of the categories “legal life” and “legal system” // Legal policy and legal life. 2006. No. 2. P. 20–31 (in Russ.).
37. *Tsybulevskaya O.I.* Law and the legal system // General theory of state and law: Textbook / ed. by S. Yu. Naumov, A.C. Mordovets, T.V. Kesaeva. Saratov, 2018. P. 86–89 (in Russ.).
38. *Chernykh E.N.* Category “legal life”: questions of methodology // Legal policy and legal life. 2014. No. 3. P. 8–15 (in Russ.).
39. *Shaburov A.S., Janbaev J.S.* Theory of state and law: Textbook. Kurgan, 2019. P. 144 (in Russ.).
40. *Shundikov K.V.* Synergetic approach in law. Problems of methodology and experience of theoretical application. M., 2013. P. 44 (in Russ.).
41. *Kaufmann A.* Rechtsphilosophie im Wandel: Stationen eines Weges. Frankfurt n/M., 1972. S. 131.

Сведения об авторах

МАЛЬКО Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции; 410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

ТРОФИМОВ Василий Владиславович – доктор юридических наук, доцент, директор Научно-исследовательского института государственно-правовых исследований Тамбовского государственного университета им. Г.Р. Державина; 392008 г. Тамбов, ул. Советская, д. 181б

ЗАТОНСКИЙ Виктор Александрович – кандидат исторических наук, доцент, старший научный сотрудник Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

Authors' information

MAL'KO Alexander V. – Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice; 55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov region, Saratov, Russia

TROFIMOV Vasily V. – Doctor of Law, associate Professor, Director of Research Institute state-legal research of Derzhavin Tambov state University; 181b Sovetskaya str., 392008 Tambov, Russia

ZATONSKY Viktor A. – PhD in History, associate Professor, senior researcher of the Saratov branch at the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevskogo str., 410028 Saratov, Russia

УДК 342.53

ПРОБЛЕМЫ РЕАЛИЗАЦИИ ПРИНЦИПА ВЕРХОВЕНСТВА ЗАКОНА В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

© 2020 г. Л. Г. Коновалова

Алтайский государственный университет, г. Барнаул

E-mail: vaskova82@yandex.ru

Поступила в редакцию 14.01.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются позитивные моменты и современные проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации, в т.ч. затрагиваются вопросы правового нигилизма, «волюнтаристского» правотворчества, критериев оценки эффективности законодательства, сбалансированности властных рычагов, обеспечивающих «справедливость» содержания законов. Проводится анализ наиболее распространенных в юридической науке предложений по совершенствованию законодательства Российской Федерации. Делается вывод о необходимости обеспечения стабильного законодательного регулирования и выработки механизмов целеполагания и атмосферы дискусионности при принятии нормативных правовых актов.

Ключевые слова: верховенство закона, конституционализм, законность, право, законотворчество, парламентаризм.

Цитирование: Коновалова Л.Г. Проблемы реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации // Государство и право. 2020. № 10. С. 67–80.

DOI: 10.31857/S102694520012232-6

PROBLEMS OF IMPLEMENTING THE RULE OF LAW IN THE RUSSIAN FEDERATION

© 2020 L. G. Konovalova

Altai state University, Barnaul

E-mail: vaskova82@yandex.ru

Received 14.01.2020

Abstract. The article discusses the positive aspects and current problems of implementing the Rule of Law in the Russian Federation, including issues of legal nihilism, “voluntaristic” law-making, criteria for evaluating the effectiveness of legislation, and the balance of power levers ensuring “fairness” of the content of laws. The analysis of the most common in legal science proposals to improve the legislation of the Russian Federation is carried out. The conclusion is drawn about the need to ensure stable legislative regulation and the development of mechanisms for a more clear goal-setting and an atmosphere of debatability in the adoption of normative acts.

Key words: Rule of Law, constitutionalism, legality, law, lawmaking, parliamentarism.

For citation: Konovalova, L.G. (2020). Problems of implementing the Rule of Law in the Russian Federation // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 67–80.

Принцип верховенства закона является одним из основополагающих принципов современной государственности. Он предполагает обязательное следование законам как нормативным правовым актам, принимаемым парламентом (или в результате прямого волеизъявления народа) по наиболее важным вопросам жизнедеятельности общества и государства, а также обладающего приоритетом над всеми подзаконными актами. При этом подразумевается, что закон должен быть правовым, т.е. справедливым, правильным, объективно необходимым. Поэтому зачастую названный принцип называется как принцип верховенства права или верховенства правового закона.

В современном варианте концепцию верховенства закона характеризуют уже не только нормативные признаки, адресованные к системе источников права, но и институциональные, направленные на установление требований к органам власти и защищающие права граждан. При всем многообразии подходов к таковым обычно причисляют: правовое правление, разделение властей, независимая система судебных органов, эффективность права, его стабильность, верховенство законной власти, справедливость, беспристрастное отношение органов власти к гражданам и уважение их прав, создание альтернативных центров власти, запрет злоупотребления властью¹. В отечественной науке к признакам верховенства закона относят: разделение властей, обеспечение прав человека, взаимная ответственность государства и личности, соблюдение международного права, суверенитет народа и др.² Конституционный Суд РФ последовательно подчеркивает базовый и отправной характер принципа верховенства права и включает в него приоритет прав и свобод человека, верховенство Конституции РФ, юридическое равенство и справедливость³.

¹ См.: Fallon R.N. "The Rule of Law" as a Concept in Constitutional Discourse // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. No. 2. P. 7; Мур Дж.Н. Верховенство права: обзор // Верховенство права: сб. / пер. с англ. М., 1992. С. 13–28; Карозерс Т. Испытание верховенством закона // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 139–151; Блохин П. Злоупотребление правами и злоупотребление властью: к построению единой доктрины // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2 (123). С. 34.

² См.: Перевалов В.Д. Теория государства и права. М., 2012. С. 348; Нерсесянц В.С. Общая теория права и государства. М., 2010. С. 308.

³ См.: постановление Конституционного Суда РФ от 09.07.2012 г. № 17-П «По делу о проверке конституционности не вступившего в силу международного договора Российской Федерации – Протокола о присоединении РФ к Марракешскому соглашению об учреждении Всемирной торговой организации» // СЗ РФ. 2012. № 29, ст. 4169; постановление Конституционного Суда РФ от 27.06.2012 № 15-П «По делу о проверке конституционности пунктов 1 и 2 статьи 29, пункта 2 статьи 31 и статьи 32 Гражданского кодекса РФ в связи с жалобой гражданки И.Б. Деловой» // СЗ РФ. 2012. № 29, ст. 4167.

Принцип верховенства закона в Российской Федерации официально признан и получает непосредственное воплощение: через прямое действие Конституции РФ и процессы конституционализации; через признание приоритета международных актов над внутренним законодательством; через обеспечение верховенства закона над иными источниками права посредством проведения правовых экспертиз нормативных актов и сведения их в регистры, прокурорского реагирования, деятельности судов, осуществления согласительных процедур. Позитивным является действующее в законодательстве требование о том, что нормативные правовые акты федеральных органов исполнительной власти издаются на основе и во исполнение законодательства. Косвенно на поддержание законности влияют: антикоррупционная и экологическая экспертиза правовых актов, раскрытие федеральными органами исполнительной власти информации о подготовке проектов нормативных правовых актов и их общественное обсуждение; деятельность общественных советов при органах исполнительной власти, проведение оценки фактического воздействия нормативных правовых актов в сфере предпринимательства.

В Российской Федерации созданы базовые юридические механизмы для развития принципа верховенства закона. Правовая система отличается значительным объемом законов и подзаконных актов, многие из которых приняты с учетом передовых юридических наработок, налажены процедуры приведения нижестоящих актов в соответствие с нижестоящими. «Нельзя не видеть новое в общественном политическом развитии и конституционном регулировании: обладание частной собственностью, избавление человека от постоянного иждивенчества и зависимости от власти, свободу экономической деятельности, конституционное признание человека высшей ценностью, ликвидацию гнетущего дефицита товаров и услуг, упразднение тоталитаризма, многообразие политической жизни, духовную свободу и т.д.»⁴.

Тем не менее общие оценки состояния правопорядка, реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации оставляют желать лучшего. По мнению ряда юристов, российское законодательство отличается бессистемностью, несбалансированностью, противоречивостью, а в обществе высока доля правового нигилизма⁵.

⁴ Чиркин В.Е. О базовых ценностях российской конституции (К 20-летию Конституции России) // Государство и право. 2013. № 12. С. 18–25.

⁵ См.: Тосунян Г.А., Санникова Л.В. Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.

Зачастую отсутствие в Российском государстве реального режима законности связывается с особенностями национального менталитета. Успех идеи приоритета права в зарубежных странах обосновывается неким выкристаллизованным веками этическим кодом поведения, предопределенным религиозной картиной мира и особенностями социально-экономического развития этих государств. В России же, по мысли отдельных исследователей, сложилась система мышления, противопоставляющая «закон» и «правду», отвергающая рациональность в легальном регулировании⁶. Отчасти это мнение справедливо, поскольку, действительно, на многих исторических этапах закон не отличался справедливостью, и населению приходилось «приспосабливаться» к продиктованным государством условиям жизни, используя иные социальные регуляторы, и в первую очередь, мораль. Опросы общественного мнения свидетельствуют в пользу того, что граждане и теперь предпочитают подстраиваться под условия «неправового» государства, чем бороться за торжество закона и правосудия⁷.

Однако думается, что роль национальной ментальности в стремлении к реализации верховенства закона не стоит преувеличивать. Очевидно, что российское общество не состоит исключительно из маргиналов и стремление к разумному правопорядку объективно присуще основной массе населения. В этой связи В.Д. Зорькин пишет: «С уверенностью могу сказать, что граждане России по-прежнему хотят демократии, правового государства, частной инициативы, мировоззренческого и культурного плюрализма, социальной справедливости. Но они не хотят, чтобы разговоры обо всем этом прикрывали нечто иное, а то и прямо противоположное»⁸. Кроме того, реализация положений закона, в отличие от иных социальных регуляторов, обеспечивается принудительной силой государства. Поэтому проблемы в реализации верховенства закона нужно в первую очередь искать в правовых конструкциях самого закона.

Юридическая наука изобилует критическими оценками действующего законодательства. Основные нарекания можно свести к двум группам замечаний — к отсутствию справедливости содержания

⁶ См.: *Насыров Р.В.* Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. Барнаул, 2008. С. 237; *Барциц И.Н.* Доктрина конституционного патриотизма: европейский вызов и российская перспектива (К 20-летию Конституции РФ) // Государство и право. 2014. № 1. С. 5–16.

⁷ См.: *Пастухов В.* Законность как “condicio sine qua non” российской демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 7.

⁸ *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 12.

многих законов и к несоблюдению требований юридической техники.

Несправедливость законов главным образом связывается с социально-экономической системой распределения национальных богатств и бремени налогообложения, наличием значительного класса «работающих бедных», чрезмерно полярным уровнем жизни граждан, формированием олигархических структур⁹. Государство демонстрирует определенные «подвижки» в этой сфере. По сравнению с состоянием общей экономической «разрухи» 90-х годов стали развиваться отдельные сектора экономики, особенно сырьевой и военной направленности. В целом прекращена практика длительных периодов невыплаты заработных плат. Так, с 2000 по 2019 г. разрыв в доходах между высокооплачиваемыми и низкооплачиваемыми работниками сократился с 34 до 13 раз¹⁰. Существуют некоторые программы поддержки социально-незащищенных слоев населения, повышается установленный законом уровень минимальной оплаты труда.

Однако общая неудовлетворенность легализованной социально-экономической обстановкой остается. Звучат призывы к повышению уровня социальной справедливости в законодательстве¹¹. Регулярно ставится вопрос о преодолении отрицательных последствий проведенной приватизации и расширении прав населения по пользованию природными богатствами страны¹². Государство обвиняется в использовании «мошеннической статистики» в части социально-экономических показателей и показателей борьбы с преступностью¹³. Ведущие экономисты с разочарованием отмечают государственно-монополистические тенденции развития государственности: «Политика по стимулированию развития рынка, конкуренции, перерабатывающего сектора, несмотря на риторику,

⁹ См.: *Осейчук В.И.* Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 138–179; *Чиркин В.Е.* Субъективные заметки о либеральной концепции права в российской юридической науке // Государство и право. 2013. № 10. С. 34; *Лунеев В.В.* О равенстве и равноправии в современной России // Государство и право. 2013. № 5. С. 95–99.

¹⁰ См.: Разрыв сократился: богатые спустились к бедным // Газета.ру. 2019. 28 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/07/28/12539293.shtml>

¹¹ См.: *Невинский В.В.* Конституция РФ 1993 г.: миссия, проблемы реализации // Конституция РФ: декларации и реальность / под ред. Е.С. Аничкина. Барнаул, 2018. С. 158.

¹² См.: *Гаджиев Г.* Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы — друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 22–45; *Зорькин В.Д.* Указ. соч. С. 96–103.

¹³ См.: *Лунеев В.В.* Свобода лучше, чем несвобода? // Государство и право. 2012. № 9. С. 16.

«де-факто» не является приоритетом и на практике не эффективна», идет на спад деятельность субъектов малого и среднего предпринимательства¹⁴. С негодованием в обществе обсуждаются реформы науки, образования, здравоохранения, налогообложения, лесопользования и других сфер в связи с отсутствием в них рациональной и справедливой составляющей¹⁵.

Существенно подрывает принцип верховенства права действующее законодательство об исполнительном производстве, которое, несмотря на многочисленные изменения, не предоставляет Федеральной службе судебных приставов действенных рычагов для обеспечения принудительного исполнения юрисдикционных актов. По статистике лишь около трети исполнительных производств оканчивается реальным исполнением¹⁶. При таком положении теряют всякий смысл постулаты о верховенстве закона, который даже через суд не всегда реально заставить исполнять игнорирующее его лицо.

Обоснованными являются замечания в адрес юридической техники законодательства. Практика показывает, что обычно законопроекты не имеют четко поставленной цели и продуманного механизма реализации. Это приводит к концептуальной непроработанности закона или к расхождению между его реальной целью и декларируемыми задачами, влечет внесение многократных изменений в принятые законы¹⁷. Исследователи отмечают игнорирование экспертных оценок и общественных ожиданий при принятии законов¹⁸. Чрезмерное политическое влияние исполнительной власти на

парламент приводит к утрате самостоятельности действия представительного органа и нарушению правил экспертизы, доработки и обсуждения законопроектов. Законопроекты массово «вбрасываются» Президентом РФ или Правительством РФ в Государственную Думу и принимаются в спешном порядке без существенных дискуссий¹⁹. Подобная практика именуется в юридической науке «правовой инфляцией», «законотворческим волюнтаризмом», «законодательной горячкой»²⁰. Нестабильность законодательства нередко приобретает гипертрофированные формы. Путаница возникает даже в номерах и названиях актов, не говоря уже о проблеме поиска в многостраничных текстах действующей формулировки нужной нормы. Правоприменитель становится заложником справочных правовых систем и компетентности их операторов²¹. Проводимые реформы зачастую осуществляются непоследовательно, с постоянно меняющимися векторами развития. К примеру, это касается избирательной системы, уголовно-правовых и административно-правовых институтов, местного самоуправления и т.д. Такая проблема получила название «маятникового регулирования» или «возвратного правотворчества»²².

При обеспечении верховенства закона в разрезе «вертикального» регулирования возникли проблемы формализации федеративных отношений и отсутствия реальных механизмов самоуправления. Сложившаяся ситуация позволяет говорить о приоритете политики над принципом верховенства закона во взаимоотношениях между разными уровнями публичной власти.

По мнению многих ученых, «процесс восстановления конституционной законности, начавшись вполне обоснованно, впоследствии пошел по пути свертывания демократических начал организации и функционирования высших органов

¹⁴ См.: *Мазаев В.* Деформация российской конституционной экономической модели: оценка и варианты реагирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 115–130.

¹⁵ См.: *Дмитриев Ю.А.* Можно ли повысить демократический потенциал действующей Конституции РФ? // Государство и право. 2013. № 12. С. 49, 50; *Оленина Т.Ю.* Состояние современного лесного законодательства России // Росс. юстиция. 2016. № 12. С. 14, 15; *Дорошенко Е.Н.* Конституционные стандарты достойной жизни и свободного развития человека при проведении пенсионной реформы // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 12. С. 39–54; *Еременко В.И.* Реорганизация государственных академий наук России // Законодательство и экономика. 2013. № 11; *Илесанми М.А.* Проблема глобального здравоохранения в контексте концепции устойчивого развития // Международное публичное и частное право. 2018. № 4. С. 3–6.

¹⁶ См.: *Коновалова Л.Г.* Исполнительное производство в РФ: понятие и субъекты / под ред. В.В. Невинского. М., 2015. С. 3.

¹⁷ См.: *Тосунян Г.А., Санникова Л.В.* Указ. соч. С. 28–34; *Дивин И.М.* К вопросу о признании судебного прецедента источником права в отечественной правовой системе // Государство и право. 2013. № 9. С. 90.

¹⁸ См.: *Бачило И.Л.* О методологии и юридической технике законодательства // Государство и право. 2006. № 6. С. 15–17.

¹⁹ См.: *Лукьянова Е.А.* Некоторые особенности законодательной деятельности парламента РФ // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003. С. 144–149.

²⁰ *Арановский К., Князев С.* Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94). С. 57; *Лукьянова Е.А.* Указ. соч. С. 144–149.

²¹ См.: *Матейкович М.С.* Дефекты конституционно-правового регулирования в РФ // Государство и право. 2007. № 12. С. 15–21.

²² *Рарог А.И.* Законодательные атаки на устой уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 24–32; *Осавелюк А.М.* Форма правления и государственный режим: проблема эффективности законодательства // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 187–197.

государственной власти субъектов РФ»²³, превратил Российскую Федерацию в государство «унитарного федерализма»²⁴. Субъекты Федерации фактически утратили самостоятельность при решении ситуаций местного значения. В тех условиях, когда Конституция РФ, устанавливая общие правила распределения предметов ведения, позволяет строить многообразные федеративные отношения²⁵, политический курс был взят на установление жесткой централизации государственности. Фактически не обеспечено по политическим и юридическим причинам участие субъектов Федерации в федеральном законодательном процессе, несмотря на то что многие принимаемые федеральные законы затрагивают существенные интересы населения субъектов Российской Федерации²⁶. Получается, что субъекты Федерации за последние годы приобрели гипертрофированную политическую, юридическую и экономическую зависимость от федерального центра. И.А. Умнова в связи с этим обращает внимание на усиливающийся разрыв между полномочиями органов государственной власти субъектов Российской Федерации и бюджетно-финансовой основой данных полномочий. Автор отмечает, что «за почти двадцатилетний период постконституционных преобразований в России сложилась неэффективная, сложно управляемая система разграничения предметов ведения и полномочий, стимулирующая регионы не на саморазвитие и здоровую конкуренцию между ними, а на дотационный паразитизм, вынужденные сделки с бизнес-структурами, зачастую сомнительного характера. Такая система разграничения

²³ Аничкин Е.С. Преобразование Конституции РФ и развитие конституционного законодательства в конце XX – начале XXI в. М., 2010. С. 131.

²⁴ См.: Добрынин Н.М. Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С.А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 22–33; Его же. К вопросу о территориальном измерении конституционализма // Государство и право. 2012. № 1. С. 14–22; Махина С.Н. Сущность и системные характеристики политико-правовой категории «децентрализация» в современном демократическом государстве // Государство и право. 2006. № 7. С. 21–30; Старостина И.А. Рец. на монографию А. Захарова «Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме» // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 38, 39.

²⁵ См.: Добрынин Н.М. Насущные задачи развития российской модели федерализма: онтологический дискурс о системных свойствах федерации // Государство и право. 2017. № 9. С. 43.

²⁶ См.: Невинский В.В. Законодательная инициатива субъектов РФ по вопросам совместного ведения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ: правовые основы, проблемы реализации // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 31; Пименова О.И. Федерализм и субсидиарность в системе внутригосударственных отношений: некоторые теоретико-практические аспекты их взаимодействия (На примере Российской Федерации) // Государство и право. 2017. № 4. С. 15.

компетенции по вертикали привела к дальнейшему росту различий в уровне социального и экономического развития, обострению кризисных явлений в экономике, росту социального и политического напряжения»²⁷.

Верховенство закона на местном уровне формально-юридически обеспечивается регламентацией в федеральном законодательстве видов правовых актов муниципалитетов и базовых правил к их отмене и принятию, установлением ответственности органов и должностных лиц местного самоуправления перед населением муниципального образования, государством, физическими и юридическими лицами²⁸. Однако, по мнению многих ученых, местное самоуправление в Российской Федерации демонстрирует массу юридических фикций, превращая многие требования законодательства в формальность. В первую очередь это связано с несоответствием финансовых возможностей муниципалитетов закрепленным за ними полномочиями²⁹. В юридической науке такой дисбаланс получил название «нефинансируемых мандатов». Формальное закрепление заведомо невыполнимых в силу отсутствия достаточной материально-финансовой обеспеченности полномочий позволяют контрольно-надзорным органам и судам выносить решения об обязывании органов власти местного уровня их реально выполнять и финансировать.

Ученые предостерегают, что стремление решить с помощью закона любой вопрос, отреагировать на любую общественную потребность оборачивается иллюзией решения проблемы³⁰. «Постоянное стремление улучшить законы развивает правовую беспечность и само развивается из безответственности того особого сорта, когда люди не берут на себя скучный труд уважать имеющиеся и не совсем удобные правила, зато готовы свой неуспех и свою нетерпеливую небрежность списать на несовершенство “законодательной базы” или изъяны “правового поля”. Законодательная самоуверенность не дает сложиться вере в правопорядок,

²⁷ Умнова И.А. Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 48.

²⁸ См.: Федеральный закон от 06.10.2003 г. № 131-ФЗ (в ред. от 02.08.2019 г.) «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2003. № 40, ст. 3822.

²⁹ См.: Рыков А.Н. О смысле существования местного самоуправления // Государство и право. 2017. № 9. С. 58–64.

³⁰ См.: Кененова И. Кризис западной традиции права и российской традиции власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 17; Лукьянова Е.А. Указ. соч. С. 149.

которая только и возможна, если люди не относятся к правилам как к производству свободной воли, а представляют основные правила как постоянную, по сути безликую (беспристрастную), недоступную произвольную силу»³¹. «Безудержный рост законодательного массива искусственно ведет к хаотизации социальной жизни»³².

Существенный дисбаланс чрезмерно возросшего законодательного массива и реальных общественных отношений породил дискуссии о способах повышения качества законотворчества. Самым распространенным предложением является принятие некоего закона о правотворчестве. Его по-разному предлагают именовать: «О юридической технике», «О системе нормативных правовых актов», «Об источниках права» и т.п. Условно в юридической литературе этот акт называют «закон о законах»³³. Именно с его принятием многие авторы связывают надежды на упорядочение законотворчества и обеспечение иерархичности источников права.

Однако, несмотря на популярность этой идеи, представляется, что она не совсем рациональна, страдает юридическим формализмом и демонстрирует утопичную веру во «всесилие» закона. Вопросы соотношения юридической силы актов, прочтения отдельных статей законов, структурирования источников права и процедуры их принятия сегодня либо уже урегулированы, либо решаются на уровне судебной практики³⁴. Основные проблемы для

российской системы законодательства связаны не с формальными требованиями юридической техники, а с более существенной ее составляющей — юридическими конструкциями, которые не поддаются нормативной формализации, а предопределяются профессионализмом и соотношением политических интересов, волеизъявлением народа и отдельных социальных групп. То есть совершенствование российского законодательства должно быть направлено в первую очередь на его содержание, с тем чтобы сделать его справедливым, рациональным, отвечающим общественным интересам и стабильным. Подобные задачи не способен решить «закон о законах». Они лежат в сфере баланса политических сил, разделения властей, конституционализма. Повышению качества законов может способствовать только реализация на практике принципов парламентаризма. Правильность этой мысли подтверждает опыт принятия в отдельных субъектах Российской Федерации и некоторых зарубежных государствах законов о правотворчестве, которые никак не повлияли на повышение эффективности законотворчества³⁵.

Еще один блок предложений по совершенствованию законотворчества связан с идеями изменения порядка формирования парламента Российской Федерации с целью достижения большей представительности этого органа и соответственно масштабного учета интересов различных социальных групп в процессе правотворчества. Наряду с предложениями об очередном изменении избирательной системы или внедрения нового порядка формирования Совета Федерации звучат даже радикальные инициативы о переходе к корпоративной системе представительства³⁶ или внедрения обязательности юридического образования для всех членов парламента³⁷. Согласимся

³¹ Арановский К., Князев С. Указ. соч. С. 57.

³² Андрианов Н.В. Модернизация правовых институтов: проблемы методологии // Государство и право. 2013. № 6. С. 6.

³³ Селютин Е.Н., Холодов В.А. Юридическая техника правотворческого процесса: актуальные проблемы и направления совершенствования // Государство и право. 2018. № 6. С. 73–75; Малько А.В., Гайворонская Я.В. Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. 2012. № 2. С. 15–24; Нестеров А.В. Классификация правовых актов // Государство и право. 2013. № 7. С. 5–11; Лютягин Н.Н. Ревизия и систематизация законодательства // Государство и право. 2003. № 4. С. 26–32; Арзамасов Ю.Г. Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М., 2013. С. 48; Хабриева Т.Я. Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал рос. права. 2015. № 8. С. 8; Бачило И.Л. Указ. соч. С. 15–17.

³⁴ См.: постановление Правительства РФ от 02.08.2001 г. № 576 (в ред. от 13.03.2015 г.) «Об утверждении Основных требований к концепции и разработке проектов федеральных законов» // СЗ РФ. 2001. № 32, ст. 3335; постановление Государственной Думы ФС РФ от 22.01.1998 г. № 2134-П ГД (в ред. от 18.07.2019 г.) «О Регламенте Государственной Думы Федерального Собрания Российской Федерации» // СЗ РФ. 1998. № 7, ст. 801; постановление Правительства РФ от 13.08.1997 г. № 1009 «Об утверждении Правил подготовки нормативных правовых актов федеральных органов исполнительной власти и их государственной регистрации» // СЗ РФ. 1997. № 33, ст. 3895; постановление Конституционного Суда РФ от 16.07.2007 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона «О политических партиях» в связи с жалобой политической партии «Российская коммунистическая рабочая

партия — Российская партия коммунистов» // СЗ РФ. 2007. № 30, ст. 3989; постановление Конституционного Суда РФ от 05.02.2007 г. № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статей 16, 20, 112, 336, 376, 377, 380, 381, 382, 383, 387, 388 и 389 Гражданского процессуального кодекса РФ в связи с запросом Кабинета Министров Республики Татарстан, жалобами открытых акционерных обществ «Нижнекамскнефтехим» и «Хакасэнерго», а также жалобами ряда граждан» // СЗ РФ. 2007. № 7, ст. 932.

³⁵ См.: Закон Орловской области от 15.04.2004 г. «О правотворчестве и нормативных правовых актах Орловской области» // Орловская правда. 2016. 5 июля; Закон Алтайского края от 09.11.2006 г. № 122-ЗС «О правотворческой деятельности» // Алтайская правда. 2006. 28 нояб.

³⁶ См.: Насыров Р.В. Фрактальность как принцип организации и функционирования системы публичной власти: постановка вопроса // Государство и местное самоуправление: современные вызовы. К 140-летию Барнаульской городской Думы / под ред. А.А. Васильева, И.Н. Васева, Ю.А. Зеленина, К.А. Синкина. Барнаул, 2018. С. 194–206.

³⁷ См.: Селютин Е.Н., Холодов В.А. Указ. соч. С. 73–75; Зеленин А.А. Юридическая техника и культура законотворчества // Правовая культура. 2007. № 1. С. 79.

с авторами, призывающими прекратить уже поток постоянных реформ этой сферы, поскольку практика непрерывного внесения изменений в законодательство о формировании палат парламента используется как инструмент противодействия политическим оппонентам и манипулирования волеизъявлением граждан³⁸. Процедуры формирования палат Федерального Собрания РФ ныне соответствуют основным демократическим стандартам и при условии их стабильности могут способствовать становлению значимых политических течений и инициативного представительства со стороны парламентариев.

Мировая практика продемонстрировала чрезмерную упрощенность восприятия парламента как «зеркала нации» в буквальном понимании соотношения социальных групп представительства³⁹. С позиций современности основная задача формирования парламента — это создание демократических механизмов, учитывающих мнение иных кругов, нежели бюрократия. Принцип корпоративного представительства в этом плане не приемлем, поскольку влечет за собой клановость и антагонизм в отношении представителей отдельных профессий. Более того, процедуры выдвижения представителей от профессий сомнительны с позиций адекватности отражения интересов этих профессий и демократизма, поскольку в любой сфере общественной жизни и в «профессии» имеется некая иерархия управления и внутренние противоречия. Роль юридического образования парламентариев не стоит гипертрофировать, поскольку формальное наличие диплома не гарантирует профессионализм, а сама по себе юриспруденция лишь оформляет правила поведения и не способна предложить рациональные правила во всех сферах общественной жизни. В процессе правотворчества необходимо учитывать знания всех наук. Поэтому для заинтересованности народных избранников в реальном представительстве интересов населения требуется не столько менять способ формирования парламента или вводить квалификационные требования к парламентариям, сколько обеспечить реализацию принципов парламентаризма.

³⁸ См.: *Невинский В.В.* Указ. соч. С. 159.

³⁹ См.: *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1918 // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие. Т. 3. / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб., 2014. С. 658; *Бельсон Я.М.* Современное буржуазное государство и народное представительство. М., 1960. С. 133; *Андрева Г.Н.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2009. С. 458; *Левин И.Д.* Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М., 1960. С. 279; *Паронян К.М.* Становление народного представительства: политико-правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 6. С. 8.

Проблема несоответствия между возросшим законодательным массивом и правоприменительной практикой также связана с невозможностью однозначного ответа на вопрос о том, как оценить эффективность законотворческого процесса. Критерии эффективности законотворчества активно обсуждаются в отечественной научной литературе. Например, в качестве таковых называют исполняемость акта, непротиворечие его нормам большей юридической силы, финансовая обоснованность, соблюдение правил юридической техники, стабильность правового регулирования, достижение поставленной цели, «правовой характер» и т.д.⁴⁰ Предлагаются к использованию даже автоматизированные системы оценки качества нормативных актов⁴¹. Звучат призывы ввести конституционную ответственность за «плохое» законодательство⁴².

В 2016 г. Конституционный Суд РФ опубликовал свои рекомендации по поводу совершенствования нормотворческой деятельности в Российской Федерации, в которых орган конституционного контроля в качестве первоочередной задачи совершенствования законодательства называет преодоление пробелов нормативного регулирования, исправление присутствующих в нем дефектов неопределенности и несогласованности. Конституционный Суд РФ обозначил основные дефекты законотворчества, выявленные в его итоговых решениях в 2013–2015 гг., в т.ч. пробельность, неопределенность и несогласованность регулирования. Причем Конституционный Суд РФ связывает надежды на устранение имеющихся проблем не только с деятельностью судов, но также призывает к проведению высокопрофессиональной правовой и специализированной экспертизы при осуществлении законотворческого процесса с тем,

⁴⁰ См.: *Тихомиров Ю.А.* Эффективность закона: от цели к результату // Журнал рос. права. 2009. № 4. С. 6; *Казаков В.Н.* Факторы, влияющие на эффективность законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 3–7; *Бавсун М.В.* Изменения и дополнения уголовного закона как средства повышения эффективности его применения // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 4. С. 475–482; *Перевалов В.Д., Хазанов С.Д.* О методологических основах оценки эффективности мер противодействия коррупции // Рос. юрид. журнал. 2016. № 2. С. 22–31; *Залюило М.В.* Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал рос. права. 2014. № 11. С. 34–41; *Малинова И.П.* Интерпретация социальной реальности в правотворчестве и реформаторской деятельности // Рос. юрид. журнал. 2012. № 5. С. 8–14.

⁴¹ См.: *Белов В.М., Зырянова Е.В., Косов Д.Л.* Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматизированной системы оценки качества нормативных правовых актов // Государство и право. 2017. № 10. С. 105–110.

⁴² См.: *Осилян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 10. С. 43–50.

чтобы на должном уровне поддерживать авторитет парламента⁴³.

Сама Государственная Дума регулярно принимает попытки оценить состояние законодательства и ставит перед собой задачу обеспечения полноты законодательства Российской Федерации, его согласованности и поступательного обновления в соответствии с текущими политическими и социально-экономическими задачами развития государства и официально провозглашает свои намерения совершенствовать институты оценки регулирующего воздействия и экспертного сопровождения законотворчества, оптимизировать законодательный процесс и повысить научную обоснованность законодательной деятельности⁴⁴. С 2013 г. в России по примеру западных государств начинают использоваться механизмы оценки регулирующего воздействия нормативных правовых актов в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности⁴⁵. Осуществляется мониторинг правоприменения⁴⁶.

Однако очевидно, что многие обозначаемые критерии эффективности законотворчества узкопрофессиональны или допускают оценочный подход. По поводу принятых законов или законопроектов даже в среде специалистов зачастую не наблюдается единства мнений. Обычный же гражданин может оценивать качество работы парламента лишь через призму личного опыта и житейских представлений. Более того, сами термины

⁴³ См.: Информация «Конституционно-правовые аспекты совершенствования нормотворческой деятельности (на основе решений Конституционного Суда Российской Федерации 2013–2015 годов)», одобрена решением Конституционного Суда РФ от 23.06.2016 г. // В официальных источниках не публиковалась.

⁴⁴ См.: постановление Государственной Думы ФС РФ от 01.07.2014 г. № 4630–6 ГД «О подготовке Отчета о состоянии российского законодательства в 2014 году» // СЗ РФ. 2014. № 27, ст. 3636.

⁴⁵ См.: Федеральный закон от 06.10.1999 г. № 184-ФЗ (в ред. от 02.08.2019 г.) «Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации» // СЗ РФ. 1999. № 42, ст. 5005; постановление Правительства РФ от 30.01.2015 г. № 83 (в ред. от 29.08.2018 г.) «О проведении оценки фактического воздействия нормативных правовых актов, а также о внесении изменений в некоторые акты Правительства Российской Федерации» // СЗ РФ. 2015. № 6, ст. 965; приказ Минэкономразвития России от 26.03.2014 г. № 159 (в ред. от 26.07.2016 г.) «Об утверждении Методических рекомендаций по организации и проведению процедуры оценки регулирующего воздействия проектов нормативных правовых актов субъектов РФ и экспертизы нормативных правовых актов субъектов Российской Федерации» // В официальных источниках не публиковался.

⁴⁶ См.: Указ Президента РФ от 20.05.2011 г. № 657 (в ред. от 25.07.2014 г.) «О мониторинге правоприменения в Российской Федерации» // СЗ РФ. 2011. № 21, ст. 2930.

«оценка»⁴⁷ и «эффективность» законодательства являются дискуссионными. Эффективность законодательства воспринимается как соотношение между фактически достигнутым результатом и целью принятия акта, как способность акта оказывать максимально положительный эффект на общественные отношения, как показатель снижения конфликтности в обществе⁴⁸. Предлагается разделять эффективность закона, эффективность законотворчества, то есть процесса принятия этого закона и эффективность правовой политики – правильности тех социальных целей, которые пытаются достичь путем принятия этого закона⁴⁹.

Поэтому постановка вопроса об эффективности законодательства важна. Справедливы разные сравнения законотворчества с внедрением новых лекарств в медицине, которые требуют тщательного исследования перед использованием⁵⁰. Целесообразно дальнейшее исследование критериев оценки эффективности законодательства. Однако представляется излишним вводить их нормативно для практического использования законодателем, поскольку многие из них носят дискуссионный характер и способны превратить орган народного представительства в бюрократический аппарат, работающий на показатели, особенно в условиях авторитарных тенденций развития государственности. Требуется через надлежащую регламентацию принципов парламентаризма создать условия для использования в политическом процессе наработок юристов об эффективности правового регулирования. И в первую очередь это касается надлежащего обсуждения целей принятия законов. Недопустимо оценивать эффективность работы парламента исключительно по числу принятых законов, соблюдению юридической техники и внедрению новаторских юридических конструкций. Для Российского государства становится особо актуальным обеспечение стабильности правового регулирования и вдумчивого дискурса при принятии новых норм.

⁴⁷ См.: Новиченко А.А. Правовая оценка и ее основания // Государство и право. 2006. № 2. С. 81–86.

⁴⁸ См.: Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Д.Б. Горохов. М., 2009. С. 28; Ланаева В.В. Методология изучения эффективности действия законодательства в процессе правового мониторинга // Законодательство и экономика. 2008. № 10. С. 6; Федосова В.А. Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж, 1984. С. 31.

⁴⁹ См.: Исаков В.Б. Теоретические подходы к понятию эффективности закона // Оценка законов и эффективности их принятия: материалы Междунар. О-931 семинара, 16–17 декабря 2002 г., г. Рязань. М., 2003.

⁵⁰ См.: Бентам И. Принципы законодательства. О влиянии условий и места на законодательство. М., 2012. С. 49; Исаков В.Б. Указ. соч.

* * *

Таким образом, в Российской Федерации принцип верховенства закона официально признан и получает воплощение: через процессы конституционализации; через признание приоритета международных актов над внутренним законодательством; через обеспечение верховенства закона над иными источниками права посредством проведения правовых экспертиз нормативных актов и сведения их в регистры, прокурорского реагирования, деятельности судов, осуществления согласительных процедур. Вместе с тем в части реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации возникают трудности при воплощении в жизнь принципа стабильности конституционно-правовых норм и стабильности законодательства в целом. Имеются проблемы «законотворческого волюнтаризма», «возвратного правотворчества». Обсуждаются вопросы «несправедливости» содержания законов и несоответствия их требованиям юридической техники. Имеют место случаи подмены подзаконными актами роли закона и искажения ими смысла законодательного регулирования. В отдельных ситуациях наблюдается значительное влияние подзаконного регулирования на закон, особенно в сфере реализации государственных программ.

В части общих направлений совершенствования реализации принципа верховенства закона в Российской Федерации представляется нецелесообразным гипертрофировать роль специфики национального правосознания граждан, юридического образования депутатов и предлагаемого к принятию закона о законотворческих процедурах и источниках права. Для достижения этих целей также видится излишним изменение порядка формирования палат парламента. В то же время является актуальной задача обеспечения стабильного законодательного регулирования и выработки механизмов целеполагания и атмосферы дискуссионности при принятии нормативных актов. Требуется более пристальное внимание к эффективности законотворчества. Однако решать этот вопрос следует не через внедрение формально-юридических показателей деятельности для парламентариев, а через создание условий для политической заинтересованности в принятии исключительно продуманных и отвечающих интересам населения законодательных инициатив, главным образом посредством реализации всех принципов парламентаризма.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Андреева Г.Н.* Конституционное право зарубежных стран: учеб. М., 2009. С. 458.

2. *Андреанов Н.В.* Модернизация правовых институтов: проблемы методологии // Государство и право. 2013. № 6. С. 6.
3. *Аничкин Е.С.* Преобразование Конституции РФ и развитие конституционного законодательства в конце XX — начале XXI в. М., 2010. С. 131.
4. *Арановский К., Князев С.* Роль Конституции в политико-правовом обустройстве России: исходные обстоятельства и современные ожидания // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 3 (94). С. 57.
5. *Арзамасов Ю.Г.* Теория и практика ведомственного нормотворчества в России. М., 2013. С. 48.
6. *Бавсун М.В.* Изменения и дополнения уголовного закона как средства повышения эффективности его применения // Актуальные проблемы рос. права. 2013. № 4. С. 475–482.
7. *Барциц И.Н.* Доктрина конституционного патриотизма: европейский вызов и российская перспектива (К 20-летию Конституции РФ) // Государство и право. 2014. № 1. С. 5–16.
8. *Бачило И.Л.* О методологии и юридической технике законотворчества // Государство и право. 2006. № 6. С. 15–17.
9. *Белов В.М., Зырянова Е.В., Косов Д.Л.* Особенности оценки качества нормативных правовых актов. Использование автоматизированной системы оценки качества нормативных правовых актов // Государство и право. 2017. № 10. С. 105–110.
10. *Бельсон Я.М.* Современное буржуазное государство и народное представительство. М., 1960. С. 133.
11. *Бентам И.* Принципы законодательства. О влиянии условий и места на законодательство. М., 2012. С. 49.
12. *Блохин П.* Злоупотребление правами и злоупотребление властью: к построению единой доктрины // Сравнительное конституционное обозрение. 2018. № 2 (123). С. 34.
13. *Гаджиев Г.* Принципы права и право из принципов. Конституционные суды и законодательные органы — друзья и соперники на арене конституционной политики // Сравнительное конституционное обозрение. 2008. № 2 (63). С. 22–45.
14. *Гессен В.М.* Основы конституционного права. Пг., 1918 // Хрестоматия по конституционному праву: учеб. пособие. Т. 3. / сост. Н.А. Богданова, Д.Г. Шустров. СПб., 2014. С. 658.
15. *Дивин И.М.* К вопросу о признании судебного прецедента источником права в отечественной правовой системе // Государство и право. 2013. № 9. С. 90.
16. *Дмитриев Ю.А.* Можно ли повысить демократический потенциал действующей Конституции РФ? // Государство и право. 2013. № 12. С. 49, 50.

17. *Добрынин Н.М.* К вопросу о территориальном измерении конституционализма // Государство и право. 2012. № 1. С. 14–22.
18. *Добрынин Н.М.* Народовластие и суверенитет в современной парадигме российского конституционализма: к 10-летию со дня опубликования работы проф. С.А. Авакьяна «Точка отсчета – народ» // Государство и право. 2017. № 7. С. 22–33.
19. *Добрынин Н.М.* Насущные задачи развития российской модели федерализма: онтологический дискурс о системных свойствах федерации // Государство и право. 2017. № 9. С. 43.
20. *Дорошенко Е.Н.* Конституционные стандарты достойной жизни и свободного развития человека при проведении пенсионной реформы // Актуальные проблемы рос. права. 2018. № 12. С. 39–54.
21. *Еременко В.И.* Реорганизация государственных академий наук России // Законодательство и экономика. 2013. № 11.
22. *Залоило М.В.* Пределы и техника конкретизации юридических норм в правотворчестве // Журнал рос. права. 2014. № 11. С. 34–41.
23. *Зеленукин А.А.* Юридическая техника и культура законотворчества // Правовая культура. 2007. № 1 С. 79.
24. *Зорькин В.Д.* Право в условиях глобальных перемен. М., 2013. С. 12, 96–103.
25. *Илесанми М.А.* Проблема глобального здравоохранения в контексте концепции устойчивого развития // Международное публичное и частное право. 2018. № 4. С. 3–6.
26. *Исаков В.Б.* Теоретические подходы к понятию эффективности закона // Оценка законов и эффективности их принятия: материалы Междунар. О-931 семинара, 16–17 декабря 2002 г., г. Рязань. М., 2003.
27. *Казачков В.Н.* Факторы, влияющие на эффективность законотворчества // Государственная власть и местное самоуправление. 2013. № 12. С. 3–7.
28. *Карозерс Т.* Искушение верховенством закона // Pro et Contra. 2009. № 3–4 (46). С. 139–151.
29. *Кененова И.* Кризис западной традиции права и российская традиция власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1 (92). С. 17.
30. *Коновалова Л.Г.* Исполнительное производство в РФ: понятие и субъекты / под ред. В.В. Невинского. М., 2015. С. 3.
31. *Лапаева В.В.* Методология изучения эффективности действия законодательства в процессе правового мониторинга // Законодательство и экономика. 2008. № 10. С. 6.
32. *Левин И.Д.* Современная буржуазная наука государственного права: критика основных направлений. М., 1960. С. 279.
33. *Литягин Н.Н.* Ревизия и систематизация законодательства // Государство и право. 2003. № 4. С. 26–32.
34. *Лукьянова Е.А.* Некоторые особенности законодательной деятельности парламента РФ // Парламентские процедуры: проблемы России и зарубежный опыт / под ред. С.А. Авакьяна. М., 2003. С. 144–149.
35. *Лунеев В.В.* О равенстве и равноправии в современной России // Государство и право. 2013. № 5. С. 95–99.
36. *Лунеев В.В.* Свобода лучше, чем несвобода? // Государство и право. 2012. № 9. С. 16.
37. *Мазаев В.* Деформация российской конституционной экономической модели: оценка и варианты реагирования // Сравнительное конституционное обозрение. 2017. № 6 (121). С. 115–130.
38. *Малинова И.П.* Интерпретация социальной реальности в правотворчестве и реформаторской деятельности // Росс. юрид. журнал. 2012. № 5. С. 8–14.
39. *Малько А.В., Гайворонская Я.В.* Теория правовых актов: необходимость и пути создания // Государство и право. 2012. № 2. С. 15–24.
40. *Матейкович М.С.* Дефекты конституционно-правового регулирования в РФ // Государство и право. 2007. № 12. С. 15–21.
41. *Махина С.Н.* Сущность и системные характеристики политико-правовой категории «децентрализация» в современном демократическом государстве // Государство и право. 2006. № 7. С. 21–30.
42. *Мур Дж. Н.* Верховенство права: обзор // Верховенство права: сб. / пер. с англ. М., 1992. С. 13–28.
43. *Насыров Р.В.* Фрактальность как принцип организации и функционирования системы публичной власти: постановка вопроса // Государство и местное самоуправление: современные вызовы. К 140-летию Барнаульской городской Думы / под ред. А.А. Васильева, И.Н. Васева, Ю.А. Зеленина, КА. Синкина. Барнаул, 2018. С. 194–206.
44. *Насыров Р.В.* Человек как самоценность: О формулировке ст. 2 Конституции РФ 1993 г. Барнаул, 2008. С. 237.
45. *Невинский В.В.* Законодательная инициатива субъектов РФ по вопросам совместного ведения в Государственную Думу Федерального Собрания РФ: правовые основы, проблемы реализации // Право и государство: теория и практика. 2017. № 2. С. 31.
46. *Невинский В.В.* Конституция РФ 1993 г.: миссия, проблемы реализации // Конституция РФ: де-

- кларации и реальность / под ред. Е.С. Аничкина. Барнаул, 2018. С. 158, 159.
47. *Нерсесянц В.С.* Общая теория права и государства. М., 2010. С. 308.
  48. *Нестеров А.В.* Классификация правовых актов // Государство и право. 2013. № 7. С. 5–11.
  49. *Новиченко А.А.* Правовая оценка и ее основания // Государство и право. 2006. № 2. С. 81–86.
  50. *Оленина Т.Ю.* Состояние современного лесного законодательства России // Росс. юстиция. 2016. № 12. С. 14, 15.
  51. *Осавелюк А.М.* Форма правления и государственный режим: проблема эффективности законодательства // Lex Russica. 2017. № 1 (122). С. 187–197.
  52. *Осейчук В.И.* Конституционно-правовые проблемы строительства в России демократического правового социального государства: дис. ... д-ра юрид. наук. Тюмень, 2009. С. 138–179.
  53. *Осилян Б.А.* Трансформация права в закон: духовные, научные и практические аспекты // Государство и право. 2006. № 10. С. 43–50.
  54. *Паронян К.М.* Становление народного представительства: политико-правовой анализ // Государственная власть и местное самоуправление. 2007. № 6. С. 8.
  55. *Пастухов В.* Законность как “condicio sine qua non” российской демократии // Сравнительное конституционное обозрение. 2007. № 2 (59). С. 7.
  56. *Перевалов В.Д.* Теория государства и права. М., 2012. С. 348.
  57. *Перевалов В.Д., Хазанов С.Д.* О методологических основах оценки эффективности мер противодействия коррупции // Росс. юрид. журнал. 2016. № 2. С. 22–31.
  58. *Пименова О.И.* Федерализм и субсидиарность в системе внутригосударственных отношений: некоторые теоретико-практические аспекты их взаимодействия (На примере Российской Федерации) // Государство и право. 2017. № 4. С. 15.
  59. Правовой мониторинг: науч.-практ. пособие / отв. ред. Ю.А. Тихомиров, Д.Б. Горохов. М., 2009. С. 28.
  60. Разрыв сократился: богатые спустились к бедным // Газета.ру. 2019. 28 июля. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/07/28/12539293.shtml>
  61. *Рарог А.И.* Законодательные атаки на устои уголовного права // Государство и право. 2013. № 1. С. 24–32.
  62. *Рыков А.Н.* О смыслах существования местного самоуправления // Государство и право. 2017. № 9. С. 58–64.
  63. *Селютина Е.Н., Холодов В.А.* Юридическая техника правотворческого процесса: актуальные проблемы и направления совершенствования // Государство и право. 2018. № 6. С. 73–75.
  64. *Старостина И.А.* Рец. на монографию А. Захарова «Унитарная федерация. Пять этюдов о российском федерализме» // Конституционное и муниципальное право. 2009. № 18. С. 38, 39.
  65. *Тихомиров Ю.А.* Эффективность закона: от цели к результату // Журнал рос. права. 2009. № 4. С. 6.
  66. *Тосунян Г.А., Санникова Л.В.* Культура правотворчества в современной России // Государство и право. 2018. № 3. С. 28–34.
  67. *Умнова И.А.* Проблемы дефедерализации и перспективы оптимизации современной российской модели разграничения предметов ведения и полномочий в контексте доктрины субсидиарности // Сравнительное конституционное обозрение. 2012. № 2. С. 48.
  68. *Федосова В.А.* Эффективность действия норм советского государственного права. Воронеж, 1984. С. 31.
  69. *Хабриева Т.Я.* Современное правотворчество и задачи юридической науки // Журнал рос. права. 2015. № 8. С. 8.
  70. *Чиркин В.Е.* О базовых ценностях российской Конституции (К 20-летию Конституции России) // Государство и право. 2013. № 12. С. 18–25.
  71. *Чиркин В.Е.* Субъективные заметки о либеральной концепции права в российской юридической науке // Государство и право. 2013. № 10. С. 34.
  72. *Fallon R.N.* “The Rule of Law” as a Concept in Constitutional Discourse // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. No. 2. P. 7.

REFERENCES

1. *Andreeva G.N.* Constitutional Law of foreign countries: Textbook. M., 2009. P. 458 (in Russ.).
2. *Andrianov N.V.* Modernization of legal institutions: problems of methodology // State and Law. 2013. No. 6. P. 6 (in Russ.).
3. *Anichkin E.S.* Transformation of the Constitution of the Russian Federation and development of constitutional legislation in the late XX – early XXI century. M., 2010. P. 131 (in Russ.).
4. *Aranovsky K., Knyazev S.* The role of the Constitution in the political and legal development of Russia: initial circumstances and modern expectations // Comparative constitutional review. 2013. No. 3 (94). P. 57 (in Russ.).
5. *Arzamasov Yu. G.* Theory and practice of departmental rule-making in Russia. M., 2013. P. 48 (in Russ.).
6. *Bavsun M.V.* Changes and additions to the criminal law as a means of improving the effectiveness of its

- application // Actual problems of Russian law. 2013. No. 4. P. 475–482 (in Russ.).
7. *Bartsits I.N.* The doctrine of constitutional patriotism: the European challenge and the Russian perspective (To the 20th anniversary of the Constitution of the Russian Federation) // State and Law. 2014. No. 1. P. 5–16 (in Russ.).
  8. *Bachilo I.L.* On methodology and legal technique of lawmaking // State and Law. 2006. No. 6. P. 15–17 (in Russ.).
  9. *Belov V.M., Zyryanova E.V., Kosov D.L.* Features of quality assessment of normative legal acts. Using an automated system for assessing the quality of normative legal acts // State and Law. 2017. No. 10. P. 105–110 (in Russ.).
  10. *Belson Ya.M.* Modern bourgeois state and people's representation. M., 1960. P. 133 (in Russ.).
  11. *Bentham I.* Principles of legislation. On the influence of conditions and places on legislation. M., 2012. P. 49 (in Russ.).
  12. *Blokhin P.* Abuse of rights and abuse of power: towards building a unified doctrine // Comparative constitutional review. 2018. No. 2 (123). P. 34 (in Russ.).
  13. *Gadzhev G.* Principles of law and law from principles. Constitutional courts and legislative bodies are friends and rivals in the arena of constitutional politics // Comparative constitutional review. 2008. No. 2 (63). P. 22–45 (in Russ.).
  14. *Gessen V.M.* Fundamentals of Constitutional Law. PG., 1918 // Textbook on Constitutional Law: Textbook. Vol. 3. / comp. N.A. Bogdanova, D.G. Shustrov. SPb., 2014. P. 658 (in Russ.).
  15. *Divin I.M.* On the issue of recognition of judicial precedent as a source of law in the domestic legal system // State and Law. 2013. No. 9. P. 90 (in Russ.).
  16. *Dmitriev Yu.A.* Can increase the democratic potential of the current Constitution of the Russian Federation? // State and Law. 2013. No. 12. P. 49, 50 (in Russ.).
  17. *Dobrynin N.M.* On the territorial dimension of constitutionalism // State and Law. 2012. No. 1. P. 14–22 (in Russ.).
  18. *Dobrynin N.M.* Democracy and sovereignty in the modern paradigm of Russian constitutionalism: to the 10th anniversary of the publication of the work of prof. S.A. Avakyan "Point of reference – the people" // State and Law. 2017. No. 7. P. 22–33 (in Russ.).
  19. *Dobrynin N.M.* Urgent tasks of development of the Russian model of federalism: ontological discourse on the system properties of the Federation // State and Law. 2017. No. 9. P. 43 (in Russ.).
  20. *Doroshenko E.N.* constitutional standards of decent life and free development of a person during the pension reform // Actual problems of Russian law. 2018. No. 12. P. 39–54 (in Russ.).
  21. *Eremenko V.I.* Reorganization of the state academies of Sciences of Russia // Legislation and Economics. 2013. No. 11 (in Russ.).
  22. *Zaloilo M.V.* limits and techniques of concretization of legal norms in law-making // Journal of Russian law. 2014. No. 11. P. 34–41 (in Russ.).
  23. *Zelepukin A.A.* Legal technique and culture of lawmaking // Legal culture. 2007. No. 1 P. 79 (in Russ.).
  24. *Zorkin V.D.* Law in the context of global changes. M., 2013. P. 12, 96–103 (in Russ.).
  25. *Ilesanmi M.A.* The problem of global health in the context of the concept of sustainable development // International Public and Private Law. 2018. No. 4. P. 3–6 (in Russ.).
  26. *Isakov V.B.* Theoretical approaches to the concept of the effectiveness of the law // Evaluation of laws and the effectiveness of their adoption: materials of the International O-931 seminars, December 16–17, 2002, Ryazan. M., 2003 (in Russ.).
  27. *Kazakov V.N.* Factors influencing the effectiveness of lawmaking // State power and local self-government. 2013. No. 12. P. 3–7 (in Russ.).
  28. *Karozers T.* Temptation by the rule of law // Pro et Contra. 2009. No. 3–4 (46). P. 139–151 (in Russ.).
  29. *Kenenova I.* The crisis of the Western tradition of law and the Russian tradition of power in the perspective of constitutional comparative studies // Comparative constitutional review. 2013. No. 1 (92). P. 17 (in Russ.).
  30. *Konovalova L.G.* Executive production in the Russian Federation: concept and subjects / ed. by V.V. Nevinsky. M., 2015. P. 3 (in Russ.).
  31. *Lapaeva V.V.* Methodology for studying the effectiveness of legislation in the process of legal monitoring // Legislation and Economics. 2008. No. 10. P. 6 (in Russ.).
  32. *Levin I.D.* Modern bourgeois science of state law: criticism of the main directions. M., 1960. P. 279 (in Russ.).
  33. *Lityagin N.N.* Revision and systematization of legislation // State and Law. 2003. No. 4. P. 26–32 (in Russ.).
  34. *Lukyanova E.A.* On some peculiarities of the legislative activity of the Russian Parliament // Parliamentary procedures: problems of Russian and international experience / under the editorship of S.A. Avakyan. M., 2003. P. 144–149 (in Russ.).
  35. *Luneev V.V.* Parity and equality in modern Russia // State and Law. 2013. No. 5. P. 95–99 (in Russ.).
  36. *Luneev V.V.* Freedom is better than non-freedom? // State and Law. 2012. No. 9. P. 16 (in Russ.).

37. *Mazaev V.* Deformation of the Russian constitutional economic model: assessment and response options // *Comparative constitutional review*. 2017. No. 6 (121). P. 115–130 (in Russ.).
38. *Malinova I.P.* Interpretation of social reality in law-making and reform activity // *Russ. legal journal*. 2012. No. 5. P. 8–14 (in Russ.).
39. *Mal'ko A.V., Gaivoronskaya Ya.V.* Theory of legal acts: necessity and ways of creation // *State and Law*. 2012. No. 2. P. 15–24 (in Russ.).
40. *Mateikovich M.S.* Defects of constitutional and legal regulation in the Russian Federation // *State and Law*. 2007. No. 12. P. 15–21 (in Russ.).
41. *Makhina S.N.* The essence and system characteristics of the political and legal category “decentralization” in a modern democratic state // *State and Law*. 2006. No. 7. P. 21–30 (in Russ.).
42. *Moore J.N.* The Rule of Law: an overview // *The Rule of Law: collected / transl. from English*. M., 1992. P. 13–28 (in Russ.).
43. *Nasyrov R.V.* Fractality as a principle of organization and functioning of the system of public power: statement of the question // *State and local self-government: modern challenges. To the 140th anniversary of the Barnaul city Duma / ed. by A.A. Vasil'ev, I.N. Vasev, Yu.A. Zelenin, K.A. Sinkin*. Barnaul, 2018. P. 194–206 (in Russ.).
44. *Nasyrov R.V.* Man as self-worth: on the wording of article 2 of the Constitution of the Russian Federation, 1993. Barnaul, 2008. P. 237 (in Russ.).
45. *Nevinsky V.V.* Legislative initiative of the subjects of the Russian Federation on issues of joint submission to the State Duma of the Federal Assembly of the Russian Federation: legal bases, problems of implementation // *Law and state: theory and practice*. 2017. No. 2. P. 31 (in Russ.).
46. *Nevinsky V.V.* Constitution of the Russian Federation 1993: mission, problems of implementation // *Constitution of the Russian Federation: declarations and reality / ed. by E.S. Anichkin*. Barnaul, 2018. P. 158, 159 (in Russ.).
47. *Nersesyants V.S.* General theory of law and state. M., 2010. P. 308 (in Russ.).
48. *Nesterov A.V.* Classification of legal acts // *State and Law*. 2013. No. 7. P. 5–11 (in Russ.).
49. *Novichenko A.A.* Legal assessment and its grounds // *State and Law*. 2006. No. 2. P. 81–86 (in Russ.).
50. *Olenina T. Yu.* State of modern forest legislation of Russia // *Russ. justice*. 2016. No. 12. P. 14, 15 (in Russ.).
51. *Osavelyuk A.M.* Form of government and state regime: the problem of efficiency of law // *Lex Russica*. 2017. No. 1 (122). P. 187–197 (in Russ.).
52. *Oseichuk V.I.* Constitutional and legal problems of the construction in Russia of a democratic legal social state: dis. ... Doctor of Law. Tyumen, 2009. P. 138–179 (in Russ.).
53. *Osipyayn B.A.* Transformation of law into law: spiritual, scientific and practical aspects // *State and Law*. 2006. No. 10. P. 43–50 (in Russ.).
54. *Paronyan K.M.* Formation of national representation: political and legal analysis // *State power and local self-government*. 2007. No. 6. P. 8 (in Russ.).
55. *Pastukhov V.* Legality as “condicio sine qua non” of Russian democracy // *Comparative constitutional review*. 2007. No. 2 (59). P. 7 (in Russ.).
56. *Perevalov V.D.* Theory of state and law. M., 2012. P. 348 (in Russ.).
57. *Perevalov V.D., Khazanov S.D.* On the methodological basis for evaluating the effectiveness of anti-corruption measures // *Russ. legal journal*. 2016. No. 2. P. 22–31 (in Russ.).
58. *Pimenova O.I.* Federalism and subsidiarity in the system of internal state relations: some theoretical and practical aspects of their interaction (On the example of the Russian Federation) // *State and Law*. 2017. No. 4. P. 15 (in Russ.).
59. *Legal monitoring: scientific and practical manual / ed. by Yu. A. Tikhomirov, D.B. Gorokhov*. M., 2009. P. 28 (in Russ.).
60. The gap has narrowed: the rich have descended to the poor. 2019. July 28. URL: <https://www.gazeta.ru/business/2019/07/28/12539293.shtml> (in Russ.).
61. *Rarog A.I.* Legislative attacks on the foundations of criminal law // *State and Law*. 2013. No. 1. P. 24–32 (in Russ.).
62. *Rykov A.N.* On the meaning of the existence of local self-government // *State and Law*. 2017. No. 9. P. 58–64 (in Russ.).
63. *Selyutina E.N., Kholodov V.A.* Legal technique of law – making process: actual problems and Directions of improvement // *State and Law*. 2018. No. 6. P. 73–75 (in Russ.).
64. *Starostina I.A.* Review on the monograph of A. Zakharov “Unitary Federation. Five etudes on Russian federalism” // *Constitutional and Municipal Law*. 2009. No. 18. P. 38, 39 (in Russ.).
65. *Tikhomirov Yu. A.* Efficiency of the law: from the goal to the result // *Journal of Russian law*. 2009. No. 4. P. 6 (in Russ.).
66. *Tosunyan G.A., Sannikova L.V.* Culture of law-making in modern Russia // *State and Law*. 2018. No. 3. P. 28–34 (in Russ.).
67. *Umnova I.A.* Problems of defederalization and prospects of optimization of the modern Russian model of differentiation of subjects of competence and powers in the context of the doctrine of

- subsidiarity // Comparative constitutional review. 2012. No. 2. P. 48 (in Russ.).
68. *Fedosova V.A.* Effectiveness of the norms of Soviet state law. Voronezh, 1984. P. 31 (in Russ.).
69. *Khabrieva T. Ya.* Modern law-making and tasks of legal science // Journal of Russian law. 2015. No. 8. P. 8 (in Russ.).
70. *Chirkin V.E.* On the basic values of the Russian Constitution (To the 20th anniversary of the Constitution of Russia) // State and Law. 2013. No. 12. P. 18–25 (in Russ.).
71. *Chirkin V.E.* Subjective notes on the liberal concept of law in Russian legal science // State and Law. 2013. No. 10. P. 34 (in Russ.).
72. *Fallon R.N.* “The Rule of Law” as a Concept in Constitutional Discourse // Columbia Law Review. 1997. Vol. 97. No. 2. P. 7.

Сведения об авторе

КОНОВАЛОВА Людмила Геннадьевна – кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры конституционного и международного права Алтайского государственного университета; 656000 Алтайский край, г. Барнаул, пр-т Социалистический, д. 68

Authors' information

KONOVALOVA Lyudmila G. – PhD in Law, associate Professor, associate Professor of the Department of Constitutional and International Law of the Altai state University; 68 Sotsialisticheskiiy avenue, 656000 Altai territory, Barnaul, Russia

---

ПРАВА И СВОБОДЫ ЧЕЛОВЕКА
И ГРАЖДАНИНА

ЗАБОТА О СОХРАНЕНИИ СВОЕГО ЗДОРОВЬЯ
КАК ЮРИДИЧЕСКАЯ ОБЯЗАННОСТЬ

© 2020 г. С. Н. Шишков^{1, *}, С. В. Полубинская^{2, **}

¹Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии им. В.П. Сербского
Министерства здравоохранения Российской Федерации, Москва

²Институт государства и права Российской академии наук, Москва

* E-mail: shishkov50@mail.ru

** E-mail: svepol@yandex.ru

Поступила в редакцию 18.05.2020 г.

Аннотация. Авторы дают анализ ст. 27 Федерального закона от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации», закрепляющей обязанности граждан в сфере охраны здоровья.

Общая обязанность граждан «заботиться о сохранении своего здоровья», содержащаяся в ч. 1 ст. 27, предполагает адресованное всем и каждому требование совершать действия, приносящие пользу здоровью, и воздерживаться от действий, наносящих ему вред. Авторы отмечают юридическую и фактическую неопределенность и другие особенности этой обязанности и обращают внимание на отсутствие в ней элементов понятия «юридическая обязанность», выделенных в теории права. Напротив, ч. 2 и 3 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ не оставляют сомнений относительно требований к поведению граждан и обеспечиваются юридической ответственностью за их неисполнение. Об этом свидетельствуют те положения законодательства, которые связаны с общими нормами ч. 2 ст. 27, и, в частности, федеральные и местные правовые акты, принятые в связи с распространением на территории Российской Федерации коронавирусной инфекции (COVID-19). Авторы указывают признаки, отличающие общую норму-декларацию обязывающего характера от собственно юридической обязанности, которая может быть закреплена в законе.

Ключевые слова: охрана здоровья, обязанности граждан в сфере охраны здоровья, юридическая обязанность, теория права, элементы юридической обязанности, юридическая ответственность, медицинские осмотры, инфекционные заболевания, здоровье населения.

Цитирование: Шишков С.Н., Полубинская С.В. Забота о сохранении своего здоровья как юридическая обязанность // Государство и право. 2020. № 10. С. 81–89.

DOI: 10.31857/S102694520012234-8

CARING FOR ONE'S OWN HEALTH AS LEGAL DUTY

© 2020 S. N. Shishkov^{1, *}, S.V. Polubinskaya^{2, **}

¹Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology, Moscow

²Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

* E-mail: shishkov50@mail.ru

** E-mail: svepol@yandex.ru

Received 18.05.2020

Abstract. The authors analyze article 27 of the Federal Law No. 323-FL from November 21, 2011 “On the Basics of Protecting Citizens' Health in the Russian Federation”, which establishes the duties of citizens in the field of health protection.

The general duty of citizens to “take care of their health”, formulated in part 1 of article 27, implies the requirement addressed to all and everybody to perform actions that benefit health and refrain from actions that bring harm to it. The authors emphasize the legal and actual unclarity and other features of this duty and draw attention to the absence of the elements of «the legal duty» concept highlighted in the theory of law. However, parts 2 and 3 of article 27 of Federal Law No. 323-FL leave no doubts about the requirements for the behavior of citizens and are supported by legal responsibility for their failure to comply. This is illustrated by the provisions of the law related to general rules of Part 2 of article 27, and in particular, federal and regional legal acts adopted in connection with the spread of recent coronavirus infection (COVID-19) in the territory of the Russian Federation. The authors indicate the features that distinguish the general norm-declaration of a binding nature from the legal duty in strong sense, which can be fixed in the law.

Key words: health protection, citizens' duties in the field of health protection, legal duty, theory of law, elements of legal duty, legal responsibility, medical examinations, infectious diseases, public health.

For citation: *Shishkov, S.N., Polubinskaya, S.V. (2020). Caring for one's own health as legal duty // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 81–89.*

Вместо введения. Федеральный закон от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» наряду с правами предусматривает и обязанности граждан, в числе которых – обязанность «заботиться о сохранении своего здоровья» (ч. 1 ст. 27)¹. Эта законодательная норма вызвала разноречивые суждения ученых и специалистов². На наш взгляд, она действительно достойна внимания и требует анализа.

В литературе можно найти поддержку ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ в целом. Так, Е.С. Салыгина пишет: «В 2011 г. ФЗ № 323 – новый Закон о здравоохранении – впервые закрепил в ст. 27 обязанности пациента (это, на мой взгляд, одно из наиболее ценных достижений данного Закона). Итак, в соответствии с указанной статьей обязанностями граждан в сфере здравоохранения являются: 1) забота о своем здоровье (!!!)³; 2) прохождение медицинских осмотров в случаях, предусмотренных в законе; 3) соблюдение режима лечения и правил поведения пациента в медицинской организации. Иначе говоря, если пациент явно злоупотребляет алкоголем, курением, не занимается спортом (хотя бы физкультурой), сознательно употребляет в пищу вредные продукты, не соблюдает назначения врача и нарушает правила поведения в медицинской организации, он нарушает, не выполняет возложенные на него законом

обязанности. Крайне важно продублировать данные обязанности в договоре с пациентом»⁴.

Противоположное мнение высказывал член Общественного совета по защите прав пациентов при Росздравнадзоре А.А. Старченко в своем критическом отзыве на некоторые положения еще проекта Федерального закона № 323-ФЗ: «Наличие обязанности бережно относиться к своему здоровью... имеет очень широкое толкование, которое ретивые организаторы могут использовать при оправдании дефектов оказания медицинской помощи... <...>. Логика учреждения здравоохранения всегда будет такой: если бы пациент исполнял обязанность бережно относиться к своему здоровью, то смотрел бы под ноги, не получил перелома, не было бы необходимости его лечить, и не возник бы дефект лечения в виде ложного сустава... <...>. Возложение обязательств такого широкого, неконкретного рода опасно, так как всегда может быть использовано против пациента... <...>. В целом статья «Обязанности граждан в сфере охраны здоровья» не проработана, вредна, так как содержит массу неопределенностей, умаляет права граждан»⁵.

Действительно, неконкретность, характерная для содержания общей обязанности бережного отношения к своему здоровью, в ряде случаев может обернуться произвольным толкованием медицинских фактов и умалением прав граждан.

Обязанность заботиться о сохранении своего здоровья (ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ). Эта норма не является беспрецедентной.

¹ См.: СЗ РФ. 2011. № 48, ст. 6724; 2020. № 31 (ч. I), ст. 5062.

² См., напр.: Романовский Г.Б. Обязанности граждан в сфере охраны здоровья // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 30–38; Калецкий Е.Г. Правовые аспекты исполнения гражданами обязанности по сохранению своего здоровья в Российской Федерации // Медицинское право: теория и практика. Т. 1. 2015. С. 57–62.

³ Три восклицательных знака принадлежат автору процитированного текста.

⁴ Салыгина Е.С. Юридическое сопровождение деятельности частной медицинской организации. М., 2013.

⁵ Старченко А. Оценка проекта закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс]. – Режим доступа. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=495> (дата обращения: 24.04.2020).

Аналогичное положение имелось еще в Основах законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении: «Граждане СССР должны бережно относиться к своему здоровью и здоровью других членов общества» (ч. 3 ст. 4 Основ)⁶. С принятием в 1993 г. Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан (утв. Верховным Советом РФ 22.07.1993 г. № 5487-1)⁷ обязанность бережного отношения к здоровью из федерального законодательства временно исчезает. Федеральный закон № 323-ФЗ возрождает ее, хотя и в иной редакции.

Возможно, такой законодательный «зигзаг» был обусловлен позицией Комитета конституционного надзора СССР, который в своем заключении указал, что обязанность граждан бережно относиться к своему здоровью «не предусмотрена ни Конституцией СССР, ни международными актами о правах человека и не может обеспечиваться мерами принудительного характера»⁸. При анализе рассматриваемой обязанности это заключение называют и другие авторы⁹, и можно предположить, что в 1993 г. разработчики Основ законодательства Российской Федерации об охране здоровья граждан восприняли мнение органа конституционного надзора, но спустя годы, к моменту принятия Федерального закона № 323-ФЗ, оно уже утратило для российского законодателя правовую авторитетность. В результате норма об обязанности граждан беречь здоровье вновь закреплена в федеральном законе, хотя в Конституции РФ и международных договорах она по-прежнему отсутствует.

Своеобразие этой обязанности проявляется в нескольких ее аспектах.

Юридическая неопределенность. В общей теории права юридическая обязанность рассматривается в рамках правоотношений в качестве составной части их содержания¹⁰. Если, как пишет С.С. Алексеев, субъективное право — «принадлежащая управомоченному в целях удовлетворения его интересов мера дозволенного поведения, обеспеченная юридическими обязанностями других лиц», то юридическая обязанность — «вторая существенная часть юридического содержания правоотношения, представляющая собой *предписанную обязанному лицу*

меру необходимого поведения, которой лицо должно следовать в соответствии с требованиями управомоченного в целях удовлетворения его интересов» (курсив автора. — С.Ш., С.П.)¹¹.

Н.И. Матузов рассматривает юридическую обязанность как вид и меру «государственно-целесообразного, разумного, полезного, объективно-необходимого поведения субъектов», как властно-повелительную форму социальной регуляции, опирающуюся «на возможность «заставить», принудить, наказать»¹². Императивность юридической обязанности подкрепляется «мерами государственно-принудительного воздействия (санкциями), которые являются необходимым свойством, атрибутом юридической обязанности»¹³.

Соответственно, к элементам юридической обязанности теории права относят: 1) требование совершать определенные положительные действия, предписанные законом (активная обязанность), и/или воздерживаться от поведения, запрещенного законом (пассивная обязанность); 2) необходимость понести ответственность за неисполнение указанных требований¹⁴. При отсутствии хотя бы одного из перечисленных элементов отсутствует и сама юридическая обязанность.

Забота о сохранении здоровья предполагает адресованное всем и каждому требование совершать действия, приносящие пользу здоровью, и воздерживаться от действий, наносящих ему вред. Остается лишь сформулировать перечень таких действий, но эта задача оказывается практически неразрешимой. Основная трудность видится нам в невозможности определить, какая именно совокупность конкретных поведенческих актов гражданина позволяет констатировать, что он действительно исполняет обязанность, возложенную на него ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ.

Обратимся к мнению комментаторов рассматриваемой законодательной нормы. Некоторые из них не раскрывают содержание обязанности беречь здоровье, ограничиваясь краткими и мало что проясняющими замечаниями: «граждане должны не только заботиться о своем здоровье и здоровье

¹¹ См.: там же. С. 114, 125, 126.

¹² Матузов Н.И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Правовая культура. 2015. № 4 (23). С. 27.

¹³ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 126.

¹⁴ См.: Матузов Н.И. Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности (окончание) // Правовая культура. 2016. № 1 (24). С. 26; Алексеев С.С. Указ. соч. С. 125, 126; Коршунова И.В. Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19, 20; Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 20.

⁶ См.: Закон СССР от 19.12.1969 г. № 4589-VII // Ведомости ВС СССР. 1969. № 52, ст. 466.

⁷ См.: Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1993. № 33, ст. 1318.

⁸ См.: Заключение Комитета конституционного надзора от 25.10.1990 г. № 8 (2–10) «О законодательстве по вопросу о принудительном лечении и трудовом перевоспитании лиц, страдающих алкоголизмом и наркоманией» // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 47, ст. 1001.

⁹ См.: Романовский Г.Б. Указ. соч. С. 32, 33.

¹⁰ См., напр.: Алексеев С.С. Общая теория права. Курс в 2 т. Т. II. М., 1982. С. 82–89, 98–100.

своих детей, но и приучать их к здоровому образу жизни»¹⁵; «эта общая нормативная установка имеет перспективную воспитательную цель и должна подкрепляться, в том числе, пропагандой здорового образа жизни»¹⁶. Другие комментаторы отмечают, что ухудшение состояния здоровья и появление болезней зачастую является результатом неправильного поведения самого человека. И потому «должное отношение к себе и своему здоровью, ведение здорового образа жизни, отказ от вредных привычек и другие всем известные меры являются профилактикой многих заболеваний»¹⁷.

Процитируем еще одно, весьма оригинальное применительно к юридической обязанности мнение: «Эта норма носит декларативный характер, поскольку никто не может заставить человека заботиться о своем здоровье, если он сам этого не хочет. Санкций за неисполнение этой обязанности нет и не может быть»¹⁸. Однако в таком случае не может быть и самой юридической обязанности, об элементах которой уже говорилось.

Фактическая (медицинская) неопределенность. Сложным оказывается также вопрос о том, какой образ жизни и какие именно поведенческие акты следует считать для здоровья полезными, а какие нет. В одной из приведенных выше цитат говорится, что необходимо «отказ от вредных привычек и другие всем известные меры» (курсив наш. — С.Ш., С.П.). Однако тезис об их общеизвестности сомнителен. Попытаемся обосновать это примерами.

После опубликования на русском языке книги Г. Гилмора «Бег ради жизни»¹⁹ активно велась дискуссия о значении бега трусцой для профилактики сердечно-сосудистых заболеваний. Одни ее участники, выступали под лозунгом: «от инфаркта можно убежать», другие утверждали, что «к инфаркту можно прибежать»; причем дискуссию вели весьма авторитетные ученые²⁰. Менялся со временем ряд

популярных медицинских советов, касающихся полезной и вредной пищи, благотворности влияния на здоровье лечебного голодания, способов «закаливания организма» и ряда других вопросов²¹. На протяжении многих десятилетий в научно обоснованных воззрениях на здоровье и долголетие главенствовал принцип ведения активного образа жизни, безусловной полезности для человека физических нагрузок. Успех у широкой читательской аудитории имели соответствующие публикации, в частности, книга К. Купера по аэробике²². Однако и эта казавшаяся бесспорной истина некоторыми медиками оспаривается²³.

Возникает вполне резонный вопрос: если даже среди профессионалов мы не находим единодушия, что тогда говорить о представлениях людей, в медицине не сведущих? Подавляющее их большинство получает медицинскую информацию не из научных медицинских трудов, а из научно-популярной литературы и разнообразных масс-медиа. Потребители такой информации зачастую не в состоянии отличить суждения, имеющие хоть какую-то научную ценность, от суждений, в медицинском плане сомнительных или откровенно антинаучных. Официально утвержденного свода правил, коих следует придерживаться, чтобы оставаться здоровым и жить долго, не существует. В результате взгляды граждан на здоровый образ жизни могут существенно расходиться. Так что тезис относительно «известных всем мер» на поверку оказывается фикцией.

Проблема доказуемости. Следующим возникает вопрос о возможностях установления факта исполнения (либо не исполнения) юридической обязанности беречь свое здоровье конкретным лицом. Доказать ее исполнение посредством совершения полезных для здоровья действий едва ли возможно. Гражданину пришлось бы иметь юридически достоверные свидетельства того, что он по утрам занимается физзарядкой, регулярно совершает пробежки или хотя бы пешие прогулки на свежем воздухе, отводит достаточное время на отдых и сон, не позволяет себе погрешностей в питании и т.п.

Гораздо проще, как кажется поначалу, установить факт допущенных гражданином нарушений, выявив, к примеру, наличие у него вредных для здоровья привычек. Так, бывший глава комитета Государственной Думы по охране здоровья С.В. Калашников в интервью журналу

¹⁵ Грачева Т.Ю., Пучкова В.В., Корнеева О.В., Вахрушева Ю.Н. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014).

¹⁶ Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. N323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) / под общ. ред. А.А. Кирилловых. М., 2012.

¹⁷ Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А. и др. Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2016).

¹⁸ Гришаев С.П. Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2011).

¹⁹ Гилмор Г. Бег ради жизни. М., 1969.

²⁰ См., напр.: Амосов Н.М. Раздумья о здоровье. М., 1978.

²¹ См.: Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф. Концепция здорового образа жизни: история становления // Уч. зап. СПбГИПСР. Т. 27. 2017. № 1. С. 99–106.

²² См.: Купер К. Новая аэробика. М., 1976.

²³ См.: Акт П., Акт-Гадерманн М. Ленивые живут дольше. Как правильно распределять жизненную энергию. М., 2016.

«Коммерсантъ Деньги» отметил, что «если человек курит, то даже через два месяца в его анализе крови останутся следы табака. Для таких пациентов нужно ввести повышенные тарифы на медобслуживание». По его мнению, не сложно установить факт потребления человеком не только табака, но и наркотиков. «Со злоупотребляющими алкоголем сложнее, он быстрее выводится из крови»²⁴. Однако надежная диагностика потребления табака и наркотических средств достижима не всегда, а само по себе выявление факта потребления психоактивных веществ еще не исчерпывает всей проблемы. Не все здесь так просто.

Коль скоро речь заходит о столь чувствительных для гражданина последствиях его пагубных для здоровья привычек, как увеличение личных расходов на медицину, он, со своей стороны, вправе требовать от организаций, повышающих тарифы, юридически безупречных доказательств того, что именно потребление табака стало причиной расстройства его здоровья. Ведь характерные для табакокурения болезни могут явиться следствием иных факторов, например, загрязнения воздуха промышленными предприятиями²⁵. И если окажется, что точную причину заболевания установить нельзя или возможных причин несколько, то введение «повышенных тарифов на медобслуживание» будет неправомерным. Больной же получит возможность требовать денежной компенсации от третьих лиц — администрации экологически вредного предприятия или разрешивших его введение в эксплуатацию органов власти.

Свое интервью журналу С.В. Калашников дал в ответ на просьбу прокомментировать предложение известного российского педиатра и хирурга Л.М. Рошаля «законодательно закрепить ответственность граждан за собственное здоровье, поскольку от безответственного отношения к нему страдает бюджет России». Это предложение С.В. Калашников поддержал: «Сама идея и постановка вопроса правильные».

По нашему мнению, суть обсуждаемой проблемы заключается все же не в отсутствии неких «механизмов ответственности», которых пока нет, но которые при желании можно было бы разработать. Суть проблемы в объективной сложности рассматриваемого предмета. Причины заболеваний многочисленны и разнородны, они находятся в системе сложных связей, взаимодействий

и взаимозависимостей, когда внутренние, имманентные свойства явлений могут сочетаться с внешними факторами, приводящими и во многом случайными, а типичные явления — с атипичными. В таких условиях задача определения истинной роли «не слишком заботливого» отношения человека к своему здоровью в этиологии и патогенезе его заболеваний крайне сложна и чревата ошибками. Поэтому на гражданина следует распространить принцип «презумпции невиновности», когда все неустранимые сомнения при установлении причин его болезней должны толковаться в его пользу. Круг лиц, «виновных» в возникновении у гражданина болезней, во многих случаях не ограничится им самим. На состояние здоровья граждан кроме вредных факторов окружающей среды влияют в т.ч. качество и безопасность пищевых продуктов²⁶ и социально-экономические условия жизни человека в целом, прежде всего уровень его доходов. Как справедливо отмечает Н.В. Колотова, «низкие доходы не дают возможности полноценно питаться или прибегать в случае необходимости к услугам платной медицины и, как следствие, эффективно заботиться о своем здоровье. <...>. Результаты научных исследований со всей очевидностью свидетельствуют о тесной связи между степенью бедности и качеством здоровья: чем больше экономических лишений испытывает человек, тем хуже его здоровье»²⁷.

Кроме того, принцип справедливости требует, чтобы ужесточение материальной ответственности граждан в сфере охраны своего здоровья сопровождалось одновременным усилением ответственности государства за их здоровье (от чего бюджет Российской Федерации может в конечном счете не выиграть, а проиграть).

Противоречия. Обязанность беречь здоровье неминуемо вступает в противоречие с другими правами и обязанностями гражданина, поскольку с риском для здоровья сопряжены отдельные виды вполне законопослушного и общественно полезного поведения. Сюда относится, например, работа с вредными или опасными условиями труда, предусмотренная трудовым законодательством (ст. 92, 94, 104 и др. ТК РФ). Очевидно, что поступление на такую работу прямо нарушает требование ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ.

Устранить данное противоречие можно только путем исключений из общего правила об

²⁴ Должны ли граждане нести ответственность за свое здоровье? // Коммерсантъ. Деньги. 2016. 16 апр.

²⁵ См., напр.: Кайль Я.Я., Федин С.В. Анализ и оценка влияния результатов деятельности промышленных предприятий на экологическую комфортность проживания населения города // Фундаментальные исследования. 2016. № 5–2. С. 339–344.

²⁶ См. подр.: Воронцова Е.В., Воронцов А.Л. Качество и безопасность пищевой продукции как фактор общественного здоровья // Известия Юго-Западного гос. ун-та. Сер.: История и право. Т. 9. 2019. № 4. С. 51–63.

²⁷ Колотова Н.В. Реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь как элемент национальной безопасности // Труды ИГП РАН. 2013. № 1. С. 117.

обязанности беречь свое здоровье, указав в законе, что поступление на работу с вредными или опасными условиями труда этой обязанности не нарушает. Аналогичным образом обстоят дела и с поступлением на воинскую службу, ибо военнослужащий обязан стойко переносить все тяготы армейской жизни, не всегда благотворные для здоровья. Подобных исключений может набраться немало, и все их необходимо перечислить в законе, ибо законодательная регламентация юридической обязанности должна быть точной, не допускающей пробелов, неопределенности и противоречий.

Требование заботиться о своем здоровье ставит под сомнение также и правомерность занятия некоторыми видами спорта, особенно экстремальными, туризма и другими видами деятельности, социально одобряемой, но сопряженной с риском. И здесь мы вновь сталкиваемся с противоречием: одобряемое обществом поведение порицается законом. Мир восхищается отвагой путешественников, добывающих все новых достижений и бьющих прежние рекорды, а Федеральный закон № 323-ФЗ требует скорее упрекать их за плохую заботу о своем здоровье.

Психическое здоровье. Проблема сбережения психического здоровья отличается, пожалуй, наименьшей ясностью. Лица с тяжелыми психическими расстройствами не в состоянии принимать разумные решения. Выражаясь юридическим языком, они лишены способности к свободному волеизъявлению. Не несут такие больные и юридической ответственности за свои неправомерные поступки. Поэтому возлагать на них обязанность, предусмотренную ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ, недопустимо.

Происхождение многих распространенных психических расстройств остается пока неясным, так что на вопрос, как нужно себя вести, чтобы избежать заболевания, скажем, шизофренией или хотя бы существенно снизить риск ее возникновения, не сможет ответить ни один психиатр.

Обязанности и ответственность. Ответственность за неисполнение юридической обязанности является ее непременным элементом. Следовательно, нарушение требования части 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ тоже должно влечь ответственность для нарушителя. Однако этому общему правовому требованию об обязанности беречь здоровье не корреспондирует общая правовая норма об ответственности за ее неисполнение. В гл. 13 Федерального закона № 323-ФЗ («Ответственность в сфере охраны здоровья») подобной нормы нет. Вывод возможен только один: то, что в ч. 1 ст. 27 именуется обязанностью, в юридическом смысле таковой не является. Здесь можно вести речь о декларативной норме права — предписании, «в котором сформулированы правовые принципы, а также задачи данной совокупности

юридических норм»²⁸, направленном на пропаганду здорового образа жизни и более уместном, к примеру, в преамбуле, а не в статьях нормативного правового акта.

Иные обязанности, закрепленные в ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ. Как можно заметить из текста ст. 27, ч. 1 шире по своему объему двух последующих частей, которые предусматривают лишь некоторые из обязанностей, потенциально ею охватываемых. Однако, проигрывая ей в объеме, они выигрывают в столь важной для права определенности. В ч. 2 и 3 перечисляются уже вполне конкретные обязанности, не оставляющие сомнений относительно того, какие именно действия надлежит совершить гражданину, чтобы эти обязанности исполнить.

Так, в ч. 2 этой статьи закрепляется обязанность граждан в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, проходить медицинские осмотры, а граждан, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих, опять же в случаях, предусмотренных законодательством Российской Федерации, проходить медицинское обследование и лечение, а также заниматься профилактикой этих заболеваний.

Эта часть ст. 27 содержит прежде всего обязанности граждан, которые подлежат исполнению в случаях их вступления в определенные правоотношения. Гражданин, желающий поступить на работу с вредными и (или) опасными условиями труда либо на работу, связанную с движением транспорта, на основании ст. 213 ТК РФ обязан проходить предусмотренные законодательством обязательные предварительные и периодические медицинские осмотры для определения пригодности этих работников к такой деятельности и предупреждения профессиональных заболеваний. Требования к состоянию здоровья работников в этих случаях обусловлены не только воздействием неблагоприятных производственных факторов, но и вероятностью причинения вреда окружающим в результате ненадлежащего выполнения трудовых обязанностей.

Далее, в целях охраны здоровья населения, предупреждения возникновения и распространения заболеваний такие же осмотры проходят и работники организаций пищевой промышленности, общественного питания и торговли, водопроводных сооружений, медицинских организаций и детских учреждений и некоторые другие. Для граждан, поступающих на государственную гражданскую либо муниципальную службу или уже исполняющих обязанности таких служащих, предусмотрена обязательная

²⁸ Алексеев С.С. Указ. соч. С. 71.

диспансеризация²⁹. При отказе от прохождения медицинских осмотров или обязательной диспансеризации гражданину отказывают в поступлении на гражданскую государственную или муниципальную службу, отстраняют от работы или службы, прекращают с ним трудовые отношения. Заметим, что для граждан прохождение диспансеризации является добровольным.

Кроме того, в ч. 2 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ установлены обязанности лиц, страдающих заболеваниями, представляющими опасность для окружающих³⁰. Перечень таких заболеваний включает представляющие эпидемическую опасность особо опасные и иные инфекционные болезни, в том числе и коронавирусную инфекцию (COVID-19).

Меры, принимаемые в отношении таких заболеваний, включая обязанности граждан, регламентируются ст. 33 Федерального закона «О санитарно-эпидемиологическом благополучии населения»³¹. Больные инфекционными заболеваниями, лица с подозрением на их наличие, контактировавшие с больными инфекционными заболеваниями, а также являющиеся носителями возбудителей инфекционных болезней, подлежат лабораторному обследованию и медицинскому наблюдению или лечению. В случаях, если названные лица представляют опасность для окружающих, применяется обязательная госпитализация либо изоляция³². Неисполнение указанных обязанностей влечет административную (ч. 2, 3 ст. 6.3 КоАП РФ) и уголовную (ст. 236 УК РФ) ответственность³³.

²⁹ См.: приказ Минздравсоцразвития РФ от 14.12.2009 г. № 984н «Об утверждении Порядка прохождения диспансеризации государственными гражданскими служащими Российской Федерации и муниципальными служащими, перечня заболеваний, препятствующих поступлению на государственную гражданскую службу Российской Федерации и муниципальную службу или ее прохождению, а также формы заключения медицинского учреждения» // В официальных источниках не публиковался.

³⁰ См.: постановление Правительства РФ от 01.12.2004 г. № 715 (в ред. от 31.01.2020 г.) «Об утверждении перечня социально значимых заболеваний и перечня заболеваний, представляющих опасность для окружающих» // СЗ РФ. 2004. № 49, ст. 4916; 2020. № 6, ст. 674.

³¹ См.: СЗ РФ. 1999. № 145, ст. 1650; 2020. № 20, ст. 4504.

³² См., напр.: постановление Главного государственного санитарного врача РФ от 30.03.2020 г. № 9 (в ред. от 13.04.2020 г.) «О дополнительных мерах по недопущению распространения COVID-2019»; Временные методические рекомендации «Профилактика, диагностика и лечение новой коронавирусной инфекции (COVID-19). Версия 5 (08.04.2020)» (утв. Минздравом России) // В официальных источниках не публиковались.

³³ См. подр.: Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой коронавирусной инфекции (COVID-19) № 1 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 21.04.2020 г.); Обзор по отдельным вопросам судебной практики, связанным с применением законодательства и мер по противодействию распространению на территории Российской Федерации новой

В этой связи надо также отметить, что угроза распространения коронавирусной инфекции (COVID-19) повлекла установление режима повышенной готовности в субъектах Российской Федерации³⁴. В условиях такого режима граждане также должны соблюдать определенные правила поведения, направленные, в том числе, на охрану их здоровья, как и здоровья окружающих³⁵. Административная ответственность за нарушение этих правил предусмотрена в ст. 20.6.1 КоАП РФ, а также в нормативных правовых актах субъектов Федерации.

* * *

Таким образом, анализ ч. 2 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ показывает, что юридическая обязанность граждан заботиться о сохранении своего здоровья появляется тогда, когда предписанная обязанному лицу мера *необходимого поведения* (курсив наш. — С.Ш., С.П.) обретает такую степень определенности, которая позволяет превратить норму-декларацию обязывающего характера в норму, содержащую обязанность совершать дефинируемые действия (либо воздерживаться от совершения таких действий). Это, в свою очередь, позволяет зафиксировать содержание обязанности в законодательстве, а также предусмотреть юридическую ответственность за ее неисполнение или ненадлежащее исполнение. Особенно наглядно этот подход проявляется в нормах, порожденных потребностью обеспечить публичные интересы — охрану здоровья населения, в которых к интересам личности присоединяется забота о здоровье окружающих.

Отмеченное основание возникновения юридической обязанности позволяет наметить контуры правильного решения всей рассматриваемой нами проблемы — зафиксированная в ч. 1 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ общая обязанность граждан «заботиться о сохранении своего здоровья», которая, как мы уже смогли убедиться, практически неисполнима и даже не вправе считаться юридической обязанностью, должна быть из него исключена.

В соответствии с ч. 3 ст. 27 Федерального закона № 323-ФЗ граждане, находящиеся на лечении, обязаны соблюдать режим лечения, в том числе определенный на период их временной

коронавирусной инфекции (COVID-19) № 2 (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 30.04.2020 г.) // В официальных источниках не публиковались.

³⁴ См., напр.: Указ Мэра Москвы от 05.03.2020 г. № 12-УМ «О введении режима повышенной готовности» // Вестник МПМ. 2020. № 14.

³⁵ См.: постановление Правительства РФ от 02.04.2020 г. № 417 «Об утверждении Правил поведения, обязательных для исполнения гражданами и организациями, при введении режима повышенной готовности или чрезвычайной ситуации» // СЗ РФ. 2020. № 15 (ч. IV), ст. 2274.

нетрудоспособности, и правила поведения пациента в медицинских организациях. Это предписание посвящено тем обязанностям, которые возлагаются на гражданина уже непосредственно в самом процессе оказания ему медицинской помощи — обязанность соблюдать режим лечения и правила поведения в медицинских организациях. В этой связи отмечаем, что сферу действия ч. 3 ст. 27 необходимо расширить и вывести за пределы собственно лечебного процесса. Правоотношения по оказанию гражданину медицинской помощи не ограничиваются случаями его лечения; они охватывают также медицинское обследование и реабилитацию. И если пациент помещен в медицинский стационар на обследование с сугубо диагностическими целями, он обязан соблюдать правила внутреннего распорядка данного медицинского учреждения, за нарушение которых наступает ответственность (к примеру, нарушитель может быть выписан).

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Акст П., Акст-Гадерманн М.* Ленивые живут дольше. Как правильно распределять жизненную энергию. М., 2016.
2. *Алексеев С.С.* Общая теория права. Курс в 2 т. Т. II. М., 1982. С. 71, 82–89, 98–100, 114, 125, 126.
3. *Амосов Н.М.* Раздумья о здоровье. М., 1978.
4. *Белянинова Ю.В., Гусева Т.С., Захарова Н.А. и др.* Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2016).
5. *Воронцова Е.В., Воронцов А.Л.* Качество и безопасность пищевой продукции как фактор общественного здоровья // Известия Юго-Западного гос. унта. Сер.: История и право. Т. 9. 2019. № 4. С. 51–63.
6. *Гилмор Г.* Бег ради жизни. М., 1969.
7. *Грачева Т.Ю., Пучкова В.В., Корнеева О.В., Вахрушева Ю.Н.* Комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. № 323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2014).
8. *Гришаев С.П.* Комментарий Закона об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (Подготовлен для системы «КонсультантПлюс», 2011).
9. Должны ли граждане нести ответственность за свое здоровье? // Коммерсантъ. Деньги. 2016. 16 апр.
10. *Кайль Я.Я., Федин С.В.* Анализ и оценка влияния результатов деятельности промышленных предприятий на экологическую комфортность проживания населения города // Фундаментальные исследования. 2016. № 5–2. С. 339–344.
11. *Калецкий Е.Г.* Правовые аспекты исполнения гражданами обязанности по сохранению своего здоровья в Российской Федерации // Медицинское право: теория и практика. Т. 1. 2015. С. 57–62.
12. *Колотова Н.В.* Реализация права на охрану здоровья и медицинскую помощь как элемент национальной безопасности // Труды ИГП РАН. 2013. № 1. С. 117.
13. *Кориунова И.В.* Обязанность как правовая категория: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. С. 19, 20.
14. *Купер К.* Новая аэробика. М., 1976.
15. *Матузов Н.И.* Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности // Правовая культура. 2015. № 4(23). С. 27.
16. *Матузов Н.И.* Обязанности человека и гражданина как условие демократии и социальной стабильности (окончание) // Правовая культура. 2016. 3 1(24). С. 26.
17. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21 ноября 2011 г. №323-ФЗ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» (постатейный) / под общ. ред. А.А. Кирилловых. М., 2012.
18. *Никифоров Г.С., Дудченко З.Ф.* Концепция здорового образа жизни: история становления // Уч. зап. СПбГИПСР. Т. 27. 2017. № 1. С. 99–106.
19. *Романовский Г.Б.* Обязанности граждан в сфере охраны здоровья // Гражданин и право. 2012. № 12. С. 30–38.
20. *Салыгина Е.С.* Юридическое сопровождение деятельности частной медицинской организации. М., 2013.
21. *Старченко А.* Оценка проекта закона РФ «Об основах охраны здоровья граждан в Российской Федерации» [Электронный ресурс].— Режим доступа. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=495> (дата обращения: 24.04.2020).
22. *Хохлова Е.М.* Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 2008. С. 20.

REFERENCES

1. *Akst P., Akst-Gadermann M.* Lazy people live longer. How to distribute vital energy. M., 2016 (in Russ.)/
2. *Alekseev S.S.* General theory of law. The course in two volumes. V. II. M., 1982 (in Russ.).
3. *Amosov N.M.* Thoughts about health. M., 1978 (In Russ.).
4. *Belyaninova Yu. V., Guseva T.S., Zakharova N.A., etc.* Commentary to the Federal Law of November 21, 2011 No. 323-FL “On the Basics of Protecting Citizens’ Health in the Russian Federation” (article-by-article)

- (Prepared for the system “ConsultantPlus” system, 2016) (in Russ.).
5. *Vorontsova E.V., Vorontsov A.L.* Quality and safety of food products as a factor of public health // Herald of the Southwestern State University. Series: History and Law. Vol. 9. 2019. No. 4. P. 51–63 (in Russ.).
  6. *Gilmore G.* Running for Life. M., 1969 (in Russ.).
  7. *Gracheva T. Yu., Puchkova V.V., Korneeva O.V., Vakhrusheva Yu. N.* Commentary to the Federal Law of November 21, 2011 No. 323-ФЗ “On the Basics of Protecting Citizens’ Health in the Russian Federation” (article-by-article) (Prepared for the system “ConsultantPlus”, 2014) (in Russ.).
  8. *Grishaev S.P.* Commentary of the Law on the Basics of Protecting Citizens’ Health in the Russian Federation (Prepared for the system “ConsultantPlus”, 2011) (in Russ.).
  9. Should citizens be held accountable for their health? // “Kommersant Money”. No. 15. April 16, 2016 [Electronic resource]. – Access mode. URL: <https://www.kommersant.ru/doc/2950290> (accessed: 04.24.2020) (in Russ.).
  10. *Kail Ya. Ya., Fedin S.V.* Analysis and assessment of the impact of the results of industrial enterprises on the environmental comfort of living in the city // Fundamental research. 2016. No. 5–2. P. 339–344 (in Russ.).
  11. *Kaletsky E.G.* Legal aspects of the fulfillment by citizens of the duty to maintain their health in the Russian Federation // Medical Law: Theory and Practice. Vol. 1. 2015. No. 1. P. 57–62 (in Russ.).
  12. *Kolotova N.V.* Realization of the right to health protection and medical care as an element of national security // Proceedings of the Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences. 2013. No. 1. P. 114–136 (in Russ.).
  13. *Korshunova I.V.* Duty as a legal category: abstract ... PhD in Law. M., 2004 (in Russ.).
  14. *Cooper K.* New Aerobics. M., 1976 (in Russ.).
  15. *Matuzov N.I.* Duties of man and citizen as a condition of democracy and social stability // Legal Culture. 2015. No. 4 (23). P. 22–31 (in Russ.).
  16. *Matuzov N.I.* Duties of man and citizen as a condition of democracy and social stability (ending) // Legal Culture. 2016. No. 1 (24). P. 23–33 (in Russ.).
  17. Scientific and practical commentary to the Federal Law of November 21, 2011 No. 323-ФЗ “On the Basics of Protecting Citizens’ Health in the Russian Federation” (article-by-article) / under the general ed. of A.A. Kirillovykh. M., 2012 (in Russ.).
  18. *Nikiforov G.S., Dudchenko Z.F.* The concept of a healthy lifestyle: the history of formation // Scientific notes journal of the St. Petersburg state Institute of Psychology and Social Work. Vol. 27. 2017. No. 1. P. 99–106 (in Russ.).
  19. *Romanovskiy G.B.* Duties of citizens in the field of health // Citizen and Law. 2012. No. 12. P. 30–38 (in Russ.).
  20. *Salygina E.S.* Legal support of a private medical organization. M., 2013 (in Russ.).
  21. *Starchenko A.* Assessment of the draft law of the Russian Federation “On the Basics of Protecting Citizens’ Health in the Russian Federation” [Electronic resource]. – Access mode. URL: <https://nacmedpalata.ru/?action=show&id=495> (accessed: 04.24.2020) (in Russ.).
  22. *Khokhlova E.M.* Subjective law and legal duty in the mechanism of legal regulation: abstract ... PhD in Law. Saratov, 2008 (in Russ.).

Сведения об авторах

ШИШКОВ Сергей Николаевич – кандидат юридических наук, доцент, главный научный сотрудник ФГБУ «Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и наркологии имени В.П. Сербского» Министерства здравоохранения Российской Федерации; 119991 г. Москва, Кропоткинский пер., д. 23

ПОЛУБИНСКАЯ Светлана Вениаминовна – кандидат юридических наук, доцент, ведущий научный сотрудник сектора уголовного права, уголовного процесса и криминологии Института государства и права Российской академии наук; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

Authors’ information

SHISHKOV Sergey N. – PhD in Law, associate Professor, Chief Researcher, V. Serbsky National Medical Research Centre for Psychiatry and Narcology; 23 Kropotkinskiy per., 119991 Moscow, Russia

POLUBINSKAYA Svetlana V. – PhD in Law, associate Professor, Leading Researcher, Department of Criminal Law, Criminal Procedure and Criminology, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

---

**УКРЕПЛЕНИЕ ЗАКОННОСТИ И БОРЬБА
С ПРЕСТУПНОСТЬЮ**

**ТЕОРИЯ ОПАСНОГО СОСТОЯНИЯ ЛИЧНОСТИ:
ШАГ ВПЕРЕД ИЛИ ДВА НАЗАД?**

© 2020 г. А. В. Бриллиантов*, А. Д. Щербаков**

Российский государственный университет правосудия, Москва

*E-mail: brilliantov-07@mail.ru

**E-mail: alex_03071991@mail.ru

Поступила в редакцию 19.12.2019 г.

Аннотация. В предлагаемой статье с позиций критического анализа действующего уголовного законодательства Российской Федерации, а также доктрины уголовного права и криминологии рассматривается вопрос целесообразности введения уголовной ответственности за занятие высшего положения в преступной иерархии. В ходе исследования обращается внимание, что формирование понятия «опасное состояние личности» в условиях развития социологической школы уголовного права предполагало отнесение к такой категории не только лиц, которые имели объективную опасность для общества (к примеру, рецидивисты и профессиональные преступники), но и лиц, которые обладали известной долей девиации в отношениях с другими представителями общества (к примеру, пьяницы, проститутки и наркоманы). И если усиление уголовной репрессии в отношении первых было хотя бы как-то обосновано с позиции необходимости предупреждения тяжких преступлений, то введение мер предупреждения в отношении второй группы лиц порождало исключительно их стигматизацию в глазах общества. Авторы также обращаются к иностранному опыту (прежде всего США), который свидетельствует о наличии известных перегибов в установлении внутренней уголовной политики в отношении указанных категорий лиц: это как и введение категории «опасный преступник» для лиц, совершивших преступления половой неприкосновенности в Канаде, так и установление закона трех ошибок в США с крайним проявлением его в штате Калифорния. К области установления категории опасного состояния личности в действующем уголовном законодательстве Российской Федерации также возможно отнести расширение случаев административной преюдиции.

Формулируется вывод о том, что введение уголовной ответственности за характеристику личности противоречит идее запрета объективного вменения, установленного в Уголовном кодексе РФ, а также в международных актах в качестве одного из фундаментальных принципов современного уголовного права.

Ключевые слова: закон трех ошибок, преступная иерархия, постмодерн, превентивное заключение, опасная личность.

Цитирование: Бриллиантов А.В., Щербаков А.Д. Теория опасного состояния личности: шаг вперед или два назад? // Государство и право. 2020. № 10. С. 90–99.

DOI: 10.31857/S102694520012235-9

**THE THEORY OF THE DANGEROUS CONDITION OF PERSON:
ONE STEP FORWARD OR TWO STEPS BACK?**

© 2020 A.V. Brilliantov*, A. D. Shcherbakov**

Russian state University of Justice, Moscow

*E-mail: brilliantov-07@mail.ru

**E-mail: alex_03071991@mail.ru

Received 19.12.2019

Abstract. In this article, from the point of view of a critical analysis of the current criminal legislation of Russia, as well as the doctrine of criminal law and criminology, the question arises of the advisability of introducing criminal liability for occupying a higher position in the criminal hierarchy. In the course of the study, attention is drawn to the fact that the formation of the concept of “dangerous state of the person”, in the context of the development of the sociological school of criminal law, meant classifying in this category not only persons who had an objective danger to society (for example, repeat offenders and professional criminals), but persons who had a certain degree of deviation in relation to other representatives of society (for example, drunkards, prostitutes and drug addicts). Moreover, if the intensification of criminal repression against the former was at least somehow justified from the standpoint of the need to prevent serious crimes, the introduction of preventive measures against the second group of people generated exclusively their stigmatization in the eyes of society. When writing an article, the author also refers to foreign experience (primarily USA), which indicates the presence of certain excesses in the establishment of an internal criminal policy in relation to these categories of people: this is also the introduction of the category “dangerous criminal” for persons who have committed sexual offenses in Canada, and the establishment of the three-strikes law in the United States with extreme of it form in the state of California. It is also possible to attribute the expansion of cases of administrative prejudice to the field of establishing the category of a dangerous state of a person in the current criminal law of Russia, which analyzed in this article too. It is concluded that the introduction of criminal liability for the characterization of the person is contrary to the idea of prohibition of objective imputation established in the Criminal Code of the Russian Federation, as well as in international acts as one of the fundamental principles of modern criminal law.

Key words: three-strikes law, criminal hierarchy, postmodern, preventive detention, dangerous person.

For citation: Brilliantiv, A.V., Shcherbakov, A.D. (2020). The theory of the dangerous condition of person: one step forward or two steps back? // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 90–99.

Весной 2019 г. Уголовный кодекс РФ пополнился новой нормой, установившей ответственность за занятие высшего положения в преступной иерархии (ст. 210¹). Если обратиться к пояснительной записке к проекту указанного федерального закона, то основная мотивация законодателя состояла в «ужесточении уголовной ответственности» в отношении указанной категории лиц¹. При этом также почему-то указывалось, что указанные лица избегают уголовной ответственности из-за наличия такого статуса.

Появление указанной нормы обнажило проблему определенности уголовно-правового запрета, а также возродило идею нормативного закрепления опасного состояния личности, отличного от привычных нам категорий рецидивиста, которые, кстати говоря, заменены в УК РФ понятием «рецидив преступлений». Получается, теперь государство может наказывать за признание третьими лицами наличия у лица определенных, пусть и отрицательных, свойств? Полагаем, что данное направление установления уголовной ответственности является в определенной мере опасным, т.к. продолжением этой тенденции может служить установление ответственности за признание человека виновным в том, что он исповедует другую религию или придерживается отличных политических взглядов и т.д.? Представляется, что многие десятилетия назад эти вопросы уже были разрешены как теорией уголовного права, так и практикой

применения законодательства, получив негативную оценку со стороны общества и государства. Такой подход стал восприниматься как антигуманный, направленный на сохранение страшной максимы: *Ein Volk, ein Reich, ein Führer* [Один Народ, один Рейх, один Фюрер]. Так же, как нам кажется, требует разрешения и вопрос о возможности криминализации опасного состояния личности в условиях действующих принципов уголовного права, а именно принципа вины (ст. 5 УК РФ), которое запрещает объективное вменение.

Постараемся дать ответы на эти вопросы, привлекая для этого историко-правовой, догматический и сравнительно-правовой методы научного познания.

Зародившись в Италии, идея опасного состояния, сформулированная бароном Гарофало², получила как своих сторонников, так и противников, что было и понятно, поскольку Европа конца XIX в. — время расцвета новых идей, революционных стремлений перестройки общества и в целом поиска чего-то нового. Нельзя не вспомнить известные слова ван Гамеля: «Вменяемость, вина и наказание — вот три тормоза в развитии уголовного права»³. Напомним также, что в докладе от 1891 г. ван Гамель предлагал выделять из общего числа преступников неисправимых, т.е. тех, кто, живя свободно в наших современных обществах, представляют для них

² См.: *Garofalo R.* Di un criterio positivo della penalità. Napoli, 1880.

³ *Немировский Э.Я.* Опасное состояние личности и репрессия // *Право и Жизнь.* Кн. 1. М., 1924. С. 3–13.

¹ См.: Проект Федерального закона № 645492-7 от 14.02.2019. Пояснительная записка [Электронный ресурс]. — Режим доступа: URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/645492-7>

постоянную опасность, вследствие их преступных наклонностей⁴. Будучи источником постоянной опасности, указанные лица обладают характерными наклонностями, которые часто поддаются исправлению, что позволит последним вернуться в общество на равных условиях. Данные наклонности могут обладать известной силой и интенсивностью: наклонности, представляющие большую общественную опасность (квалифицированные и профессиональные воры), и наклонности, представляющие малую общественную опасность (слабовольные рецидивисты, праздные прожигатели жизни и т.п.). Последствиями должны служить системы неопределенных приговоров, связанных с неопределенным заключением различной степени интенсивности⁵. Di Cristina отмечает, что в работах Гарофало позднего времени, прежде всего в «Криминологии», пытаясь разобраться в природе преступления и преступника, формируется концепция причинения вреда не просто интересам общества, а еще и нравственным устоям общества⁶. Следовательно, и наказание должно иметь характер не просто личного ограничения права, прежде всего свободы виновного лица, а еще и морально воздействовать на лицо. Вульферт, разбирая подход Гарофало по классификации преступников и преступлений, позволяющей выделить четыре категории преступлений (важнейшие / легкие / тяжкие / не тяжкие) и коррелирующие им меры предупреждения, приходит к выводу, что рассмотрение преступления как деяния противного основам этико-культурного строения общества является подходом верным и обоснованным, но чрезмерное влияние в его учении этической составляющей на наказание приводит к известного рода ошибкам, к примеру, абсолютизация смертной казни⁷. В работе же И.П. Закревского, посвященной также критике положений уголовно-антропологической школы, применительно к вопросу о наказании и репрессивной деятельности государства приводится определение неправильности идей Гарофало, что в большей степени касается отсутствия критериев отнесения лица к категории «свой» или выбраковывание из нее⁸. Развитие идей об опасном состоянии личности преступника в Российской Империи

⁴ См.: *Escuvov B.V.* Личное состояние преступности, как предмет наказания // Журнал Гражданского и Уголовного Права. Кн. 10. СПб., 1893. С. 22–50.

⁵ См.: *van Hamel 'Report' / Bulletin de l'union internationale de droit pénal.* 1894. Vol. 4, pp. 266, 267.

⁶ См.: *Di Cristina, B.* (2016). Criminology and the “Essence” of Crime: The Views of Garofalo, Durkheim, and Bonger // *International Criminal Justice Review*, 26(4), 297–315.

⁷ См.: *Вульферт А.К.* Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии: критическое исследование. Вып. 1. Ярославль, 1896. С. 375.

⁸ См.: *Закревский И.П.* Об учениях уголовно-антропологической школы. Критический очерк. Харьков, 1896. С. 98, 99.

детально рассмотрено в статье Е.Л. Сафроновой и В.Е. Лобы⁹. Предлагаемый ими вывод в части указания на необходимость введения неких мер административно-медицинского характера по отношению отдельных категорий лиц (наркоманы и алкоголики), заслуживает поддержки, но при тщательной проработке вопроса с соблюдением установленных законодательством прав и законных интересов человека и гражданина, так как указанное предложение может повлечь и необоснованное расширение административных полномочий государственных органов и вызвать к дискуссии проблему начала 50-х годов XX в., когда государство наоборот приняло решение о поэтапном прекращении и сужении сферы карательного вмешательства в дела частного лица. Вместе с тем нельзя не отметить, что в обществе уже назрела потребность в принятии эффективных мер противодействия деструктивному поведению ряда категорий граждан.

Помимо указанной обобщающей статьи, позволил себе среди аутентичных статей того периода привести позиции Ферри, отмечавшего необходимость строгого разделения двух категорий предупредительных мер: меры полицейского предупреждения и меры безопасности, т.к. применение мер безопасности возможно к применению только после совершения преступления, тогда как меры полицейского предупреждения могут применяться и к лицам, не совершившим преступления, но представляющим известную опасность для общества. К последним он относит предупреждение, поручительство о хорошем поведении, принудительное поселение в определенной местности и ряд иных мер, где самая жесткая — установление административного надзора¹⁰. А.А. Пионтковский, давая характеристику УК РСФСР 1922 г., отмечал разницу между наказанием и мерами социальной защиты: первое следовало исключительно за виновное преступление, а вторые — исключительно за само опасное состояние личности, что требует, в свою очередь, уяснения соотношения вины и опасного состояния личности. Он подчеркивает, что меры социальной защиты не связаны с конкретными составами преступлений. Особенной части, а соотнесены лишь с формами опасного состояния преступника, обрисованными в Общей части УК РСФСР. Учитывая данную конструкцию, УК РСФСР 1922 г., пусть даже и сочетая в едином понятии наказание и меры социальной защиты, по духу он все же разделил эти меры репрессии: меры социальной защиты

⁹ См.: *Сафронова Е.Л., Лоба В.Е.* «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // *Всеросс. криминологический журнал.* 2014. № 3. С. 10–17.

¹⁰ См.: *Ферри Э.* Должны ли меры безопасности стать на место наказания или же только дополнять его. Доклад Энрико Ферри; пер. П.И. Люблинский // *Право и Жизнь.* Кн. 1. М., 1927. С. 31–38.

применялись в общем порядке в отношении лиц, совершивших преступление. Специальный же порядок указывал на применение мер социальной защиты в отношении невменяемых преступников¹¹. Можно также привести в качестве примера определения опасного состояния личности в тот же исторический период, но уже в масштабах СССР Положение о правах объединенного государственного политического управления в части административных высылки, ссылки и заключения в концентрационный лагерь от 24 марта 1924 г.¹², согласно которому под «социально-опасными лицами» предполагалось понимать широкий круг таких лиц: начиная от причастных к контрреволюционной деятельности, подозреваемых в контрабандной деятельности и подделке денежных знаков, и заканчивая лицами, не имеющими определенных занятий и не занятыми производительным трудом. Вместе с тем отметим, что правоограничения были дифференцированы в зависимости от степени опасности такого лица, что выражалось, во-первых, в уровне принимаемого решения — Особое Совещание Объединенного ГПУ или Особое Совещание ГПУ союзных республик, во-вторых, географией, т.е., к примеру, лицо, не имеющее определенных занятий или не занятое производительным трудом, могло быть выслано строго в пределах территории республики проживания, в-третьих, высылаемые лица лишались только пассивного и активного избирательного права, а также членства в общественных организациях и права свободного передвижения в районе высылки, все же иные права лиц сохранялись неизменными и не могли быть ограничены. Важно отметить, что для всех мер устанавливался единый предельный срок — до трех лет, который не мог быть пересмотрен в сторону увеличения. Вместе с тем отметим, что указанные меры применялись как к лицам, признанным виновными в совершении преступлений, так и к лицам в отношении которых имелись сведения оперативного характера, но не было прямых доказательств, позволяющих направить дело на судебное рассмотрение.

С момента появления в УК РФ указания на категорию «лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии» в судах Российской Федерации по основной статье квалификации (ч. 4 ст. 210 УК РФ) было осуждено только одно лицо в 2018 г.¹³, т.е. с 2009 г. норма почти не применялась в следственной и судебной практике.

¹¹ См.: Пионтковский А.А. Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР // Сов. право. 1923. № 3. С. 12–52.

¹² В официальных источниках не публиковалось.

¹³ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2010–2018 гг. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Представляется, что это обусловлено некоторой упречностью редакции самой нормы, т.е. введением в текст УК РФ категории, которая неизвестна законодательству, а происходит из тюремной субкультуры¹⁴, что не позволяет с известной степенью определенности установить, что представляет собой лицо, занимающее указанное выше положение, определить критерии деяния как преступного и, как следствие, осуществлять сбор доказательств. Несмотря на известное разъяснение Верховного Суда РФ в рамках Постановления Пленума № 12 от 10 июня 2010 г. (п. 24)¹⁵, все же сохраняется основной вопрос: кого считать лицом, занимающим высшее положение в преступной иерархии? Доктрина также указывает на проблему такой неопределенности¹⁶.

Стоит отметить, что появление ст. 210¹ УК РФ не только не решает проблемы борьбы с так называемыми криминальными авторитетами, но и обнажает иную проблему: а за что именно надлежит привлекать к ответственности и наказывать данных субъектов в рамках нормы, описанной в ст. 210¹ УК РФ? Если применение ч. 4 ст. 210 УК РФ преследует цель выбить криминального авторитета из цепочки принятия управленческих и организационных решений при осуществлении преступной деятельности в условиях организованной преступной группировки или преступного сообщества, то в новой норме ответственность, как представляется, следует исключительно за сам факт наличия статуса криминального авторитета. Возможно, законодатель предполагает, что применение ст. 210¹ УК РФ поможет также выбить из управленческо-организационной цепочки криминального авторитета через направление его в места лишения свободы, но, полагаем, такой подход обречен на провал. Отчасти такую же позицию занимают В.Н. Бурлаков и В.Ф. Щепельков¹⁷.

¹⁴ См.: Барабанов Н.П. Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 17–25.

¹⁵ См.: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 10.06.2010 г. № 12 «О судебной практике рассмотрения уголовных дел об организации преступного сообщества (преступной организации) или участия в нем (ней)» // Бюллетень ВС РФ. 2010. № 8.

¹⁶ См.: Белоцерковский С.Д. Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14; Королев А.С. Борьба с преступными авторитетами в рамках новых положений Уголовного кодекса Российской Федерации (краткий анализ изменений, предусмотренных Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ) // Росс. следователь. 2010. № 19. С. 19–22.

¹⁷ См.: Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф. Лидер преступного сообщества и основание ответственности: постмодерн в уголовном праве // Всеросс. криминологический журнал. Т. 13. 2019. № 3. С. 465–476.

Казалось бы, что наиболее близкий опыт, который мог бы быть положен в основу проводимой реформы по борьбе с криминальными авторитетами — опыт Грузии, однако, как представляется, он не может быть применим для обоснования корректировок УК РФ как минимум по следующим обстоятельствам. Во-первых, проведение реформы о предупреждении деятельности организованных преступных группировок сопровождалось принятием самостоятельного закона¹⁸, где в ст. 3 весьма определенно давалось определение категории «вор в законе», а также таким весьма специфичным категориям как «воровская разборка» / «воровской сход» и «воровское сообщество». Во-вторых, Уголовный кодекс Грузии¹⁹ также предусмотрел указание на специальную категорию «рэкетира» (ст. 17). Конструируя же конкретные составы, связанные с установлением уголовной ответственности для лиц, относимых к категории воров в законе, грузинский законодатель, хотя и описал в ст. 223¹ деяние как «пребывание лица в положении вора в законе», но с учетом приведенного выше закона совершенно ясен смысл такого пребывания, т.е. лицо в любой форме должно осуществлять управление или (и) организацию «воровского сообщества» или с использованием методов деятельности «воровского сообщества» осуществлять управление или (и) организацию определенной группы лиц. Получается, что для понимания преступности деяния все равно требуется определение объема полномочий вора в законе по координации и управлению деятельностью воровского сообщества. В УК РФ такого указания не содержится и при комплексном рассмотрении ст. ст. 210 и 210¹ обязательства на доказывание активной роли лица, занимающего высшее положение в преступной иерархии, в деятельности преступного сообщества, не усматривается.

Учитывая изложенное, нам представляется единственно возможным выдвинуть тезис, что появление ст. 210¹ в структуре УК РФ является опасным прецедентом по возрождению идеи об опасном состоянии личности или же опасной личности в известном извращении указанной категории.

Как видим, опасное состояние личности может быть обусловлено или специфическими характеристиками личности (невменяемость, алкоголизм, малолетство и т.п.) или характеристиками ранее имевшейся криминальной истории (рецидивизм, относимость к профессиональной преступности и т.п.). При этом опасное состояние личности не

может быть обусловлено исключительно единственной характеристикой, требуется комплексное изучение объективных и субъективных характеристик личности преступника для принятия решения, к примеру, по установлению превентивных мер. И главное: они применяются последовательно, без отрыва друг от друга, что представляется логичным вариантом распределения ресурсов государства на общую и частную превенцию новых преступлений.

Возвращаясь к действующему уголовному законодательству Российской Федерации, можем отметить еще одну проблему, которая, как представляется, является возрождающейся тенденцией ранее действовавшего законодательства. Речь идет о появлении норм уголовного законодательства, содержащих указание на административную преюдицию. Прежде всего стоит сказать о соотношении ряда санкций между составами преступления и административного правонарушения. Так, санкция ст. 116¹ УК РФ предусматривает возможность назначения наказания в виде штрафа в размере до 40 тыс. руб. Корреспондирующая норма ст. 6.1.1. КоАП РФ предусматривает среди наказаний также возможность назначения наказания в виде штрафа в размере от 5 до 30 тыс. руб. При этом же норма об административном правонарушении содержит в санкции указание на возможность применения административного ареста на срок от 10 до 15 суток. Представим гипотетическую ситуацию, когда некто А. совершает административное правонарушение, описанное в ст. 6.1.1. КоАП РФ, и подвергается наказанию в виде административного ареста на срок 15 суток. Исходя из требований ст. ст. 3.9 и 4.6. КоАП РФ, лицо будет считаться подвергнутым административной ответственности в течение года со дня исполнения постановления об административном правонарушении, т.е. в нашем случае 1 год и 15 суток. Привлечение же данного лица А. к уголовной ответственности по ст. 116¹ УК РФ с назначением ему штрафа в размере 30 тыс. руб., к примеру, в соответствии с п. «б» ч. 3 ст. 86 УК РФ породит состояние судимости лица в течение года. Помимо разбалансировки в части определения видов и пределов наказания как за преступление, так и за административное правонарушение, указанные нормы, как представляется, противоречат принципу справедливости, порождая необоснованную уголовную репрессию и, как следствие, стигматизируя общество: по данным официальной судебной статистики, по основной статье квалификации 116¹ УК РФ за 2017 г. было осуждено 296 человек, тогда как за 2018 г. уже 922 человека²⁰.

¹⁸ См.: Закон Грузии от 20.12.2005 г. «Об организованной преступности и рэжете» [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/27814?publication=1>

¹⁹ См.: URL: <https://matsne.gov.ge/ru/document/view/16426?publication=209>

²⁰ См.: Форма № 10-а «Отчет о числе осужденных по всем составам преступлений Уголовного кодекса Российской Федерации» за 2018 и 2017 г. [Электронный ресурс] — Режим доступа: URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>

Говоря в целом о существовании норм с административной преюдицией, следует отметить усиливающуюся проблему отграничения преступлений от правонарушений иных отраслей права и, как следствие, трансформацию возможных последствий за такие нарушения в негативную сторону. На эту проблему указывается в работах А.Г. Безверхова²¹, В.И. Колосовой²², Р.К. Халитова²³, А.А. Юнусова и Т.В. Серковой²⁴.

Стоит также отметить, что и конструкция нормы, описанной в ст. 210¹ УК РФ, также не безупречна. Помимо установления ответственности за сам факт наличия такого статуса, законодатель пошел по пути максимального усиления уголовной репрессии, не предусмотрев возможности освобождения от уголовной ответственности такого лица, например в рамках механизма, установленного в ч. 2 ст. 75 УК РФ. При этом законодатель ранее шел по такому пути, предусмотрев возможность освобождения от уголовной ответственности для достаточно опасной категории лиц, например, лиц, содействовавших террористической деятельности (ст. 205¹ УК РФ), а также для лиц, создавших, а равно руководящих экстремистским сообществом (ст. 282¹ УК РФ). На наш взгляд, в этом проявляется непоследовательность в решениях законодателя относительно льготных норм для лиц различных категорий. Так, неясно, по каким мотивам решено установить возможность освобождения от уголовной ответственности для лица, которое создало экстремистское сообщество, но лишить такой возможности лицо, занимающее высшее положение в преступной иерархии, при том, что в первом случае деяние выражено в конкретных действиях виновного, а во втором – в признании статуса третьими лицами. Ведь в рассматриваемой ситуации нельзя забывать и морально-нравственной составляющей с позиции определенной субкультуры действий, связанных с освобождением: лицо, признавшись хоть раз в том, что оно не является создателем экстремистского подполья, не сможет завоевать авторитет в будущем. То же самое касается и фигуры т.н. «криминального авторитета»: с какой

целью направлять его в места лишения свободы, если можно его обесчестить перед представителями его социальной группы. Этот вопрос подлежит глубокому изучению.

Еще одним примером, но уже из опыта иностранных государств, где теория опасного состояния личности получило свое развитие, является система, сложившаяся как обязательная в США в 70–90-е годы XX в., или т.н. правило трех промахов (*Three strikes laws*). Согласно исследованию Keiso, подобное стало возможным на фоне обострения внутривнутриполитической борьбы внутри федерального правительства и избранного пути по ужесточению законодательства в области предупреждения незаконного оборота наркотиков (т.н. *Drug wars*, объявленные администрацией Рейгана), расширению случаев обязательного применения наказания в виде лишения свободы за ненасильственные преступления, а также усилению роли Верховного суда США, примерившего роль законодателя²⁵. Одним из проявлений такой политики стало усиление обязательного наказания для лиц, которые ранее уже имели в своей криминальной истории судимости за насильственные преступления. Основная идея такой системы: если лицо часто совершает преступления, то оно обязано быть изгнанным из общества на как можно больший период времени, куда входит запрет на применение условно-досрочного освобождения или снижения сроков лишения свободы за примерное поведение, или применение высшей меры в виде смертной казни, т.е. полное исключение виновного лица из жизни общества. В 1994 г. на федеральном уровне было установлено обязательное пожизненное лишение свободы или применение смертной казни к указанной категории преступников, куда также относились лица, совершившие преступления в отношении несовершеннолетних, включая сексуальное насилие и похищения, повлекшие смерть несовершеннолетних (18 U.S.C.S. § 3559). Развитие указанная идея под несколько иным углом получила в статье Dimock, где предлагалось установление превентивного задержания для всех лиц когда-либо задержанных и осужденных за совершение преступлений против половой свободы и неприкосновенности, вводя понятие «преступник, обладающий стойкими насильственными характеристиками»²⁶, в основу которого были положены такие условия, как: наличие не менее двух судимостей за ранее совершенные преступления против половой свободы и неприкосновенности личности с назначенным наказанием не менее четырех лет (1); лицо должно отбыть наказание и находиться

²¹ См.: *Безверхов А.Г.* Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2011. № 2. С. 39–52.

²² См.: *Колосова В.И.* Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и совершенствования уголовного законодательства // Вестник ННГУ. 2011. № 5-1. С. 246–254.

²³ См.: *Халитов Р.К.* Реализация принципа справедливости в нормах с административной преюдицией // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2014. № 2. С. 60–63.

²⁴ См.: *Юнусов А.А., Серкова Т.В.* Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 278–282.

²⁵ См.: *Kieso Douglas W.* Unjust Sentencing and the California Three Strikes Law. New York, 2005. P. 27.

²⁶ *Dimock S.* Criminal Law, Philosophy (2015) 9: 537.

на свободе (2); в ходе отбытия наказания, УДО или нахождения под полицейским надзором лицо демонстрировало отказ от участия в реабилитационных и восстановительных программах (3); и наличие положительного заключения эксперта, проанализировавшего ряд факторов личностного, профессионального и психологического свойства, которые свидетельствуют о повышенном риске потенциального насилия со стороны указанного лица, если в отношении него не будет проводиться контроль со стороны пенитенциарной системы (4). Ранее о возможности существования такой системы говорил Robinson, отмечавший, что в условиях современного общества превентивное заключение является формой отправления уголовного правосудия, но умело маскирующейся из-за потребности общества наказать опасность на дальних рубежах борьбы, совмещающая две системы: первичного классического наказания и постпреступного общественного контроля исключительно за опасными преступниками²⁷.

Появление же в Калифорнии такого Закона в 1994 г. было связано с убийством Кимбер Рейнолдс в 1992 г. в ходе уличного нападения с целью ограбления и Полли Клаас в 1993 г. в ходе ее похищения с целью выкупа. Общественность возмутила излишняя мягкость приговора, а также возможность заключения досудебного соглашения о признании вины, что существенно отразилось на вынесенных приговорах.

Чуть более чем через три года, в 1997 г., выходит статья Tyler & Voeckmann, исследовавших психологическую составляющую одобрения со стороны общества нового порядка вынесения приговоров и назначения наказаний. Исследование показало, что население не готово оправдывать правило о трех ошибках с позиций отправления правосудия и понимания уголовного права. В большей степени оно готово оправдывать такой закон с позиций необходимости защиты своей семьи и позиции отождествления такого преступника как чужака в родном доме, который должен быть или убит, или надолго изолирован²⁸. Вместе с тем к 2004 г., т.е. через 10 лет после введения такого правила, именно в Калифорнии относительно других штатов составило наибольшее число случаев его применения – 42.322 человека²⁹. Сравнивая за то же

время опыт Соединенного Королевства по применению схожего механизма обязательных минимальных приговоров для отдельных категорий преступников, цифры имели куда меньшее значение: так, минимальный семилетний срок за преступление, в области незаконного оборота наркотиков группы А, относящиеся к 3 классу, был применен всего шесть раз за период с 2000 по 2004 г.³⁰ Стоит также отметить, что в Калифорнии существует правило как трех, так и двух промахов, отличающиеся как по набору преступлений, необходимых для применения такого правила, так и по последствиям в виде обязательного минимального срока лишения свободы (в первом случае – не менее 25 лет за любую фелонию, а если она входит в специальный перечень – пожизненное лишение свободы (§ 667.5 Penal Code of California), а во втором – удвоение срока лишения свободы за совершенное преступление).

Основная же критика такого подхода к предуготовлению профессиональной или рецидивной преступности основывается на несправедливости закона в части учета любых умышленных преступлений, которые могут носить характер относительно неопасных в сравнении с иными, к примеру, проникновение в закрытый магазин и хищение там каких-либо товаров. При этом совершенно такое же правило будет применено к лицу, которое совершит изнасилование с угрозой применения оружия. Наиболее подробный критический анализ содержится в статье Fisher, где среди прочего отмечается, что подобные злоупотребления становятся возможными из-за отказа Калифорнии признать, что механизм трех промахов обнажает две основных проблемы местного законодательства: негибкое уголовное и уголовно-процессуальное законодательства в области индивидуализации наказания, а также судебная система, не предоставляющая известной свободы судейского усмотрения, необходимого для вынесения справедливых и беспристрастных приговоров³¹. Вместе с тем исследование Shepherd'a, основанное на математическом анализе эффективности сдерживающего эффекта правила о трех ошибках, убедительно показало 10%-ный сдерживающий эффект для ряда преступлений, куда он отнес убийство, проникновение со взломом и изнасилование³². В позднейшем же

²⁷ См.: Robinson P.H. Punishing Dangerousness: Cloaking Preventive Detention as Criminal Justice // Harvard Law Review, 114, No. 5 (2001): 1429–456.

²⁸ См.: Tyler T.R. and Boeckmann R.J. Three Strikes and You Are Out, but Why? The Psychology of Public Support for Punishing Rule Breakers // Law & Society Review 31, No. 2 (1997): 237–65. DOI: 10.2307/3053926.

²⁹ См.: Schiraldi V., Colburn J. and Lotke R. (2004) Three Strikes and You're Out: An Examination of the Impact of 3-Strike Laws-10 Years After their Enactment. Justice Policy Institute Policy Brief. Washington, DC.

³⁰ См.: Trevor Jones, Tim Newburn. Three Strikes and You're Out: Exploring Symbol and Substance in American and British Crime Control Politics // The British Journal of Criminology. Vol. 46. Issue 5. September 2006. P. 781–802.

³¹ См.: Kendall Fisher. No Time Like the Present, Except the Past Fifty Years: Why California Should Finally Adopt the Model Penal Code Sentencing Provisions, 49 U. Pac. L. Rev. 661 (2017).

³² См.: Shepherd J.M. Fear of the First Strike: The Full Deterrent Effect of California's Two- and Three-Strikes Legislation // The Journal of Legal Studies 31, No. 1 (2002): 159–201.

исследовании 2013 г. Sutton указал, что правило о трех промахах все же существенно влияет на увеличение числа случаев заключения на максимально возможные сроки, не сокращая тюремное население штата³³.

* * *

Проведенное краткое исследование вопроса подтвердило наш первоначальный тезис о начинающемся возрождении идеи социально опасного состояния личности в УК РФ. В отличие от опыта иностранных государств, вводящих как превентивное заключение, так и существенно усиливая меры ответственности за совершение тяжких преступлений, когда существует объективная опасность таких лиц для общества, которые уже ранее совершили преступление и демонстрируют стойкую «профессиональность» в своей девиантности, законодатель, как представляется, встает на путь констатации опасного состояния личности без привязки к криминальной истории конкретного лица. На наш взгляд, безусловно, есть личности, потенциально представляющие общественную опасность, и в отношении них возможно применение предупредительных мер, но не связанных с уголовно-правовыми мерами. Последние следует применять хотя и с учетом определенных свойств личности, но все же в сочетании и отдавая приоритет наличию социально значимого негативного деяния.

Полагаем, что рассматриваемая проблема требует дополнительного исследования.

Нами также предлагается если не полная отмена нормы, описанной в ст. 210¹ УК РФ, то ее существенная корректировка путем установления возможности освобождения от уголовной ответственности указанных лиц, если они окажут содействие органам предварительного расследования через раскрытие системы и структуры ОПГ, а также публично откажутся от своего «статуса».

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Барабанов Н.П.* Криминальная субкультура осужденных в исправительных учреждениях: «воры в законе», «воровские группировки», лидеры уголовно-преступной среды, криминальные «авторитеты» // Уголовно-исполнительное право. 2015. № 1 (19). С. 17–25.
2. *Безверхов А.Г.* Административная преюдициальность в уголовном законодательстве России: истоки, реалии, перспективы // Вестник Самарской гуманитарной академии. Сер.: Право. 2011. № 2. С. 39–52.
3. *Белоцерковский С.Д.* Новый Федеральный закон об усилении борьбы с преступными сообществами: комментарий и проблемы применения // Уголовное право. 2010. № 2. С. 9–14.
4. *Бурлаков В.Н., Щепельков В.Ф.* Лидер преступного сообщества и основание ответственности: пост-модерн в уголовном праве // Всеросс. криминологический журнал. Т. 13. 2019. № 3. С. 465–476.
5. *Вульферт А.К.* Антрополого-позитивная школа уголовного права в Италии: критическое исследование. Вып. 1. Ярославль, 1896. С. 375.
6. *Есинов В.В.* Личное состояние преступности, как предмет наказания // Журнал Гражданского и Уголовного Права. Кн. 10. СПб., 1893. С. 22–50.
7. *Закревский И.П.* Об учениях уголовно-антропологической школы. Критический очерк. Харьков, 1896. С. 98, 99.
8. *Колосова В.И.* Административная преюдиция как средство предупреждения преступлений и содействия уголовному законодательству // Вестник ННГУ. 2011. № 5–1. С. 246–254.
9. *Королев А.С.* Борьба с преступными авторитетами в рамках новых положений Уголовного кодекса Российской Федерации (краткий анализ изменений, предусмотренных Федеральным законом от 3 ноября 2009 г. № 245-ФЗ) // Росс. следователь. 2010. № 19. С. 19–22.
10. *Немировский Э.Я.* Опасное состояние личности и репрессия // Право и Жизнь. Кн. 1. М., 1924. С. 3–13.
11. *Пионтковский А.А.* Меры социальной защиты и Уголовный кодекс РСФСР // Сов. право. 1923. № 3. С. 12–52.
12. *Сафронова Е.Л., Лоба В.Е.* «Опасное состояние личности» как криминологическая категория // Всеросс. криминологический журнал. 2014. № 3. С. 10–17.
13. *Ферри Э.* Должны ли меры безопасности стать на место наказания или же только дополнять его. Доклад Энрико Ферри; пер. П.И. Люблинский // Право и Жизнь. Кн. 1. М., 1927. С. 31–38.
14. *Халитов Р.К.* Реализация принципа справедливости в нормах с административной преюдицией // Вестник ЮУрГУ. Сер.: Право. 2014. № 2. С. 60–63.
15. *Юнусов А.А., Серкова Т.В.* Административная преюдиция в российском уголовном праве // Актуальные проблемы экономики и права. 2015. № 1 (33). С. 278–282.
16. *Dimock S.* Criminal Law, Philosophy (2015) 9: 537.
17. *Di Cristina B.* (2016). Criminology and the “Essence” of Crime: The Views of Garofalo, Durkheim, and

³³ См.: Sutton J.R. (2013) Three Strikes and Felony Sentencing // Law & Soc’y Rev, 47: 37–72.

- Bonger // *International Criminal Justice Review*, 26(4), 297–315.
18. *Garofalo R.* Di un criterio positivo della penalità. Napoli, 1880.
  19. *Kendall Fisher.* No Time Like the Present, Except the Past Fifty Years: Why California Should Finally Adopt the Model Penal Code Sentencing Provisions, 49 *U. Pac. L. Rev.* 661 (2017).
  20. *Kieso Douglas W.* Unjust Sentencing and the California Three Strikes Law. New York, 2005. P. 27.
  21. *Robinson P.H.* Punishing Dangerousness: Cloaking Preventive Detention as Criminal Justice // *Harvard Law Review*, 114, No. 5 (2001): 1429–456.
  22. *Schiraldi V., Colburn J. and Lotke R.* (2004) Three Strikes and You're Out: An Examination of the Impact of 3-Strike Laws-10 Years After their Enactment. Justice Policy Institute Policy Brief. Washington, DC.
  23. *Shepherd J.M.* Fear of the First Strike: The Full Deterrent Effect of California's Two- and Three-Strikes Legislation // *The Journal of Legal Studies* 31, No. 1 (2002): 159–201.
  24. *Sutton J.R.* (2013) Three Strikes and Felony Sentencing // *Law & Soc'y Rev.* 47: 37–72.
  25. *Trevor Jones, Tim Newburn.* Three Strikes and You're Out: Exploring Symbol and Substance in American and British Crime Control Politics // *The British Journal of Criminology*. Vol. 46. Issue 5. September 2006. P. 781–802.
  26. *Tyler T.R. and Boeckmann R.J.* Three Strikes and You Are Out, but Why? The Psychology of Public Support for Punishing Rule Breakers // *Law & Society Review* 31, No. 2 (1997): 237–65. DOI: 10.2307/3053926.
  27. *van Hamel* 'Report' / *Bulletin de l'union internationale de droit pénal*. 1894. Vol. 4, pp. 266, 267.
  2019. No. 3. P. 465–476. DOI 10.17150/2500-4255.2019.13(3).465–476 (in Russ.).
  5. *Wolfert A.K.* Anthropological Positive School of Criminal Law in Italy: A Critical Study. Release one. Yaroslavl, 1896. P. 375 (in Russ.).
  6. *Yesipov V.V.* The personal state of crime as a subject of punishment // *Journal of Civil and Criminal Law*. Book 10. SPb., 1893. P. 22–50 (in Russ.).
  7. *Zakrevsky I.P.* On the teachings of the criminal-anthropological school. A critical essay. Kharkov, 1896. P. 98, 99 (in Russ.).
  8. *Kolosova V.I.* Administrative prejudice as a means of crime prevention and improvement of criminal law // *Herald of UNNSU*. 2011. No. 5–1. P. 246–254 (in Russ.).
  9. *Korolev A.S.* The fight against criminal authorities in the framework of the new provisions of the Criminal Code of the Russian Federation (a brief analysis of the changes provided for by the Federal Law of November 3, 2009 No. 245-FL) // *Russian investigator*. 2010. No. 19. P. 19–22 (in Russ.).
  10. *Nemirovsky E. Ya.* Dangerous state of personality and repression // *Law and Life*. Book 1. M., 1924. P. 3–13 (in Russ.).
  11. *Piontkovsky A.A.* Social protection measures and the Criminal Code of the RSFSR // *Soviet Law*. 1923. No. 3. P. 12–52 (in Russ.).
  12. *Safronova E.L., Loba V.E.* "Dangerous condition of person" as criminal term // *Criminology Journal of Baikal National University of Economics and Law*. 2014. No. 3. P. 10–17 (in Russ.).
  13. *Ferry E.* Should security measures be put in place of punishment or just complement it / Report of Enrico Ferry; transl. P.I. Lublinskij // *Law and Life*. Book 1. M., 1927. P. 31–38 (in Russ.).
  14. *Halitov R.K.* Implementation of the principle of justice in norms with administrative prejudice // *Herald of SUSU*. Series: Law. 2014. No. 2. P. 60–63 (in Russ.).
  15. *Yunusov A.A., Serkova T.V.* Administrative prejudice in the Russian criminal law // *Actual problems of economics and law*. 2015. No. 1 (33). P. 278–282 (in Russ.).
  16. *Dimock S.* *Criminal Law, Philosophy* (2015) 9: 537.
  17. *Di Cristina B.* (2016). Criminology and the "Essence" of Crime: The Views of Garofalo, Durkheim, and Bongers // *International Criminal Justice Review*, 26(4), 297–315.
  18. *Garofalo R.* Di un criterio positivo della penalità. Napoli, 1880.
  19. *Kendall Fisher.* No Time Like the Present, Except the Past Fifty Years: Why California Should Finally Adopt the Model Penal Code Sentencing Provisions, 49 *U. Pac. L. Rev.* 661 (2017).

REFERENCES

1. *Barabanov N.P.* Criminal subculture of inmates in correctional institutions: "thieves in law", "thieves' groups", leaders of criminal gangs, "criminal authorities' (leaders) // *Criminal Executive Law*. 2015. No. 1 (19). P. 17–25 (in Russ.).
2. *Bezverkhov A.G.* Administrative prejudice in the criminal legislation of Russia: sources, realities, prospects // *Herald of the Samara Humanitarian Academy*. Series: Law. 2011. No. 2. P. 39–52 (in Russ.).
3. *Belotserkovsky S.D.* New Federal Law on Strengthening the Fight against Criminal Communities: Commentary and Problems of Application // *Criminal Law*. 2010. No. 2. P. 9–14 (in Russ.).
4. *Burlakov V.N., Schepelkov V.F.* Crime Boss and the Grounds for Liability: Postmodernism in Criminal Law // *Russian Journal of Criminology*. Vol. 13.

20. *Kieso Douglas W.* Unjust Sentencing and the California Three Strikes Law. New York, 2005. P. 27.
21. *Robinson P.H.* Punishing Dangerousness: Cloaking Preventive Detention as Criminal Justice // *Harvard Law Review*, 114, No. 5 (2001): 1429–456.
22. *Schiraldi V., Colburn J. and Lotke R.* (2004) Three Strikes and You're Out: An Examination of the Impact of 3-Strike Laws-10 Years After their Enactment. Justice Policy Institute Policy Brief. Washington, DC.
23. *Shepherd J.M.* Fear of the First Strike: The Full Deterrent Effect of California's Two- and Three-Strikes Legislation // *The Journal of Legal Studies* 31, No. 1 (2002): 159–201.
24. *Sutton J.R.* (2013) Three Strikes and Felony Sentencing // *Law & Soc'y Rev*, 47: 37–72.
25. *Trevor Jones, Tim Newburn.* Three Strikes and You're Out: Exploring Symbol and Substance in American and British Crime Control Politics // *The British Journal of Criminology*. Vol. 46. Issue 5. September 2006. P. 781–802.
26. *Tyler T.R. and Boeckmann R.J.* Three Strikes and You Are Out, but Why? The Psychology of Public Support for Punishing Rule Breakers // *Law & Society Review* 31, No. 2 (1997): 237–65. DOI: 10.2307/3053926.
27. *van Hamel 'Report' / Bulletin de l'union internationale de droit pénal.* 1894. Vol. 4, pp. 266, 267.

Сведения об авторах

БРИЛЛИАНТОВ Александр Владимирович – доктор юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заведующий кафедрой уголовного права Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69

ЩЕРБАКОВ Алексей Дмитриевич – кандидат юридических наук, старший преподаватель кафедры уголовного права Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, Новочерёмушкинская ул., д. 69

Authors' information

BRILLIANTOV Aleksander V. – Doctor of Law, Professor, honored lawyer of the Russian Federation, Head of the Department of Criminal Law of the Russian state University of Justice; 69 Novocheryomushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

SHCHERBAKOV Alexey D. – PhD in Law, senior lecturer of the Department of Criminal Law of the Russian state University of Justice; 69 Novocheryomushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

КРИМИНОЛОГИЧЕСКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ЛИЧНОСТИ ПРЕСТУПНИКА, СОВЕРШАЮЩЕГО ПРЕСТУПЛЕНИЯ ПРОТИВ ОСНОВ ПОЛИТИЧЕСКОЙ СИСТЕМЫ

© 2020 г. А.А. Дегтерев

Астраханский государственный университет

E-mail: degterevand@rambler.ru

Поступила в редакцию 11.08.2020 г.

Аннотация. В статье исследована личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы. Основное отличие данного типа личности от личности всех других социальных типов в том, что эта личность представляет собой угрозу не только обществу, но основам государственности. Угроза состоит в возможности нанесения вреда основам политической системы государства. В статье исследуется взаимосвязь преступлений против основ конституционного строя с составами преступлений, посягающих на основы политической системы.

Автор приходит к выводу, что личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, – это физическое лицо, относящееся к особо опасному типу самоутверждающегося корыстного преступника с устойчивым криминальным поведением, который характеризуется индивидуалистическим отношением к социальным ценностям и дезадаптивным поведением с признаками отчуждения личности.

На основании исследования особенностей рассматриваемого типа личности преступника автор предлагает разработать в рамках профилактической деятельности стратегию противодействия преступлениям против основ политической системы, что позволит определить существующие недостатки в политической системе.

Ключевые слова: личность преступника, государственная власть, политическая система, профилактика преступности, профилактическая работа, криминализация общественной жизни, политическая коррупция, ресоциализации личности.

Цитирование: Дегтерев А.А. Криминологическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы // Государство и право. 2020. № 10. С. 100–108.

DOI: 10.31857/S102694520012236-0

CRIMINOLOGICAL CHARACTERISTICS OF THE PERSONALITY OF A CRIMINAL WHO COMMITS CRIMES AGAINST THE FOUNDATIONS OF THE POLITICAL SYSTEM

© 2020 A. A. Degterev

Astrakhan state University

E-mail: degterevand@rambler.ru

Received 11.08.2020

Abstract. The article examines the identity of a criminal who commits crimes against the foundations of the political system. The main difference between this type of person and all other social types is that this person is a threat not only to society, but also to the foundations of statehood. The threat is the possibility of harming the foundations of the state's political system. This article examines the relationship between crimes against the constitutional order with the crimes encroaching on bases of the political system.

The author comes to the conclusion that the personality of a criminal who commits crimes against the foundations of the political system is an individual who belongs to a particularly dangerous type of self – asserting self-serving criminal with stable criminal behavior, which is characterized by an individualistic attitude to social values and maladaptive behavior with signs of alienation of the individual.

On the basis of researches of features of this type of offender, the author proposes to develop as part of preventive activities strategy for combating the crimes against the political system that will identify existing deficiencies in the political system.

Key words: criminal personality, state power, political system, crime prevention, preventive work, criminalization of public life, political corruption, resocialization of the individual.

For citation: Degterev, A.A. (2020). Criminological characteristics of the personality of a criminal who commits crimes against the foundations of the political system // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 100–108.

Место политической системы в структуре всей общественной системы обусловлено ведущей организационной и регулятивной контрольной ролью политики как таковой, представляющей собой деятельность, связанную с отношениями между классами и социальными группами. Политика признается главным предметом существования и функционирования политической системы.

Как отмечается в литературе, «в феномене власти... заложено диалектическое противоречие: с одной стороны она призвана защищать социальные ценности, существующие в обществе и государстве, другой – ее саму надо охранять, в том числе и правовыми (уголовно-правовыми) средствами...

<...>. Государственное преступление так же старо, как и само государство. Объясняется это очень просто: раз существует государство, есть государственная власть и ее представители, следовательно, могут быть и преступники, которые посягают на их безопасность»¹.

При этом уголовное законодательство обеспечивает функционирование не всей политической системы, а только отдельных ее элементов: а) легитимность государственной власти (другими словами, ее конституционную основу); 2) институционально-субъектную и информационную подсистему (средства массовой информации); 3) беспрепятственное выполнение политических обязательств государственными и общественными деятелями.

Правовая предопределенность предполагает и законодательное обеспечение функционирования политической системы в целом и ее отдельных структурных элементов, что отражено как в Конституции РФ, так и в федеральных законах.

¹ Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.). М., 2016. С. 3.

Следовательно, нарушение правовой предопределенности указанных элементов входит в механизм совершения преступлений, посягающих на власть и иные феномены политической системы страны.

Следует согласиться с позицией А.И. Коробеева, который полагает, что цель уголовного права – активное противодействие преступности, создание условий, делающих невозможным выход преступности за определенные социальные рамки².

Все преступления против основ политической системы мы рассматриваем применительно к двум группам: 1) преступления против условий легитимности власти как феномена политической системы России; 2) преступления против легитимности власти в Российской Федерации и деятельности средств массовой информации как феноменов политической системы.

В свою очередь, к первой группе преступлений против основ политической системы следует отнести такие преступления, как: а) воспрепятствование осуществлению избирательных прав или работе избирательных комиссий; б) нарушение порядка финансирования избирательной кампании кандидата, избирательного объединения, деятельности инициативной группы по проведению референдума, иной группы участников референдума; в) фальсификация избирательных документов, документов референдума; г) фальсификация итогов голосования; д) незаконные выдача и получение избирательного бюллетеня, бюллетеня для голосования на референдуме.

Ко второй группе преступлений против основ политической системы мы относим такие преступления, как: а) воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов;

² См.: Коробеев А.И. Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 313.

б) посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля; в) насильственный захват власти или насильственное удержание власти; г) вооруженный мятеж.

Особенно интересно в свете огромного влияния средств массовой информации на текущие политические процессы не только в конкретном государстве, но и в мире в целом изучение личности преступника, посягающего на законную профессиональную деятельность журналистов.

Эта проблема пока изучена недостаточно, но исходя из имеющейся информации можно более-менее определенно говорить, что воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов происходит не без участия должностных лиц органов публичной власти. При этом чем дальше от центральных органов власти работают журналисты, чем дальше средство массовой информации, в котором они работают, от центра, чем меньше оно связано с федеральным центром, тем большей опасности они подвергаются. В значительной степени подобная ситуация обусловлена наличием должностной преступности в органах публичной власти, представляющей собой относительно массовый феномен, который: а) имеет конкретное выражение в совокупности отдельных должностных преступлений; б) обладает количественными и качественными показателями, которые, в свою очередь, объясняются транзитивностью и аномией; в) причиняет вред авторитету органов публичной власти; г) оказывает негативное влияние на общественные отношения в сфере публичной власти, управления и экономики; д) имеет функциональное наполнение, которое состоит прежде всего в сформированных цели и мотиве преступного поведения или в устоявшемся поведенческом стереотипе³.

В основание уголовно-правовых норм о преступлениях, посягающих на государственную власть и деятельность средств массовой информации, входят несколько обстоятельств: общественная опасность деяния, международные обязательства Российской Федерации по ратифицированным международным договорам; нормативная предопределенность функционирования политической системы и ее отдельных элементов.

При этом нормам уголовного права свойственен «зеркальный вид», ибо пользуемся мы не позитивными правилами, предписывающими как нужно поступать, а негативным опытом или запретами. У нас своего рода «зазеркалье»: мы обозначаем лишь предел допустимого, но не технологически

³ См.: *Каишаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории. Краснодар, 2019. С. 13.

проверенную и назидательно выписанную доброту к разрешенным благам и интересам⁴.

Очевидно, что личности преступников, совершающих рассматриваемые преступления, должны существенным образом отличаться друг от друга как по мотивации поведения, так и по механизму их формирования.

Из сказанного видно, насколько необычным будет рассмотрение в рамках одной статьи проблем личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы. В то же время это настолько же необычно, насколько необычно рассмотрение единого понятия «личность преступника». Каждое преступление уникально и необычно не потому, что оно вписано в рамки установленных в уголовном законодательстве запретов, а потому, что оно совершается человеком, т.е. личностью, которая при определенных обстоятельствах и в определенной ситуации идет на сознательное нарушение законодательства и причинение вреда другим людям. В нашем случае вред людям причиняется как опосредованно (путем дестабилизации основ политической системы), так и непосредственно (путем воздействия на представителей политической системы, а также определенного и неопределенного круга лиц, входящих в оборот этой политической системы, как в случае с журналистами).

Подтверждение нашей позиции мы находим у Н.Г. Иванова, который утверждает, что истинное предназначение власти — обеспечение интересов граждан и общества. Идея власти заключается в удовлетворении притязания граждан на владение имуществом, на покой и комфорт. В таком ракурсе посягательства на власть несут в себе угрозу посягательства на гражданина, который зависит от власти в части обеспечения нормальных условий существования и владения имуществом. Поэтому посягательство на власть рассматривается с точки зрения опасности, поскольку такое посягательство несет в себе угрозу вреда личным интересам⁵.

Споры вокруг личности преступника тем больше разгораются, чем больше сил и средств тратится на доказательство существования особой категории людей, склонных к совершению преступлений. Я.И. Гилинский по этому поводу утверждал, что никто никогда не назвал ни одного личного свойства, признака, качества, присущего только «преступнику» (или только «не преступнику»).

⁴ См.: *Берега О.А.* Особенности уголовного права и их значение для сферы борьбы с преступностью // Криминологические основы уголовного права. Лекции и новые образовательные технологии для юристов: материалы Междунар. науч.-метод. семинара, состоявшегося 25–26 июня 2014 г. Ростов н/Д., 2016. С. 20.

⁵ См.: *Иванов Н.Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016. С. 44.

Злость, агрессивность, ревность, злопамятство, грубость, вспыльчивость, алчность и т.д. и т.п. могут быть присущи в той или иной степени каждому человеку, в том числе никогда не привлекавшемуся к уголовной ответственности⁶.

Применительно к преступлениям против основ политической системы вышесказанное утверждение ученого верно. В обычных условиях эти преступники ничем не отличаются от обычных людей, и их противоправное поведение обусловлено скорее внутренним несогласием с существующим политическим режимом. Можно было бы сказать, что они всего лишь политические оппоненты, если бы не форма, в которую они облачают свой протест. Рассматриваемые преступления совершаются отнюдь не потому, что других вариантов поведения у этих людей нет. Скорее даже наоборот, при достаточно большом разнообразии возможного выбора форм политического протеста вполне осознанно выбирается вариант совершения преступления, т.е. вариант наиболее опасного поведения как для окружающих людей, так и для себя самого.

Личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы России, с точки зрения институционально-организационного механизма противодействия преступлениям против государственной власти и средств массовой информации как феноменов политической системы представляет собой центральный элемент этого самого механизма. Благодаря пониманию особенностей поведения личности преступника, и главное — причин преступного поведения обозначенных выше преступлений можно с достаточной уверенностью говорить о возможности построения эффективной системы профилактики.

Как справедливо указывает Е.П. Ищенко, политика осуществления борьбы с преступностью, будучи важной составной частью внутренней политики любого цивилизованного государства, представляет собой совокупность основополагающих научно обоснованных идей и положений об исходных позициях, расследования и предупреждения всех преступных посягательств, которыми государственные и общественные органы руководствуются в своей практической деятельности⁷.

Отметим, что А.И. Коробеев рассматривает принципы уголовно-правовой политики (экономика репрессий, целесообразность, неотвратимость, дифференциация, индивидуализация)⁸, которая является составной частью системы

предупреждения преступности в совершенном отрыве от личности преступника, что представляется принципиально неверным подходом.

Личность — категория не только пассивная, которая требует соответствующего изучения, но и прежде всего категория активная, которая постоянно находится в процессе изменения. Личность человека вообще и личность преступника, в частности, изменяет себя посредством изменения окружающей действительности. Как говорит известный специалист именно по категории личности преступника Ю.М. Антонян, среди преступников немало лиц с ярко выраженной индивидуальностью, лидерскими способностями, большой предприимчивостью и инициативой⁹.

Более того, исходя из этих позиций, личность преступника определенно вполне жизнеспособная криминологическая категория. Грубо говоря, преступный человек — это тот, кто постоянно совершает преступления самой разной степени. Преступники в отличие от не преступников хуже усваивают требования правовых и нравственных норм. Такие люди очень часто не понимают, что от них требует общество. Существуют нарушения социальной адаптации — в этом случае человек понимает, что от него требует окружение, но не желает это выполнять. Зато подобные личности прекрасно адаптируются в антиобщественных или преступных группах. Многие преступники параноичны. Из всех возможных вариантов поведения они склонны применять насилие в различных конфликтах¹⁰, а также сознательно идти на нарушение законодательства там, где обычный человек постарался бы этого избежать.

Таким образом, личность человека вообще, и личность преступника в частности, воздействуя на других людей и подвергаясь воздействию со стороны других людей, во-первых, не автономна и, во-вторых, чрезвычайно активна. Личность преступника не столько подстраивается под окружающий мир, сколько пытается его изменить. Для личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы, это особенно актуально.

Важно отметить, что личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, настолько же разнообразна, насколько разнообразна и подвижна современная действительность. В то же время по сравнению с другими деяниями, как было указано ранее, преступления против основ политической системы отличаются друг от друга по содержательной стороне.

⁶ См.: Гилинский Я.И. Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2014. С. 210.

⁷ См.: Ищенко Е.П. Реформой правит криминал? М., 2013. С. 245.

⁸ См.: Коробеев А.И. Указ. соч. С. 35.

⁹ См.: Антонян Ю.М. Особо опасный преступник. М., 2011. С. 20.

¹⁰ См.: там же. С. 17–19.

Если преступления против условий легитимности власти можно представить в виде единого целого, поскольку они посягают на общественные отношения в сфере избирательного процесса, то преступления против легитимности власти в Российской Федерации и деятельности средств массовой информации значительно труднее очертить едиными классификационными критериями. Соответственно, значительно труднее определить единую личность преступника, совершающего такие преступления, поскольку ее характеристики охватывают в первую очередь качественные, а не количественные свойства. Действительно, личность преступника, который занимается воспрепятствованием законной профессиональной деятельности журналистов, будет существенно отличаться от личности преступника, посягающего на жизнь государственного или общественного деятеля, совершающего насильственный захват власти или насильственное удержание власти и совершающего вооруженный мятеж. Более того, личность преступника, посягающего на жизнь государственного или общественного деятеля, будет отличаться от личности, совершающей насильственный захват власти или насильственное удержание власти, точно так же, как и личность, совершающая насильственный захват власти или насильственное удержание власти, будет отличаться от личности, совершающей вооруженный мятеж.

Анализ психического отношения лица к совершенному им преступлению не должен ограничиваться только установлением формы вины. Важно понять мотивы его поступков. Без этого невозможно достигнуть целей наказания, поскольку человек, чьи мотивы поведения остались тайной для органов предварительного следствия и суда, будет считать вынесенный в отношении него приговор несправедливым. В свою очередь, вынесение справедливого, с точки зрения осужденного судом лица, приговора важно для криминологии вообще, для профилактики преступности в целом и для будущего самого преступника, в частности. Если преступник будет считать вынесенный в отношении него приговор справедливым (по крайней мере точно будет знать, что он осужден именно за те действия, которые совершил), то в этом случае возникает значительно больше шансов, что этот человек после отбытия наказания вернется в общество полноценным его членом.

А.А. Тер-Акопов правильно отмечал, что психические связи образуют основу и стержень всего преступления, придают ему целостность, определенность и направленность, указывают на единый

источник всего деяния — виновника, и делают его ответственным за все объективно содеянное¹¹.

Личность преступника отличается от личности всех других социальных типов (позитивных, условно-позитивных и негативных) тем, что эта личность представляет собой угрозу обществу. Угроза состоит в возможности нанесения вреда окружающим людям и охраняемым законодательством общественным отношениям, в данном случае — основам политической системы государства. Личности преступника в гораздо большей степени, чем законопослушным гражданам, свойственны такие особенности, как слабая адаптированность, отчужденность, импульсивность и агрессивность. Эти люди значительно хуже, чем другие, учитывают прошлый социальный и общественный опыт, поэтому плохо контролируют свое поведение. Можно сказать, что личность преступника в этом смысле представляет собой образец социально безответственного лица. Таким образом, в структуре личности преступника существуют элементы, являющиеся психологическими предпосылками преступного поведения человека¹².

Своеобразие личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы России, определяется, как было указано выше, разнообразием преступлений, которые объединены этим понятием. Очевидно, что представить этих преступников в виде какого-то конкретного одного типа невозможно. Более того, вряд ли будет правильным определять их единым понятием. С.В. Дьяков говорил о личности государственного преступника. Он утверждал, что личность государственного преступника, с одной стороны, несет на себе наиболее общие признаки личности преступника как таковой, а с другой — отражает в обобщенном виде особенности личности по государственным преступлениям¹³.

Однако он рассматривал личность государственного преступника применительно только к определенным видам преступлений против основ конституционного строя, при этом не затрагивая многие, на наш взгляд, определяющие составы преступлений, посягающих на основы политической системы. Его видение личности государственного преступника, несмотря на всю значимость проведенного им исследования, несет на себе отпечаток традиционных и уже не актуальных представлений о личности преступника, совершающего

¹¹ См.: Тер-Акопов А.А. Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 387.

¹² См.: Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е. Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 19–29.

¹³ См.: Дьяков С.В. Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 1999. С. 173.

преступления против основ политической системы России, которые сложились еще в советской правовой системе.

В то же время С.В. Дьяков говорит, что личность государственного преступника изменчива и подвижна. В зависимости от того, какие государственные преступления преобладали в структуре в тот или иной исторический период, личность государственного преступника менялась в своем содержании. Главное же состоит в том, что личность не является случайной на статистическом уровне по отношению к факту совершения преступления вообще и государственного преступления, в частности. Иными словами, личность преступника не фиксирует преступления, она их совершает, т.е. это активный субъект социально-негативных отношений, связанных с попытками нарушения основ конституционного строя¹⁴. С этим утверждением необходимо согласиться.

Личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, специфична с точки зрения социально-демографических признаков: пол, возраст, образование, национальность, семья.

При этом для понимания личности преступника, да и личности вообще очень важно ее отношение к себе и окружающему миру. Это отношение всегда заряжено огромной энергией, оно имеет базовое, фундаментальное значение для индивида, его бытия, духовности, жизненных перспектив¹⁵.

Подавляющее большинство рассматриваемых преступников – мужчины. Соотношение доли мужчин и женщин составляет соответственно 95% и 5%. Однако доля женщин существенно возрастает, если рассматривать отдельно преступления, связанные с проведением выборов (преступления против условий легитимности власти). При этом в остальных преступлениях женщины часто выступают в роли пособниц, причем нередко такое пособничество остается латентным.

Возраст криминальной активности лиц, совершающих преступления против основ политической системы, колеблется в пределах 25–29 лет, что коррелирует с возрастом подавляющего числа всех преступников. При этом другие показатели в возрастной структуре мало репрезентативны из-за недостаточности статистических данных об этом.

У рассматриваемых преступников довольно высокий уровень образования, более 70% имеют высшее или неоконченное высшее образование. Высокий образовательный уровень обусловлен следующими обстоятельствами: а) характер преступлений

против основ политической системы требует от преступника определенного уровня социального и политического развития; б) круг общения людей, вовлеченных в вопросы политической системы, состоит из людей, в основном имеющих высшее образование; в) высшее образование стало массовым и более доступным; г) приведенные показатели об образовании формализованы и не всегда отражают уровень фактической подготовленности и социальной зрелости личности конкретного человека.

Ученые не считают, что существует специфика совершения рассматриваемых преступлений в зависимости от принадлежности лиц к той или иной национальности. Вместе с тем это не означает, что лица разных национальностей представлены в структуре преступлений против основ политической системы пропорционально их численности. За фактической принадлежностью человека к той или иной национальности просматриваются социально-политические и этнонациональные проблемы общественной жизни.

Семья для формирования личности изучаемого преступника может играть как роль сдерживающего фактора, так и катализатора противоправного поведения. Так, более половины из числа тех, кто совершил насильственные преступления против основ политической системы, воспитывались в неблагополучных семьях, где царила либо атмосфера безразличия, либо атмосфера прямой враждебности родителей по отношению к существующим основам политической системы. В семьях при этом совершались аморальные поступки и были постоянные бытовые конфликты. В семьях тех, кто совершил преступления против условий легитимности власти, наоборот, были хорошие отношения, однако гипертрофировалась критика существующей государственной власти. Обычно эта критика основана на безоговорочном и часто совершенно не критическом восприятии модели западной политической системы, под которой в действительности понимается модель демократического общества в США.

При этом семейное благополучие не останавливало молодых людей в стремлении заработать деньги посредством совершения преступлений, связанных с избирательными кампаниями. Более того, стремление получить деньги за совершенные преступления в последнее время стало превалировать над политической мотивацией собственных действий, хотя тем не менее большая часть этих людей все-таки действует достаточно искренне и пассионарно.

Личность преступника, посягающего на основы политической системы, характеризуется специфическими нравственно-психологическими

¹⁴ См.: Дьяков С.В. Указ. соч. С. 174.

¹⁵ См.: Антоян Ю.М. Указ. соч. С. 19.

признаками, у него наблюдается деформированность нравственно-психологических качеств. Данный преступник либо аполитичен и в этом случае исключительно корыстен, либо настроен исключительно враждебно по отношению к государственной власти. При этом и в том, и в другом случае личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, характеризуется эгоцентричностью, завышенной самооценкой, общим негативизмом (можно сказать, негативным отношением к жизни) и нигилизмом.

Для этих преступников характерна естественная психологическая неуравновешенность, доминантность, обостренное чувство обиды, необъективный максимализм, стремление любые сложные проблемы общественной жизни решать немедленно и крайними средствами¹⁶.

Стремительно возрастающий объем массовой информации стал основной отличительной особенностью современного общества. Информационный взрыв в значительной степени определяет психологический тип современного человека. При этом современные средства массовой информации вызвали к жизни социально-психологический феномен массовой культуры. Массовая культура, рассчитанная в соответствии со своим названием на массовое потребление, приобрела в ряде случаев черты культурного суррогата, содержание которого упрощает до примитивных форм человеческие отношения, проповедует культ внешнего успеха, обесценивает высокую культуру и сводит существующие жизненные ценности до уровня потребностей в еде, питье и удовлетворении сексуальных желаний.

Средства массовой информации создали психологический феномен идеологического, культурного, правового и политического пространства. Созданы следующие информационные политические феномены: а) феномен политического зрелища; б) феномен политических акций со скрытым политическим эффектом; в) феномен «политических игр».

Психология массовых коммуникаций исследует влияние объективных и субъективных факторов на эффективность массового общения, возникновения и функционирования общественного настроения и общественного мнения, способы побуждения людей к определенным действиям, закономерности усвоения и переработки информации, ее принятия или непринятия¹⁷.

Как говорят ученые, массовые коммуникации, особенно связанные с Интернетом, привели к разрушению конфиденциальности частной жизни. Наблюдается процесс «атомизации» человека,

основанный на манипулировании его примитивными инстинктами. Реклама «всего и вся» превратилась во всепроникающего монстра. И это только начало. Человек получает навязчивую информацию даже в том случае, когда отказывается ее получать. Автоматизированный анализ запросов и предпочтений, который происходит помимо воли человека, формирует его систему потребностей интересов. У человека возникает иллюзия познания мира, а в действительности «анонимы» начинают формировать его новые взгляды и убеждения¹⁸, в т.ч. и политические установки.

Все это привело к формированию особенно-го типа личности преступника – хакера. Хакер (от англ. *to hack* – рубить, кромсать) – это человек, для которого важен процесс уничтожения, а не созидания. В преступлениях против условий легитимности власти, особенно когда избирательный процесс все в большей степени переходит в информационно-коммуникационную область, роль и значение данных преступников возрастает. Важно отметить, что у хакеров, в том числе совершающих преступления против основ политической системы, преобладают корыстные мотивы поведения. В то же время у них может быть наличие специфической побудительной мотивации, такой, например, как познавательная, игровая, хулиганская¹⁹. Нельзя исключить и политическую мотивацию, однако скорее всего этот мотив в структуре всех других мотивов поведения окажется далеко не на первом месте.

Преступления против условий легитимности власти, особенно когда это связано с подкупом избирателей, нередко называют политической коррупцией²⁰, что представляется неверным и даже излишним, поскольку относительно небольшой объем совершаемых преступлений не отражает всей остроты проблемы коррупции.

Вместе с тем личность преступников, которые совершают подкуп избирателей и другие преступления против условий легитимности власти за деньги, представляет интерес. Как считают ученые, таким преступникам присущи: активность, инициативность, энергичность, высокая эмоциональная устойчивость, работоспособность, развитый самоконтроль, организаторские и коммуникативные качества, потребность в самоутверждении, стремление к достижению высокого социального статуса. Они способны много и продуктивно

¹⁸ См.: Арямов А.А., Грачева Ю.В., Чучаев А.И., Маликов С.В. Цифровые риски. М., 2020. С. 43.

¹⁹ См.: Халиуллин А.И. Хакер как правонарушитель в современных уголовно-правовых исследованиях // Росс. юстиция. 2019. № 12. С. 21–23.

²⁰ См. подр.: Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К. Политическая коррупция. М., 2008.

¹⁶ См.: Дьяков С.В. Указ. соч. С. 195.

¹⁷ См.: Еникеев М.И. Общая, социальная и юридическая психология. СПб., 2003. С. 358.

работать в сложных стрессовых ситуациях и при этом убеждены, что им удастся избежать уголовной ответственности²¹. Данные преступники характеризуются высшей стадией нигилизма, которая означает полное и добровольное их самоотчуждение, переходящее в психологическое опустошение, с одновременным осознанием абсурдности бытия и появлением глубинного неосознанного страха. Во многом такое состояние человека объясняет его отношение к социальным и правовым нормам и ценностям, доказывает утрату веры в их значимость, что ведет к отклоняющемуся поведению.

Отчуждение личности преступника, совершающего преступления против основ политической системы, можно называть основным его признаком. Благодаря этому рассматриваемой личности преступника легче всего найти оправдательные мотивы собственного дезадаптивного поведения.

Таким образом, личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, из-за специфики соединенных в одну группу очень разных по своим причинам и способам совершения преступлений, невозможно типологизировать по какому-то одному критерию.

Корректно в этой связи ставить вопрос о типе личности преступника, например, совершающего преступления против условий легитимности власти (преступления, связанные с избирательным процессом), или о самостоятельном типе личности преступника, совершающего воспрепятствование законной профессиональной деятельности журналистов. Строго говоря, тип личности преступника, совершающего посягательство на жизнь государственного или общественного деятеля, также может представлять самостоятельный научный интерес, точно также как тип личности преступника, осуществляющего насильственный захват власти или насильственное удержание власти. Наконец, отдельное самостоятельное исследование может быть посвящено типу личности преступника, совершающего вооруженный мятеж. Таким образом, каждое рассматриваемое нами преступление предполагает изучение самостоятельного типа преступника.

Вместе с тем сказанное не означает, что нельзя разрабатывать единый тип преступника, совершающего преступления против основ политической системы. Такой подход сам по себе представляет научную ценность, поскольку подобная научная категория может быть в дальнейшем изучена в ходе нового и отдельного научного исследования.

²¹ См.: Акунченко Е.А., Дамм И.А., Шедрин Н.В. Антикоррупционная безопасность избирательного процесса: состояние и перспективы // Национальная безопасность. 2018. № 1. С. 49–71.

Личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, как представляется, большая научная проблема, которая потребует выработки новых научных понятий, критериев, сбора эмпирического материала и апробации полученных данных.

Общим будет также то, что личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы – является личностью опасного преступника.

Признаки особо опасного преступника: 1) причинение исключительного вреда человеку, обществу, общественной нравственности, этическим представлениям; 2) наивысший уровень агрессивности, сочетаемый с особой жестокостью и равнодушием к страданиям людей (презрением к ним); 3) устойчивость агрессии; 4) некрофильский характер личности; 5) наличие расстройств психической деятельности в рамках вменяемости²².

Разумеется, не все указанные признаки присущи преступникам, совершающим преступления против основ политической системы, но отдельные перечисленные признаки в том или ином виде характерны для каждого из них. Как правильно отмечает Ю.М. Антонян, среди преступников, совершающих преступления ради торжества идеологии, ради захвата власти, следует выделить религиозных фанатиков, военных и политических (государственных) особо опасных преступников²³.

Рассматриваемые признаки имеют существенное значение для понимания постпреступного поведения человека и последующей реабилитации личности преступника.

* * *

Исходя из изложенного, характеризуя личность преступника, совершающего преступления против основ политической системы, можно сказать, что это человек, относящийся к особо опасному типу самоутверждающегося корыстного преступника с устойчивым криминальным поведением, который характеризуется индивидуалистическим отношением к социальным ценностям и дезадаптивным поведением с признаками отчуждения личности.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Агузаров Т.К., Чучаев А.И. Уголовно-правовая охрана власти (XI – начало XX в.). М., 2011. С. 3.
2. Акунченко Е.А., Дамм И.А., Шедрин Н.В. Антикоррупционная безопасность избирательного про-

²² См.: Антонян Ю.М. Указ. соч. С. 33, 34.

²³ См.: там же. С. 36.

- цесса: состояние и перспективы // Национальная безопасность. 2018. № 1. С. 49–71.
3. *Антонян Ю.М.* Особо опасный преступник. М., 2011. С. 17–20, 33, 34, 36.
  4. *Антонян Ю.М., Еникеев М.И., Эминов В.Е.* Психология преступления и наказания. М., 2000. С. 19–29.
  5. *Арямов А.А., Грачева Ю.В., Чучаев А.И., Маликов С.В.* Цифровые риски. М., 2020. С. 43.
  6. *Бережа О.А.* Особенности уголовного права и их значение для сферы борьбы с преступностью // Криминологические основы уголовного права. Лекции и новые образовательные технологии для юристов: материалы Междунар. науч.-метод. семинара, состоявшегося 25–26 июня 2014 г. Ростов н/Д., 2016. С. 20.
  7. *Гилинский Я.И.* Криминология: теория, история, эмпирическая база, социальный контроль. СПб., 2014. С. 210.
  8. *Дьяков С.В.* Преступления против основ конституционного строя и безопасности государства. М., 1999. С. 173, 174, 195.
  9. *Еникеев М.И.* Общая, социальная и юридическая психология. СПб., 2003. С. 358.
  10. *Иванов Н.Г.* Общественная опасность деяния как онтологическая основа криминализации. М., 2016. С. 44.
  11. *Ищенко Е.П.* Реформой правит криминал? М., 2013. С. 245.
  12. *Кабанов П.А., Райков Г.И., Чирков Д.К.* Политическая коррупция. М., 2008.
  13. *Кашкаров А.А.* Должностная преступность в органах публичной власти и ее предупреждение в условиях смены государственной принадлежности территории. Краснодар, 2019. С. 13.
  14. *Коробеев А.И.* Уголовно-правовая политика России: от генезиса до кризиса. М., 2019. С. 35, 313.
  15. *Тер-Акопов А.А.* Преступление и проблемы нефизической причинности в уголовном праве. М., 2003. С. 387.
  16. *Халиуллин А.И.* Хакер как правонарушитель в современных уголовно-правовых исследованиях // Росс. юстиция. 2019. № 12. С. 21–23.

Сведения об авторе

ДЕГТЕРЕВ Андрей Александрович – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права Астраханского государственного университета; 410056 г. Астрахань, ул. Татищева, д. 20а

REFERENCES

1. *Aguzarov T.K., Chuchaev A.I.* Criminal law protection of power (XI - beginning of XX century). M., 2011. P. 3 (in Russ.).
2. *Akunchenko E.A., Damm I.A., Shchedrin N.V.* Anti-Corruption security of the electoral process: state and prospects // National security. 2018. No. 1. P. 49–71 (in Russ.).
3. *Antonyan Yu. M.* A dangerous offender. M., 2011. P. 17–20, 33, 34, 36 (in Russ.).
4. *Antonyan Yu. M., Enikeev M.I., Eminov V.E.* Psychology of crime and punishment. M., 2000. P. 19–29 (in Russ.).
5. *Aryamov A.A., Gracheva Yu. V., Chuchaev A.I., Malikov S.V.* Digital risks. M., 2020. 43 (in Russ.).
6. *Bereza O.A.* Features of Criminal Law and their significance for the fight against crime // Criminological foundations of Criminal Law. Lectures and new educational technologies for lawyers: proceedings of the International scientific method. workshop held on June 25–26, 2014 Rostov n/D., 2016. P. 20 (in Russ.).
7. *Gilinskiy Ya. I.* Criminology: theory, history, empirical basis, social control. SPb., 2014. P. 210 (in Russ.).
8. *Dyakov S.V.* Crimes against the constitutional order and security of the state. M., 1999. P. 173, 174, 195 (in Russ.).
9. *Enikeev M.I.* General, social and legal psychology. SPb., 2003. P. 358 (in Russ.).
10. *Ivanov N.G.* Public danger of act as the ontological basis of criminalization. M., 2016. P. 44 (in Russ.).
11. *Ishchenko E.P.* Reform ruled by criminals? M., 2013. P. 245 (in Russ.).
12. *Kabanov P.A., Raikov G.I., Chirkov D.K.* Political corruption. M., 2008 (in Russ.).
13. *Kashkarov A.A.* Official crime in public authorities and its prevention in terms of changing the nationality of the territory. Krasnodar, 2019. P. 13 (in Russ.).
14. *Korobeev A.I.* Criminal-legal policy of Russia: from the Genesis of the crisis. M., 2019. P. 35, 313 (in Russ.).
15. *Ter-Akopov A.A.* Crime and the problem of non-physical causation in Criminal Law. M., 2003. P. 387 (in Russ.).
16. *Khaliullin A.I.* Hacker as perpetrator in the modern criminal legal studies // Russ. justice. 2019. No. 12. P. 21–23 (in Russ.).

Authors' information

DEGTEREV Andrey A. – PhD in Law, associate Professor of the Department of Criminal Law of Astrakhan state University; 20a Tatishcheva str., 410056 Astrakhan, Russia

ФИНАНСОВО-ПРАВОВЫЕ ПРЕОБРАЗОВАНИЯ В XVIII СТОЛЕТИИ

ФИНАНСОВО-ПРАВОВОЕ ГОСУДАРСТВО ПЕТРА I

© 2020 г. К. С. Бельский

Российский государственный университет правосудия, Москва

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Поступила в редакцию 30.06.2020 г.

Аннотация. В статье дан анализ финансовых реформ Петра I с учетом всех действующих в эту эпоху институтов финансового права: налогового, бюджетного, финансово-контрольного и эмиссионного. Освещается тесно связанное с финансами и правом денежное обращение. Обращается внимание на зарождение в правление Петра I юридической науки, в т.ч. науки финансового права.

Ключевые слова: финансовая реформа, коллегии, Сенат, фискалы, подушная подать, право.

Цитирование: Бельский К.С. Финансово-правовые преобразования в XVIII столетии // Финансово-правовое государство Петра I // Государство и право. 2020. № 10. С. 109–120.

DOI: 10.31857/S102694520012237-1

FINANCIAL AND LEGAL TRANSFORMATIONS IN THE XVIII CENTURY

FINANCIAL AND LEGAL STATE OF PETER I

© 2020 K. S. Belsky

Russian state University of justice, Moscow

E-mail: finpravo@rsuj.ru

Received 30.06.2020

Abstract. The article analyzes the financial reforms of Peter I, taking into account all existing institutions of Financial Law in this era: tax, budget, financial control and issue. Money circulation closely related to finance and law is highlighted. Attention is drawn to the birth of legal science, including the science of Financial Law, during the reign of Peter I.

Key words: financial reform, colleges, Senate, fiscal officers, poll tax, law.

For citation: Belsky, K.S. (2020). Financial and legal transformations in the XVIII century // Financial and legal state of Peter I // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 109–120.

Две линии в деятельности Петра I: финансовая и правовая. Читая русских историков об эпохе Петра I и о его деятельности, приходишь к выводу: все преобразования великого реформатора – военные, административные, народнохозяйственные, культурные, – вместе взятые, превращались в реформу финансовую. В то же время, вдумываясь в петровские реформы, понимаешь, что вместе взятые они превращались в реформу правовую. При этом обнаруживается, что обе реформы – финансовая и правовая – тесно и даже органично связаны. Такую связь у его предшественников, правителей России, трудно увидеть. В.О. Ключевский справедливо заметил: «Петр I своими понятиями и стремлениями близко подошел к идее правового государства»¹, но не в понимании Локка или Монтескье, а в том смысле, что каждое деяние, затрагивающее интересы государства, должно иметь своим основанием закон.

Проводя свои преобразования и выстраивая новое здание России, Петр I осуществил синтез, соединив финансовую деятельность – эмиссионную, налоговую, бюджетную, финансово-контрольную с правовым регулированием. Поэтому глава данной статьи была названа автором «Финансово-правовое государство Петра I».

Петр I являлся сторонником правового порядка и полагал, что все подданные государства, от министра до ремесленника, купца и крестьянина, обязаны соблюдать законы государства. Особое значение праву царь придавал применительно к аппарату управления. Недаром отдельные исторички называли государство Петра I «регулятивным». В его государстве видим следующую картину: каждое финансовое учреждение и каждый его служащий руководствуются многочисленными уставами, регламентами, инструкциями, которые определяют их права и обязанности. Некоторые советские историки к такому «регулированию» относились иронически, полагая, что оно способствовало бюрократизации аппарата и оторванности чиновников от народа². Напротив, В.О. Ключевский относился к подобной регламентации труда служащих положительно. Если дьяк или подъячий, работавшие в приказной системе, считались с начальствующими лицами, то чиновники в аппарате коллегии подчинялись закону, соблюдая государственные интересы. Закон связывал произвол людей, работавших в коллегиях и Сенате, воспитывал и внушал чиновникам чувство законности³.

До Петра I было и работало законодательство, взять хотя бы Соборное уложение 1649 г., но оно

не было объектом учебного или научного изучения, т.к. отсутствовали школы, где изучали бы право. В правление Петра I чиновников начали учить праву. Более того, по совету видного немецкого ученого Лейбница, с которым русский царь не раз встречался, в 1724 г. в Петербурге создается Академия наук, где открываются три отдела: математический, естественных наук и юридический. Петр I сделал первый шаг на пути изучения юридических наук, в т.ч. науки финансового права. Для этого у него были основания. В правление Петра I наблюдается подъем законодательной деятельности. Не побоимся сказать, что важную, даже наступательную роль в этом подъеме сыграло финансовое законодательство, которое было зафиксировано в Полном собрании законов Российской империи, изданном в 1830 г. С 1700 по 1709 г. в Собрании было помещено 500 актов, а в следующее десятилетие до конца 1719 г. число их выросло до 1238. Здесь содержались законоположения, регламенты, инструкции, международные договоры. Официальное признание финансового права как отрасли науки нашло выражение в § 15 Общего устава императорских российских университетов, утвержденного Высочайшим указом от 18 июня 1863 г.⁴

Органы, осуществляющие финансовую деятельность в правление Петра I. После того, как царевна Софья в 1689 г. сошла с политической сцены и престол занял Петр I, новый царь не сразу приступил к реформированию аппарата государственного управления, хотя некоторые сдвиги в этом направлении были сделаны. Боярская дума, или, как ее стали называть «Ближняя канцелярия», продолжала функционировать еще около 20 лет. Отделом Думы – Канцелярии стал восстановленный Петром I Счетный приказ, который осуществлял функции контрольного ведомства: сюда все приказы обязаны были доставлять еженедельные и ежегодные ведомости о своих доходах и расходах. Затем Счетный приказ по отчетам-ведомостям составлял сводные приходо-расходные ведомости за каждый прошедший год. Счетный приказ был восстановлен только потому, что Петр I, донимаемый расходами, «хотел ежеминутно знать свои наличные средства»⁵.

Боярская дума, продолжая работать в течение первого десятилетия XVIII в., также ведала финансами по военному ведомству, пока сам царь не взял в свои руки ведение финансами в области армии и флота. Нужно сказать, что авторитет Боярской думы в правление Петра I снижался, на ее смену придет другой верховный орган – Сенат.

¹ Ключевский В.О. Соч. Т. 4. М., 1958. С. 356.

² См.: История СССР. Т. 3. М., 1967. С. 240, 241.

³ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 194.

⁴ См.: ПСЗРИ. Собр. 2. Т. 38. Отд. 1. № 39752. СПб., 1866.

⁵ Ключевский В.О. Указ. соч. С. 148, 149.

Важным финансовым органом в первое время правления Петра I являлась Бурмистерская палата, или Ратуша, организованная Указом царя от 30 января 1699 г. Указ признавал, что купечеству чинятся «приказные волокиты» и убытки, от которых многие разорялись. Вместо восьми приказов, собиравших прямые и косвенные налоги, создавался единый выборный центр — Ратуша, куда поступали собранные по городам, в т.ч. в Москве, денежные средства: таможенные, кабацкие, стрелецкие и др. Ратуша управляла процессом взимания податей и пошлин с купечества. Ее «доход уже к 1701 г. возрос до 1300 тысяч». Однако доходы Ратуши, достигавшие в год до 1.5 млн (это был ее бюджет), с трудом оплачивали военные расходы.

Важную роль в политической жизни страны, причем не только в царствование Петра I, но и в течение всего XVIII столетия, играл П р а в и т е л ь с т в у ю щ и й С е н а т. Сенату подчинялись все органы исполнительной власти: сначала приказы, затем заменившие их коллегии, в первую очередь коллегии, занимавшиеся военными и финансовыми делами. Сенат стал высшим органом по делам законодательства и управления. Указом Петра I от 2 марта 1711 г.⁶ на Сенат возлагались финансовые функции: забота об умножении доходов, о честном исполнении расходов, о векселях и торговле, о надзоре за судом и т.д. Все лица и учреждения обязаны были повиноваться Сенату под страхом смертной казни.

В числе главных обязанностей Сената были: 1) рассматривать государственные расходы, чтобы отменять ненужные; 2) прилагать усилия к возможно большему сбору денег; 3) осуществлять кодификационные работы и, выслушивая советы приблудников, с царского одобрения вводить новые налоги. Во главе Сената стоял генерал-прокурор. Фактически он становится министром финансов. Кроме того, ему предоставляется законодательная инициатива. Генерал-прокурору был подчинен аппарат фискалов.

Ф и н а н с о в ы е к о л л е г и и. Бывая в западноевропейских странах, Петр I несколько раз посетил известного ученого-философа Лейбница и, обсуждая различные проблемы, касался вопросов государственного управления. Лейбниц посоветовал Петру I образовать вместо приказов коллегии и принять за образец шведские коллегии как хорошо работающие органы исполнительной власти.

В 1715 г. Петр I решается реализовать совет Лейбница и в 1718 г. образует девять коллегий по шведскому образцу⁷. За образец был также принят шведский Устав, который регламентировал

обязанности, права и ответственность чиновников. Во главе коллегии стояли президент и вице-президент, каждая коллегия имела свой регламент. В каждой коллегии работало около 15 человек, каждый заведовал своей частью дела, образуя особое отделение или департамент. Кстати, впервые в русский язык приходит слово «ответственность».

Финансовые функции выполняли следующие коллегии. В первую очередь — Камер-коллегия, ведавшая всеми доходами, прямыми и косвенными, а также управлявшая монетным делом⁸. Камер-коллегия управляла раскладкой и собиранием податей до 1784 г., была ликвидирована Екатериной II за злоупотребления, запущенное делопроизводство и отчетность⁹. Затем нужно назвать Штатс-контор-коллегию, ведавшую государственными расходами, составлявшую роспись расходов на армию и флот, аппарат управления. Кроме того, данная Коллегия ведала казенными подрядами, откупам, продажей казенных товаров, таможенными сборами, упразднена в 1801 г. Функции Ревизион-коллегии определялись формулой: «веди счет всех государственных приходов и расходов, обнаруживай кражи государственных денег».

Камер-коллегия являлась преемницей Приказа Большой казны в течение всего XVIII в. и выполняла в некотором роде функции Министерства финансов. Ей подчинялась Монетная контора, которая была не только органом по выпуску денег, но также учреждением, принимавшим и хранившим серебро. У нее имелась еще одна финансовая функция: контора была первым зародышем кредитных учреждений, ей было разрешено выдавать ссуды.

Губернаторы и воеводы. Для того чтобы государственный бюджет не был дефицитным и мог содержать постоянно воюющую армию и флот, Петр I в 1708—1709 гг. проводит губернскую реформу, поделив страну на восемь губерний (Московская, Смоленская, Киевская и т.д.). Каждая губерния охватывала ряд прежних регионов (воеводств) во главе с прежними руководителями (воеводами). На губернатора и воеводу Петр I возложил обязанность поднять уровень поступления доходов в государственную казну¹⁰.

Ежегодно Камер-коллегия направляла губернаторам и подчиненным или воеводам для каждой губернии и провинции окладные книги, в которых содержались: наставления о ведении настольной приказной книги; способы приема каждого дохода; размеры дохода с каждого двора; требование

⁶ См.: ПСЗРИ. 1711. Т. 4. № 2330.

⁷ См.: ПСЗРИ. 1718. Т. 6. № 3534.

⁸ См.: ПСЗРИ. 1718. Т. 5. № 3295.

⁹ См.: ПСЗРИ. 1784. Т. 22. № 16096.

¹⁰ См.: Андреевский И.Е. О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.

письменного извещения плательщика. Заметим, что важное значение как при подворном, так и при подушном обложении имел воевода, т.к. он был ближе к плательщику, чем губернатор. В правление царя Алексея Михайловича у воеводы был несколько иной служебный статус: ему разрешалось оставлять часть денежных средств на обустройство своего региона (мосты, дороги, почтовые станции).

Корень губернской реформы заключался в военно-фискальной политике Петра I: налоговые доходы расходовались на общегосударственные, преимущественно военные нужды, местные нужды игнорировались¹¹. Иными словами, губернская реформа проводилась исключительно в финансовых и военных интересах. Губернаторы могли оправдывать своё назначение на должность, объединив все собранные в губернии денежные средства и в назначенное время доставить их в Москву, сообщив об этом в Камер-коллегию.

Тяглые и не тяглые сословия. Охарактеризовав финансовые органы государственной власти, осуществлявшие взимание податей, к месту для полноты понимания будет сказать о тяглых сословиях, которые их платили, и тех, которые были от них освобождены почти до середины XIX в.

Уплачивали подати два сословия: крестьянство и созревшее к тому времени купечество (или, если шире сказать, посадское население, жившее в крупных городах и крупных селениях).

Основным тяглым сословием являлось крестьянство, пахавшее землю и собиравшее осенью урожай — плоды земледелия, часть которых оставалась помещику, а третья часть реализовывалась на торгах в городе, уплачивалась сначала подворная, а позже подушная подать государству. Если в XVI в. крестьянин был свободным человеком, в XVII в. — относительно свободным, то уже в первой четверти XVIII в. он был прикреплен Соборным уложением 1649 г. к земле и к хозяину — помещику, но еще не превратившись в его частную собственность¹². Этот процесс не совсем точно резюмировал видный русский историк М.П. Погодин, признавая, что крепостное право (начиная с Судебника 1497 г.) как-то само собой и правовыми средствами, и ходом самой жизни де-факто завершилось полностью при Петре I, который любил «немецкий порядок». Однако процесс закрепощения крестьянства не завершился в петровское правление ни де-факто, ни де-юре. В царском законодательстве не встречаем закона, который прикреплял крестьянина к помещику лично,

превращая его в частную собственность. В правление Петра I государство по целому ряду вопросов защищало крестьянина от произвола помещика — землевладельца. Так, если последний хотел перевести крестьянина из одной деревни в другую, то ему необходимо было обратиться за разрешением в Камер-коллегию.

На этот аспект указывал современник петровской эпохи И.Т. Посошков: «По моему мнению, царю более помещиков надлежит крестьян беречь, т.к. помещики владеют ими временно, а царю они всегда вековые и крестьянское богатство царственное, а нищета крестьянская оскудение царственное»¹³. По справедливому мнению В.О. Ключевского, де-факто крестьяне станут частной собственностью дворянства в правление Екатерины II, во вторую половину XVIII в.

Другим тяглым сословием первой четверти XVIII в. являлось посадское население, в котором особо выделялось купечество. Города в XVII—XVIII вв. быстро росли. Это были острова и островки торговли, ремесла, зодчества. Они обустраивались церквями, каменными домами, частными и общественными, местами для торгов и ярмарок. В основном они заселялись ремесленниками, плотниками, купцами. Ремесленники разных специальностей (кузнецы, кожевники, гончары, извозчики) селились отдельно в своей части города. Купцы жили тоже отдельно, в своем районе. Посадское население так же, как и крестьянство, платило налоги государству.

Д.А. Толстой в своей книге по истории русских финансов сообщает о сословиях и лицах, освобожденных от податей в предыдущие столетия и в XVIII в. К ним относились: 1) служилые люди — дворянство и растворившееся в нём боярство; 2) духовенство, хотя с земель, принадлежавших этому сословию, в отдельные периоды взимались налоги; 3) бедные, старые, больные, инвалиды¹⁴.

Подати, поступающие в бюджет — казну в правление Петра I. Слово «подати» появилось в русском языке в XVII в. Несмотря на некоторую архаичность, оно остается и используется и как обобщающее понятие, включает в себя налоги, сборы и пошлины. Исторически подати подразделялись на натуральные и денежные. Данную классификацию видим во времена основателя русского государства Рюрика, она продержалась до середины XIX в. С точки зрения Д.А. Толстого, в том государстве, где промышленность и торговля не

¹¹ См.: Милоков П.Н. Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.

¹² См.: Соборное уложение 1649 г. М., 1961.

¹³ Посошков И.Т. Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 182, 183.

¹⁴ См.: Толстой Д.А. История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины Императрицы Екатерины II. СПб., 1848.

слишком распространены и где денежное обращение находится на низком уровне, подати уплачиваются как натуральные, так и деньгами. В России в XVIII в. подати платились деньгами, натурой, ремесленными изделиями. Жители лесистых областей платили подать шкурами разных зверей: белок, горностаев, соболей. Иногда с пахотных крестьян подать взималась хлебом.

Даже при Екатерине II, несмотря на введение бумажных денег и нормальное денежное обращение, подать натурой не исчезла, и отдельные губернаторы просили у императрицы согласие на то, чтобы крестьяне половину податей уплачивали хлебом. С подобной просьбой к ней постоянно обращался губернатор граф Броун¹⁵. Правда, платежи натурой имели место также в европейских странах, например, в дореволюционной Франции, образуя в совокупности с денежными налогами отдельную часть. В правление Петра I подати уплачивались как деньгами, так и натурой.

П р и б ы л ь щ и к и. Вступив на престол, Петр I поставил своей задачей реформирование всех сторон Московского государства. Главные стороны для него — военная, финансовая и правовая. Как царь и реформатор Петр I застал в области финансов подворное обложение. Старое поземельное (посошное) обложение не устраивало его отца Алексея Михайловича, и он заменил его более прибыльным и простым подворным обложением. Сколько было у крестьян земли, об этом постепенно забывали государственные деятели. Подворное обложение не устраивало Петра I при размахе его реформ и постоянном ведении войн, в отдельные годы одновременно с двумя государствами. Подворное обложение крестьян и посадского населения приводило к дефициту бюджета. Денег не хватало на содержание армии и флота. Чтобы находить объекты для налогового обложения, царь создает институт прибыльщиков.

Петр I понимал, что налоговая система должна быть соразмерна налоговой платежеспособности народа, что налоги, увеличивая казну, не должны мешать производительности труда крестьянина, купца, ремесленника. Но на практике он держался правила: «сбирать денег как можно больше», что нарушало правило, сформулированное римским императором Тиберием: «овцу стригут, чтобы иметь шерсть, но с нее не сдирают шкуру».

Финансовые трудности с началом длительной Северной войны потребовали новых налогов, пошлин и сборов. Задача прибыльщиков заключалась в том, чтобы изобретать налоги, находить объекты обложения налогом, сбором, пошлиной. В.О. Ключевский

назвал таких «помощников» прибыльщиками¹⁶. Отсюда появились налоги на бороды, гробы и т.д.

Основным объектом налогового обложения почти в течение всего правления Петра I (до 1724 г.) являлось подворное обложение, которое сводилось к тому, что центральные налоговые органы определяли общую сумму налога на город, уезд, село, а общины распределяли его на каждый двор. Подворное обложение не удовлетворяло царя, т.к. регулярно приводило к дефициту бюджета, особенно в 1703 и 1710 гг. Вкратце назовем другие платежи, поступавшие в бюджет — казну в данное время.

Косвенные налоги с предметов внутреннего производства и продажи таких товаров, как сахар, табак, крепкие напитки. Косвенный налог с крепких спиртных напитков всегда приносил в России большие доходы. Плюс и одновременно минус этого товара заключался в том, что он находил обширный и верный сбыт во всех сословиях. Петром I табак был также включен в число акцизных товаров. В XVII в. его продажа достаточно сурово наказывалась. К косвенным налогам относились таможенные сборы, их платили дважды — за доставку товаров и за их продажу.

К традиционным платежам в бюджет — казну, которые взимались в Московском государстве в XVII в. и при Петре I, следует отнести с б о р (п о ш л и н у) за особые оказываемые правительством услуги. Пошлина уплачивалась при заключении сделок между частными лицами, требующими их утверждения правительством. Такое утверждение осуществлялось посредством выдачи документа, сделанного на гербовой бумаге, которая впервые появилась в царствование Петра I.

В правление Петра I действовали налоги, взимаемые в Московском государстве в XVII в.: чрезвычайные налоги, «так называемые запросные деньги», которые в кризисные периоды требовались все чаще и чаще; пищальные деньги, стрелецкие деньги, полоняночные деньги. Финансовая система была в определенной степени запутанной, часто подати имели временное и местное значение.

Все вышеперечисленные доходы (начиная с подворного обложения и заканчивая уплатой пошлин за получение казенных документов) не покрывали расходов, возраставших с каждым новым бюджетным годом. Прибыльщики не сидели сложа руки, зная царский лозунг: брать налоги со всего, с чего только возможно. По их совету царь вводит новые платежи: экономические, канцелярские, земельные сборы, соляной доход, оброчные сборы, платежи хлебом. Источником доходов являлись и земельные богатства православной церкви. Сбором доходов с церковных земель ведал

¹⁵ См.: Толстой Д.А. Указ. соч.

¹⁶ См.: Ключевский В.О. Указ. соч. С. 129, 130.

Монастырский приказ. Платежи взимались хлебом и деньгами со всех монахов монастырей. Военные действия против Швеции способствовали введению экстренных прямых налогов — драгунского, корабельного, подводного. Сборов в казну в правление Петра I так много, что их трудно подсчитывать. Появляются сборы с рыбной ловли, ульев, бань, хомутов, водопоая, за ношение старомосковской одежды. Появились новые сборы: гербовый, крепостной с дарственных и долговых обязательств. Указом 1705 г. налогом облагалась борода, за нее платили даже дворяне. С этого же года облагались налогом дубовые гробы. В.О. Ключевский так отзывался об этом налоге: эта последняя роскошь древнерусского зажиточного человека была отобрана у продавцов в казну, которая продавала ее вчетверо дороже¹⁷.

Историки признают, изучая финансовую политику Петра I, что в его правление насчитывалось до 40 видов различных косвенных налогов и сборов. Ключевский, пожалуй, лучше других историков разбиравшийся в финансовых делах Петра I, писал: «Война была главным движущим рычагом преобразовательной деятельности Петра, военная реформа — ее начальным моментом, устройство финансов — ее конечной целью»¹⁸. Царь, однако, полагал, что его финансовое устройство в стране не завершено. Он создавал постоянную армию и военный флот, у которых должен быть более надежный финансовый источник, чем подворное обложение.

В 1718 г. после смерти французского короля Людовика XIV, который не любил, как он выражался, «русского варвара», Петр I посетил Францию. В Россию этот человек, на перстне которого было выгравировано «всегда в числе учеников», привез библиотечку из книг европейских юристов (Деламар, Пуффендорф, Гуго Гроций) и идею подушной подати.

Петр I немедленно приступил к действиям по замене подворного обложения обложением подушным, начав с переписи населения. Указ о производстве переписи был издан 26 ноября 1718 г. В нем царь предписывал перечислить все сельское население мужского пола, «от старого до самого последнего младенца»¹⁹. Была проведена перепись населения: число душ мужского пола колебалось от 5 до 6 млн. Петр I произвел поголовное прикрепление к земле, это было достигнуто посредством ревизии, в которую должны были вноситься все люди мужского пола. Окладной, т.е. податной единицей, являлась «ревизская душа». «Ревизская

душа» — это мужчина любого возраста, являвшийся объектом обложения подушной податью. Отсюда возникли т.н. «чичиковские мертвые души» Гоголя.

Подушный налог — один из древнейших методов обложения, его называют также поголовной податью. Налог отражал каждого мужчину безотносительно к его доходу, а в России — безотносительно к возрасту. Налог называли подушным, т.к. критики говорили, что он выплачивается с души.

Сбор подушной подати был начат только со второй трети 1724 г. Он почти вдвое увеличил доходную часть бюджета 1724 г. Подушная подать становится основным прямым налогом в России в XVIII—XIX вв., введенным Петром I взамен подворного обложения. Подушной податью облагались все мужчины независимо от возраста, принадлежавшие к податным сословиям (крестьяне, посадское население, купцы)²⁰. Образцом для подушной подати послужил французский налог *таля*²¹. Первоначально размер подушной подати был установлен в 80 коп. в год с души. Старообрядцы вплоть до 1782 г. подушную подать платили в двойном размере. Забегая вперед, заметим, что в связи с падением курса рубля и финансовыми трудностями, вызванными войнами против Турции за возвращение Черноморского побережья в эпоху Екатерины II, в 1794 г. подушная подать с крестьян была увеличена до 1 руб. с человека. Была отменена в ходе либеральных реформ Александра II в 1887 г. Министром финансов Н.Х. Бунге для европейской России, а в 1899 г. — для Сибири.

Подушная подать являлась тяжелым феодальным налогом, а потому ее взимание сопровождалось огромными недоимками. Достаточно назвать следующую цифру: с 1720 по 1732 г. казна Российской Империи потеряла от недоимок более 7 млн руб.²² У подушной подати было много противников. Подать своей тяжестью и охватом всех мужчин без разбора приводила в удивление императоров и императриц. Екатерина I, жена Петра I, хотела освободить от нее людей, неспособных к работе, полагая, что возраст плательщиков может быть от 10 до 60 лет, как в Швеции. Екатерина II также пыталась исправить закон о подушной подати и Указом от 25 мая 1775 г. освободила от нее купечество, заменив ее процентным сбором

²⁰ См.: *Алексеев М.* Подушная подать в России. Харьков, 1870. С. 17.

²¹ *Талья* — постоянный прямой налог во Франции в XV—XVIII вв. Была введена как временный налог в правление Людовика IX Святого (1226—1270) с образованием постоянной армии. Уплачивалась крестьянами (третьим сословием).

²² См.: *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 10. М., 1963. С. 477.

¹⁷ См.: *Ключевский В.О.* Указ. соч. С. 134.

¹⁸ *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 4. М., 1937. С. 64.

¹⁹ См.: ПСЗРИ. 1718. Т. 5. № 3245.

с объявленного капитала²³. Можно полагать, что и другие правители России находили подушную подать несправедливой, но в XVIII в. она составляла около 50% всех доходов в бюджете государства. Несправедливой данную подать находили те, кто был сторонником петровских реформ. Вот как выражался о подушной подати И.Т. Посошков с его глубоко православным подходом: «В счислении душевном не чаю я проку быть; понежа душа вещь неосязаемая и цены неимущая: надлежить ценить вещи грунтованные»²⁴. Он исходит из того основного положения, что в государстве, где люди богаты, богато и государство. Худой тот сбор, который казну царю собирает и людей разоряет.

Денежное обращение и купечество в правление Петра I. На исходе XVII в. русским «рудознатцам» удалось найти серебро в Сибири близ Нерчинска, а правительству построить сереброплавильный завод, который поправил положение с чеканкой серебряной монеты и денежным обращением в Московском государстве, хотя проблему не решил до конца. На этот недостаток по-прежнему жаловалась казна практически в течение всего XVIII столетия, так что поиски серебра продолжались и при Екатерине II. Этот недостаток мешал московскому правительству налаживать полноценное денежное обращение. Правительство в середине XVII в. в поисках денежных средств для расходов на армию осуществило денежную реформу, причем эта реформа повредила нормальному денежному обращению, что вызвало волнения населения Москвы.

Петр I с самого начала своего правления, задумывая преобразования в России, в течение всей жизни стоял перед проблемой поиска денежных средств на их проведение. Первоначально правительство Петра I приняло решение получать денежные средства в казну и расходовать их на армию и флот путем проведения денежной реформы и на ее основе денежного обращения. В известной степени царь пошел по дороге отца Алексея Михайловича. Правительство стало выпускать новые деньги с уменьшенным количеством серебра. Только за три года (1701–1703), в течение которых полным ходом шла чеканка новой монеты, бюджет получил 1.9 млн руб. чистой прибыли. Но порча денег не могла быть постоянной, поскольку вызывала инфляцию, падение рубля и недовольство населения. В торговле шло повышение цен, а в финансовую систему государства вносилась дезорганизация. Боясь опыта «медного бунта» 1662 г.,

²³ См.: Кованько П.Л. Главнейшие реформы, проведенные Н.Х. Бунге в финансовой системе России. Киев, 1901. С. 19, 20.

²⁴ Посошков И.Т. Соч. Т. 1. М., 1842. С. 3.

правительство Петра I использовало метод не совсем законной эмиссии редко и осторожно²⁵.

«Порча» монеты, которая практиковалась как в Западной Европе, так и в России, являлась финансовым способом увеличения денежных средств²⁶, имевшем серьезные риски и минусы. Однако у финансового способа (метода) в его отношении к денежному обращению есть несомненные достоинства. Вот что об этом говорил Е.И. Ламанский: «Рассматривая избранный нами предмет, денежное обращение, мы должны проследить его не столько в численном выпуске денег, сколько в ближайшем влиянии их на государственное хозяйство»²⁷. Из этих слов можно сделать следующий вывод: к денежному обращению положительно относились все правители Русской земли, начиная с Рюрика. Но их отношение к торговле едва ли можно назвать чрезмерно активным: они осуществляли контроль за торговлей, купечеством и за доходами, поступавшими в казну. Петр I в отличие от своих предшественников на престоле глубже посмотрел на денежное обращение, понял его огромный творческий потенциал, принял участие в том, чтобы раздвинуть внутриторговые и внешнеторговые границы, придать российскому денежному обращению мировые масштабы. По мнению В.О. Ключевского, главной причиной войны со Швецией было не столько возвращение северо-западных русских земель, сколько желание приобрести хотя бы одну гавань на Балтийском море и дать толчок внешней торговле²⁸.

Основная ценность денежного обращения для молодого развивающегося государства заключалась в позитивных возможностях тех, кто профессионально принимая участие в купле-продаже, богател, создавая стартовый капитал, чтобы затем осуществить переход к построению мануфактур, заводов, магазинов и т.д. Петр I отлично понимал, что в процессе денежного обращения деньги делают деньги и производят материальные ценности. Здесь к месту процитировать видного дореволюционного финансиста В.П. Безобразова: «Вместе с тем деньги вследствие самого значения своего как орудия, посредника обмена, служат к накоплению и сохранению капитала»²⁹.

Петр I полагал, что денежное обращение не может быть масштабным в государстве без помощи

²⁵ См.: История СССР. С. 215.

²⁶ См.: Ламанский Е.И. Исторический очерк денежного обращения в России с 1650–1817 // В кн.: Сборник статистических сведений о России. Кн. 2. СПб., 1851. С. 71–80.

²⁷ Там же.

²⁸ См.: Ключевский В.О. Соч. Т. 4. С. 53, 54.

²⁹ Безобразов В.П. О некоторых явлениях денежного обращения в России. М., 1963. С. 28.

государства купечеству. Царь, человек любознательный, объехавший Западную Европу, осознавал, что денежное обращение не будет продуктивно работать при малочисленном купечестве и отсутствии хороших дорог — сухопутных и водных. Высоко оценивая торговлю, Петр I многое сделал, чтобы в его правление купечество как сословие крепло и находилось на подъеме. Он хорошо усвоил истину, что от торговли или, говоря по-другому, денежного обращения «все прочие благоустроенные государства процветают и богатеются»³⁰.

Купеческие капиталы на ниве денежного обращения начали возникать в последние десятилетия XVII — первые десятилетия XVIII в. Первая четверть XVIII столетия отмечена дальнейшим укреплением рыночных связей, приобретающих уже всероссийский характер. Центрами складывающегося всероссийского рынка были Москва, Новгород, Киев, Казань. Так, Москву с торговыми целями посещали крестьяне, торговавшие хлебом, купцы, представлявшие более чем 150 городов и уездов страны. Развитию хлебного рынка способствовали систематические казенные закупки хлеба для армии и для нужд винокурения. Иностранцев, посещавших Московское государство, удивляло широкое развитие торговли в стране. Купеческие капиталы росли как на дрожжах. Действуя преимущественно в сфере обмена, купцы не только торговали, но также вкладывали свои капиталы в производство, т.е. в строительство мануфактур и заводов, где производились различные товары, необходимые государству и населению. В начале XVIII в. мануфактуры и заводы строило преимущественно государство, затем их стали сооружать частные лица — богатые купцы. Всего в конце первой четверти XVIII в. в России насчитывалось 25 текстильных мануфактур, через 25 лет уже работало 50.

Крестьянство расслаивалось, от него постепенно отделялось купечество, которое формировалось почти в каждом относительно крупном русском, татарском, украинском городе. Петр I способствовал формированию купечества как сословия и проводил политику меркантилизма, выражавшуюся в предоставлении отечественным купцам льгот, в ограждении их от иностранной конкуренции. Предоставление льгот сказывалось на вовлечении купеческого капитала в промышленное производство. Уже к концу первой четверти XVIII в. продукция частных предприятий значительно превышала продукцию государственных предприятий³¹.

Внешняя торговля при проведении политики меркантилизма сдерживалась путем взимания

высоких пошлин с зарубежных товаров, давая казне немало денег. Охранительный таможенный тариф 1724 г. ограждал отечественную торговлю и промышленность от конкуренции западноевропейских товаров. Ввоз зарубежных товаров регулировался высокими пошлинами. Самые высокие пошлины в 75% от цены товаров устанавливались для товаров, которые производились в России и удовлетворяли отечественный спрос. Но на ввозимую в Россию бумагу устанавливалась более низкая от цены товара пошлина — в 25%, исходя из того, что бумага, которая делается в России, невысокого качества или, как было сказано на языке петровского времени, «делается в России, но только еще в совершенстве не приходила»³².

Торговле как форме денежного обращения способствовало сельское хозяйство, на которое Петр I также обращал внимание. В первой четверти XVIII в. значительно повысился спрос на сельскохозяйственные продукты, что было связано с увеличением численности армии и с развитием городского, главным образом промышленного населения. Кроме того, мануфактуры нуждались в таком сырье, как лен, конопля, шерсть, кожи. Указ царя в 1715 г. предписывал обучать крестьян возделыванию не только хлебных культур (ржи, пшеницы), но и льна, конопли. На близлежащие ярмарки и городские рынки продукты земледелия привозились как крестьянами, так и помещиками.

Деньги как универсальный обменный эквивалент помогал крестьянину приобрести на том же рынке скот (корову, лошадей), строительный материал и, что для него являлось обязательным, заплатить налоги государству и оброк помещику денежными средствами.

Сословная принадлежность человека не мешала Петру I ценить талант и ум человека, не преграждала крестьянину или посадскому человеку стать членом более высокого сословия. Крестьянин, имевший постоянное место на городской ярмарке или денежные средства для построения мануфактуры, становился членом купеческого сословия и отличался от прочего населения своими особыми правами и обязанностями. Однако от налогов купец не освобождался и также платил подушную подать наравне с крестьянами.

Бюджет — казна. Бюджет страны в правление Петра I был военным бюджетом, т.к. царь в течение всей своей жизни воевал. Петр I реформировал армию по европейскому образцу, создал флот. При нем армия формировалась путем рекрутского набора, она являлась постоянной. В соотношении родов войск численно преобладала пехота, уступая коннице. Но главное в плане военных денежных

³⁰ История СССР. С. 205.

³¹ См.: там же. С. 204.

³² Там же. С. 205.

расходов состояло в следующем: произошел окончательный переход к казенному содержанию армии и флота. Такой переход сильно поднял стоимость их содержания. В системе военного ведомства был образован Генеральный штаб, которого до Петра I не было. В продолжение всего царствования Петра I сухопутная армия росла и дорожала.

Наиболее полное представление о военных расходах петровского правления дает бюджет 1724 г., который имел место незадолго до смерти царя, когда тяглое население было обложено подушной податью. Данный бюджет, в котором нашли отражение налоговая система великого реформатора и стоимость его реформ, представлял собой следующую картину. Доходная часть равнялась 8 654 727 тогдашних рублей; расходная часть составляла 5 796 493 руб. того времени. Причем это расходы главным образом на войско и флот, которые доходят до 67% и поднимаются до 75.5%. В.О. Ключевский писал: «Войско стало обходиться стране гораздо дороже, чем оно стоило 44 года назад, когда на него шло меньше половины тогдашнего дохода»³³. Если бюджетный доход 1724 г. втрое превосходил доход дефицитного 1710 г., то такой успех объяснялся подушной податью, которая заменила подворную подать и увеличила наполняемость казны. Ключевский, описывая бюджет 1724 г., с мрачной улыбкой заключает: «Петр к концу царствования был в 3,5 раза богаче своего старшего брата Федора Алексеевича»³⁴. Подушная подать, будучи прямым налогом, перегнала по наполнению казны косвенные налоги, которые в XVII в. имели решительный перевес.

Ключевский охарактеризовал бюджет 1724 г. исключительно с количественной стороны. Самодержавный правитель сам определял, каким должны быть у бюджета доходная и расходная части, самостоятельно оценивал платежеспособность населения и тяжесть налогового бремени, которую могут нести тягловые сословия согласно положению, высказанному в регламенте Камер-коллегии: «никакого государства в свете нет, которое бы наложенную тяжесть снести не могло, ежели, правда, равенство и по достоинству в податях и расходах осмотрено будет»³⁵. Иными словами, народ способен вынести любое налоговое бремя, если оно, по мнению царя, справедливо и возложено на сословия, которые его могут нести.

Разумеется, бюджету Петра I с точки зрения качественной характеристики далеко до принимаемого в XVIII в. английского бюджета, имевшего строгую законодательную основу, одобрение

представительным органом доходной и расходной частей, плановую основу. Но идея планирования системы государственных доходов и расходов, их правового упорядочения начнет осуществляться Петром I. В 1722 г. Камер-коллегия составила роспись доходов и расходов. Затем последовали другие росписи, нацеленные на ожидаемое время. Иными словами, идея бюджета-плана, воспринятая русским самодержцем, медленно будет совершенствоваться в течение XVIII столетия, найдет освещение в работе выдающегося русского государственного деятеля М.М. Сперанского «План финансов» в первой четверти XIX в.

Характеризуя бюджет-план в его эмбриональном состоянии в царствование Петра I, заметим, что его использование принципиально исключало гласность, причем такой подход распространялся на все финансовое хозяйство. Люберас, по чертежу которого учреждались петровские коллегии, о Камер-коллегии, составлявшей роспись доходов и расходов, писал: «Чтобы тайна их (финансов), как главного нерва государства, оставалась скрытой от всех иностранцев, следует допускать к финансам только действительных тайных советников»³⁶. Росписи доходов и расходов, составлявшиеся после Петра I, оставались секретными вплоть до середины XIX в. Принципы планирования и гласности были положены в основу бюджетной деятельности в процессе проведения бюджетной реформы в 1862 г.

При преемниках Петра I «росписи» не всегда составлялись. Только в правление Екатерины II в 1769 г. составляется окладная книга для всего государства, в которой учитываются все доходы и расходы, особенно расходы, т.к. они предусматривали жалованье чиновников.

Финансовый контроль. Вполне можно полагать, что Петр I, посещая еще подростком Немецкую слободу в Москве и слушая часто неприглядные оценки иностранцев о работавших в приказной системе чиновниках, их казнокрадстве, коррупции, пришел к выводу, что без контрольного органа ему трудно будет управлять государством. Зафиксируем как факт: преобразования Петра I в сфере государственного управления начинаются с учреждения в 1699 г. Ближней канцелярии, являвшейся частью Боярской думы, осуществлявшей контроль за финансовой деятельностью каждого приказа и обязанной докладывать регулярно царю о поступавших в казну доходах и сделанных расходах³⁷.

³³ Ключевский В.О. Соч. Т. 4. С. 69.

³⁴ Там же.

³⁵ Там же.

³⁶ Цит. по: Кузовков Д. Бюджет государственный // БСЭ. Т. 8. М., 1927. С. 387.

³⁷ См.: Коняев А.И. Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959. С. 30–35.

В Ближнюю канцелярию собирались главы приказов и составляли «консилию министров», являвшуюся прямым предшественником Сената. В Канцелярию ежемесячно поступали финансовые отчеты приказов, затем губерний, на основании которых составляли годовые балансовые ведомости доходов и расходов.

Ближняя канцелярия была упразднена в 1711 г. с учреждением Правительствующего Сената, которому были переданы финансово-контрольные функции. Задача Сената заключалась в том, чтобы «смотреть во всем государстве расходы, и ненужные, а особливо напрасные оставлять». Сенат — орган высшего управления, ему были подчинены все приказы, в т. ч. выполнявшие исключительно финансовые функции. После замены в 1718 г. приказов как органов исполнительной власти коллегиями и образования в их числе Ревизион-коллегии как финансово-контрольного органа Петр I подчиняет новые органы Сенату. В 1722 г. Ревизион-коллегия преобразуется в Ревизион-контору при Сенате³⁸ как финансово-контрольная структура.

Ревизион-контора обязана была собирать отчеты от всех подконтрольных ей учреждений и о всех обнаруженных злоупотреблениях в области финансов доносить Сенату. Ревизион-контора обязана была иметь ведомость о всех государственных доходах и расходах³⁹. По докладу Ревизион-конторы Сенат обязал все коллегии с 1723 г. вести денежную и материальную отчетность по тем формам, которые указаны в Регламенте адмиралтейском. Этим было положено начало созданию органов ведомственного финансового контроля. Внедрению финансового контроля в армии и флоте Петр I придавал большое значение, т. к. военные расходы составляли почти две трети всех государственных расходов.

Вообще для XVIII столетия, особенно для первой четверти, в области финансового контроля характерно культивирование порядка отчетности, требовавшего большого количества официальных бумаг. Чтобы вести такую отчетность, руководителей принуждали к этому, наказывая штрафами и угрожая «ссылкой на вечную каторгу». Каждое учреждение ежегодно представляло отчетность на проверку в Ревизион-контору при Сенате.

В мае 1733 г. утверждается регламент Ревизион-коллегии, на которую возлагалась обязанность ежегодно составлять сводную ведомость («генеральную табель»), где указывался размер всех государственных доходов и расходов⁴⁰.

Фискалы — особый вид финансового контроля в правление Петра I. Самая важная функция Сената состояла в надзоре за всем управлением, но прежде всего за финансовым управлением. Одним из актов Сената, по которому финансовый контроль охватывал всю страну и всех лиц без разбора, являлся Указ от 5 марта 1711 г.⁴¹ В нем Сенату предписывалось создать корпус фискалов во главе с обер-фискалом, которые, будучи своего рода сыщиками, обязаны были тайно наблюдать за всеми, кто покушается на казну государеву, доносить на них и привлекать их к ответственности перед Сенатом. В.О. Ключевский правильно отмечал: «Фискальство было по закону вспомогательным орудием Сената; но сенаторы обращались с фискалами презрительно и грубо, потому что они доносили царю и на Сенат»⁴².

Система фискалов сетью охватывала всю страну. В каждом городе государства должно было быть по одному-два фискала. Особой слежке подлежали те, кто был близок к «государственной казне». Не забудем обратить внимание на такую деталь: если обвинение фискал не доказал, ему это в вину не ставилось.

В последний год жизни Петра I особенно волновала информация о казнокрадстве на всех этапах власти, он внимательно следил за следственными делами, назначив для этого особую комиссию. Рассказывали, что обер-фискал Мякинин, докладывавший эти дела, однажды спросил царя: «Обрубать ли только сучья или положить топор на самые корни? — Руби все дотла», — отвечал Петр, так что, добавляет живший тогда в Петербурге иностранец Фоккеродт, если бы царь прожил еще несколько месяцев, мир бы услышал о многих казнях⁴³.

Эпилог. Подводя итоги финансово-правового анализа эпохи Петра I, хотелось бы напомнить общую оценку, которая была дана этому человеку историком С.М. Соловьевым: «Никогда ни один народ не совершал такого подвига, какой был совершен русским народом в первую четверть XVIII века. На исторической сцене явился народ малоизвестный, бедный, слабый, не принимавший участия в общей европейской жизни, невероятными усилиями, страшными жертвами он дал законность своим требованиям, явился народом могущественным, но без завоевательных стремлений, успокоившийся, как только приобретено было необходимое для его внутренней жизни»⁴⁴.

На основе этой содержательной и многоаспектной оценки сделаем ряд конкретных выводов и ответим на

³⁸ См.: ПСЗРИ. 1722. Т. 6. № 3877.

³⁹ См.: ПСЗРИ. 1723. Т. 6. № 4127.

⁴⁰ См.: ПСЗРИ. 1733. Т. 8. № 6391.

⁴¹ См.: ПСЗРИ. 1711. Т. 4. № 2330.

⁴² Ключевский В.О. Соч. Т. 4. С. 107.

⁴³ См.: там же. С. 198.

⁴⁴ Соловьев С.М. Указ. соч. Кн. 9. Т. 17. М., 1963. С. 549.

вопрос: каких успехов — больших и малых — достиг великий реформатор? Назовём некоторые из них.

1. Возвращение и присоединение к России северо-западных земель, в т.ч. восточного берега Балтийского моря, где был построен военный флот, возникли торговые гавани и выросла еще одна столица — Санкт-Петербург.

2. Окончательное возвращение в лоно России юго-западных русских земель с центром в Киеве, пришедших в запустение после монголо-татарского ига и пребывавших в течение трех столетий в составе Польши, Литвы и Турции. Один из глубоких русских умов второй половины XIX в. Ю.Ф. Самарин писал по этому поводу: «Чтобы не говорили, а Московское государство спасло материальное существование простого народа в Украине, оно положило конец притязаниям Польши, спасло православию и вывело ненавистную Унию. Всего этого Украина для себя не могла сделать»⁴⁵.

3. Проведение фундаментальной финансовой реформы. Петр I признавался, что для него из всех правительственных проблем наиболее трудной и интересной помимо военного дела являлась финансовая в процессе ее решения. Финансовая политика Петра I включала в себя широкий спектр финансовых отраслей: налоговую, бюджетную, финансово-контрольную, эмиссионную (денежную). Царь любил порядок в сфере финансовой деятельности, непременно связывая его с правом. Каждое финансовое деяние, решался ли вопрос об организации нового финансового органа власти или о введении нового налога, имело основанием закон. При Петре I наблюдается подъем законодательства, он понимает значение и силу в любой сфере общественной жизни.

4. Петр I не только издает законы, он идет дальше. Открываются школы для обучения дворянства и чиновничества праву. Незадолго до его смерти учреждается Академия наук, одним из трех отделов которой является юридический, что можно было рассматривать как стартовую площадку для развития юридической науки, в т.ч. науки финансового права.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Алексеев М.* Подушная подать в России. Харьков, 1870. С. 17.
2. *Андреевский И.Е.* О наместниках, воеводах и губернаторах. СПб., 1864.
3. *Безобразов В.П.* О некоторых явлениях денежного обращения в России. М., 1963. С. 28.

⁴⁵ Самарин Ю.Ф. Литература и история. Т. 1. СПб., 2013. С. 412.

4. История СССР. Т. 3. М., 1967. С. 204, 205, 215, 240, 241.
5. *Ключевский В.О.* Курс русской истории. Т. 4. М., 1937. С. 64.
6. *Ключевский В.О.* Соч. Т. 4. М., 1958. С. 53, 54, 69, 107, 129, 130, 134, 148, 149, 194, 198, 356.
7. *Кованько П.Л.* Главнейшие реформы, проведенные Н.Х. Бунге в финансовой системе России. Киев, 1901. С. 19, 20.
8. *Коняев А.И.* Финансовый контроль в дореволюционной России. М., 1959. С. 30–35.
9. *Кузовков Д.* Бюджет государственный // БСЭ. Т. 8. М., 1927. С. 387.
10. *Ламанский Е.И.* Исторический очерк денежного обращения в России с 1650–1817 // В кн.: Сборник статистических сведений о России. Кн. 2. СПб., 1851. С. 71–80.
11. *Милюков П.Н.* Государственное хозяйство России в первой четверти XVIII столетия и реформа Петра Великого. СПб., 1905.
12. *Посошков И.Т.* Книга о скудости и богатстве и другие сочинения. М., 1951. С. 182, 183.
13. *Посошков И.Т.* Соч. Т. 1. М., 1842. С. 3.
14. *Самарин Ю.Ф.* Литература и история. Т. 1. СПб., 2013. С. 412.
15. Соборное уложение 1649 г. М., 1961.
16. *Соловьев С.М.* История России с древнейших времен. Кн. 9. Т. 17. М., 1963. С. 549; кн. 10. С. 477.
17. *Толстой Д.А.* История финансовых учреждений России со времени основания государства до кончины Императрицы Екатерины II. СПб., 1848.

REFERENCES

1. *Alekseyenko M.* Poll tax in Russia. Kharkiv, 1870. P. 17 (in Russ.).
2. *Andreevsky I.E.* About governors, voivodes and governors. SPb., 1864 (in Russ.).
3. *Bezobrazov V.P.* On some phenomena of monetary circulation in Russia. M., 1963. P. 28 (in Russ.).
4. History of the USSR. Vol. 3. M., 1967. P. 204, 205, 215, 240, 241 (in Russ.).
5. *Klyuchevsky V.O.* Course of Russian history. Vol. 4. M., 1937. P. 64 (in Russ.).
6. *Klyuchevsky V.O.* Essays. Vol. 4. M., 1958. P. 53, 54, 69, 107, 129, 130, 134, 148, 149, 194, 198, 356 (in Russ.).
7. *Kovanko P.L.* The main reforms carried out by N.H. Bunge in the financial system of Russia. Kiev, 1901. P. 19, 20 (in Russ.).

8. *Konyaev A.I.* Financial control in prerevolutionary Russia. M., 1959. P. 30–35 (in Russ.).
9. *Kuzovkov D.* State budget // BSE. Vol. 8. M., 1927. P. 387 (in Russ.).
10. *Lamansky E.I.* Historical sketch of monetary circulation in Russia from 1650–1817 // In the book: Collection of statistical data about Russia. Book 2. SPb., 1851. P. 71–80 (in Russ.).
11. *Milyukov P.N.* State economy of Russia in the first quarter of the XVIII century and the reform of Peter the Great. SPb., 1905 (in Russ.).
12. *Pososhkov I.T.* The book about poverty and wealth and other works. M., 1951. P. 182, 183 (in Russ.).
13. *Pososhkov I.T.* Essays. Vol. 1. M., 1842. P. 3 (in Russ.).
14. *Samarin Yu. F.* Literature and history. Vol. 1. SPb., 2013. P. 412 (in Russ.).
15. Cathedral Code of 1649. M., 1961 (in Russ.).
16. *Solovyov S.M.* History of Russia since ancient times. Book 9. Vol. 17. M., 1963. P. 549; book 10. P. 477 (in Russ.).
17. *Tolstoy D.A.* History of financial institutions in Russia from the time of the founding of the state to the death of the Empress Catherine II. SPb., 1848 (in Russ.).

Сведения об авторе

БЕЛЬСКИЙ Константин Степанович – доктор юридических наук, профессор, профессор Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

BELSKY Konstantin S. – Doctor of Law, Professor, Professor of the Russian state University of justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

УДК 34(091)

«ВО ИМЯ ОБЩЕГО БЛАГА – ЗА ПРАВОЕ ДЕЛО»: К 150-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ ЮРИСТА И ПЕДАГОГА НИКАНДРА МИРОЛЮБОВА

© 2020 г. Н. В. Хисамутдинова^{1, *}, А. А. Хисамутдинов^{2, **}

¹ Владивостокский государственный университет экономики и сервиса

² Дальневосточный федеральный университет, г. Владивосток;

Центральная научная библиотека Дальневосточного отделения Российской академии наук, г. Владивосток

*E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

**E-mail: khisamut@yahoo.com

Поступила в редакцию 04.03.2020 г.

Аннотация. В статье рассказывается о юристе, педагоге и общественном деятеле Никандре Ивановиче Миролюбове (1870, Казанская губ. – 1927, Харбин). Выпускник юридического факультета Казанского университета (1897), уже в первые годы самостоятельной деятельности он проявил себя и талантливым адвокатом, и многообещающим преподавателем, подтверждая эту репутацию на протяжении всей жизни. Важными вехами юридической карьеры Миролюбова было назначение на должность прокурора Казанской судебной палаты, участие в расследовании убийства семьи императора Николая II, избрание председателем Приамурского земского собора (Владивосток, 1920). Он был инициатором создания и председателем Общества русских эмигрантов в Харбине (с 1921 г.) и ряда других эмигрантских организаций. Талант Миролюбова как педагога наиболее ярко проявился в период работы на Юридическом факультете в Харбине (1920–1926), где он был деканом. Миролюбов внес вклад и в китаеведение, опубликовав ряд материалов на тему китайского права. Написанная с использованием материалов из архивов и библиотек США и Китая, статья посвящена столетию русского высшего образования в Китае.

Ключевые слова: Н.И. Миролюбов (1870–1927), Юридический факультет в Харбине, русские в Китае, Гражданская война на Дальнем Востоке, Приамурский земский собор, дальневосточная юриспруденция.

Цитирование: Хисамутдинова Н.В., Хисамутдинов А.А. «Во имя общего блага – за правое дело»: к 150-летию со дня рождения юриста и педагога Никандра Миролюбова // Государство и право. 2020. № 10. С. 121–128.

DOI: 10.31857/S102694520012238-2

“IN THE NAME OF THE COMMON GOOD – TO SERVE THE RIGHTFUL PURPOSE”: COMMEMORATING THE 150th BIRTHDAY OF LAWYER AND PROFESSOR NIKANDR MIROLIUBOV

© 2020 N. V. Khisamutdinova^{1, *}, A. A. Khisamutdinov^{2, **}

¹ Vladivostok state University of Economics and service

² Far Eastern Federal University, Vladivostok;

Central scientific library of the Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok

*E-mail: natalya.khisamutdinova@vvsu.ru

**E-mail: khisamut@yahoo.com

Received 04.03.2020

Abstract. The article describes the lawyer, teacher and public figure Nikandr I. Mirolyubov (1870, Kazan province – 1927, Harbin). A graduate of the faculty of law of Kazan University (1897), in the first years of independent activity, he proved to be both a talented lawyer and a promising teacher, confirming this reputation throughout his life. Important milestones of Mirolyubov's legal career were his appointment as Prosecutor of the Kazan court chamber, participation in the investigation of the murder of the family of Emperor Nicholas II, and election as Chairman of the Amur Zemsky Sobor (Vladivostok, 1920). He initiated the creation and Chairman Of the society of Russian emigrants in Harbin (since 1921) and a number of other emigrant organizations. Mirolyubov's talent as a teacher was most clearly manifested during his work at the faculty of law in Harbin (1920–1926), where he was the Dean. Mirolyubov also contributed to Chinese studies, publishing a number of materials on the topic of Chinese law. Written using materials from archives and libraries in the United States and China, the article is dedicated to the centenary of Russian higher education in China.

Key words: N.I. Mirolyubov (1870–1927), faculty of law in Harbin, Russians in China, Civil war in the Far East, Priamursky Zemsky Sobor, Far Eastern jurisprudence.

For citation: *Khislamutdinova, N.V., Khislamutdinov, A.A. (2020). "In the name of the common good – for a just cause": to the 150th anniversary of the birth of lawyer and teacher Nikandr Mirolyubov // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 121–128.*

Имя юриста Никандра Ивановича Миролюбова почти неизвестно в России. Его иногда вспоминают в связи с расследованием убийства семьи последнего российского императора Николая II, т.к. Миролюбов был надзирающим прокурором следственной группы, но подробностей этого мы не находим ни в известной книге следователя Н.А. Соколова (1882–1924, Сальбри, Франция)¹, ни в труде формального руководителя расследования генерала М.К. Дитерихса (1874–1937, Шанхай)². Хотя имя Миролюбова упоминается на некоторых справочных Интернет-сайтах, они сообщают лишь самые краткие биографические сведения³. То же касается и Википедии, где имеется только заготовка биографии юриста⁴. Более подробные факты о жизни Миролюбова находим в статье его правнучки Елены Никитинской⁵, но и в ней отражены далеко не все аспекты его многосторонней деятельности. В частности, отсутствуют факты о преподавательской и общественной работе Миролюбова на Дальнем Востоке. Вероятно, это связано с тем, что большинство материалов об этом человеке находится за рубежом. Так, личный архив Миролюбова хранится в архиве Гуверовского института революции, войны и мира (Пало Альто, США)⁶, а коллекции

русскоязычной прессы в Китае с публикациями о нем имеются в библиотеке Гавайского университета (Гонолулу, США). За возможность использовать эти материалы авторы благодарят архивиста Гуверовского института Ива Франкьена (Yves Franquien) и русского библиографа Гавайского университета Патрицию Полански (Patricia Polansky).

Никандр Иванович Миролюбов родился 17 октября 1870 г. в семье священника села Байтеряково Тетюшского уезда Казанской губернии. Семья была большой: шесть сыновей и пять дочерей. Сведений о дочерях не сохранилось, а все сыновья «любили учиться и профессии получили самые разные»⁷. Никандр Миролюбов окончил в Казани духовное училище и семинарию, а затем получил диплом кандидата богословия Казанской духовной академии. Юношу не прельщала карьера священника, поэтому в 1895 г., сразу же после академии, он поступил на третий курс юридического факультета Казанского университета. Через два года ему вручили диплом первой степени и оставили в университете для подготовки к профессорскому званию. Чтобы занять профессорскую должность, требовалось сдать магистерские экзамены и защитить диссертацию, которую Миролюбов решил посвятить вопросам реабилитации. В 1902 г. в двух номерах «Журнала Министерства юстиции», мартовском и апрельском, вышла его статья «Реабилитация, как специальный правовой институт»⁸. Чуть позже автор издал ее в виде монографии⁹.

Эта тема была весьма актуальна для России того времени. К началу XX в. в стране начали

¹ См.: Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.

² См.: Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале: материалы и мысли: в 2 ч. Владивосток, 1922; переизд.: Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2007.

³ См.: PeopleLifeRu: сайт. URL: <https://www.peoplife.ru/192173>; Чувашская энциклопедия: сайт. URL: <http://enc.cap.ru/?lnk=3378&t=prsn> (дата обращения: 12.02.2020).

⁴ См.: URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Миролюбов> (дата обращения: 23.01.2020).

⁵ См.: Никитинская Е. Судьба одного россиянина // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2015, сент. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/729> (дата обращения: 25.01.2020).

⁶ См.: Архив Гуверовского института революции, войны и мира (HILA). Коллекция Н.И. Миролюбова (Mirolyubov N.I.). 2 коробки.

⁷ Никитинская Е. Указ. соч.

⁸ Миролюбов Н.И. Реабилитация, как специальный правовой институт // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 3. С. 68–92; № 4. С. 101–141.

⁹ См.: Миролюбов Н.И. Реабилитация, как специальный правовой институт. Казань, 1902.

действовать новые нормативно-правовые акты, регулирующие вопросы гражданско-правовой ответственности в сфере правосудия. Если раньше при реабилитации не было и речи о возмещении ущерба человеку, необоснованно привлеченного к суду или осужденного, то в 1900 г. при пересмотре Судебных уставов 1864 г. специальная правительственная комиссия решила, что следует закрепить в законе положение о компенсации вреда, нанесенного судьями, сотрудниками полиции, гражданскими прокурорами и их товарищами. Соответствующий закон был принят 1 мая 1900 г. Хотя он гарантировал лишь частичную компенсацию, это был первый шаг к созданию правового института возмещения вреда лицам, подлежащим реабилитации за счет государства¹⁰. Разбирая в своей работе систему правосудия, существовавшую в России, Миролюбов сделал подробный исторический экскурс в проблему реабилитации. Он проанализировал, как институт реабилитации функционирует в западноевропейских государствах, сравнивая ситуацию с Россией. Это делало его исследование, одно из первых в России на эту тему, полезным для практикующих юристов.

В 1903 г. Миролюбов выдержал магистерские экзамены, после чего читал лекции на кафедре уголовного права Казанского университета в должности приват-доцента. Одновременно он занимался адвокатской практикой. Самым громким для него стало дело 1904 г. о хищении из Богородицкого монастыря чудотворной Казанской иконы Божией матери¹¹. За участие в этом судебном процессе Миролюбов получил награду от Николая II и признание коллег. После Февральской революции (1917) по настоянию местной адвокатуры он принял на себя обязанности прокурора Казанской судебной палаты.

В течение года после Октябрьской революции Казанский университет работал в прежнем режиме, в 1918 г. Миролюбов был избран доцентом. Оставаясь он и прокурором Казанской судебной палаты. Эти должности он сохранил и после того, как в сентябре 1918 г., в ходе эвакуации Казани, вместе с другими профессорами Казанского университета выехал в Омск вслед за отступавшими частями Белой армии. Там его талант юриста проявился при расследовании обстоятельств убийства царской семьи: Миролюбова назначили надзирающим прокурором. «Имею честь представить Вам, Господин Министр, следующие данные, добытые предварительным следствием по

делу об убийстве б[ывшего] императора Николая II и его семьи...», — так начиналось донесение Миролюбова министру юстиции в правительстве адмирала А.В. Колчака¹². Он продолжал контролировать ход расследования и при новой следственной группе, назначенной Колчаком в начале февраля 1919 г. Именно Миролюбову поспешил сообщить Н.А. Соколов (Чита, 20 декабря 1919 г.) о новом повороте в следственном деле: «19 декабря поздним вечером господин генерал-лейтенант М.К. Дитерихс изъясил от меня все подлинное следственное производство по делу об убийстве отрекшегося от Престола Российского Государства ГОСУДАРЯ ИМПЕРАТОРА Николая Александровича и ЕГО СЕМЬИ со всеми по сему делу вещественными доказательствами и фотографическими изображениями» (выделено в тексте)¹³.

О местонахождении в эти дни Миролюбова судить трудно. Период Гражданской войны называют «белым пятном» в биографиях казанских профессоров, и не случайно. Миграционный вектор в эти годы часто был обусловлен не столько планами и желаниями человека, сколько обстоятельствами, а кадровая документация не отличалась точностью. Из-за этого сведения разных источников оказываются противоречивыми. «О ряде работавших в Сибири и затем вернувшихся в Казань профессоров, — читаем в статье, — в том числе о Н.И. Миролюбове, ни их перемещение в Сибирь, ни их возвращение не отмечены вовсе, как будто перерыва в их работе не было»¹⁴. По другим сведениям, в 1918 г. Миролюбов получал приглашение от Иркутского университета на должность экстраординарного профессора, но подтверждение того, что он им воспользовался, не обнаружено.

В начале 1920 г. Миролюбов уже находился в Харбине, где с новым исходом беженцев, вызванным падением правительства Колчака, появилось много русских. Поначалу он занялся журналистикой и адвокатской практикой, но уже осенью стал профессором Высших экономико-юридических курсов. Они открылись 1 марта 1920 г. благодаря усилиям Комитета по учреждению и заведению высшим учебным заведением в Харбине. В основу академической деятельности Курсов был положен Общий устав российских университетов 1884 г. и программа их юридических факультетов

¹² См.: ГАРФ. Ф. 601. Д. 26. Л. 12–18 (Рапорт Н.И. Миролюбова министру юстиции С.С. Старынкевичу от 12.12.1918 г.).

¹³ См.: Архив Гуверовского института революции, войны и мира (НИЛА). Коллекция Н.И. Миролюбова.

¹⁴ Агеева Л. Осень 1918 г. — «белое пятно» в биографиях казанских профессоров [Электронный ресурс]. Казанские истории: культурно-просветительная газ. URL: <http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/retrospektiva/17348-osen-1918-goda-beloe-pyatno-v-biografiyakh-kazanskikh-professorov> (дата обращения: 13.02.2020).

¹⁰ См.: Пакулина Н.Ф. Основания возникновения права на реабилитацию в России // Евразийский науч. журнал. URL: <http://journalpro.ru/articles/osnovaniya-vozniknoveniya-prava-na-reabilitatsiyu-v-rossii/> (дата обращения: 13.02.2020).

¹¹ См.: Тельберг Г.Г. О похищении Казанской Чудотворной иконы Божией Матери. Тайна, которую унес с собой в могилу святотатец Чайкин: доклад профессора Г.Г. Тельберга в Циндао // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 7. С. 36–51.

с некоторым усилением дисциплин по экономике и регионоведению. Миролюбов был приглашен первым деканом Курсов известным юристом Н.В. Устряловым для чтения лекций по уголовному праву, уголовному процессу и церковному праву. Включили его и в члены Испытательной комиссии. В конце 1920 г. Миролюбова избрали деканом Высших экономико-юридических курсов после того, как Устрялов, уйдя в политику, покинул эту должность. Одновременно Миролюбов был директором реального училища в Харбине (Модягоуская гимназия), позднее преобразованного в Пушкинскую гимназию, затем во 2-е реальное училище.

Поскольку большинство преподавателей Высших экономико-юридических курсов приехали в Харбин из Владивостока, они старались координировать свою деятельность с Государственным Дальневосточным университетом (ГДУ, открыт в 1920 г.), в 1922 г. получив от него официальную аккредитацию, что позволило изменить название на Юридический факультет. Журнал «Юридическое обозрение» писал: «В г. Харбине уже третий год (шестой семестр) существуют частные высшие юридические курсы. Они осуществляют программу юридического факультета российских университетов. Преподавателями состоят профессора и преподаватели, которые имеют преподавательский стаж в высших учебных заведениях»¹⁵.

Свидетельством авторитета юриста Миролюбова в эмигрантских кругах было приглашение стать председателем Приамурского земского собора во Владивостоке (1922, 10–28 июля по ст. стилю), целью которого провозглашалось создание дальневосточного плацдарма бывлой русской государственности для продолжения борьбы против большевизма. Делегаты на собор, всего 276 человек, избирались от всех сословий, общин и организаций за исключением февралистов, социалистов и коммунистов. Правителем Дальнего Востока собор избрал генерала М.К. Дитерихса, что Миролюбов оценил как «Божий перст, указующий пути деятельности не только отдельного человека, но и всего народа». «Та анархия, – говорил Миролюбов на соборе, обращаясь к Дитерихсу, – которая царит теперь там, вдали от нас, должна быть в корне уничтожена. Закон и порядок должны быть поставлены во главу угла, а не дикая революционная “совесть”. Мы надеемся, что Вы – именно тот вождь, который возглавит Русский народ, поставит его на правильный национальный путь и доведет его до того конца, когда Русский народ возглавит единый Державный Хозяин Земли Русской, который возвратит России ее великодержавное значение. Труден и многострадален будет Ваш

путь, но славен в конце. Да будет же над Вами благословение Божие...»¹⁶.

Приамурский земский край, последнее государственное образование Белой власти, существовал недолго, до 25 октября 1922 г., но на работе Юридического факультета в Харбине это почти не отразилось. Напротив, после окончания Гражданской войны его положение упрочилось благодаря новому притоку эмигрантов из России. Несмотря на то что контакты с ГДУ после установления в Приморье советской власти были разорваны, Юридический факультет сохранил свое название. Он продолжал пользоваться помощью со стороны Комитета по созданию высшего учебного заведения в Харбине, руководившего всеми хозяйственными делами, а также правления КВЖД, предоставившего факультету для бесплатного пользования здание Коммерческого училища и регулярно выделявшего до 6 тыс. зол. руб. в год. Помимо этого Юридический факультет ежегодно получал субсидию от Харбинского городского самоуправления. Поступали и пожертвования от частных лиц и предприятий: Торгового дома «И.Я. Чурин и К⁰», фирмы наследников Скидельского, Русско-Азиатского банка и др.

Этих денег не хватало на все нужды, но относительно стабильное положение дало возможность Миролюбову заботиться о пополнении библиотеки, выделять средства на зарубежные научные командировки профессором и улучшение материального положения служащих. Библиотеке, которая в первые годы насчитывала 540 томов, ежегодно выделялись 300–500 руб. на покупку современной литературы. Помимо установления твердых и довольно высоких ставок оплаты труда профессорско-преподавательского состава и служащих факультета был разработан вопрос о «послеслужебном обеспечении» сотрудников и пенсионной кассе.

В 1920–1923 гг. на факультете обучались 324 студента: русских – 267, евреев – 16, китайцев – 11, японцев – 6, лиц прочих национальностей – 24. Многие раньше учились в других учебных заведениях Российской Империи. Число студентов постоянно менялось, снижаясь порой до 160 человек. Среди них преобладали мужчины, женщин насчитывалось одновременно не больше трех. Около 40% студентов составляли служащие КВЖД, их дети или ближайшие родственники. Студенты имели свой выборный орган, старостат, представители которого участвовали с правом совещательного голоса в заседаниях факультета и Комитета правления. Все студенты платили за обучение 150 руб. в год¹⁷.

¹⁶ Архив Гуверовского института революции, войны и мира (HILA). Коллекция Н.И. Миролюбова.

¹⁷ См.: *Миролюбов Н.И.* Высшие юридические курсы в г. Харбине // *Юридическое обозрение.* Владивосток, 1922. № 8. С. 320, 321.

¹⁵ Высшие юридические курсы в г. Харбине // *Юридическое обозрение.* Владивосток, 1922. № 4. С. 155.

«В настоящее время, – отмечал Миролюбов, – Юридический факультет имеет уже все четыре курса, и на нем читаются следующие дисциплины и следующими лицами: общая теория права, государственное право и история философии права – профессором Н.В. Устряловым; история римского права и догма римского права – профессором Г.К. Гинсом; история русского права и новейшая гражданская история – профессором Н.И. Никифоровым; политическая экономия – профессором Н.И. Кохановским и доцентом М.В. Абросимовым; статистика – преподавателем В.И. Суриным; гражданское право и гражданское судопроизводство – профессором В.А. Рязановским; уголовное право и уголовное судопроизводство – профессором Н.И. Миролюбовым; административное право – профессором В.В. Энгельфельдом; финансовое право – профессором Н.И. Кохановским; торговое право – профессором Г.К. Гинсом; международное право – профессором В.В. Энгельфельдом; церковное право – профессором Н.И. Миролюбовым; экономическая деятельность народов в районе Тихого океана – приват-доцентом К.К. Куртеевым; судебная медицина – приват-доцентом доктором медицины С.И. Петиним; практические занятия по римскому обязательному праву – преподавателем М.Э. Гильчером; латинский язык – профессором Н.Д. Мироновым; английский язык – мистером Уйттик; богословие – протоиереем Н. Вознесенским. Кроме того, факультет постановил: с следующего семестра ввести обязательное чтение лекций по следующим предметам китайского права: 1) государственному и административному праву; 2) гражданскому праву и процессу; 3) уголовному праву и процессу; 4) торговому праву»¹⁸.

Лица, получившие зачет за восемь семестров и выпускные свидетельства, сдавали выпускные экзамены Юридической испытательной комиссии под председательством проф. В.А. Рязановского, утвержденной ГДУ. В ее состав входили Н.И. Миролюбов, Г.К. Гинс, Н.В. Устрялов, Н.И. Никифоров (секретарь). Первая экзаменационная сессия прошла с 26 апреля по 7 июня 1923 г. На экзамен записались шесть человек, но испытание смог выдержать только один, получивший диплом первой степени. Осенняя сессия (19 октября – начало декабря 1923 г.) показала гораздо лучшие результаты: из шести студентов сдали экзамены пятеро. День первого официального выпуска юристов 25 января 1924 г. стал знаменательным не только для Юридического факультета, но и всего Харбина. Среди первых выпускников выделялся бывший фронтовик Н.Е. Эсперов. В 1914 г., окончив Казанскую гимназию, он поступил в Казанский

университет, но учебу пришлось прервать из-за призыва на действительную службу. В 1917 г. он вернулся в университет, успев окончить (16 ноября 1916 г.) Иркутскую студенческую школу прапорщиков, но тут началась Гражданская война, после которой он и оказался в Харбине.

Эсперова оставили преподавать на Юридическом факультете и в 1926 г. командировали за границу, где он сдал магистерские экзамены перед Русской академической группой в Париже. Вернувшись в Харбин, он стал приват-доцентом, а затем профессором (с января 1934 г.) по кафедре истории русского права, опубликовав более 40 работ. Эсперов также преподавал русский язык китайским студентам. Был он и сотрудником управления Южно-Маньчжурской железной дороги «Мантецу» в Дайрене и Харбине. Эсперова арестовали 10 сентября 1945 г. 5 ноября Военный трибунал 6-й армии обвинил его в антисоветской агитации среди эмигрантов и приговорил к 10 годам лишения свободы с конфискацией имущества. Сведения о его дальнейшей судьбе ограничиваются датой реабилитации – 21 августа 2002 г.

Диплом юриста в тот день вручили и Е.Я. Щировской. Гражданская война помешала ей окончить физико-математический факультет Томского университета, и высшее образование она получила в Чите, где до эмиграции служила в городской управе. После окончания Юридического факультета преподавала математику и естествознание в частной гимназии в Харбине. Она писала прозу, выпустив роман «Перед войной», была членом Общества писателей и журналистов в Харбине. В 20-е годы переехала в Париж, где готовила диссертацию по теме «О влиянии путей сообщения на народное хозяйство». Е.Я. Щировская была секретарем-переписчиком Русской академической группы, сотрудником Русского высшего технического института, членом Русской секции Международной федерации университетских женщин (в составе правления). Выступала с докладами по экономическим и сельскохозяйственным вопросам (1929–1936), написала работу о тарифной политике (осталась в рукописи), составила и выпустила под псевдонимом «Элли Шайр» пособие «Английская грамматика» (1928).

Факультет закончил и ее брат, М.Я. Щировский. Выпускник Иркутского военного училища, он участвовал в Первой мировой и Гражданской войнах. Получив диплом юриста, в 1925 г. уехал в Шанхай, где оформлял книги и заведовал художественной студией «Millington Ltd» (с 1929 г.). Оформительскую деятельность М.Я. Щировский продолжил и на Урале, где жил после репатриации.

В 1924 г. Н.И. Миролюбов покинул должность декана из-за ухудшения здоровья. Как отмечал историк Юридического факультета

¹⁸ *Миролюбов Н.И.* Юридический факультет в гор. Харбине // Высшая школа в Харбине. № 2. Известия и труды Русско-китайского политехнического института. Вып. 1 (1922–1923). Харбин, 1923. С. XXXVII–XL.

Н.П. Автономов, к этому времени в учебном заведении произошли большие изменения. В период руководства Миролюбовым было «организовано экономическое отделение с тремя подотделами: восточно-экономическим, коммерческим и железнодорожным; организованы Подготовительные курсы для китайских молодых людей, которые по окончании классов могли переходить на Факультет и слушать лекции русских профессоров на русском языке. Значительно разрослась профессорская и преподавательская корпорация — только на Русском факультете, без личного преподавательского состава Подготовительных классов, число академических работников доходило до 54. Значительно увеличивается число студентов. Ко времени окончания этого периода студентов вместе со слушателями Подготовительных классов было свыше тысячи»¹⁹. Программа факультета значительно расширилась: в ней еще больше проявился региональный аспект с усилением внимания на китайскую юриспруденцию и изучение восточных языков. Преподавание некоторых дисциплин велось на китайском языке. Были введены и новые курсы, имевшие практическое значение для будущих юристов — сотрудников КВЖД: железнодорожные тарифы и др. Даже при крайне отрицательном отношении к СССР Миролюбов и другие профессора сочли необходимым ввести изучение советского права и экономической географии СССР.

Оставив должность декана, Миролюбов продолжал преподавать и неформально руководить Юридическом факультетом, для которого период 1925–1927 гг. стал временем финансовой стабильности и роста. В 1925 г. начали выходить «Известия Юридического факультета в г. Харбине», и Миролюбов, обращая большое внимание на развитие научно-исследовательской работы, помогал публиковать через журнал учебные пособия и научные труды профессоров. Продолжились и научные командировки профессоров за рубеж (в 1925 г. В.В. Энгельфельд защитил в Париже магистерскую диссертацию), а Миролюбов смог завершить исследования китайской юриспруденции, начатые ранее. Нельзя узнать страну, если не знаешь ее законов, говорил он студентам, призывая глубже вникать в особенности китайского права и правовой культуры китайцев. Русские юристы давно заметили, что для китайских юридических текстов, даже нормативных правовых актов, характерна нечеткость формулировок. Это мешало трактовать их точно и единообразно, что было на руку китайцам, которые могли истолковывать положения законодательных актов в зависимости от обстоятельств.

¹⁹ Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине (Ист. очерк), 1920–1937 // Право и культура: сб. в ознаменование во-семнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 23.

В 1925 г. в «Известиях Юридического факультета» Миролюбов издал «Очерки государственного права Китая», «Новое уголовное уложение Китайской республики», «Китайский кодекс полицейских правонарушений» и др.

Занимался юрист и общественной работой. С мая 1921 г. он был председателем правления Объединения несоциалистических организаций Харбина, а в 1925 г. выступил инициатором создания Общества русских эмигрантов, где также был избран председателем. Как эксперту по религиозному праву Миролюбову довелось заниматься юридическим оформлением Харбинской епархии. В 1923 г., опираясь на решения Заграничного архиерейского синода, глава епархии архиепископ Мефодий решил провести коренную реорганизацию. «Этот конфликт, — отмечал Н.И. Миролюбов, — повлек за собой печальные последствия: падение церковной дисциплины, усиление сектантства (адвентистов, баптистов и др.) и проч.»²⁰. К тому же осенью 1924 г. с приходом в администрацию КВЖД представителей Советской России положение православной церкви в Маньчжурии изменилось: она лишилась прежних пособий от железной дороги и выделенных помещений.

«Отличительной чертой этого человека, — писали современники, — было то, что он никогда не отказывал в помощи обращающемуся к нему, устраивал на службу и помогал не только советами, но и материально»²¹. Вместе с тем Миролюбов отличался прямоотой, всегда говорил то, что думал, не шел ни на какие компромиссы, непоколебимо отстаивая свое мнение. Особенно ярко он выражал свои взгляды во время политических выступлений или дебатов. Едкий, порой до грубости, он почти всегда заставлял оппонентов ретироваться. Совсем по-другому он относился к студентам. Ровно и даже с добротой он обращался со всеми, независимо от их политических убеждений, не делая разницы между «правыми» и левыми». Ответом было всеобщее уважение. Подтверждение тому — избрание Миролюбова почетным членом Русского студенческого общества. Приветственный адрес, который ежегодно Юридический факультет вручал проф. Н.И. Миролюбову к дню ангела (7 ноября по ст. стилю), подписывали сотни студентов.

Из-за болезни, туберкулеза легких, Миролюбову пришлось взять на год отпуск, во время которого он и скончался 25 февраля 1927 г. «Острой болью, — писала студентка М.Л. Шапиро, — отзовется эта смерть в сердцах всех его бывших учеников. Умер

²⁰ Архив Губерновского института революции, войны и мира (НИЛА). Коллекция Н.И. Миролюбова.

²¹ Н.И. Миролюбов: Некролог // Русское слово. Харбин, 1927. 26 февр.

честный патриот, верный сын России, которую он любил со всем пылом своей вечно молодой души. Умер ученый, столь необходимый в будущем своей родине»²². В другом некрологе отмечалось: «Успокоилось навсегда это горячее, порой бунтующее, но безгранично доброе сердце редкого семьянина, безупречного гражданина и совершенно исключительного общественника. Он не признавал даже опасного состояния своего здоровья. “Поскорей бы разделиться с этой дрянью, чтоб снова за работу”, – эти слова не раз слышали друзья Миролюбова из его уст, с трудом ловивших уже становившийся мало доступным его легким воздух. За работу! Вот почти и весь боевой лозунг на его знамени, не выпускавшемся из рук во всей жизни. “Во имя общего блага – за правое дело” – значилось на другой стороне этого стяга. Да, его любили, кто как отца, кто как брата – но любили несомненно, как любят самых близких, кристальной чистоты людей»²³.

После смерти Н.И. Миролюбова его именем называли подготовительную школу, основанную Русским студенческим обществом (позднее – школа им. А.С. Пушкина). Благоприятный период деятельности Юридического факультета закончился к концу 20-х годов, когда он стал испытывать давление со стороны китайских властей, пока в марте 1929 г. не перешел полностью под китайское управление с назначенным китайским ректором, превратившись из частного учебного заведения в государственное. Русской высшей школе в Китае наступал конец.

* * *

В 2020 г. 150-летие со дня рождения Н.И. Миролюбова совпадает со столетием со дня открытия Русского юридического факультета в Харбине. Гражданская война и условия беженской жизни вдали от родины не позволили ему и другим профессорам полностью раскрыть свой потенциал, тем не менее сегодня анализ их деятельности за пределами России представляется весьма актуальным. При большом внимании современной высшей школы к интернационализации нам важен опыт русских эмигрантов по организации в Китае юридического образования, рассчитанного как на русскую, так и китайскую молодежь. В то же время глобализация и активное перемещение людей по миру делают актуальным мультидисциплинарность юридических образовательных программ (региональная проблематика, экономическая составляющая, изучение языков и т.д.). Юридический факультет в Харбине дает нам хороший пример такого подхода к образованию.

²² Ш. Мария [Шапиро М.]. Памяти учителя // Русское слово. Харбин, 1927. 1 марта.

²³ Далекий друг. Свежая могила // Заря. Харбин, 1927. 27 февр.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Автономов Н.П. Юридический факультет в Харбине (Ист. очерк), 1920–1937 // Право и культура: сб. в ознаменование восемнадцатилетнего существования Юрид. фак. в г. Харбине. Харбин, 1938. С. 23.
2. Агеева Л. Осень 1918 г. – «белое пятно» в биографиях казанских профессоров [Электронный ресурс]. Казанские истории: культурно-просветительная газ. URL: <http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/retrospektiva/17348-osen-1918-goda-beloe-pyatno-v-biografiyakh-kazanskikh-professoren> (дата обращения: 13.02.2020).
3. Архив Гуверовского института революции, войны и мира (HILA). Коллекция Н.И. Миролюбова (Miroliubov N.I.). 2 коробки.
4. Высшие юридические курсы в г. Харбине // Юридическое обозрение. Владивосток, 1922. № 4. С. 155.
5. Далекий друг. Свежая могила // Заря. Харбин, 1927. 27 февр.
6. Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале: материалы и мысли: в 2 ч. Владивосток, 1922; переизд.: Дитерихс М.К. Убийство царской семьи и членов Дома Романовых на Урале. М., 2007.
7. Миролюбов Н.И. Высшие юридические курсы в г. Харбине // Юридическое обозрение. Владивосток, 1922. № 8. С. 320, 321.
8. Миролюбов Н.И. Реабилитация, как специальный правовой институт // Журнал Министерства юстиции. 1902. № 3. С. 68–92; № 4. С. 101–141.
9. Миролюбов Н.И. Реабилитация, как специальный правовой институт. Казань, 1902.
10. Миролюбов Н.И. Юридический факультет в гор. Харбине // Высшая школа в Харбине. № 2. Известия и труды Русско-китайского политехнического института. Вып. 1 (1922–1923). Харбин, 1923. С. XXXVII–XL.
11. Н.И. Миролюбов: Некролог // Русское слово. Харбин, 1927. 26 февр.
12. Никитинская Е. Судьба одного россиянина // Сибирский форум. Интеллектуальный диалог. 2015, сент. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/729> (дата обращения: 25.01.2020).
13. Пакулина Н.Ф. Основания возникновения права на реабилитацию в России // Евразийский науч. журнал. URL: <http://journalpro.ru/articles/osnovaniya-vozniknoveniya-prava-na-reabilitatsiyu-v-rossii/> (дата обращения: 13.02.2020).
14. Соколов Н.А. Убийство царской семьи. Берлин, 1925.
15. Тельберг Г.Г. О похищении Казанской Чудотворной иконы Божией Матери. Тайна, которую унес с собой в могилу святотатец Чайкин: доклад про-

фессора Г.Г. Тельберга в Циндао // Хлеб Небесный. Харбин, 1940. № 7. С. 36–51.

16. *Ш. Мария [Шапиро М.]*. Памяти учителя // Русское слово. Харбин, 1927. 1 марта.

REFERENCES

1. *Avtonomov N.P.* Faculty of law in Harbin (Hist. essay), 1920–1937 // Law and culture: col. in commemoration of the eighteen-year existence of the Legal faculty in Harbin. Harbin, 1938. P. 23 (in Russ.).
2. *Ageeva L.* Autumn 1918 – “white spot” in biographies of Kazan professors [Electronic resource]. Kazan stories: cultural and educational newspaper. URL: <http://history-kazan.ru/kazan-vchera-segodnya-zavtra/retrospektiva/17348-osen-1918-goda-beloe-pyatno-v-biografiyakh-kazanskikh-professorov> (accessed: 13.02.2020) (in Russ.).
3. The archives of the Hoover institution of revolution, war and peace (HILA). Collection of N.I. Miroljubov. 2 boxes (in Russ.).
4. Higher legal courses in Harbin // Legal review. Vladivostok, 1922. No. 4. P. 155 (in Russ.).
5. Distant friend. Fresh grave // Dawn. Harbin, 1927. February 27 (in Russ.).
6. *Dieterichs M.K.* Murder of the Royal family and members of the House of Romanov in the Urals: materials and thoughts: in 2 parts. Vladivostok, 1922; reprint: *Dieterichs M.K.* Murder of the Royal family and members of the House of Romanov in the Urals. M., 2007 (in Russ.).
7. *Miroljubov N.I.* Higher legal courses in Harbin // Legal review. Vladivostok, 1922. No. 8. P. 320, 321 (in Russ.).
8. *Miroljubov N.I.* Rehabilitation as a special legal Institute // Journal of the Ministry of justice. 1902. No. 3. P. 68–92; No. 4. P. 101–141 (in Russ.).
9. *Miroljubov N.I.* Rehabilitation as a special legal institution. Kazan, 1902 (in Russ.).
10. *Miroljubov N.I.* Faculty of law in city Harbin // High school in Harbin. № 2. Proceedings of the Russian-Chinese Polytechnic Institute. Issue 1 (1922–1923). Harbin, 1923. P. XXXVII–XL (in Russ.).
11. N.I. Miroljubov: Obituary // Russian word. Harbin, 1927. February 26 (in Russ.).
12. *Nikitinskaya E.* The fate of one Russian // Siberian forum. Intelligent dialog. 2015, Sept. URL: <http://sibforum.sfu-kras.ru/node/729> (accessed: 25.01.2020) (in Russ.).
13. *Pakulina N.F.* Grounds for the right to rehabilitation in Russia // Eurasian scientific journal. URL: <http://journalpro.ru/articles/osnovaniya-vozniknoveniya-prava-na-reabilitatsiyu-v-rossii/> (accessed: 13.02.2020) (in Russ.).
14. *Sokolov N.A.* Murder of the Royal family. Berlin, 1925 (in Russ.).
15. *Telberg G.G.* About the abduction of the Kazan Miraculous icon of the Mother of God. The secret that the sacrilegious Chaikin took to his grave: report of Professor G.G. Telberg in Tsingtao // Bread of heaven. Harbin, 1940. No. 7. P. 36–51 (in Russ.).
16. *Sh. Maria [Шапиро М.]*. In memory of the teacher // Russian word. Harbin, 1927. March 1 (in Russ.).

Сведения об авторах

ХИСАМУТДИНОВА Наталья Владимировна – доктор исторических наук, профессор Владивостокского государственного университета экономики и сервиса; 690014 г. Владивосток, ул. Гоголя, д. 41

ХИСАМУТДИНОВ Амир Александрович – доктор исторических наук, профессор Дальневосточного федерального университета; 690091 г. Владивосток, ул. Суханова, д. 8; заведующий отделом научно-исследовательской работы Центральной научной библиотеки Дальневосточного отделения Российской академии наук; 690022 г. Владивосток, пр-т 100 лет Владивостоку, д. 159

Authors' information

KHISAMUTDINOVA Natalya V. – Doctor of history, Professor, Institute of Foreign Languages, Vladivostok University of Economics and Services: 41 Gogol str., 690014 Vladivostok, Russia

KHISAMUTDINOV Amir A. – Doctor of history, Professor, Far Eastern Federal University; 8 Sukhanova str., 690014 Vladivostok, Russia; head of Research Department, Central academic library, Far Eastern branch of the Russian Academy of Sciences: 159 100 let Vladivostok str., 690022 Vladivostok, Russia

УДК 340
ББК 67.71(5)

СУДОПРОИЗВОДСТВО В БУХАРСКОМ ЭМИРАТЕ

© 2020 г. А.А. Мухитдинов

Таджикский государственный университет права, бизнеса и политики, г. Худжанд, Республика Таджикистан

E-mail: muhiddinov123@mail.ru

Поступила в редакцию 18.11.2019 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы судоустройства Бухарского эмирата, общие требования, предъявляемые к лицам, претендующим на должность судьи (кази), порядок производства по уголовным делам в судах. Предусматривается подсудность уголовных дел местных (бекских) казиев и судей казийского корпуса. Особо обращено внимание на процессуальное положение свидетеля как одного из основных участников уголовного судопроизводства Бухарского эмирата. Подробно также проанализированы система и процедура применения уголовных наказаний, описаны места лишения свободы (зиндан) и надзор за его осуществлением.

Ключевые слова: кази, эмир, Бухарский эмират, судебная система, фикх, зиндан, муфтий, аьлам, жалобы, заявления, кази-аскар, кази-калон, нормы шариата, истец, ответчик, клятва, свидетель.

Цитирование: Мухитдинов А.А. Судопроизводство в Бухарском эмирате // Государство и право. 2020. № 10. С. 129–135.

DOI: 10.31857/S102694520012310-2

LEGAL PROCEEDINGS IN THE EMIRATE OF BUKHARA

© 2020 A. A. Muhitdinov

Tajik state University of the law, business and policy, Republic of Tajikistan, Khujand

E-mail: muhiddinov123@mail.ru

Received 18.11.2019

Abstract. The article examines the issues of the judicial system of the Bukhara Emirate, the general requirements for claimants for the position of a judge (kazi), the procedure for the production of criminal cases in courts. Provision is made for the jurisdiction of criminal cases of local (Bek) kazis and judges of the Kazi Corps. Special attention is paid to the procedural position of the witness as one of the main participants in the criminal proceedings of the Bukhara Emirate. Also, the system and procedure for applying criminal penalties are analyzed in detail, the places of imprisonment (zindan) and the supervision of its implementation are described.

Key words: kazi, emir, Bukhara emirate, judicial system, fiqh, zindan, mufti, alam, complaints, statements, kazi-askar, kazi-kalon, sharia norms, plaintiff, defendant, oath, witness.

For citation: Muhitdino, A.A. (2020). Legal proceedings in the emirate of Bukhara // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 129–135.

До присоединения Туркестана к России в XIX в. на его территории были расположены Бухарский эмират и два независимых друг от друга ханства – Хивинское и Кокандское. Производство по уголовным делам и правосудие на этих территориях осуществлялись на основе правовых норм шариата¹.

Во главе Бухарского государства стоял эмир, обладавший неограниченной властью, в руках которого была сосредоточена законодательная, исполнительная и судебная власть².

Господствующей религией в Бухаре был ислам («ислам» по-арабски – «покорность») суннитского направления. Проповедниками ислама в эмирате были духовные лица, состоявшие из казиев, муфтиев, мударрисов, домулло, ишан – райсов, мулл, ишанов, имамов, азанчи и т.д., во главе которых стоял эмир. Муллы, азанчи, имамы, ишаны подчинялись ахунду, имевшему высший духовный сан «садр», который осуществлял контроль над медресе и мактабами³. Вторым по значению духовным лицом был аьлам (ученейший), а третьим – муфтий-аскар⁴. Во главе сейидов и ходжей стоял шейх-ислам (глава ислама)⁵.

В Бухарском эмирате особые требования предъявлялись к лицам, претендовавшим на должность кази. При этом лица женского пола не могли быть кандидатами на эту должность. В то время лица, желавшие получить должность кази, должны были отвечать следующим требованиям: 1) мусульманин – это лицо мужского пола; 2) самостоятельное и совершеннолетнее лицо; 3) лицо, состоявшееся в браке и не имевшее физических недостатков; 4) лицо, владевшее арабским языком, в совершенстве знавшее науку фикха и имевшее жизненный опыт; 5) неопороченность этой личности.

Таким требованиям отвечали в основном лица, окончившие бухарские медресе, особенно медресе Кукалташ. Кукалташ – одно из крупных медресе Средней Азии, построенное в 1578 г. влиятельным сановником Абдуллаханом Шайбани Кульбобо Кукалташем. Оно располагалось на площади Лабихаус. Медресе Кукалташ насчитывало около ста шестидесяти худжр, имело богатую библиотеку и до

¹ См.: Мухитдинов А.А. Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан). Душанбе, 2015. С. 20.

² *Эмир* или *амир* (араб. *امير* – повелитель, вождь) – в некоторых мусульманских странах Востока и Африки титул правителя, также употребляется в значении «предводитель мусульман».

³ См.: *Olufsen O.* The Emir of Boukhara and his country. Copenhagen, 1911. P. 365–370.

⁴ См.: ЦГА УзССР. Ф. 2. Оп. 2. Д. 447. Л. 10.

⁵ *Шейх-ул-ислам* – руководитель мусульманской общины; обеспечивал соблюдение законов в судебных делах и повседневной жизни, считался самым близким к правителю (см.: АВПР. Ф. Среднеазиатский стол. Д. 298).

нынешнего времени славится как великолепный архитектурный памятник XVI в.

Следует подчеркнуть, что в Бухарском эмирате особое внимание уделяли подготовке ученых в сфере науки фикха⁶. Эти ученые славились как защитники норм права и шариата, а также писали комментарии к различным законам и правилам шариата. Богословы-законоведы, овладевшие фикхом, назывались факихами («знающими»).

Как отмечает таджикский писатель С. Айни, «в бухарских медресе изучали арабский язык – морфологию и синтаксис, логику, риторику, естественные науки в богословском понимании, правила омовения, поста, похорон, паломничества в Мекку, порядок купли-продажи, правила рабовладения и освобождения рабов, правила брака и разводов, а также правила шариата, знание которых было необходимо для религиозной или государственной деятельности. Бухарские медресе считались очагами истинного знания, а бухарские богословы – наиболее знающими. Бухара считалась центром богословия не только мусульман Средней Азии, но и башкир, татар, дагестанцев»⁷.

На зарплату кази Бухарского эмирата влияло его социальное положение. Получаемые им доходы в основном зависели от суммы судебных штрафов, а также от налогов и сборов, собираемых с граждан за заключение между ними различных договоров⁸.

Другая особенность судебной системы Бухарского эмирата состояла в том, что каждое дело рассматривалось за определенную плату. Так, надо было платить установленную сумму за применение меры пресечения в виде оставления на свободе. В случаях когда применялась мера пресечения в виде личного поручительства, то поручитель заранее вносил поручительный платеж. За каждый день отсрочки явки в суд дополнительно взимались 25% от суммы обычного платежа. Если возникала необходимость в дальнейшем содержании лица, заключенного под стражу, то в этом случае его этапировали в зиндан (тюрьму)⁹.

Зиндан Бухарского эмирата находился в центре Бухары, рядом с Арком (резиденцией эмира). В Бухаре функционировали две тюрьмы. Одна из них находилась внутри крепости Арк, в которой содержались политические заключенные. Другая также

⁶ *Фикх* (араб. *فقه* – «понимание», «знание») – мусульманская доктрина о правилах поведения (юриспруденции), а также комплекс общественных норм (мусульманское право в широком смысле).

⁷ Айни С. Бухара (Воспоминания). Душанбе, 1985. С. 138, 139.

⁸ См.: Лунев Ю.Ф. Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004.

⁹ См.: Шодиев Ж.М. Бухоро амирлигини ташкил топиши ва давлат тузуми: дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2008. С. 116.

находилась в Бухаре, рядом с воротами Шахристана, поблизости от Арка. Внешне зиндан напоминал небольшую крепость. Настоящий ужас вызывали страдания, которые ожидали приговоренных к заключению в Бит-Хану («яма ошибок»). Эта страшная яма была наполнена скорпионами и ядовитыми насекомыми, чьи укусы были очень болезненны и смертельно опасны. Заключенные обычно умирали в ней на второй-третий день в страшных муках. Зиндан состоял из нескольких клеток для должников, одиночных камер и ямы шестиметровой глубины, известной как Черная дыра, куда заключенных и пищу для них спускали на веревках. Слово «зиндан» переводится с персидского «под землей, в темноте». Два раза в месяц заключенных выводили на площадь Регистан, расположенную рядом с Арком, где эмир решал, кого из преступников казнить, а кого помиловать.

Кази для надлежащего выполнения своих обязанностей поощрялся казийским корпусом Бухарского эмирата. В случаях, когда кази брал взятку за исход какого-либо дела, он немедленно освобождался от занимаемой должности. Учитывая, что судопроизводство в Бухарском эмирате велось на основе норм шариата, для решения проблемных вопросов во многих случаях кази обращался к муфтию и аьламу¹⁰.

Следует отметить, что применявшийся порядок судопроизводства основывался на учении Имама Аъзама (основателя ханафитской школы мусульманского права). После предварительного знакомства со сложными делами кази имел право обращаться к вышестоящему кази или кази-калону, чтобы получить необходимый совет по конкретному делу.

Местные казийские учреждения существовали на территории каждого *бекства*. Обычно кази наблюдали за деятельностью хакима, бека и тайно докладывали об этом эмиру¹¹.

Местные кази имели право рассматривать уголовные дела по следующим преступлениям: 1) мелкое хулиганство; 2) нанесение оскорбления; 3) клевета; 4) нанесение телесных повреждений; 5) кража; 6) поджог.

Казийскому корпусу были подсудны уголовные дела, связанные с: 1) преступлениями против государственной власти; 2) национальной или этнической враждой, дискриминацией; 3) разглашением государственной тайны; 4) преступлением против религии; 5) умышленным убийством;

¹⁰ См.: Тухтаматов Т.Г. Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 17.

¹¹ См.: Таниева Г.М. Карши вилоятининг Бухоро амирлиги сиёсий, ижтимоий – иқтисодий ҳаётида тутган ўрни (XVIII асрнинг иккинчи ярми – XIX асрнинг биринчи ярми): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2008. С. 53.

б) рассмотрением жалоб и заявлений, поступивших из местных территорий.

Дела, носившие малозначительный характер, рассматривались непосредственно аксакалами и амлякдорами (управляющими феодальной собственностью).

Кази при рассмотрении подсудных ему дел мог назначить наказание в виде штрафа, лишения свободы и битья даррой (особой плетью), а лицам, совершившим тяжкие преступления (умышленное убийство, разбой, грабеж), мог назначить смертную казнь. Хотя назначение наказания в виде смертной казни было прерогативой кази, однако такое суровое наказание утверждалось самим эмиром Бухарского эмирата. При этом эмир мог утвердить или отклонить судебное решение кази и даже помиловать лицо, совершившее преступление.

Жалобы и заявления на действия местного кази (по бекствам Бухарского эмирата) рассматривались судебным корпусом, по результатам проверки к виновным лицам применялись наказания в дисциплинарном порядке.

Судебный процесс в Бухарском эмирате при рассмотрении уголовных дел не предусматривал института государственного обвинителя. Обычно судебные процессы производились в мечетях, общественных местах, но чаще всего в собственном доме кази. Также не был разработан процессуальный порядок ведения судопроизводства. В связи с чем кази сам определял порядок рассмотрения дел. В ходе рассмотрения дела кази анализировал доказательства и в определенной степени старался обеспечить в судебном процессе состязательность сторон. Любая категория дел (гражданские и уголовные) возбуждалась самим кази исключительно по заявлению и иску потерпевшего. При рассмотрении уголовного дела потерпевший обязан был предъявить кази доказательства, свидетельствующие о наличии того или иного преступления, на основании которых и возбуждалось уголовное дело.

Надо отметить, что с заявлением или устным обращением можно было обратиться также непосредственно к эмиру. Заявления и обращения, поступавшие на имя эмира, рассматривались им два раза в неделю. Обращение рассматривалось в двух формах: общественная жалоба от населения (рассмотрение проводилось в эмирском дворце (Арке). Перед рассмотрением такой жалобы, не ранее чем за 1–2 часа, делалось объявление о его рассмотрении, и граждане, подавшие общественную жалобу, являлись в Арк; жалобщики могли обратиться к эмиру во время его выхода из дворца (Арка).

В зависимости от сословной принадлежности виновного или истца и тяжести судебного дела истец начинал предъявлять иск со словесного

обращения с жалобой к кази-аскару, кази-калону или эмиру. Затем истец обязан был принести формальную законную жалобу с аргументами, сформулированными в устной или письменной форме. Устная жалоба принималась исключительно от лица, которое знало законы и нормы шариата. Такому предъявителю жалобы отвечали лица, знавшие «фикх», т.е. мусульманскую доктрину о правилах поведения (юриспруденции).

Исследования Н. Ханыкова свидетельствуют, что письменная жалоба или просьба должна была содержать: 1) изложение дела; 2) ривоят, т.е. приведение слов из Корана и хадиса, придающих законность требуемому иску; 3) печать муфтия или нескольких муфтий, удостоверяющих неложность приведенных слов закона. Таким образом, после соблюдения первых формальностей, кази обращался к противоположной стороне. Если по каким-то причинам она не являлась суд, кази передавал истцу бумагу (письмо), адресованную ответчику, о явке в суд, в ином случае он доставлялся в принудительном порядке и подлежал денежному взысканию за неявку в судебное заседание¹².

Начиная судебное заседание, кази предоставлял сторонам возможность заключения мирового соглашения. Если стороны не были согласны с выводами заключения, кази требовал от истца представления конкретных или дополнительных доказательств. В Бухарском эмирате источниками доказательств могли быть: 1) признание своей вины; 2) свидетельские показания; 3) присяга на священной книге мусульман Коране; 4) письменные доказательства. Порядок представления доказательств обвинителем (истцом) в судебном процессе осуществлялся под присягой и с представлением свидетелей. Обвинитель (истец) должен был представить суду не менее двух свидетелей.

Правовая система Бухарского эмирата обращала особое внимание на процесс судебного разбирательства по уголовным делам, а также на процессуальное положение свидетеля в уголовном судопроизводстве. Как отмечает Ю.Ф. Лунёв, «в уголовном судопроизводстве и судебном процессе не допускались в качестве свидетеля: несовершеннолетние, рабы, неверные, клеветники, провокаторы, лгуны, обманщики, судимые»¹³. По объёмным уголовным делам требовалось участие четырех свидетелей. Сила свидетельских показаний двух женщин приравнивалась к одному аналогичному показанию мужчины. Согласно установленным правилам свидетели рекомендовались для участия

в судебном процессе со стороны обвинителя (истца) или жалобщика.

Для доставки свидетелей в суд обвинителю устанавливался срок. Для тех свидетелей, которые проживали в черте города, устанавливались одни сутки, и не более трех суток — для живущих за городом. Если свидетели находились в отдаленных местах, то истцу к трем дням добавлялось столько времени, сколько было необходимо для доставки их в суд (т.е. для проезда к месту жительства свидетелей и возвращения с ними назад). Кази спрашивал у свидетелей о знании ими намаза или фарза, и, убедившись в их знаниях и удовлетворив запрос кази ответами на эти вопросы, они имели право свидетельствования. Потом свидетель должен был подтвердить свои показания в судебном процессе присягой. Присяга состояла в произнесении слов «Валлаху, Биллаху, Таллаху», даче клятвы в судебном процессе при разъяснении увиденного и услышанного.

Следует отметить, что в случаях когда дело представляло особую важность, оно расследовалось эмиром. При этом рассмотрение дела не ограничивалось проверкой свидетелей. В данном случае эмир назначал доверенного чиновника, который без ведома свидетелей отправлялся к месту жительства свидетелей и там, собрав старейшин и имама, предлагал дать показания с принесением клятвы и, не утаивая правды, сообщить, действительно ли представленные в суд свидетели являются хорошими людьми (ходят ли они в мечеть, исполняют ли предписания Корана, не курят ли кальян и т.д.). Если кто-нибудь из них обвинял свидетеля в неблагоприятном поступке, то показания такого свидетеля не принимались, а он отстранялся от участия в судебном процессе. Если опрашиваемые единогласно давали положительную характеристику поведению свидетелей по месту жительства, то посланец эмира, выбрав из них двух почтеннейших, заставлял их подтвердить под присягой свои показания. После этого под присягой принимались показания свидетелей и приобщались к рассматриваемому делу¹⁴.

Принимая во внимание правовую пригодность показаний свидетеля, свидетель не подлежал отводу. Если в процессе судебного разбирательства между свидетелями возникали существенные противоречия в показаниях, когда они не подтверждались другими доказательствами, то свидетель привлекался к уголовной ответственности за дачу ложных показаний.

Следует отметить, что доктрина уголовной ответственности за лжесвидетельство и за дачу ложных показаний, а также практика её применения

¹² См.: Ханыков Н. Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 203.

¹³ Лунев Ю.Ф. Указ. соч. С. 105.

¹⁴ См.: Ханыков Н. Указ. соч. С. 205.

начала применяться со времени правления Бухарским эмиратом Абдуллы-хана (1558–1598), когда арабы отсудили в казийском суде лошадей, представив в судебном процессе лжесвидетелей.

В случаях когда аргументы обвинителя (истца) не подтверждались в судебном процессе свидетельскими показаниями, то он мог подтвердить их под присягой. Дальнейшее продолжение судебного процесса было возможно в случаях, если обвинитель (истец) под присягой давал обещание: 1) что найдёт ривоят, имеющий более высокую юридическую силу, чем доказательства, представленные ответчиком. Для представления суду такого аргумента (новых доказательств) кази для этих целей устанавливал для обвинителя (истца) срок не более трех дней; 2) доказать, что свидетели подкуплены. На представление суду этого доказательства кази устанавливал срок для обвинителя (истца) в пределах часа.

Рассмотрев уголовное дело, кази требовал внесения вознаграждения за рассмотрение уголовного дела. Сумма взноса определялась объемом уголовного дела и стоимостью иска. Если подсудимый не мог из-за материального состояния оплатить сумму установленного взноса, то он отправлялся в тюрьму. Первые три дня виновный содержался за счет казны эмира, дальнейшее его содержание в тюрьме обеспечивалось за счёт обвинителя.

Лица, недовольные вынесенным кази приговором, имели право подать заявление кази-калону или эмиру. Приговор, вынесенный кази, мог отменить кази-калон, а приговор кази-калона — только эмир¹⁵.

Вопросы, связанные с назначением и отбыванием наказания, от имени эмира бухарского осуществлял кушбеги. Эмир как глава государства мог истребовать судебные дела любой категории и лично разрешить исход дела или делегировать эти полномочия одному из своих сановников.

По тяжким преступлениям применялись такие наказания, как конфискация имущества, изгнание с родины, повешение или отрубание головы мечом. По малозначительным преступлениям применялось сбрасывание в яму на определенное время, заковывание в железные тиски, нанесение телесных повреждений или штраф.

В последний период существования Бухарского эмирата применялись в основном следующие виды наказаний: денежный штраф, битьё плеткой или плетью, сбрасывание в яму или зиндан, передача военным силам, пожизненное лишение свободы, содержание под стражей, вынесение высшей меры

наказания. Меры наказания в виде нанесения телесных повреждений и штрафа применялись или как основное, или как дополнительное наказание.

Как отмечает Д.И. Логофет, эмир, исходя из своих полномочий, мог применять наказание «чор-ойна», т.е. нанесение ударов на все части тела. Согласно правилам, в процессе ударов плетью или палкой, чтобы заглушить крики подсудимого, исполнялась музыка. Приговор в виде высшей меры наказания утверждался эмиром¹⁶.

В целях повышения эффективности применения наказаний, связанных со смертной казнью, исполнение наказания производилось рядом с дворцом эмира Арком или в местах массового скопления людей. Народу заранее объявлялись дата и время слушания дела. Надзор за исполнением наказания осуществлял лично кушбеги. Перед исполнением наказания народу давались сведения об осужденном и состав совершенного им преступления. Приказ об исполнении уголовного наказания передавался от кушбеги миршабу (наподобие нынешнего начальника милиции) или тупчибаши (начальнику артиллерии) для последующего объявления народу. Затем жаллод (палач) исполнял назначенное наказание.

Основную часть уголовных дел рассматривал казийский суд бекств Бухарского эмирата. Как отмечает Ж.М. Шодиев, дела, мера наказания по которым предусматривала смертную казнь, представлялись эмиру. Отбывание наказания производилось в тюрьмах бекств. За нарушение дисциплины в отношениях между мужем и женой мужчина освобождался от ответственности¹⁷.

Для проживавших в восточной части Бухарского эмирата туркменов при совершении убийства и умышленном нанесении телесных повреждений применялось наказание в виде кровного выкупа — хуна (т.е. выкупа за кровь). Предметом выкупа хуна обычно выступали деньги или скот. Цена выкупа хуна зависела от тяжести преступления и наступившего последствия.

Как указывает А. Ломакин, «по туркменскому обычаю, насилуемая женщина может убить насильника и при этом выкупа (хуна) не платить, если свидетельскими показаниями очевидцев или присягой благонадежных лиц докажет, что убийство совершено ею как следствие попытки изнасиловать ее.

В настоящее время случаи убийств такого рода встречаются сравнительно редко; обыкновенно в случаях изнасилования или попытки

¹⁵ См.: Сагдуллоев А., Аминов Б., Мавлонов У., Норкулов Н. Узбекистон тарихи: давлат ва жамият тараккиёти. Ташкент, 2000. С. 202.

¹⁶ См.: Логофет Д.И. Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 29.

¹⁷ См.: Шодиев Ж.М. Указ. соч. С. 146.

изнасиловать муж или родственники потерпевшей предъявляют иск о вознаграждении за бесчестие. Если обвиняемый отрекается от взводимого на него обвинения, требуются доказательства. Доказательства: один свидетель-очевидец под присягой или два благонадежных свидетеля — очевидца, без присяги. При неимении свидетелей дается очистительная присяга обвиняемому.

В сессию летнего, 1896 года, Чрезвычайного съезда народных судей, с жительницы аула Магомед-Ораз (Атекского приставства), убившей одноаульца, пытавшегося изнасиловать ее, родственники убитого требовали выкуп, ссылаясь на то, что она не может доказать, что убитый хотел ее изнасиловать. Обвиняемая доказала, что она предупреждала несколько раз убитого и его родственников, что если он не прекратит своих ухаживаний, то она убьет его, но, тем не менее, свидетельскими показаниями не смогла доказать, что причиной убийства, действительно, была попытка изнасиловать ее.

Суд по требованию родственников убитого предложил обвиняемой представить 2-х свидетелей, которые приняли бы присягу в том, что они убеждены, что обвиняемая показывает правду. Свидетели были выставлены, но дело до присяги не доведено, вследствие того, что стороны согласились примириться на условии, что, вместо присяги, родственники женщины уплатят половину обычного выкупа»¹⁸.

Третий правитель из узбекской династии Мангытов Шахмурад, правивший Бухарским эмиратом в 1785—1800 гг., провел реформу судебной системы эмирата. Судебная система соответствовала законам мусульманского шариата и нравственности. Согласно одним сведениям, суд заседал по понедельникам и пятницам. Каждый судья имел на руках книги, написанные Шахмурадом. Можно предположить, что это были книги по юриспруденции. Труды Шахмурада не сохранились.

При Шахмураде был создан верховный суд, в работе которого принимали участие 40 ученых в области фикха (мусульманской юриспруденции). Значение проведенных в судебной сфере реформ заключалось в том, что в судебном процессе должны были участвовать как обвиняемый, так и потерпевший. Кроме того, эмир Шахмурад учредил должность кази-аскара¹⁹.

¹⁸ Ломакин А. Обычное право туркмен (адат). Асхабад, 1897. С. 78.

¹⁹ См.: Сами Мирза Абдал Азим. Таърих-и Салатин-и Мангитийа (История мангитских государей) / изд. текста, предисл., пер. и примеч. Л.М. Епифановой. М., 1962. С. 52; Ражабов К. Амир Шоньмурод ёхуд «амири маъсум» // Бухоро мавжлари. 2006. № 1. С. 42.

При восьмом правителе из узбекской династии Мангытов Музаффар, правившем Бухарским эмиратом в 1860—1885 гг., судебная и государственная система пришли в состояние хаоса и произвола. Как отмечает А. Дониш, «после двух-трех первых военных побед высокомерие фараона ударило ему в голову. Он, кроме себя, никого в мире не признавал и стал приравнять повеления шариата к своим желаниям. Например, того, кто украл мелкую монету, подвергал смерти, а того, кто убивал, вовсе не преследовал. И людей за мелкие преступления заточали в тюрьму. И самый малый срок был три года, и больше того — семь лет. Поскольку тюрьмы были полны узниками, то их выводили и убивали целыми толпами. Большую часть правителей времени отца он убил, конфисковал их имущество и полностью разорил»²⁰.

Такое хаотичное положение просуществовало вплоть до установления протектората России над Бухарским эмиратом.

* * *

Таким образом, можно сделать вывод о том, что судопроизводство по уголовным делам в Бухарском эмирате осуществлялось на основе норм шариата, основу для вынесения приговора кази составляли личные и свидетельские показания, присяга, письменные доказательства, а также составленные ривояты муфтием.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Айни С.* Бухара (Воспоминания). Душанбе, 1985. С. 138, 139.
2. *Дониш А.* История мангитской династии. Душанбе, 1967. С. 42.
3. *Логофет Д.И.* Страна бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние. СПб., 1909. С. 29.
4. *Ломакин А.* Обычное право туркмен (адат). Асхабад, 1897. С. 78.
5. *Лунев Ю.Ф.* Государство и право узбекских ханств с XVI по XIX века. М., 2004. С. 105.
6. *Мухитдинов А.А.* Процессуальное положение следователя в уголовном процессе (на материалах Республики Таджикистан). Душанбе, 2015. С. 20.
7. *Ражабов К.* Амир Шоньмурод ёхуд «амири маъсум» // Бухоро мавжлари. 2006. № 1. С. 42.
8. *Сагдуллоев А., Аминов Б., Мавлонов У., Норкулов Н.* Узбекистон тарихи: давлат ва жамият тараккиёти. Ташкент, 2000. С. 202.

²⁰ *Дониш А.* История мангитской династии. Душанбе, 1967. С. 42.

9. *Сами Мирза Абдал Азим*. Таърих-и Салатин-и Мангитийа (История мангытских государей) / изд. текста, предисл., пер. и примеч. Л.М. Епифановой. М., 1962. С. 52.
10. *Таниева Г.М.* Қарши вилоятининг Бухоро амирлиги сиёсий, ижтимоий – иқтисодий ҳаётида тутган ўрни (XVIII асрнинг иккинчи ярми – XIX асрнинг биринчи ярми): дис. ... канд. ист. наук. Ташкент, 2008. С. 53.
11. *Тухтаматов Т.Г.* Россия и Бухарский эмират в начале XX века. Душанбе, 1977. С. 17.
12. *Ханыков Н.* Описание Бухарского ханства. СПб., 1843. С. 203, 205.
13. *Шодиев Ж.М.* Бухоро амирлигини ташкил топиши ва давлат тузуми: дис. ... канд. юрид. наук. Ташкент, 2008. С. 116, 146.
14. *Olufsen O.* The Emir of Boukhara and his country. Copengagen, 1911. P. 365–370.
5. *Luney Yu. F.* Hospitalization and rights of the Uzbek khanates from the XVI to the XIX centuries. M., 2004. P. 105 (in Russ.).
6. *Mukhitdinov A.A.* Procedural status of the investigator in criminal proceedings (based on the materials of the Republic of Tajikistan). Dushanbe, 2015. P. 20 (in Russ.).
7. *Rajabov K.* Amir Shamurd is “Emir mA’sum” // Bukhara is an abstract Bukhara. 2006. No. 1. P. 42.
8. *Sagdullov A., Aminov B., Mavlonov U., Norkulov N.* Uzbekistan is coming: the state and society at that time. Tashkent, 2000. P. 202.
9. *Sami Mirza Abdal Azim.* Tahirih and Salatin and Mangaia (History of the Mangyt sovereigns) / ed. text, preface, transl. and notes by L.M. Epifanova. M., 1962. P. 52 (in Russ.).
10. *Tanieva G.M.* Karshi Bukhara viloyatining amirligi siasi, Ijtimoiy – of ityadi Hamida tutgan RNI (XVIII asrning ikkinchi yarmi – XIX asrning birinchi yarmi): dis. ... Cand. historical science. Tashkent, 2008. P. 53.

REFERENCES

1. *Ayni S.* Bukhara (Recreations). Dushanbe, 1985. P. 138, 139 (in Russ.).
2. *Donish A.* History of fasting. Dushanbe, 1967. P. 42 (in Russ.).
3. *Logofet D.I.* Country of disenfranchisement. Bukhara khanate and its current state. SPb., 1909. P. 29 (in Russ.).
4. *Lomakin A.* The usual rule is Turkmen (adat). Abad, 1897. P. 78 (in Russ.).
11. *Tukhtam T.G.* Russia and Bukhari Emir in the early twentieth century. Dushanbe, 1977. P. 17 (in Russ.).
12. *Khanykov N.* Description of Bukhari khanate. SPb., 1843. P. 203, 205 (in Russ.).
13. *Shodiev Zh.M.* Bukhara mirigini formed topology and the state tasumi: dis. ... PhD in Law. Tashkent, 2008. P. 116, 146.
14. *Olufsen O.* The Emir of Boukhara and his country. Copengagen, 1911. P. 365–370.

Сведения об авторе

МУХИТДИНОВ Алишер Абдувахидович – кандидат юридических наук, доцент кафедры судебного права и прокурорского надзора Таджикского государственного университета права, бизнеса и политики; 735700 Республика Таджикистан, г. Худжанд, мкр. 17, д. 1

Authors' information

MUHITDINOV Alisher A. – PhD in Law, associate Professor of the judicial law and of prosecutor's supervision of the Tajik state University of the law, business and policy; house 1, 17 microregion 17, 735700 Khujand, Republic of Tajikistan

К ВОПРОСУ О СВОБОДНОМ ПРАВОСУДИИ

© 2020 г. С. М. Амосов

Москва

E-mail: zigafurmulis@gmail.com

Поступила в редакцию 29.08.2020 г.

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы продолжения судебной реформы в Российской Федерации. Она должна быть направлена на обеспечение авторитета судов, доверия к ним в среде гражданского общества. Отмечаются несомненные достижения в деле формирования российского правосудия. Предлагается продолжить реформы путем наделения судей всех звеньев большей самостоятельностью, способствовать развитию в них творческих способностей в осуществлении правосудия, тем более что именно этого требует Конституция РФ. Руководствуясь законом и правосознанием, судьи вправе принимать решение во благо и ради справедливости. Для этого нужно изменить доктрину иерархии в судебной системе. Без подозрительности и бюрократических постулатов осуществлять подбор кадров на судебные должности. Основными критериями должны быть профессионализм, честь и достоинство человека на службе и в быту.

Ключевые слова: судебная реформа, правосудие, отношение общества к суду и судье, обеспечение судебной самостоятельности и творчества во всех инстанциях, исключение авторитаризма и бюрократии в управлении судами.

Цитирование: Амосов С.М. К вопросу о свободном правосудии // Государство и право. 2020. № 10. С. 136–140.

DOI: 10.31857/S102694520012239-3

ON THE ISSUE OF FREE JUSTICE

© 2020 S. M. Amosov

Moscow

E-mail: zigafurmulis@gmail.com

Received 29.08.2020

Abstract. The article deals with the issues of continuing judicial reform in the Russian Federation. It should be aimed at ensuring the authority of the courts and their credibility in civil society. There are undoubted achievements in the formation of Russian justice. It is proposed to continue the reforms by giving judges at all levels greater independence, to promote the development of their creative abilities in the administration of justice, especially since this is what the Constitution of the Russian Federation requires. Guided by the law and legal awareness, judges have the right to make decisions for the good and for the sake of justice. To do this, you need to change the doctrine of hierarchy in the judicial system. Without suspicion and bureaucratic postulates to carry out the selection of personnel for judicial positions. The main criteria should be professionalism, honor and dignity of a person in the service and at home.

Key words: judicial reform, justice, society's attitude to the court and the judge, ensuring judicial independence and creativity in all instances, excluding authoritarianism and bureaucracy in the management of courts.

For citation: Amosov, S.M. (2020). On the issue of free justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 136–140.

Справедливым было бы назвать эту статью по-другому: «Свободу судье!». Но современному гражданскому обществу такое может показаться чем-то слишком радикальным.

Между тем необходимость темы вызвана ситуацией напряжения в сферах гражданской жизни. С одной стороны, они объята невиданным доньше покрытием юридических норм. Оттого кажется, что обустроенность нашего всеобщего существования достигла такого расцвета, за которым уже вот-вот наступит золотой век благоденствия. Но это только кажется. С другой стороны, происходящие процессы в стране, выражаемые на словах красиво и четко, все больше напоминают далекое теперь сказание о том, что поколение советских людей будет жить при коммунизме.

В полной мере так можно оценить и состояние в правосудии. Как когда-то смирился народ с недостижимостью коммунизма и успокоился, так и сегодня невысокий авторитет судов вызывает спокойное созерцание. Реформы свершаются, поиск лучшей модели организации работы по широкому формату проблем кропотлив, как говорят, успешно. Дел много. Перестраивать систему правосудия, укреплять судебские кадры, ужесточать контроль за соблюдением законов и инструкций. Вроде все правильно. Только от принятых и применяемых мер коэффициент полезного действия российского правосудия остается низким.

Для совершенствования правосудия в новое время выполнено немало. Но парадокс — уважение к российским судьям, может быть, даже ниже, чем к советским.

Есть два важных обстоятельства, которые нельзя упустить: доверие судам Российской Федерации и доступность правосудия.

Объективно проблем и недостатков не только не убавляется, а наоборот, увеличивается. Необходимо отметить в этом отношении качественное возрастание достоинства и чести граждан Российской Федерации, порожденных всеми изменениями последних десятилетий при понимании сути каждого человека в новом обществе.

Нужно быть объективным: результаты судебной реформы в Российской Федерации принесли значительный результат.

Выстроена достойная высокой оценки система правосудия, обеспечена ее самостоятельность от других ветвей власти. Материальный уровень не вызывает претензий, а информационное и техническое оснащение равно условиям времени.

Осуществлена ли в полной мере взаимосвязь между требованиями независимости, эффективности и ответственности правосудия? В этом есть сомнения. Справедливость судебной защиты вызывает у людей иронию, даже неверие. Судопроизводство рассматривается не как исповедальное освобождение и очищение от жизненных затруднений и невзгод, а как техническое разрешение проблем за счет более умелого использования имеющихся средств в самом широком диапазоне: от фальши, лжи до наглости и хамства.

Судебные реформы 90-х годов встречались с воодушевлением и верой в достижение справедливого правосудия. Они удовлетворяли тогда запросам общества на возведение учреждений и институтов независимого суда.

Время меняется, оно уже сегодня другое. Мирозрение и достоинство граждан Российской Федерации изменились. Остались в прошлом привычные тогда упования на возможности властных органов и структур в решении правовых вопросов. На это место демократия выдвинула суды, возложив только на них такую почетную, но ответственную

миссию, положив в основание два фактора: первый — законодательство; второй — судьи, его применяющие. Это признаки правосудия, каждый в отдельности и оба вместе должны соответствовать времени.

Правотворчество в силу системного равновесия демократии отдано законодательной ветви власти. Формирование судебного корпуса по тому же основанию возложено на судебную власть. Свою миссию законодатель исполняет, учредив систему органов и институтов, действующих постоянно, официально объявив ее задачи и порядок. Это двухпалатный парламент со сложной, но приспособленной для дела структурой, а еще и орган контроля за соответствием законов конституции — Конституционный Суд РФ.

Можно говорить и о многих других инновациях для законодательства: всенародные опросы и обсуждения, правовые экспертизы вплоть до международного участия в них, наконец, реальный порядок изменений законов и прекращения их действия.

Важно, что доверяется законодательство избранным в свободном порядке гражданам.

Таким образом, учреждение законодательной власти представляется достаточно укрепленным для создания качественного свода государственного законодательства. Тем не менее, казалось бы, прочная правовая ткань все же имеет разрывы. Законодательство нацелено удовлетворить запросы граждан на установление правового порядка во всеобщих интересах, допуская в этом стремлении к обратному результату в отношении отдельного человека. Примером могут быть события 2019 г. в пос. Тарко-Сале Ямало-Ненецкого автономного округа. Поселок на Крайнем Севере в 800 км от гор Салехарда в тундре. Директор Дома культуры, энтузиаст своего дела, на должность режиссера принял своего сына, не имеющего специального образования. Ее обвинили в нарушении законодательства о запрете совместной работы родственников в подчинении одного другому, трудоустройству его в муниципальное учреждение без конкурса.

Этот факт позволил прокуратуре возмутиться, заговорить о «кумовстве» и коррупции. Формально правильно, а по существу..?

Север, тундра, до центра округа 20 часов езды на автомашине. Среди тундровиков не найти ни режиссера, ни директора, но вынь и положи нейтрального специалиста, да еще по конкурсу. В результате законные действия лишили поселок культурного центра вообще!

Подобных примеров, когда закон, принятый для человечества, губит человека, — немало. Осознавая это, законодатель нерасторопен, чтобы принять оперативное решение во благо справедливости.

Как же решать такие проблемы? Возможно, должна быть надежда на судебную власть?

Сфера правосудия призвана служить человечеству и, естественно, отдельному человеку.

Здание правосудия представляет из себя саму судебную систему, строгий процессуальный порядок деятельности (судопроизводство), опору на законодательство, принятое по регламенту. Завершается государственным исполнением решений.

Уже внутри этого механизма есть необходимая движущая сила — судья. Живая энергия, непрерывно питающая правосудие. Отсюда очевидно, где находится его

ядро — главная составляющая часть и самая важная, потому что, каков судья — такова сущность и решения. Из этого следует, что в какую бы организационную структуру не войдет достойный судья, в любом случае он найдет справедливое решение.

Самое интересное — построить и перестроить судебную систему, совершенствовать структуру суда намного легче и проще, чем найти главный человеческий, а оттого духовный элемент правосудия. Естественно, первое можно начать с нуля, приспособив организацию под веления времени и соотнося с мировым опытом. Система и структура начинают функционировать как бы с рождения. Направляй и поправляй — это всегда возможно. Нет такого учреждения и такой возможности, где и когда начинает взращиваться судья, с чистого листа не начать его подготовку. В суд приходят уже зрелые люди. Только зрелость у всех разная, и как найти, отобрать тех, кому можно доверить распоряжение человеческим бытием.

Исследования по данной проблематике проведены в монографии «Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования»¹. Обобщен исторический мировой опыт, исследованы современные реалии. Нестандартный подход к теме, новаторские предложения не всеми могут восприниматься как необходимое. Сохраняется представление о достаточности результатов реформ девяностых годов. Они действительно прорывные по сравнению с советским временем, но их запал и запас нововведений иссякает. Поэтому продолжение их эксплуатации — подшлифовка, подправка и т.п. — уже заставляет задумываться об отставании правосудия от поступательного движения других ветвей власти от запросов общества.

В чем это выражается?

В неразрешимости многих проблем. Огромная, сверх всяких человеческих норм труда нагрузка попросту душит судебную систему уже много лет, но решение справиться с ней так и не найдено. Особенно перегружены суды первых инстанций. Есть данные, что в месяц в среднем они разрешают до двухсот дел и материалов. Изнуряющий конвейер уже давно исключил и сами мысли о мудром правосудии. Эти слова о мудрости, духовности права в среде юристов, причастных к нему, лучше не говорить. Да и всем гражданам тоже. Не верят. На *pravo.ru* 18 августа 2010 г. сообщалось, что один судья в Санкт-Петербурге за месяц рассмотрел 1155 дел! Это катастрофа. Хотя на поверхности есть первый, простой выход решения проблемы — изготовление судебного решения без обременительной «писанины». Современный человек достаточно образован, чтобы понять суть судебного документа.

Но это техническая сторона правосудия, и она имеет варианты совершенствования, тем более учитывая прогресс в информационных технологиях.

Гораздо сложнее человеческий фактор, личность судьи, живой организм правоприменения. Каждый человек индивидуален, со своим характером, особенностями, все скрыто в нем. Но на службе правосудию нужны особенные люди. Способные не только понимать другого человека, а уметь раствориться в нем. Нормативные источники не содержат подробных личностных признаков судьи, отличительных от

других людей. А формальный подбор допускает в судебские ряды незрелых, с заниженным интеллектом людей².

Кодекс Судейской этики содержит больше запретов поведения и рекомендаций, но не характеризует, а каков он должен быть. Видимо, личность судьи презюмируется как субъект-носитель лучших качеств. Только как определить из многих претендентов на судебские должности именно такого человека?

Показателями служат: предыдущая юридическая деятельность, профессионализм, отзывы и рекомендации доверенных специалистов, характеристики, сведения правоохранительных органов о законопослушании кандидата в судьи. Наконец, проверка претендента в судьи на конфликт его возможных интересов.

Последний элемент личности приобрел в последние годы особое значение. Потому важнейшие качества профессиональных знаний, опыта, достойной и честной жизни отступают перед различными вариациями на тему конфликта интересов. Между тем это первенство в оценке человека на самом деле противоречит презумпции невиновности.

Таким образом, все современные подходы к изучению личности кандидатов в судьи субъективны и условны. Поэтому исходя из достойного отношения к гражданам Российской Федерации, особенно к судебским претендентам, предположения о возможных конфликтах интересов нужно опустить на самый низ изучения личности. Наконец, использовать логику и достоверность, а не подозрения, чаще всего не обоснованные конкретными данными. При дальнейшем совершенствовании правосудия нужно сделать так, чтобы поднять авторитет судьи в обществе, добиться уважения и доверия к судье у граждан.

Для этого необходимо реформировать правосудие таким образом, чтобы судья стал свободным, самостоятельным и творческим государственным деятелем.

Могут быть возражения: а он и сегодня таков. Нет, не таков! Судья, особенно первой инстанции слишком связан формальными требованиями законов и судебной практикой. Судья решает дело, подчиняясь закону и своему правосознанию.

Вместе с тем такая привилегия принадлежит только Верховному Суду РФ. Он вправе толковать действующее законодательство, а другие инстанции обязаны этому следовать.

В ст. 120 Конституции РФ установлено, что судьи независимы и подчиняются только Конституции РФ и федеральному закону. Исходя из этого принципиального положения все судьи вправе принимать решения на основе федерального закона, руководствуясь правосознанием.

Суд первой инстанции есть главное звено правосудия. Он совершает правовое действие среди людей, открыто. Не только на глазах сторон, но и местной публики. Как правило, всегда заинтересованной в исходе дела в ту или в другую сторону.

Решения суда с ориентиром только на форму, вопреки духу закона и права, умаляют его авторитет. Восстановление справедливости спустя время уже не возвращает уважение к правосудию, особенно к своему местному суду.

Для наглядности можно привести пример, произошедший в Крыму. Женщина-инвалид первой группы

¹ Клеандров М.И. Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М., 2019.

² См.: Матеров Н. «Как улучшить подбор кандидатов на должность судей» // Росс. юстиция. 2004. № 4.

находилась в коме. Нуждалась в социальной и медицинской помощи, пенсии, спецучоде и питании. Имеет на это право по законодательству Российской Федерации. Но ее паспорт просрочен. Без паспорта Пенсионный фонд не устанавливает ей положенные льготы. Паспортный стол выдает паспорт только при личном присутствии. Муж попытался через суд признать ее недееспособной, чтобы от ее имени совершать значимые действия как опекун.

Суд, руководствуясь ст. 29 ГК РФ, отказал в удовлетворении заявления, т.к. признание недееспособным возможно только по причине психического расстройства гражданина. Суд указал, что человек в коме к таковым не относится. Два года тянется тяжба родственников больной с различными государственными органами. Без результата. Везде отказы, причем все считают, что не нарушают законодательства.

Эта ситуация обсуждалась на Центральном телевидении России дважды. После первой передачи паспорт выписан, но не выдан — гражданки перед лицом паспортиста нет, подпись парализованная женщина поставить не может!

Участники повторной телепередачи перессорились, но сошлись во мнении, что закон нужно менять. Признавали это год-два по времени. А инвалиду жить надо!

Предлагали обратиться в Минздрав или иные органы, куда семья инвалида «била челом» неоднократно.

В итоге все эксперты успокоились: ничего сделать нельзя. Выход был все же найден. Высочайший чин, генерал, дал команду и паспорт выдали. Что это значит — выдали по команде?

Первое: ни единый орган не упрекнул генерала в нарушении закона. Выходит, формальные требования здесь вообще излишни, бессмысленны.

Второе: из этого следует, что поле закона ст. 29 ГК РФ может быть расширено судебным толкованием ради соблюдения справедливости.

Суд первой инстанции этого не сделал, даже не попытался подумать над сутью закона, не только по букве, но и по духу. Упрека тем не менее не заслужил. Естественно, формально исполнял свою роль в сложившейся системе. Именно роль, а не высокое предназначение правосудия. Суд мог бы исследовать вопрос о психологическом состоянии инвалида: а не подпадает ли кома под данный медицинский признак, — и принять справедливое решение, поставив проблему данной нормы закона здесь, чтобы не тянули люди дело по инстанциям до Верховного Суда, где еще не факт, состоялось бы нужное решение. Не человек бы хлопотал, а заинтересованный орган. Если посчитает нужным.

Кстати, этот пример не единственный по стране. Еще больше других разнообразных дел, загонявших суды в тупик, когда нелепость формы и ясность блага были очевидны. Но в первой инстанции судьи даже не помышляли отойти от формы ради содержания и в поиске правды уповали на Верховный Суд РФ. Здесь же вал дел не позволял глубоко вникать в каждое обращение, и нужда в справедливости легко могла быть незамеченной. Это еще один фактор надления первичного судебного звена творческой самостоятельностью.

Еще раз подчеркнем: правосудие должно быть в первой инстанции. Именно здесь возможно наиболее легко, просто, всесторонне, полно и объективно исследовать обстоятельства дела.

Правосудие должно обосновывать свои выводы из реальной жизни.

Самое главное: реформировать судебную систему в таком ключе легче и проще, чем перестраивать ее структуру, потому что это есть содержание внутренних отношений, не задевающее внешних институтов и учреждений. Все возможно решить, изменив доктрину иерархии в судебной системе. Волевое решение принадлежит Верховному Суду РФ и органам судебной системы.

Следует подчеркнуть, что действующая процессуальная регламентация от Конституции РФ до кодексов позволяет такое переустройство, т.к. все суды должны руководствоваться основополагающим принципом своей независимости и подчинению только закону (ст. 120 Конституции РФ).

Начало перенастройки правосудия должно последовать после другого реформирования — внутри судебных отношений. Это отказ от административных методов управления судебной системой. Администрирование прослеживается во многом, прежде всего в подходах к изучению кандидатов и назначению их судьями. Это очевидно всем, кто знаком с существующими порядками. Следует обращаться к Федеральному конституционному закону «О Верховном Суде в Российской Федерации», которым установлены только процессуальные формы судебного надзора. Буквальное соблюдение закона позволит упразднить администрирование внутри судебной системы.

Отбор кандидатов на судебные должности необходимо максимально освободить от решающей роли руководителей суда. Аргументы в том, что именно они знают, кто более достоин судебного места, субъективны, поэтому несостоятельны. Кто будет спорить, что немало достойных специалистов не проходят квалификационных коллегий потому, что неуютны председателям. Поэтому правильна идея о необходимости особой судебной инфраструктуры по отбору претендентов на судебные должности и наделении их полномочиями³.

Особенно это относится к председателям судов. Наиболее демократичный принцип их назначения прост. Председателем суда становится старейший судья, после его отставки — следующий по возрасту. Суть такого порядка очевидна: председателем становится опытный правовед, а административные функции выполняет другое лицо. Тем более сегодня нет законодательно установленного статуса председателя суда⁴.

Наконец, нужно окончательно избавиться от кураторства условно вышестоящих судей над нижестоящими, когда у каждого свой подопечный суд, за работу которого существует спрос с обоих. Более бюрократического явления не найти, поскольку оно противоречит и Конституции РФ, и другим законам.

За недостатки в работе судей районов и городов вызывают на обсуждение в область (а тех могут выше) и подвергают критике за принятые решения. Судью следует оградить

³ См.: *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016.

⁴ См.: *Макарова О.В.* Институт председателей судов как элемент организации деятельности судов общей юрисдикции // Журнал рос. права. 2017. № 6.

от условий, дающих основания к развитию в нем малодушия и вынужденной угодливости⁵.

Естественно, получив упреки за свои приговоры и решения, судья прекращает думать о справедливости и свободе, и стремится только не выйти за пределы вышестоящих указаний. Следует отказаться от борьбы за т.н. качество судебных актов. Учет и контроль за статистическими данными фактически освобождают судебных управленцев от забот за создание в Российской Федерации действительно справедливого и уважаемого правосудия.

Читать отчеты и распекать судей за формальные показатели несоизмеримо легче, чем воспитывать творческих специалистов. Отказаться же от застарелых форм воздействия на суды никто не решает. Исключительно процессуальное взаимодействие между судебными инстанциями, самостоятельность и свобода каждого судьи толковать закон по-своему правосознанию, наверное, просто пугает.

Конечно, поднимаем сюда предыдущее изложение о подборе достойных кандидатов и назначении их судьями. По профессиональным качествам, человеческому достоинству и чести. Это главное для судебной свободы и творчества.

* * *

Наверное, есть еще многое, что может послужить правосудию, повысить его авторитет и уважение в обществе. Изложенное — лишь небольшая часть возможных реформ, простых, а главное, основанных на действующем законодательстве.

⁵ См.: *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. М., 1956. С. 26.

Сведения об авторе

АМОСОВ Сергей Михайлович — доктор юридических наук, судья (заместитель Председателя Высшего Арбитражного Суда РФ) в отставке, член Союза писателей России; г. Москва

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Клеандров М.И.* О Совете судебной власти Российской Федерации. М., 2016.
2. *Клеандров М.И.* Судейский корпус России: совершенствование механизма формирования. М., 2019.
3. *Кони А.Ф.* Нравственные начала в уголовном процессе. М., 1956. С. 26.
4. *Макарова О.В.* Институт председателей судов как элемент организации деятельности судов общей юрисдикции // Журнал рос. права. 2017. № 6.
5. *Матеров Н.* «Как улучшить подбор кандидатов на должность судей» // Росс. юстиция. 2004. № 4.

REFERENCES

1. *Kleandrov M.I.* On the Council of judicial power of the Russian Federation. M., 2016.
2. *Kleandrov M.I.* Judicial corps of Russia: improving the mechanism of formation. M., 2019.
3. *Kony A.F.* Moral principles in the criminal process. M., 1956. P. 26.
4. *Makarova O.V.* Institute of court chairmen as an element of the organization of the activity of courts of General jurisdiction // Journal of Russian law. 2017. No. 6.
5. *Materov N.* "How to improve the selection of candidates for the position of judges" // Russ. justice. 2004. No. 4.

Authors' information

AMOSOV Sergey M. — Doctor of Law, retired judge (Deputy Chairman of the Supreme arbitration Court of the Russian Federation), member of the Russian writers Union; Moscow

СВЯЗЬ БЕЗУСЛОВНОГО И УСЛОВНОГО В КОНСТИТУЦИОННОМ ПРАВЕ

© 2020 г. Г. Н. Уткин

Российская академия наук, Москва

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Поступила в редакцию 01.10.2020 г.

Аннотация. В статье рассматривается проблема связи в конституционном праве безусловного и условного. Обосновывается, что в идее конституционное право характеризуется большей значимостью в нем безусловного в сравнении с условным, но в действительности в качестве реально функционирующего оно отличается превалированием условного над безусловным. По мере развития конституционного права значимость условного в нем постоянно повышается, что негативно сказывается на эффективности реализации им тех специфических функций, которые придают ему значение базовой, фундаментальной отрасли права.

Ключевые слова: безусловное, условное, конституционное право, права и свободы человека, конституционно-правовые ценности, правовая культура, система права.

Цитирование: Уткин Г.Н. Связь безусловного и условного в конституционном праве // Государство и право. 2020. № 10. С. 141–145.

DOI: 10.31857/S102694520012240-5

THE CONNECTION IN THE CONSTITUTIONAL LAW OF THE UNCONDITIONAL AND CONDITIONAL

© 2020 G. N. Utkin

Russian Academy of Sciences, Moscow

E-mail: utkin-gn@yandex.ru

Received 01.10.2020

Abstract. The article deals with the problem of connection in the Constitutional Law of the unconditional and conditional. It is proved that the idea of a Constitutional Law is a more and more significant in this unconditional compared to conditional, but in reality, as a functioning, it is by the prevalence of conditional over unconditional. With the development of Constitutional Law, the significance of the conditional in it is constantly increasing, which negatively affects the effectiveness of the implementation of those specific functions that give it the value of the basic, fundamental branch of law.

Key words: unconditional, conditional, Constitutional Law, human rights and freedoms, constitutional and legal values, legal culture, legal system.

For citation: Utkin, G.N. (2020). The connection in the Constitutional Law of the unconditional and conditional // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 141–145.

Конституционное право традиционно рассматривается в отечественной юридической науке в качестве весьма специфической составляющей системы права. При этом типичными являются указания на абсолютную ценность конституционного права и неоспоримую приоритетность конституционно-правовых ценностей, на безусловную обязательность конституционно-правовых норм и их основополагающее значение в системе права, на неотъемлемость и неотчуждаемость конституционных прав и свобод человека и безусловный характер обязанности государства их признавать, соблюдать и защищать. Вместе с тем нередко ученые указывают на обусловленность конституционного права культурными и историческими особенностями развития конкретной страны, на связь эффективности институтов конституционного права с их легитимностью, на то, что при определенных условиях конституционно-правовые нормы могут быть изменены, а конституционные права и свободы ограничены для достижения общезначимых целей. Сказанное свидетельствует о необходимости решения вопроса о том, как именно связаны в конституционном праве безусловное — абсолютное, неизменное, целеполагающее — и условное — относительное, изменчивое, целесообразное.

По нашему мнению, для того чтобы решить обозначенный вопрос, требуется обратиться к характеристике конституционного права, с одной стороны, как культурного феномена, с другой — как отрасли права. Первое позволит решить проблему связи безусловного и условного в конституционном праве в социально-правовом аспекте, второе — в юридическом плане.

Принципиально значимым моментом для понимания конституционного права как культурного феномена является то обстоятельство, что оно выступает продуктом развития западного общества и представляет собой результат трансформации государственного права эпохи Средневековья на основе прогрессивных идей мыслителей эпохи Возрождения и Просвещения¹.

Изначальный смысл конституционного права как культурного феномена определен теми идеями, которые обусловили его принципиальные отличия от государственного права древности и средневековья. Это прежде всего идеи естественного права, правового ограничения произвола государства, гражданского общества, общего блага, свободы, формального равенства, неприкосновенности собственности, неразрывная связь перечисленных идей с идеями прав и свобод человека позволяет рассматривать последнюю в качестве системообразующей по отношению ко всем остальным конституционно-правовым идеям, составившим в своем единстве идеологический базис формирования конституционного права.

«В силу изначальной абсолютности, то есть безусловности..., конституционные права и свободы человека неизменны по существу их; и вследствие того они не подлежат корректированию также по объему и содержанию, не подлежат модификации по форме выражения etc.»². Безусловность конституционных прав и свобод может быть обеспечена только тогда, когда абсолютными, неизменными, непреложными, целеполагающими являются нормы,

посредством которых права юридически закрепляются и гарантируются. В этом контексте условное в характеристике конституционного права предстает случайным и несущественным, а безусловное — необходимым и важным.

Если рассматривать конституционное право в качестве отрасли права, то принципиально значимой представляется аксиоматичность его характеристики как базовой, фундаментальной отрасли.

Признание особого положения конституционного права в системе права неразрывно связано с представлением о том, что ему присущи специфические функции, не характерные для других отраслей. Так, И.А. Кравец отмечает, что конституционное право следует рассматривать как «метаотрасль, обеспечивающую целеполагание в правовой системе, гармонизацию различных отраслей права, конституционализацию отраслевого регулирования»³. В.П. Малахов указывает, что конституционное право «с одной стороны... канал превращения идей государства и права в общественное и государственное состояние, но только через посредничество других форм и отраслей права. С другой стороны... связывание (и осознание) всего массива юридической практики с идейными основами правовой жизни. В этом — сущность и назначение конституционного права...»⁴.

Это лишь некоторые из характеристик, которые даются конституционному праву учеными, рассматривающими особенности его функционирования. Не приводя других высказываемых по обозначенному вопросу суждений, отметим: анализ наиболее типичных из них свидетельствует о том, что самыми значимыми функциями, специфичными для конституционного права как отрасли, являются, во-первых, функция интеграции других отраслей права в целостную, непротиворечивую систему, во-вторых, функция стабилизации системы права (а в определенном смысле — и национальной правовой системы в целом), в-третьих, программная (целеполагающая) функция, заключающаяся в том, что конституционное право несет в себе важнейшие идеологические ориентиры, с которыми соотносятся в своей динамике не только действующее право, но и правовая практика и правосознание.

Очевидным является то, что эффективность конституционного права в реализации перечисленных специфических функций во многом зависит от превалирования в нем безусловного над условным. Существующее лишь при определенных условиях, относительное, изменчивое, случайное — отнюдь не то, что способно придать конституционному праву стабильность и организованность. Следовательно, от превалирования в конституционном праве безусловного над условным зависит не только признание его ценности как культурного феномена, но и возможность его эффективного функционирования в качестве фундаментальной, базовой отрасли.

Принимая во внимание изложенное, можно утверждать, что в идее конституционное право — вне зависимости от того, рассматривается ли последнее как культурный феномен или отрасль права, — характеризуется большей значимостью для него безусловного в сравнении с условным.

¹ См.: Умова И.А. Конституционное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2014. С. 16.

² Попов В.С. Об умалении и иного рода ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина // Социально-экономические явления и процессы. Т. 12. 2017. № 4. С. 131.

³ Кравец И.А. Конституционное право как метаотрасль: роль Конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Уч. зап. юрид. фак-та. 2017. № 44–45. С. 171, 172.

⁴ Малахов В.П. Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 377.

Вместе с тем если рассматривать конституционное право не в идее, а в реальности, в качестве действующей системы норм, то можно обнаружить следующее. Идеи, лежащие в основе конституционного права и определяющие его специфику как культурного феномена, воплощают в себе представления об идеальных состояниях. Такие состояния в абсолютном своем выражении не могут быть достигнуты по объективным причинам, прежде всего в силу того, что право по своей природе (и конституционное право не является исключением) способно обеспечивать установление лишь оптимальных и реальных, но не идеальных состояний⁵. Будучи сориентированным на не достижимые в реальности состояния, конституционное право как отрасль изначально может характеризоваться превалированием безусловного над условным лишь в идее, но не на практике.

Поскольку конституционное право изменяется в исторической перспективе, далее полагаем необходимым определить, меняется ли соотношение в нем безусловного и условного с его развитием.

Решая обозначенный вопрос, прежде всего необходимо учитывать, что со временем изменяется характер идей, определяющих содержание конституционного права как культурного феномена.

Идеи прав и свобод человека, естественного права, правового ограничения произвола государства, гражданского общества, свободы, формального равенства, собственности и другие идеи, послужившие в свое время «идеологическим плацдармом, на основе которого сформировалось конституционное право»⁶, с течением времени получают все новые и новые интерпретации. При этом принципиально значимым моментом, свидетельствующем об утрате перечисленными идеями значения безусловных, следует признать то, что они не просто перестают восприниматься в качестве универсальных по своему содержанию, но и в действительности перестают быть такими, «размываясь» не только в доктринальном, но и в обыденном правосознании.

Так, о правах человека небезосновательно говорят, что они «находятся в постоянном развитии, на каждом этапе существования... пытаются ответить на вызовы своего времени»⁷. Естественное право интерпретируется как «постоянно развивающееся идеальное сознание о праве, возникающее из жизненных потребностей и содействующее их дальнейшему росту»⁸. Представление о праве, способном обеспечить эффективное ограничение произвола государства, также постоянно меняется, о чем свидетельствует множественность интерпретаций правового государства. Ошибочным признается предположение «о

существовании единой сущности свободы, общей для разных эпох и культур»⁹.

Кроме того, появляются новые идеи, которые, приобретая значение общепризнанных, подчас обуславливают возникновение новых конституционно-правовых ценностей, и это влияет на всю систему конституционного права. В частности, показательным примером является то, что «все чаще в новые конституции включаются нормы о социальной функции частной собственности, которая должна служить не только собственнику, но и обществу...»¹⁰. Новые конституционные ценности уже не воспринимаются в качестве безусловных, а напротив, рассматриваются в качестве обусловленных «духом времени», и это также свидетельствует о том, что в характеристике конституционного права как культурного феномена значимость безусловного в сравнении с условным постепенно снижается.

Появление новых идей или актуализация тех идей, которые ранее не были общезначимыми, обуславливает высокий динамизм конституционного права, и происходящие в нем изменения со временем становятся все более интенсивными¹¹. Это приводит к снижению значимости безусловного в характеристике конституционного права не только как культурного феномена, но и как отрасли права.

Те происходящие в конституционном праве изменения, которые дают основание говорить о снижении значимости для него безусловного, во многом есть закономерное следствие изменений, происходящих в западной культуре, с которой генетически связано конституционное право. В ситуации кризиса западной традиции права и «деградации конституционализма» как одного из проявлений такого кризиса¹² безусловность конституционного права остается скорее презюмируемым свойством, чем характеристикой, отражающей его действительность.

Повышение значимости условного в сравнении с безусловным в конституционном праве как отрасли права в современных условиях неразрывно связано не только с изменениями, происходящими в западной правовой культуре, но и с повышением динамизма общественной жизни: типичным для отечественной юридической науки является утверждение о том, что «различные инновации в конституциях – отражение фактических изменений, происходящих в обществе»¹³.

⁹ Фенько А.Б. Образ свободы в российском сознании и перспективы формирования гражданского общества // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М., 1999. С. 34.

¹⁰ Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2011. С. 6.

¹¹ См.: Колюхова И.А. Конституции нового поколения: состояние и перспективы развития // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2010. С. 30–33.

¹² См.: Кененова И. Кризис западной традиции права и российская традиция власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 16; Современный конституционализм: теория, доктрина и практика / отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова. М., 2013. С. 6.

¹³ Чиркин В.Е. О тенденциях развития конституций в современном мире // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. С. 11.

⁵ См.: Малахов В.П. Указ. соч. С. 81.

⁶ Лановая Г.М. Общие закономерности воспроизводства и современные особенности юридического оформления конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 2.

⁷ Афанасьева С.А., Конев Ф.Ф., Конева Е.М., Шишенина И.В. Этапы формирования и развития прав человека // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. С. 505.

⁸ Польщикова Л.А. Генезис понятия «естественное право» в контексте гуманистического образования // Педагогическое образование. 2009. № 4. С. 53–59.

Вне зависимости от того, какие именно термины используются для того, чтобы обозначить то состояние перманентной «переходности», в котором существует современное общество, речь идет о состоянии, в котором значимость идейных ориентиров снижается вследствие несогласованности идеологических установок с реальными жизненными процессами, а постулируемые конституциями ценности иногда начинают восприниматься как абстракции. В описываемых условиях конституционное право и само лишается прочной, устойчивой идеологической опоры, и перестает быть источником абсолютных, не подверженных изменению идеологических ориентиров.

Отдельно следует сказать о том, что общеобязательность норм конституционного права (в отличие от общеобязательности норм других отраслей) изначально связывается с безусловностью общепризнанных прав и свобод человека. Однако в современных условиях права и свободы оказываются вторичными по отношению к тем нормам, которые их закрепляют. В этом плане показательным является то, что все чаще учеными ставится вопрос о конституционном регулировании прав и свобод человека¹⁴.

Общеобязательность конституционного права, лишаясь опоры в виде безусловности общепризнанных прав и свобод человека, оказывается, как и общеобязательность норм других отраслей, в зависимости от приведения в действие специальных юридических механизмов. Однако «конституционное право... фактически лишено собственных механизмов обеспечения действия»¹⁵, поэтому, лишаясь указанной опоры, конституционное право оказывается отраслью, эффективность которой во многом обуславливается качеством функционирования тех механизмов обеспечения действия норм конституционного права, которые конструируются в рамках других отраслей права. Прежде всего конструирование таких механизмов осуществляется в рамках административного права, что приводит к постепенному сближению конституционного права с административным. Как следствие, эффективность конституционного права в реализации специфических для него функций еще больше снижается.

* * *

Подводя итог, с уверенностью можно утверждать, что в идее конституционного права заключено представление о том, что такое право характеризуется большей значимостью для него безусловного в сравнении с условным. При этом превалирование безусловного над условным воспринимается в качестве того, от чего в значительной мере зависит эффективность конституционного права в реализации специфических для него функций.

В действительности, в качестве реально функционирующего конституционное право характеризуется большей значимостью в нем условного в сравнении с безусловным.

¹⁴ См., напр.: *Александрова А.В.* Конституционное регулирование социальных прав. Пенза, 2014; *Вечканова Н.В.* Конституционное регулирование и судебная защита личных прав и свобод в странах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014; *Никонов А.С.* Конституционно-правовое регулирование социальных и экономических прав человека в Боливарианской Республике Венесуэла: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010; *Овсянников Р.Н.* Конституционно-правовое регулирование политических прав и свобод граждан в Российской Федерации и роль органов внутренних дел в их реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; и др.

¹⁵ *Лановая Г.М.* Указ. соч. С. 3.

Более того, по мере развития конституционного права значимость условного в сравнении с безусловным в нем постепенно увеличивается. Как следствие, оно сближается по своим характеристикам с административным правом, а его эффективность в реализации специфических для него функций еще больше снижается.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Александрова А.В.* Конституционное регулирование социальных прав. Пенза, 2014.
2. *Афанасьева С.А., Конев Ф.Ф., Конева Е.М., Шишенина И.В.* Этапы формирования и развития прав человека // Современные научные исследования и инновации. 2017. № 2. С. 505.
3. *Вечканова Н.В.* Конституционное регулирование и судебная защита личных прав и свобод в странах СНГ: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2014.
4. *Кененова И.* Кризис западной традиции права и российская традиция власти в ракурсе конституционной компаративистики // Сравнительное конституционное обозрение. 2013. № 1. С. 16.
5. Конституция в XXI веке: сравнительно-правовое исследование / отв. ред. В.Е. Чиркин. М., 2011. С. 6.
6. *Конюхова И.А.* Конституции нового поколения: состояние и перспективы развития // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. М., 2010. С. 30–33.
7. *Кравец И.А.* Конституционное право как метаотрасль: роль Конституции и основ конституционного строя в межотраслевой гармонизации // Уч. зап. юрид. факта. 2017. № 44–45. С. 171, 172.
8. *Лановая Г.М.* Общие закономерности воспроизводства и современные особенности юридического оформления конституционного права // Конституционное и муниципальное право. 2011. № 3. С. 2, 3.
9. *Малахов В.П.* Методологические и мировоззренческие проблемы современной юридической теории. М., 2011. С. 81, 377.
10. *Никонов А.С.* Конституционно-правовое регулирование социальных и экономических прав человека в Боливарианской Республике Венесуэла: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2010.
11. *Овсянников Р.Н.* Конституционно-правовое регулирование политических прав и свобод граждан в Российской Федерации и роль органов внутренних дел в их реализации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.
12. *Польщикова Л.А.* Генезис понятия «естественное право» в контексте гуманистического образования // Педагогическое образование. 2009. № 4. С. 53–59.
13. *Попов В.С.* Об умалении и иного рода ограничениях конституционных прав и свобод человека и гражданина // Социально-экономические явления и процессы. Т. 12. 2017. № 4. С. 131.
14. Современный конституционализм: теория, доктрина и практика / отв. ред. Е.В. Алферова, И.А. Умнова. М., 2013. С. 6.
15. *Умнова И.А.* Конституционное право Российской Федерации: в 2 т. Т. 1. Общая часть. М., 2014. С. 16.

16. *Фенько А.Б.* Образ свободы в российском сознании и перспективы формирования гражданского общества // Способы адаптации населения к новой социально-экономической ситуации в России. М., 1999. С. 34.
17. *Чиркин В.Е.* О тенденциях развития конституций в современном мире // Современное конституционное право: сб. науч. тр. / отв. ред. Е.В. Алферова. С. 11.
8. *Lanovaya G.M.* General laws of reproduction and modern features of legal registration of Constitutional Law // Constitutional and Municipal Law. 2011. No. 3. P. 2, 3 (in Russ.).
9. *Malakhov V.P.* Methodological and worldview problems of modern legal theory. М., 2011. P. 81, 377 (in Russ.).
10. *Nikonov A.S.* Constitutional and legal regulation of social and economic human rights in the Bolivarian Republic of Venezuela: dis. ... PhD in Law. М., 2010 (in Russ.).
11. *Ovsyannikov R.N.* Constitutional and legal regulation of political rights and freedoms of citizens in the Russian Federation and the role of internal Affairs bodies in their implementation: dis. ... PhD in Law. М., 2005 (in Russ.).
12. *Polshchikova L.A.* Genesis of the concept of “natural law” in the context of humanistic education // Pedagogical education. 2009. No. 4. P. 53–59 (in Russ.).
13. *Popov V.S.* On the diminution and other restrictions of constitutional rights and freedoms of man and citizen // Socio-economic phenomena and processes. Vol. 12. 2017. No. 4. P. 131 (in Russ.).
14. Modern constitutionalism: theory, doctrine and practice / ex. ed. E.V. Alferova, I.A. Umnova. М., 2013. P. 6 (in Russ.).
15. *Umnova I.A.* Constitutional Law of the Russian Federation: in 2 vols. Vol. 1. General part. М., 2014. P. 16 (in Russ.).
16. *Fen'ko A.B.* The image of freedom in the Russian consciousness and prospects for the formation of civil society // Ways to adapt the population to the new socio-economic situation in Russia. М., 1999. P. 34 (in Russ.).
17. *Chirkin V.E.* On trends in the development of constitutions in the modern world // Modern Constitutional Law: collection of scientific work / ex. ed. E.V. Alferova. М., 2010. P. 11 (in Russ.).

REFERENCES

1. *Alexandrova A.V.* Constitutional regulation of social rights. Penza, 2014 (in Russ.).
2. *Afanasyeva S.A., Konev F.F., Koneva E.M., Shisheni-na I.V.* Stages of formation and development of human rights // Modern scientific research and innovation. 2017. No. 2. P. 505 (in Russ.).
3. *Vechkanova N.V.* Constitutional regulation and judicial protection of personal rights and freedoms in the CIS countries: dis. ... PhD in Law. М., 2014 (in Russ.).
4. *Kenenova I.* The crisis of the Western tradition of law and the Russian tradition of power in the perspective of constitutional comparative studies // Comparative constitutional review. 2013. No. 1. P. 16. (in Russ.)
5. The Constitution in the XXI century: comparative legal research / ex. ed. V.E. Chirkin. М., 2011. P. 6 (in Russ.).
6. *Konyukhova I.A.* Constitution of the new generation: state and prospects of development // Modern Constitutional Law: collection of scientific work / ex. ed. E.V. Alferova. М., 2010. P. 30–33 (in Russ.).
7. *Kravets I.A.* Constitutional Law as a meta-branch: the role of the Constitution and the foundations of the constitutional system in intersectoral harmonization // Academic notes of the faculty of law. 2017. No. 44–45. P. 171, 172 (in Russ.).

Сведения об авторе

УТКИН Григорий Николаевич – кандидат юридических наук, советник вице-президента Российской академии наук; 119991 г. Москва, Ленинский пр-т, д. 14

Authors' information

UTKIN Grigory N. – PhD in Law, adviser to the Vice-President of the Russian Academy of Sciences; 14 Leninskiy avenue, 119991 Moscow, Russia

ТЕОРИИ ПРИНЯТИЯ ЮРИДИЧЕСКОГО РЕШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ ПРАВОВОЙ ДОКТРИНЕ ГЕРМАНИИ

© 2020 г. М. А. Белова

Российский государственный университет правосудия, Москва

E-mail: kkp@rsuj.ru

Поступила в редакцию 22.06.2020 г.

Аннотация. В статье представлен обзор основных теорий принятия юридического решения в германской правовой доктрине: прескриптивных и дескриптивных теорий; исследованы схемы принятия юридического решения; раскрыта сущность социологически-эмпирического анализа поведения судьи при принятии решения.

Ключевые слова: решение, прескриптивные (нормативные) теории, дескриптивные теории, схема принятия решения, логические схемы с обратной связью, социологически-эмпирический анализ поведения, герменевтика, аттитюды.

Цитирование: Белова М.А. Теории принятия юридического решения в современной правовой доктрине Германии // Государство и право. 2020. № 10. С. 146–150.

DOI: 10.31857/S102694520012241-6

THEORIES OF LEGAL DECISION MAKING IN MODERN GERMAN LEGAL DOCTRINE

© 2020 г. М. А. Belova

Russian state University of justice, Moscow

E-mail: kkp@rsuj.ru

Received 22.06.2020

Abstract. The article presents an analysis of the main theories of legal decision making in the German legal doctrine: prescriptive and descriptive theories; the legal decision making schemes are investigated; the essence of the sociological-empirical analysis of the judge's behavior when making a decision is revealed.

Key words: decision, prescriptive (normative) theories, descriptive theories, decision-making scheme, logic circuits with feedback, sociological-empirical analysis of behavior, hermeneutics, attitudes.

For citation: Belova, M.A. (2020). Theories of legal decision making in modern German legal doctrine // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 146–150.

Проблема принятия юридических решений в современной германской правовой доктрине все больше актуализируется ввиду того, что результативность данной стадии является необходимым условием эффективности правоприменительной деятельности в целом. Поскольку фактически каждое решение всегда означает необходимость осуществлять выбор между различными альтернативами, цель теории принятия юридических решений представляется в том, чтобы как минимум предоставить юристам широкий

комплекс вариантов действий, вследствие чего они могли бы сознательно сделать выбор и принять решение в результате использования альтернативных вариантов и распознавания влияющих на процесс его (решения) выработки факторов.

Следует отметить, что в современной правовой доктрине Германии существует разнообразный спектр теорий и концепций, которые понимаются как теории принятия решения или же оцениваются как таковые. Более того,

Й. Шнайдер, например, приходит к выводу, что теория принятия решения как таковая в чистом виде не существует, а также не существует универсального понимания решения, которое могло бы лежать в ее основе¹.

То различие внутри концепций юридического решения, которое имеет значение для правовой сферы, как отмечает Й. Шнайдер, восходит к аристотелевскому противопоставлению науки (*scientia*) и нравственного понимания (*sittlicher Einsicht – prudentia*). В то время как наука в этом смысле определяется как «[абстрактное] методическое познание сущего из его принципов», нравственное понимание описывает «взвешенный, разумный выбор в конкретной ситуации»². Аналогичным образом в теории принятия юридического решения в правовой доктрине выделяются два подхода: *прескриптивный* (также называемый *нормативным*) (от *praescribe* – определять, предопределять, регулировать) и *дескриптивный* (от *describere* – описывать).

Прескриптивные (нормативные) теории решения Й. Шнайдер определяет как теории, в которых лицу, принимающему решение, дается указание, как и по каким правилам он принимает решение объективно правильно («*richtig*») или законно, справедливо («*gerecht*»)³.

Однако следует подчеркнуть, что на практике нормативные теории принятия решения не дают ответа на этот вопрос, а устанавливают определенные схемы, прежде всего логическую схему (схематический график последовательности операций процесса принятия решений). Соответственно, все прескриптивные (нормативные) теории характеризуются двумя отличительными признаками: во-первых, процесс принятия решения протекает по определенным фазам (ступеням), а именно по линейной фазовой схеме. Во-вторых, решение по своей сущности упрощается тем, что сводится к выбору между возможными альтернативами.

В германской правовой доктрине не существует также единства мнений относительно структуры схемы принятия юридического решения. Так, Й. Шнайдер выделяет следующие ступени в принятии решения: 1) установление проблемы; 2) поиск информации; 3) поиск возможных вариантов решения; 4) оценка вариантов (возможного решения); 5) выбор стратегии реализации; 6) исполнение⁴.

Еще конкретнее выглядит схема, разработанная Ф. Крюгером: 1) предварительная оценка; 2) определение места; 3) определение альтернатив; 4) оценка альтернатив; 5) результат решения; 6) заключение⁵.

В. Килиан разделяет процесс принятия решения на следующие фазы: 1) постановка проблемы; 2) цели; 3) сбор альтернативных методов; 4) сбор информации; 5) выбор возможных альтернатив; 6) выполнение выбранных альтернатив. В. Килиан отмечает, что тем самым в чисто фазовую схему вводится в качестве существенного дополнительного этапа целеполагание (постановка цели) и поиск цели, чем подразумевается, что лицо, принимающее решение, пытается «воспроизвести для себя последствия возможных

альтернатив действия, для того, чтобы выбрать варианты с благоприятными последствиями»⁶.

Определенное значение для судебной практики представляют собой теории, которые также предполагают прохождение определенных стадий в процессе принятия решения, но тем не менее предусматривают их многократное повторение, например, после проверки результатов предшествующих стадий. Как отмечает Й. Шнайдер, в результате «менее подходящие» или «неподходящие» варианты отбрасываются, а новое прохождение определенной стадии производит, возможно, уже лучшие результаты⁷.

Таким образом, как представляется, от линейной последовательности фаз (стадий) как идеи, которую предполагает нормативная теория решения, следует отказаться, поскольку в том случае если лицо, принимающее решение, после его собственных, предшествующих предположений сталкивается с неприемлемыми (недопустимыми) последствиями, то ему следует снова вернуться, «вступить» в эту схему. По определению Й. Шайдера, в этом случае возникают «циклы с эффектом обратной связи»⁸.

В целом они соответствуют спиралевидным моделям, которые развивались в философии права прежде всего К. Энгисем, М. Криле, Г. Эссером, А. Кауфманном. И все же такие процессы только лишь по своей *структуре* являются нормативными предписаниями для «правильного» решения. Они не указывают никаких *правил*, когда решение в результате является верным.

Логические схемы с обратной связью разрабатывали К. Адомайт и Т. Вельде⁹. Т. Вельде прежде всего сконцентрировал применение теории решения в «логической схеме аргументации» с 13 ступенями решения от установления проблемы (решения) до самого решения: 1) установление проблемы решения; 2) выявление и построение приемлемых с точки зрения догмы права вариантов; 3) определение последствий: выборка актуальных ожидаемых результатов; 4) уточнение определяющей целевой структуры проблемной области; 5) операционализация целевой структуры: ранжирование / оценочная шкала; 6) оценка вероятности актуальных ожидаемых последствий; 7) оценка возможных результатов возможной стратегии принятия решения посредством операционализированной целевой структуры; 8) оценка возможных результатов на основе фактора неопределенности; 9) процесс выбора на основе процедуры принятия решения; 10) проверка сензитивности; 11) проверка критериев легитимности; 12) проверка критериев функциональности, в особенности посредством вопросов: а) в достаточной ли мере обработана информация? б) имеют ли другие системы принятия решения лучшую информативную способность? в) осуществимо ли решение? 13) обоснование (аргументация, мотивировка)¹⁰. С 10-й, 11-й, 12-й и 13-й стадий схема соответствующим образом допускает возвращение ко второй ступени, кроме того, возможно осуществление обратной связи между различными ступенями.

¹ См.: Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.) Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart. 9. Aufl. Heidelberg, 2016. S. 319.

² Ibid. S. 320.

³ См.: ibid.

⁴ См.: ibid. S. 325.

⁵ См.: Krüger F. Nicht-lineares Information Retrieval in der juristischen Informationssuche. Marburg, 1997. S. 205.

⁶ Kilian W. Juristische Entscheidung und elektronische Datenverarbeitung. Frankfurt a.M., 1974. S. 151.

⁷ См.: Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.) S. 326.

⁸ Ibid.

⁹ См.: Adomeit K. Methodenlehre und Juristenausbildung, in: ZRP, 1970.

¹⁰ См.: Wälde T.W. Juristische Folgenorientierung. Athenäum, 1979. S. 5.

Такая схема, безусловно, может повлечь за собой положительный результат в том смысле, что лицо, принимающее решение, может выяснить для себя, какими факторами или ожиданиями оно руководствовалось или руководствуется, оценить результаты, однако представляется, что данная схема с обратной связью также не является «сводом правил», не гарантирует «правильное решение».

Определенный интерес представляет теория, разработанная Г. Люббе-Вольфом, где автор отделяет правовые последствия (Rechtsfolgen) от реальных последствий (Realfolgen). По определению Г. Люббе-Вольфа, правовые последствия посредством правовых норм привязаны к наличию более или менее определенных предпосылок, тогда как реальные последствия являются фактическим последствием действия и применения правовых норм¹¹. Внутри реальных последствий Г. Люббе-Вольф проводит различие между последствиями решения и последствиями адаптации: последствия решения устанавливаются и реализуются посредством основного на правовой норме авторитарного решения, к последствиям решения относятся также вытекающие непосредственно из его реализации последствия; последствия адаптации касаются поведенческого влияния правовых норм: действие и применение правовых норм также влияет на то, что субъекты права, чтобы получить преимущества или избежать негативных последствий, ведут себя иначе, чем они могли бы вести себя в условиях другого действующего правила¹². Установленное Г. Люббе-Вольфом различие последствий возможно проиллюстрировать на следующем примере из российской практики: осуждение по ст. 158 УК РФ и возможное отбывание наказания в местах лишения свободы — это последствие решения, в то время как ожидаемая общая превенция была бы последствием адаптации.

Как отмечает Й. Шнайдер, адаптационные последствия часто входят в состав общих масштабов цели (например, общая превенция), но не являются конкретным признаком (элементом) состава преступления. Но решения о вероятности наступления адаптационных последствий оказывают влияние на толкование правовых норм на основе общих критериев, поскольку нормативные правовые акты не содержат общих масштабов цели или выражают их в неявной форме. Тем самым Й. Шнайдер устанавливает принципиальное различие касательно *программирования* решений, а именно финальное (finale) и условное (konditionale) программирование¹³.

Н. Луман отмечает, что нормативная теория принятия решения принципиально исходит из схемы «если — то», т.е. из условного программирования и считает условное программирование функциональным и определяющим для правовой системы. Только этот тип программирования, по мнению Н. Лумана, предоставляет ту степень редукции, которая необходима, «чтобы сложность одного решения приспособить к степени сложности правовой системы»¹⁴. Й. Шнайдер, напротив, не подвергает сомнению тот факт, что в выработке юридического решения немаловажную роль играют *финальные* моменты, особенно в тех случаях,

когда принимается инновационное решение, отличное от существующей догматики¹⁵.

Следует отметить, что это положение является одним из основных противоречий в нормативной теории принятия решения в правовой доктрине: с одной стороны, требуется, чтобы решение «придерживалось» определенных правил, и одновременно в итоге сохраняется схема «если — то»; с другой — признается, что судебная практика изменяется и появляются инновационные решения. Общим положением нормативных теорий является рассмотрение в качестве одного из важнейших этапов принятия решения проявление альтернатив и выбор «правильных» из них, причем добавляется также оценка этих вариантов.

Другой подход в теории принятия решения — дескриптивный — имеет объясняющий характер и пытается описать, как индивиды и группы людей в реальности фактически принимают решения. С помощью эмпирически полученных гипотез о поведении при принятии решения, при условии знания исходной ситуации, дескриптивные концепции пытаются прогнозировать результаты решения.

Дескриптивные теории пытаются, среди прочего, ответить на следующие вопросы:

каким образом индивиды/группы ставят перед собой цели, и как они изменяются в ходе процесса принятия решения?

как индивиды формируют для себя решение о вероятности наступления непредвиденных (неопределенных, неизвестных) обстоятельств?

от чего зависит вклад в решение проблемы и в совместное принятие решения каждого члена группы?

как влияет сбор и обработка информации на процесс принятия решения и на результат решения?¹⁶

Одним из направлений дескриптивных теорий принятия юридического решения в правовой доктрине является социологически-эмпирический анализ поведения судей при принятии решения. Герменевтический анализ процесса понимания и принятия юридического решения задается вопросом об «условиях» решения, причем оказывается, что понимание зависит от предшествующего знания (Vorkenntnisse), от поочередной (взаимной) интерпретации нормы и фактических обстоятельств дела¹⁷. Но тем не менее, как отмечает Й. Шнайдер, на вопрос, *какой* конкретно опыт должен «входить» в процесс принятия юридического решения и при необходимости *как*, герменевтика ответа дать не может¹⁸.

В связи с поиском детерминант юридического решения в правовой доктрине получили развитие юридическо-социологические концепции, которые исходят из того, что полученный в процессе социализации опыт находит отражение в принятом решении. Представителями данной теории являются А. Хельдрих и Г. Шмидхен. Ученые провели исследование социального происхождения молодых юристов и судей в Германии, в результате которого было выявлено, что молодые судьи по своему социальному происхождению относятся к высшему и среднему слоям общества

¹¹ См.: Lübbe-Wolff G. Rechtsfolgen und Realfolgen. Freiburg, 1981. S. 25.

¹² См.: ibid. S. 13.

¹³ См.: Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.) S. 328.

¹⁴ Rehlinger M. Rechtssoziologie, 8. Aufl. München, 2014. S. 138.

¹⁵ См.: Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.) S. 328.

¹⁶ См.: ibid.

¹⁷ См.: Kaufmann A. Analogie und Natur der Sache; Zugleich ein Beitrag zur Lehre vom Typus, 2. Aufl. Heidelberg, 1982.

¹⁸ См.: Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.) S. 328.

и в значительной степени одобряют существующий «политический порядок», в то же время снизилось количество молодых судей, которые происходят из семей чиновников. При этом 2/5 молодых судей поддерживают введение широкого плебисцитного права участия в принятии решений, 3/4 — выступают за расширение участия в управлении делами общества, 1/3 — считают несправедливым существующее распределение доходов и имущества¹⁹.

Однако полагаю, что полученные в результате представленного исследования знания о ценностях и о позиции судей являлись общими, чтобы из них можно было бы сделать выводы для оснований принятия конкретных судебных решений. Социальные науки не являются подходящим научным инструментом, чтобы считать правовую оценку «правильной» или «неправильной». Но то, что индивидуальные особенности лица, принимающего решение, оказывают влияние на его действия, не вызывает сомнений. Нормативные теоретические подходы, напротив, пытаются исключить это субъективное участие.

Тем самым соотношение прескриптивных и дескриптивных теорий принятия решения возможно установить как соотношение результатов умственной работы и чувственных впечатлений, определенное И. Кантом: «Мысли без содержания пусты, взгляды без идей слепы... Разум ничего не может созерцать, а чувства мыслить»²⁰.

Теория возможной взаимосвязи между личной ценностной позицией или точкой зрения судьи и его решением нашла свое развитие в концепции, разработанной Й. Шнайдером, в которой автор вводит понятие аттитюдов (*Attitüden*), где решение понимается в схеме *stimulus / response* как реакция (*response*) на определенный стимул (случай) (*stimulus*). Теоретически по тождественным случаям должны приниматься схожие решения. В том случае, если это не так, то между ними (случай — решение) должны находиться позиции судьи (аттитюды), которые являются основой различных решений по схожим случаям. Вследствие этого классическая модель *stimulus / response* в концепции Й. Шнайнера дополняется аттитюдами: S (случай) → A (аттитюд) → R (решение-реакция)²¹.

В развитие данной модели Г. Роттлоитнер предложил проводить различие между S (случаем) и S', где под S' понимается обстоятельство дела, которое судья считает значимым, на которое, в свою очередь, оказывают влияние аттитюды. Модель исследования аттитюдов, предложенная Г. Роттлоитнером, выглядит следующим образом: S (случай) ↔ S' (предполагаемый судьей случай) → A (аттитюд) → R (решение-реакция)²².

Представляется, что в таком случае аттитюды должны были бы «искажать» решение. В предложенных схемах вопрос, как это происходит на практике, остается без ответа.

Попытку продемонстрировать влияние аттитюдов на принятие решения и как следствие искажение фактической ситуации на примере уголовного судопроизводства предпринял Д. Петерс. В результате проведенного исследования она пришла к следующему, полагаю, спорному, выводу: «Характеристика судьями лица, обвиняемого в краже,

корреспондирует с типичными представлениями о низших слоях населения. Например, типичный вор, грабитель представляется как нежелающий работать или не имеющий постоянного места работы, малоквалифицированный, заинтересованный в легкой добыче денег. Принадлежность к низшим слоям общества означает для судей — “люди, которые не желают работать, не имеют профессии, но имеют желание лучшей жизни, полны зависти по отношению к людям, занимающим лучшие позиции в жизни”. Из-за аналогичного определения принадлежности к низшим слоям это может, хотя и не обязательно, но все же, исказить фактические обстоятельства дела. Признание положительного поведения, упорядоченного образа жизни приводит к тому, что обвиняемый рассматривается судом как “совершивший преступление по неосторожности”, поведение тогда определяется как “незапланированное” и без особого противоправного содержания. При признании же “неупорядоченного” образа жизни, отрицательного поведения применяются более суровые санкции. Данные результаты были получены на основании 51 проведенного наблюдения решений судей в зале суда»²³.

Однако, как справедливо отмечает Й. Шнайдер, данные результаты вызывают сомнения в своей объективности, поскольку не указаны критерии, на основании которых сравнивались решения, «из всего выше сказанного вытекает явное указание на значимость определенных социальных факторов, но, тем не менее, не следует определять влияние каждого отдельного фактора на конкретное решение, которое он мог бы предопределить»²⁴.

М. Билер также предпринял попытку продемонстрировать воздействие, которое имеет личное, специфическое, субъективное чувство истинности, справедливости правового решения на процесс поиска решения, определив свою теорию как «психология правотворчества». Эта концепция представляет собой нечто среднее между нормативной теорией (согласно которой нормы управляют поведением судьи) и эмпиризмом. М. Билер рассматривает также вопрос, какую роль играют и должны играть представления справедливости в рамках правосознания в практике конкретизации норм права. Однако данная концепция требует дальнейшей разработки, на что указывает сам М. Билер, определив свою теорию как «дескриптивную, которая еще эмпирически не проверена»²⁵.

* * *

Таким образом, несмотря на возможность формирования собственного основного направления, выходящее за пределы социологии права эмпирическое исследование принятия юридического решения в современной правовой доктрине Германии пока не получило дальнейшего развития.

REFERENCES

1. *Adomeit K. Methodenlehre und Juristenausbildung*, in: ZRP, 1970.
2. *Bihler M. Rechtsgefühl, System und Wertung*. München, 1979. S. 325.

²³ Ibid. S. 333.

²⁴ Ibid. S. 334.

²⁵ *Bihler M. Rechtsgefühl, System und Wertung*. München, 1979. S. 325.

¹⁹ См.: *Heldrich A. / Schmidtchen G. Gerechtigkeit als Beruf*. München, 1982. S. 205.

²⁰ *Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.) S. 330*.

²¹ См.: *ibid.* S. 332.

²² См.: *ibid.*

3. *Hassemer / Neumann / Saliger (Hrsg.)* Einführung in die Rechtsphilosophie und Rechtstheorie der Gegenwart. 9. Aufl. Heidelberg, 2016. S. 319, 320, 325, 326, 328, 330, 332–334.
4. *Heldrich A. / Schmidtchen G.* Gerechtigkeit als Beruf. München, 1982. S. 205.
5. *Kaufmann A.* Analogie und Natur der Sache; Zugleich ein Beitrag zur Lehre vom Typus, 2. Aufl. Heidelberg, 1982.
6. *Kilian W.* Juristische Entscheidung und elektronische Datenverarbeitung. Frankfurt a.M., 1974. S. 151.
7. *Krüger F.* Nicht-lineares Information Retrieval in der juristischen Informationssuche. Marburg, 1997. S. 205.
8. *Lübbe-Wolff G.* Rechtsfolgen und Realfolgen. Freiburg, 1981. S. 13, 25.
9. *Rehbinder M.* Rechtssoziologie, 8. Aufl. München, 2014. S. 138.
10. *Wälde T.W.* Juristische Folgenorientierung. Athenäum, 1979. S. 5.

Сведения об авторе

БЕЛОВА Марина Анатольевна — преподаватель кафедры конституционного права им. Н.В. Витрука Российского государственного университета правосудия; 117418 г. Москва, ул. Новочеремушкинская, д. 69

Authors' information

BELOVA Marina A. — lecturer, Vitruk Department of Constitutional Law of the Russian state University of justice; 69 Novocheremushkinskaya str., 117418 Moscow, Russia

ПРОБЛЕМЫ ЦИФРОВИЗАЦИИ В СФЕРЕ ОСУЩЕСТВЛЕНИЯ ПРАВОСУДИЯ

© 2020 г. А. В. Малько^{1, *}, С. Ф. Афанасьев^{2, **},
В. Ф. Борисова^{2, ***}, Н. В. Кроткова^{3, ****}

¹Поволжский институт (филиал)

Всероссийского государственного университета юстиции, г. Саратов

²Саратовская государственная юридическая академия

³Институт государства и права Российской академии наук, Москва

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: af.73@mail.ru

***E-mail: vfb2709@yandex.ru

****E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Поступила 07.04.2020 г.

Аннотация. Актуальность публикации материалов Всероссийского «круглого стола» обусловлена необходимостью исследования процесса цифровизации правосудия в условиях повышения социальной значимости дистанционных технологий. Цель «круглого стола» – анализ параллельно функционирующих автоматизированных информационных систем судов разного поколения, недостатков правового регулирования электронного правосудия, правоприменительных проблем эксплуатации электронных платформ судов, выработка предложений по совершенствованию законодательства в сфере электронного правосудия.

Ключевые слова: цифровизация правосудия, правовая политика, автоматизированная информационная система судов, электронное гражданское дело.

Цитирование: Малько А.В., Афанасьев С.Ф., Борисова В.Ф., Кроткова Н.В. Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия // Государство и право. 2020. № 10. С. 151–159.

Работа выполнена при поддержке гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

DOI: 10.31857/S102694520012242-7

PROBLEMS OF DIGITALIZATION IN THE FIELD OF JUSTICE

© 2020 г. А. В. Mal'ko^{1, *}, S. F. Afanasyev^{2, **},
V. F. Borisova^{2, ***}, N. V. Krotkova^{3, ****}

¹Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice, Saratov

²Saratov state law Academy

³Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Moscow

*E-mail: alex25-58@mail.ru

**E-mail: af.73@mail.ru

***E-mail: vfb2709@yandex.ru

****E-mail: krotkova2012@yandex.ru

Received 07.04.2020

Abstract. The relevance of the publication of the materials of the All-Russian “Round Table” is due to the need to study the process of digitalization of justice in the conditions of increasing social significance of remote technologies. The purpose of the “Round Table” is to analyze parallel functioning automated information systems of courts of different generations, shortcomings of legal regulation of electronic justice, law enforcement problems of operation of electronic platforms of courts, and develop proposals for improving legislation in the field of electronic justice.

Key words: digitalization of justice, legal policy, automated information system of courts, electronic civil case.

For citation: Mal'ko, A.V., Afanasyev, S.F., Borisova, V.F., Krotkova, N.V. (2020). Problems of digitalization in the field of justice // Gosudarstvo i pravo=State and Law, No. 10, pp. 151–159.

This work was supported by RFBR Grant No. 18-29-16111 “Transformation of legal regulation of relations related to the use of digital technologies in the judicial system and in the system of execution of judicial acts”.

24 марта 2020 г. в Саратовской государственной юридической академии (СГЮА) в заочной форме прошел Всероссийский научно-практический «круглый стол» «Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия». В рамках мероприятия обсуждались вопросы использования автоматических информационных систем, действующих в судебной системе (ГАС «Правосудие», «Мой Арбитр» и др.), опыт применения электронных интерактивных систем правосудия за рубежом, реалии и перспективы правового регулирования цифровых технологий в деятельности судов, направления правовой политики государства в сфере электронного правосудия.

Организатором «круглого стола» выступил научный коллектив преподавателей СГЮА – участников гранта РФФИ № 18-29-16111 «Трансформация правового регулирования отношений, связанных с применением цифровых технологий в судебной системе и в системе исполнения судебных актов».

Открыл пленарное заседание **А.В. Малько, д-р юрид. наук, проф., заслуженный деятель науки РФ, академик РАЮН.**

Ниже приводятся выступления участников «круглого стола».

С.Ф. Афанасьев, зав. кафедрой арбитражного процесса СГЮА, д-р юрид. наук, проф., судья в отставке, в своем докладе осветил новую цифровую стратегию Европейского Союза в контексте правоприменительной деятельности. В феврале 2020 г. Еврокомиссия приняла новую цифровую стратегию Европейского Союза, которая охватывает многие вопросы, связанные с внедрением и использованием искусственного интеллекта (далее – ИИ) в различных областях человеческой деятельности, а также принципы разработки и применения юридических директив относительно ИИ. Комментаторы стратегии подчеркивают, что «директива выделяет семь основных факторов этической разработки ИИ. Искусственный интеллект должен создаваться в поддержку субъектности человека, а не наоборот; он должен быть надежным, устойчивым к ошибкам и лишенным уязвимостей перед атаками; граждане, в свою очередь, должны иметь контроль над своими данными, и эти данные не должны использоваться для причинения им вреда».

Среди прочего стратегия ЕС много внимания уделяет тематике соотношения ИИ и правосудия по гражданским, уголовным или административным делам, поскольку правосудие в последнее время претерпевает значительные технологические новшества, позволяющие ему перевести организационные, судопроизводственные,

делопроизводственные и иные отношения на совершенно новый уровень во взаимодействии с участниками процесса.

В первую очередь разработчики директивы отмечают, что при осуществлении правосудия ИИ представляет собой некий «черный ящик», парадигмы действия которого достаточно сложны и не ясны для суда и лиц, участвующих в деле, его частичное автономное от человека функционирование является трудно осознаваемым и рационализируемым с правовой точки зрения. Как правило, представители правоохранительных органов не обладают необходимыми знаниями и компетенциями, которые позволяли бы им проверить, каким образом ИИ принимает решения в рамках конкретного правоприменения. При этом, несмотря на всю эффективность действия ИИ, его работа показывает, что заложенные в него алгоритмы «могут отображать гендерные и расовые предрассудки, демонстрируя различную вероятность прогнозирования рецидивизма для женщин против мужчин или для граждан против иностранцев»¹.

Что, собственно, все сказанное означает для осуществления правосудия? По мнению авторов стратегии, чтобы ответить на этот немаловажный вопрос, следует найти правильную отправную точку. Такой точкой являются *fundamental rights*, т.е. такие базовые права человека, которые ему принадлежат от природы или по факту рождения, – это прежде всего право на достоинство и защиту частной жизни в условиях активной цифровизации общества и государства. Следовательно, для начала в контексте действующего национального и общеевропейского законодательства нужно произвести мониторинг того, как оно справляется с рисками использования ИИ в области правоохранительной деятельности и правосудия, и только после этого создавать новые нормативные предписания с учетом выявленных рисков.

Отчасти данные риски уже вполне понятны, поэтому следует: нивелировать разногласия гендерного, расового, этнического, религиозного, возрастного и иного характера; переоценить способы человеческого контроля при внедрении ИИ за соблюдением критериев справедливого судебного разбирательства и эффективности средств правовой защиты; уяснить юридический механизм того, как заинтересованные лица смогут оспаривать решения, принятые с помощью ИИ. Кроме того, как показывает правоприменительный опыт, пострадавшие субъекты изначально имеют неравное положение по сравнению с цифровыми и телекоммуникационными технологиями, у них мало шансов поставить под сомнение собранные материалы и доказательства, например, при привлечении к административной

¹ Белая книга. Брюссель, 2020. С. 11.

ответственности по делам, основанным на данных, полученных от систем фиксации, а равно видеонаблюдения.

Такие и подобные этому риски будут только множиться по мере того, как применение ИИ станет более распространенным. Это особенно актуально при сборе биометрических сведений в общественных местах для целей удаленной идентификации граждан, коль скоро «право на уважение частной жизни и защиту персональных данных лежат в основе фундаментальных правозащитных проблем при использовании технологии распознавания лиц»², тем более что соответствующее право зафиксировано в Хартии ЕС об основных правах.

Стало быть, широкое употребление ИИ в правоприменении, среди прочего и при отправлении правосудия, действительно предполагает множество преимуществ (юридических, экономических, логистических и др.) для физических и юридических лиц, но при условии, что это ориентировано на человека, отвечает правилам этики и исходит из уважения основных прав и ценностей. Поэтому нужно и далее заниматься поиском решений в данной области общественных отношений, предполагая соблюдение баланса между новейшими технологиями и традиционными гуманитарными составляющими. В нашей стране законодательное регулирование ИИ находится в стадии становления. Так, в 2018 г. Президиум Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и приоритетным проектам утвердил Паспорт национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»³; создан проект федерального закона «О внесении изменений в Гражданский кодекс Российской Федерации в части совершенствования правового регулирования отношений в области робототехники»⁴; Советом судей РФ 5 декабря 2019 г. одобрена Концепция информационной политики судебной системы на 2020–2030 годы⁵. Кроме того, в 2019 г. Президент РФ поручил Правительству РФ разработать национальную стратегию в области развития искусственного интеллекта, которая позднее была утверждена Указом от 10 октября 2019 г. № 490⁶.

В последнем документе впервые закреплено понятие ИИ, под которым понимают комплекс технологических решений, позволяющий имитировать когнитивные функции человека (включая самообучение и поиск решений без заранее заданного алгоритма) и получать при выполнении конкретных задач результаты, сопоставимые как минимум с результатами интеллектуальной деятельности человека. Подчеркивается, что главными принципами развития и использования ИИ являются: обеспечение защиты гарантированных российским и международным законодательством прав и свобод человека; безопасность; прозрачность;

² Белая книга. С. 21.

³ См.: URL: <http://government.ru/info/35568/> (дата обращения: 20.03.2020).

⁴ См.: URL: https://www.google.ru/url?sa=t&rct=j&q=&esrc=s&source=web&cd=2&ved=2ahUKEwjU6_y2jo_iAhXIIosKHWzxCsUQFjABegQIAxAC&url=http%3A%2F%2Ffropopra.vo.ru%2Fuploads%2Fs%2Fz%2F6%2Fg%2Fz6gj0wkwhv1o%2Ffile%2FbESvQz3Y.pdf&usq=AOvVaw0vT6JYirXxQ0caCIHAZRup (дата обращения: 20.03.2020).

⁵ См.: СПС «КонсультантПлюс».

⁶ См.: Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации» (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

технологический суверенитет; целостность инновационного цикла и проч. Иными словами, Россия находится на том же пути, что и страны ЕС, который связан с поиском ключевых оптимальных решений, позволяющих результативно применять технологии ИИ в различных сферах деятельности, в т.ч. в правосудии, но таким образом, чтобы это полностью согласовывалось с базовыми правами человека и гражданина.

И.В. Воронцова, д-р юрид. наук, профессор Казанского филиала Российского государственного университета правосудия (РГУП), представила обзор опыта зарубежных государств использования электронного сервиса при возбуждении гражданского судопроизводства. Возбуждение производства по делу посредством подачи заявления в электронной форме есть первый шаг на пути создания электронного правосудия в России. Зарубежные страны пошли гораздо дальше, не ограничивая цифровую модернизацию осуществления правосудия исключительно режимом работы онлайн-сервисов на стадии возбуждения производства по делу.

Например, с марта 2005 г. в Окружном суде США Восточного округа штата Луизиана используются уведомления по электронной почте. Зарегистрировавшись в соответствующей системе (системе CM/ECF), пользователь таким образом изъявляет желание на получение всех процессуальных документов по электронной почте. В таком случае требуется предоставление основного и дополнительного адреса электронной почты, для того чтобы вся информация могла отправляться по основному адресу и дублироваться по дополнительно указанному адресу.

В Италии любой судебный округ вправе запустить систему электронного правосудия и извещения участников судопроизводства. Однако данная система не может являться альтернативной по отношению к традиционному судопроизводству, но ее использование возможно в качестве дополнения к традиционному судопроизводству. Сторонам предоставляется право выбора желательной для них процедуры. Если сторона отдает предпочтение электронному гражданскому судопроизводству, то таким образом выражается согласие на получение всей судебной документации исключительно в электронном виде. Аналогичный порядок характерен и для возможного электронного судопроизводства в Германии.

В Южной Корее также сохраняются элементы бумажного документооборота, однако повестки гражданам страны могут быть направлены и при помощи sms. В английском же гражданском процессе, если сторона сообщает адрес электронной почты или номер факса, считается презумпцией, что она будет надлежащим образом уведомлена посредством данных технических средств.

В России система извещений регламентирована лишь в отношении sms-уведомлений. Порядок извещения участников судопроизводства данным способом отражен в Регламенте организации извещения участников судопроизводства посредством sms-сообщений, утвержденном Приказом Судебного департамента при Верховном Суде РФ от 25 декабря 2013 г. № 257. Кроме того, в ч. 2 ст. 131 ГПК РФ закреплено право сторон и их представителей указать номера телефонов, факсов, адресов электронной почты. Таким образом, из представленного обзора опыта зарубежных стран следует, что здесь для оповещения участников судебного процесса помимо sms часто используются электронные сервисы и электронная почта.

В.В. Кулапов, канд. юрид. наук, доцент кафедры международного права СГЮА, осветил опыт правового регулирования электронного правосудия в Канаде.

В 2016 г. в канадской провинции Британская Колумбия начал функционировать Трибунал по разрешению гражданских споров (*Civil Resolution Tribunal*) – ТРГС⁷, который вполне можно рассматривать в качестве одного из передовых примеров реализации электронного правосудия.

Уникальность этого судебного органа, интегрированного в судебную систему провинции Британская Колумбия, заключается в том, что он представляет собой не реформированную, существовавшую ранее структуру, а нечто принципиально новое. В этом смысле ТРГС успешно решает многочисленные проблемы, с которыми сталкиваются стороны традиционного судебного разбирательства (к которым в первую очередь относятся существенные материальные, временные и эмоциональные издержки, связанные с рассмотрением гражданских дел). Средством решения этих проблем стали информационные технологии, использование которых весьма эффективно решает поставленные перед ТРГС задачи⁸.

ТРГС рассматривает гражданско-правовые споры, размер исковых требований по которым не превышает 5000 долл. Со временем планируется увеличить эту цифру в пять раз.

Все производство предполагает использование компьютерных технологий и состоит из пяти стадий, каждая из которых реализуется с помощью программного обеспечения, размещенного на официальном веб-сайте ТРГС: 1) первоначальное обращение в ТРГС, в рамках которого заявитель предоставляет информацию о своей проблеме и получает рекомендации относительно возможных вариантов ее решения; 2) подача искового заявления в ТРГС; 3) прямые переговоры истца и ответчика относительно возможности заключения мирового соглашения; 4) переговоры истца и ответчика с участием профессионального посредника – сотрудника ТРГС; 5) рассмотрение дела членом ТРГС, который, не приглашая стороны для непосредственного участия в разбирательстве, на основе представленных ими в электронном виде доказательств (а также сведений, представленных ими с помощью телефонной и видеоконференцсвязи) выносит юридически обязательное решение.

Удобство описанной процедуры несомненно. Тем не менее она вызывает некоторую настороженность у многих исследователей, поскольку предполагает отказ от важнейшего принципа состязательности судебного разбирательства. В ответ на этот довод Верховный суд Канады замечает, что «далеко не всегда наилучшим средством разрешения спора является наиболее сложная процедура»⁹.

В любом случае опыт функционирования ТРГС представляет существенный интерес, поскольку он демонстрирует действительно эффективное решение проблем, стоящих перед судебной системой любого государства, а очевидных препятствий для его заимствования в той или иной степени не существует.

О.В. Брянцева, канд. физ.-мат. наук, доц., профессор кафедры информационного права и цифровых технологий

СГЮА, представила результаты исследования международной практики обеспечения безопасности электронного судопроизводства.

Информатизация затрагивает все ветви власти, не осталась в стороне и судебная система. В ней широко используются информационные технологии для автоматизации работы судов, повышения открытости правосудия.

Во всех странах развитие электронного правосудия находится на разных стадиях, используются свои схемы подачи заявлений и свои информационные системы электронного правосудия. Это связано как с техническими возможностями, так и особенностями и проработанностью законодательства¹⁰. Но проблема обеспечения информационной безопасности при хранении и передаче данных остается ключевой¹¹.

В большинстве стран при передаче данных применяют шифрование, передача осуществляется с использованием криптографического протокола SSL или TLS, информация кодируется и передается по защищенному протоколу HTTPS. В некоторых странах (например, в Эстонии – X-Road) используются свои национальные системы безопасного обмена информацией.

Большое внимание уделяется безопасности персональных данных. Персональные данные в некоторых системах (например, в Германии) хранятся, пока они необходимы для решения каких-то вопросов. Формы ввода и прикрепленные файлы хранятся только во время активного сеанса работы.

В некоторых системах в качестве безопасного способа передачи информации предусмотрены т.н. информационные ящики данных, предназначенные для подачи документов и прямой связи с органами власти (Германия, Чешская Республика). В этом случае не требуется использование квалифицированной электронной подписи. Для передачи сообщений из информационной системы в специальные приложения служит т.н. контейнер метаданных, содержащий различные сведения о транспортировке и криптографических проверках полученного сообщения.

При подаче иска по электронной почте он должен быть обязательно заверен квалифицированной электронной подписью в соответствии с законодательством страны. В случае подачи иска по электронной почте без заверения их электронной подписью необходимо предоставить идентичный текст в стандартной письменной форме в срок, установленный законодательством.

Дополнительная безопасность обеспечивается регистрацией пользователей при входе в систему. Это может быть выбор логина, пароля и секретного вопроса, причем забытые пользователем логины не восстанавливаются (Англия). Вход в систему также может осуществляться с помощью какого-либо идентификатора (ID-карты или мобильного идентификатора). Доступ предоставляется только к данным и процедурам, имеющим отношение к входящим лицам (Эстония). В некоторых информационных системах разным пользователям (обычным, зарегистрированным и квалифицированным) предоставляются разные права (Словения).

⁷ См.: Официальный веб-сайт ТРГС: <https://civilresolutionbc.ca>

⁸ См. подр.: *Salter, Shannon*. Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal. URL: <https://doi.org/10.22329/wyaj.v34i1.5008> (дата обращения: 24.03.2020).

⁹ Там же.

¹⁰ См.: *Брянцева О.В., Солдаткина О.Л.* Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. Т. 19. 2019. № 6. С. 36–47.

¹¹ См.: European e-Justice Portal. Automatic processing. URL: https://e-justice.europa.eu/content_automatic_processing-280-en.do

Таким образом, применение различных способов и методов защиты информации обеспечивает многоуровневую систему безопасности.

Н.А. Калмазова, канд. филос. наук, доцент кафедры английского языка СГЮА, рассказала о способах заимствования юридических терминов в области цифрового правосудия. При обращении в суд граждане России и их официальные представители имеют возможность использовать электронные технологии. Одними из первых процедуру подачи документов в суд в электронном виде (*e-filing*) начали разрабатывать и внедрять США и Великобритания. Появление новых технологий подразумевает описание новых понятий средствами данного языка. Соответственно, стали появляться новые термины.

Процедура подачи документов в суд в электронном виде развивается и в России. Заимствуются наработки Великобритании и США, а вместе с ними и языковые средства.

В языковедии традиционно выделяют три способа заимствования иноязычной лексики: транскрипция — передача звуковой формы иноязычной единицы, транслитерация — передача графической формы иноязычной единицы, калькирование — заимствование ассоциативного значения и структурной модели иноязычной единицы¹².

Пополнение юридической терминологии в области цифрового правосудия происходит преимущественно за счёт калькирования. *Digitizing/digitization* — цифровизация, *e-filing* — электронная подача документов, *cloud technologies* — облачные технологии, *artificial intelligence* — искусственный интеллект, *user data* — пользовательские данные, *digital rights* — цифровые права, *electronic signature* — электронная подпись, *electronic data* — электронные данные, *electronically-stored information* — информация, хранящаяся в электронной форме. Это связано с необходимостью придать родному термину, уже существующему в языке, значение которого совпадает с первичным значением иностранного, вторичное (переносное, производное) значение последнего, т.е. передать его «внутреннюю форму»¹³.

В процессе заимствования юридических терминов, функционирующих в системе цифрового правосудия, предпочтение отдаётся приёму калькирования, поскольку важно понимать смысловое наполнение заимствованной единицы, а не отражать форму иностранного термина, без несения её с понятиями юридической терминологии.

В.В. Ныркв, канд. юрид. наук, доцент кафедры теории государства и права СГЮА, представил структуру проекта доктринальной концепции развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия, в Российской Федерации.

Разработка концептуальных теоретических основ развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия, — весьма актуальная задача для отечественной юридической науки ввиду принятого Российским государством курса на дальнейшее формирование и расширение цифровой

экономики, развитие технологий искусственного интеллекта, модернизацию судебной системы¹⁴.

Правовую политику государства в сфере развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия, представляется целесообразным определять в виде научно обоснованной, комплексной деятельности органов государственной власти, государственных организаций и учреждений, судейского сообщества, профессиональных объединений юристов, научного юридического сообщества по формированию и совершенствованию нормативно-правового массива российского законодательства в данной сфере, установлению режима «юридической и технологической безопасности» по использованию интернет-технологий в функционировании судебной системы и отправлении правосудия для всех участников, включая граждан и предпринимателей, по обеспечению равного доступа к информационно-правовым ресурсам и облегчения обращения заинтересованных лиц в органы судебной власти, а также по созданию унифицированных правовых начал для единого использования интернет-технологий в различных видах судопроизводства.

В сложившихся условиях, на наш взгляд, Российское государство наряду с уже принятыми программными стратегическими документами в области цифровизации экономики и развития технологий ИИ нуждается одновременно и в формировании концепции правовой политики по внедрению цифровых технологий в юридическое пространство в целом. В рамках отмеченной концепции важно раскрыть общие отправные начала нормативно-правового обеспечения процессов перевода ряда основополагающих видов юридической деятельности в цифровую форму. При этом особое значение имеет внедрение цифровых технологий в деятельности судов различных инстанций, поскольку именно судебная практика напрямую и в наибольшей степени соприкасается с конфликтными ситуациями, возникающими в обществе в связи с дальнейшим развитием цифровой экономики и внедрением технологий ИИ в социальную среду.

Концепцию развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия, можно структурно представить в виде следующих разделов и подразделов:

I. Общие начала государственной политики в сфере развития и унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия в Российской Федерации

§ 1. Основные понятия

§ 2. Цель государственной политики в сфере развития и унификации законодательства, регулирующего

¹² См.: Лотте Д.С. Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. С. 234.

¹³ Суперанская А.В. Общая терминология: вопросы теории. М., 1989.

¹⁴ См., напр.: Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» принята в соответствии с Указом Президента России от 07.05.2018 г. № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и утверждена 24.12.2018 г. на заседании Президиума Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам. URL: <https://digital.ac.gov.ru/about/> (дата обращения: 01.04.2020); Указ Президента РФ от 10.10.2019 г. № 490 «О развитии искусственного интеллекта в Российской Федерации (вместе с «Национальной стратегией развития искусственного интеллекта на период до 2030 года») // СЗ РФ. 2019. № 41, ст. 5700.

применение цифровых технологий в области правосудия в Российской Федерации

§ 3. Задачи государственной политики в области цифровизации отправления правосудия

§ 4. Общие принципы правовой политики государства и отправные начала законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия

§ 5. Субъекты формирования и реализации государственной политики в сфере использования интернет-технологий судами

§ 6. Проблемы унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия

II. Содержание государственной политики по внедрению цифровых технологий в функционирование судебной системы с учетом международных правовых стандартов

§ 1. Предварительный анализ политики, проводимой в Российской Федерации, по обеспечению процесса использования IT технологий в области отправления правосудия до 2020 г.

§ 2. Содержание и прогноз развития государственной политики в Российской Федерации по унификации законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия, с учетом международных правовых стандартов до 2030 г.

III. Основные направления (приоритеты) государственной политики по совершенствованию законодательства в сфере цифровизации правосудия и судебной системы

§ 1. Приоритеты государственной политики в сфере внедрения цифровых технологий в деятельности Конституционного Суда РФ

§ 2. Основные направления современной политики в области использования цифровых технологий в гражданском и арбитражном процессе

§ 3. Основные направления современной политики в области применения интернет-технологий в уголовном процессе

IV. Механизм реализации государственной политики в сфере развития электронного правосудия и методика определения эффективности его функционирования

§ 1. Структура и содержание механизма реализации государственной политики в сфере развития электронного правосудия

§ 2. Общее описание условий, критериев, конкретных показателей, приемов и способов для определения эффективности государственной политики в области электронного правосудия

§ 3. Программно-целевой метод как основа определения эффективности проводимой государственной политики по информационно-технологической модернизации судебной системы

§ 4. Предложения по совершенствованию российского законодательства и правоприменительной практики в сфере использования цифровых технологий при отправлении правосудия и функционировании судебной системы в целом

Нами представлена лишь примерная структура проекта концепции государственной политики по унификации российского законодательства, регулирующего применение цифровых технологий в области правосудия, которая еще

требует обсуждения, доработки и развития. При этом основная задача формирования подобной концепции сегодня заключается в обеспечении системного и научно обоснованного видения наиболее назревших вопросов опережающего развития цифровой формы отправления правосудия с учетом обеспечения единства общих принципов использования интернет-технологий в различных видах судопроизводства и соблюдения режима юридической защищенности документооборота и информации, в создании идейно-теоретического фундамента реализации Российским государством перевода судебной системы в цифровое информационно-правовое пространство.

О.Л. Солдаткина, канд. юрид. наук, доцент кафедры информатики СГЮА, старший научный сотрудник Саратовского филиала ИГП РАН, осветила проблемы цифровой трансформации правосудия на основе обобщения результатов социологического исследования.

В конце 2019 – начале 2020 г. в рамках реализации проекта РФФИ № 18-29-16111 при содействии Совета судей Саратовской области был проведен опрос среди судей г. Саратова и Саратовской области на предмет того, какие проблемы информатизации и цифровой трансформации существуют сегодня в их профессиональной деятельности. Всего в анкетах было восемь вопросов, три из которых предоставляли судьям возможность высказать свои пожелания по улучшению процессуального законодательства и предложения по дополнению набора опций существующих информационных систем. Обработка результатов исследования дала следующие результаты (здесь подводим только статистические итоги, детальная обработка предложений судей будет проводиться в наших следующих публикациях).

1. Аппаратное оснащение рабочего места судьи.

Формально результаты следующие: по Саратову довольны оснащением рабочего места только 46% судей, тогда как в Саратовской области число положительных ответов составляет 69%. Однако даже в анкетах, где ответ дан положительный, ниже встречаются жалобы на отсутствие тех или иных технических возможностей. К числу последних чаще всего относится отсутствие сети Интернет (в основном у мировых судей) или ограниченный к нему доступ, а также необходимая техника (принтер, сканер, оборудование для видеоконференцсвязи и др.). Есть и пожелания более равномерного оснащения компьютерной техникой региональных судов, замены устаревшего парка компьютерной техники, на который не устанавливаются новые системы.

2. Наличие информационных систем.

Конечно, по числу установок как в области, так и в областном центре, лидирует ГАС «Правосудие» (89% – Саратовская область, 74% – г. Саратов), на втором месте «Амирс» (24% – Саратовская область, 26% – г. Саратов). Чуть меньше 10% дополнительно пользуются СПС «КонсультантПлюс»; также среди вспомогательных систем названы: «Судимость», «srs Фемида», «Актuariус», «Судебная корреспонденция». Кроме того, в Саратове все еще есть судьи, которые вообще не используют информационные системы в работе (к сожалению, причины такого положения дел в анкете не были указаны).

3. Неудобства при использовании применяемой автоматизированной информационной системы.

Самым большим неудобством обеих основных систем (ГАС «Правосудие» и «Амирс») названы нестабильная работа (33% – Саратовская область, 44% – г. Саратов) и технические сбои системы (47% – Саратовская область,

53% – г. Саратов). Факторы таких сбоев разные: от постоянных и несвоевременных обновлений системы до устаревшей компьютерной техники, не способной воспринимать современное программное обеспечение. К причинам следует также отнести отсутствие грамотных IT-специалистов в штате суда. Хотелось бы добавить еще несвоевременность обновления системы после обновления законодательной базы, на что жалуются многие судьи в своих комментариях, из-за чего ГАС «Правосудие» не соответствует процессуальному законодательству. Поэтому среди высказанных предложений часто встречаются варианты по устранению такого несоответствия, среди которых обращает на себя внимание предложение по установке законодательных сроков внесения изменений в информационные системы (хотя это может быть невыполнимо технически).

На втором месте в регионе стоят трудности, связанные с громоздкостью заполняемых форм. Обращают на себя внимание жалобы на неудобство использования электронной подписи (а то и просто отсутствие возможности ее использования, что сводит на нет все бонусы электронного документооборота). Не последнее место в рейтинге занимает проблема сосуществования двух дублирующих систем документооборота: традиционной и электронной.

4. Неэффективно работающие опции автоматизированных информационных систем.

Несомненным лидером по низкой эффективности работы является ведение протоколов судебных заседаний (42% – Саратовская область, 27% – г. Саратов), соответствующие жалобы и предложения пишутся судьями и ниже, в свободной форме. В частности, предлагаются: автоматический перевод аудиозаписей в текст, введение обязательного аудиопотоколирования, причем при внесении данных сразу в систему. Но в целом стоит констатировать, что здесь результаты распределились более равномерно, из чего можно сделать вывод, что недостаточно эффективно работают все перечисленные опции систем (доступ к делу, работа с делом и заполнение полей, ведение документов после подачи в электронном виде, передача дела в другие суды, видеоконференцсвязь). Хотелось бы отдельно отметить такую важную опцию, как передача дел в другие суды, потому что это предложение едва ли не чаще всего встречается в инициативах представителей судебного сообщества, особенно если считать, что эта проблема имеет родственную связь с обеспечением межведомственного взаимодействия. Решение этого вопроса лежит в области создания единого информационного пространства судов, органов исполнения наказаний и прокурорского надзора, а также возможности присоединения к Единой информационной системе государственных услуг.

5. Предложения по использованию современных информационных технологий для информатизации судебной системы.

Результаты, полученные для данной позиции опросника, ожидаемы: самыми перспективными названы облачные технологии, на втором месте системы искусственного интеллекта, далее большие данные и блокчейн. Это в целом отражает общую тенденцию внедрения данных технологий не только в России, но и в других странах мира.

В.Ф. Борисова, канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского процесса СГЮА, описала проблемы, с которыми сталкиваются правоприменители при эксплуатации автоматизированных информационных систем судов.

Правосудие в нашей стране активно проходит путь от информатизации, подразумевающей оснащение судов компьютерной техникой и программным обеспечением, автоматизацию электронного документооборота, создание единой автоматизированной информационной платформы судов, к цифровизации, предполагающей эффективное использование ИИ в процессе рассмотрения и разрешения судами дел. Специалисты в области информационных технологий разрабатывают все более прогрессивные версии сервисов для нужд правосудия, наполняя их различными процессуальными опциями для удобства судов и других пользователей. Наряду со ставшими привычными платформами ГАС «Правосудие» и «Мой Арбитр» апробацию в судах г. Москвы проходит Комплексная информационная система судов общей юрисдикции. Параллельно разработан и готов к эксплуатации суперсервис «Правосудие онлайн», размещенный на портале «Госуслуги». Все платформы отличаются по набору процессуальных опций, а также по степени их правового регулирования на уровне законодательства. Использование систем базируется на постановлениях Верховного Суда РФ и приказах Судебного департамента при Верховном Суде РФ, содержащих правила, вступающие в диссонанс с цивилистическими процессуальными кодексами. Пока IT-технологии опережают правовое регулирование, правоприменитель сталкивается с насущными проблемами эксплуатации автоматизированных информационных систем. Анкетирование позволило выявить распространенные проблемы, связанные с информатизацией и цифровизацией правосудия. Не касаясь технических недостатков используемых систем, остановимся на проблемах, осложняющих процессуальную деятельность судей.

1. Заполнение многочисленных электронных форм-систем в трудоемком ручном режиме.

2. Необходимость распечатки поступающих в суд документов в электронном виде, а также сканирования судебных документов для размещения в электронных системах.

3. Отсутствие межведомственного электронного взаимодействия между судами разных регионов и инстанций, доступа к их базам данных. Единая электронная среда необходима судам, например, для получения сведений о ранее принятых по делам судебных актах, передачи дел в другие суды по подсудности, для пересмотра дел в порядке апелляции, кассации, надзора и для иных целей.

4. Отсутствие межведомственного электронного взаимодействия с органами исполнения наказаний, Федеральной службой судебных приставов-исполнителей, другими органами с целью обмена документами и направления судебных актов в электронном виде для исполнения.

5. Отсутствие доступа к базам данных ЕГРН, ЕГРП, ГИБДД, Информационного центра ГУВД для получения сведений, необходимых для рассмотрения дел гражданско-го и административного судопроизводства, административных, уголовных дел.

6. Отсутствие возможности автоматического формирования повесток, извещений участников судебного процесса, а также извещения сторон посредством иных электронных средств, кроме смс-извещения.

7. Отсутствие возможности подготовки проектов судебных приказов с использованием данных электронной картотеки, а также извещения должников о наличии принятых в отношении них судебных приказов через портал «Госуслуги».

8. Несвоевременное обновление баз данных ГАС «Правосудие», справочно-информационных правовых систем.

9. Невозможность автоматической расшифровки аудиозаписей судебных заседаний для формирования документарных протоколов, приобщаемых к материалам дела, а также невозможность записи на один носитель аудиозаписей нескольких судебных заседаний по одному и тому же делу.

10. Отсутствие у мировых судей возможности подписывать документы электронной цифровой подписью.

Перечисленные лидирующие недостатки преимущественно обнаружены в автоматизированных информационных системах ГАС «Правосудие», «Амирс» и могут быть устранены в АИСах следующих поколений. Вместе с тем цифровой прорыв в сфере электронного правосудия обусловлен равномерной информатизацией всех регионов и звеньев судебной системы, расширением внедрения искусственного интеллекта в сферу правосудия, разработкой нормативной базы, отвечающей уровню развития информационных технологий.

В рамках дискуссии выступили: Т. Волкова – федеральный судья Двенадцатого арбитражного апелляционного суда; А. Богомолов – председатель Базарно-Карабулакского районного суда; В. Бондаренко – заместитель председателя Кировского районного суда г. Саратова; А. Тенькаев – председатель Октябрьского районного суда г. Саратова; А. Ершов – судья Октябрьского районного суда г. Саратова; В. Кондрашин – старший советник юстиции, начальник учебно-методического отдела прокуратуры Саратовской области, директор межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих; О. Лаптев – прокурор учебно-методического отдела Саратовского межрегионального центра профессионального обучения прокурорских работников и федеральных государственных гражданских служащих прокуратуры Саратовской области; М. Зарубина – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского; Е. Малько – канд. юрид. наук, доцент кафедры гражданского права и процесса юридического факультета Саратовского национального исследовательского государственного университета им. Н.Г. Чернышевского.

* * *

По итогам заочного научно-практического «круглого стола» «Проблемы цифровизации в сфере осуществления правосудия» была принята резолюция, включающая в себя

концептуальные предложения, направленные на систематизацию и модернизацию действующего законодательства, регулирующего «электронные» правоотношения в гражданском и арбитражном процессе.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белая книга. Брюссель, 2020. С. 11, 21.
2. *Брянцева О.В., Солдаткина О.Л.* Сравнительный анализ зарубежных систем электронного правосудия // Вестник Поволжского института управления. Т. 19. 2019. № 6. С. 36–47.
3. *Lotte D.S.* Вопросы заимствования и упорядочения иноязычных терминов и терминологических элементов. М., 1982. С. 234.
4. *Суперанская А.В.* Общая терминология: вопросы теории. М., 1989.
5. European e-Justice Portal. Automatic processing. URL: https://e-justice.europa.eu/content_automatic_processing-280-en.do
6. *Salter, Shannon.* Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal. URL: <https://doi.org/10.22329/wyaj.v34i1.5008> (дата обращения: 24.03.2020).

REFERENCES

1. White paper. Brussels, 2020. P. 11, 21 (in Russ.).
2. *Bryantseva O.V., Soldatkina O.L.* Comparative analysis of foreign systems of electronic justice // Bulletin of the Volga region Institute of management. Vol. 19. 2019. No. 6. P. 36–47 (in Russ.).
3. *Lotte D.S.* Questions of borrowing and ordering foreign language terms and term elements. M., 1982. P. 234 (in Russ.).
4. *Superanskaya A.V.* General terminology: questions of theory. M., 1989 (in Russ.).
5. European e-Justice Portal. Automatic processing. URL: https://e-justice.europa.eu/content_automatic_processing-280-en.do
6. *Salter, Shannon.* Online Dispute Resolution and Justice System Integration: British Columbia's Civil Resolution Tribunal. URL: <https://doi.org/10.22329/wyaj.v34i1.5008> (accessed: 24.03.2020).

Сведения об авторах**Authors' information**

МАЛЬКО Александр Васильевич – доктор юридических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ, профессор кафедры государственно-правовых дисциплин Поволжского института (филиала) Всероссийского государственного университета юстиции; 410003 Саратовская область, г. Саратов, ул. им. Радищева А.Н., д. 55

MAL'KO Alexander V. – Doctor of Law, Professor, honored worker of science of the Russian Federation, Professor of the Department of state and legal disciplines of the Volga region Institute (branch) All-Russian state University of justice; 55 named of Radishchev A.N. str., 410003 Saratov region, Saratov, Russia

АФАНАСЬЕВ Сергей Федорович – доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой арбитражного процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1; заведующий сектором правовой политики Саратовского филиала Института государства и права Российской академии наук; 410028 г. Саратов, ул. Чернышевского, д. 135

AFANASYEV Sergey F. – Doctor of Law, Professor, head of the arbitration Department of the Saratov state law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia; head of the legal policy sector of the Saratov branch of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences; 135 Chernyshevskogo str., 410028 Saratov, Russia

БОРИСОВА Виктория Федоровна – кандидат юридических наук, доцент кафедры гражданского процесса Саратовской государственной юридической академии; 410056 г. Саратов, ул. Вольская, д. 1

BORISOVA Viktoria F. – PhD in Law, associate Professor of Department of civil procedure of Saratov state Law Academy; 1 Volskaya str., 410056 Saratov, Russia

КРОТКОВА Наталья Викторовна – кандидат юридических наук, ведущий научный сотрудник сектора конституционного права и конституционной юстиции Института государства и права РАН, заместитель главного редактора журнала «Государство и право» РАН; 119019 г. Москва, ул. Знаменка, д. 10

KROTKOVA Natalya V. – PhD in Law, leading research fellow, sector of Constitutional Law and Constitutional justice, Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences, Vice-Editor-in-Chief of journal “State and Law” of the Russian Academy of Sciences; 10 Znamenka str., 119019 Moscow, Russia

О ЗАКОНОМЕРНОСТЯХ РАЗВИТИЯ ГОСУДАРСТВА И ПРАВА В СОВЕТСКОЙ РОССИИ (НА ПРИМЕРЕ ПРОКУРАТУРЫ)

В.Н. Галузо. ИНСТИТУТ ВЛАСТИ ПРОКУРАТУРЫ В СОВЕТСКОЙ
РОССИИ (1917–1991). Часть III. ЗАБВЕНИЕ ПРАВА.
М.: ЮНИТИ-ДАНА, 2020. 319 с.

Рецензенты:

д-р юрид. наук, проф. Н.В. Михайлова
(Московский университет МВД России им. В.Я. Кикотя);
д-р юрид. наук, проф. А.М. Осавелюк
(Университет им. О.Е. Кутафина (МГЮА));
д-р ист. наук, проф. М.А. Бабкин;
канд. юрид. наук Н.В. Кроткова
(Институт государства и права Российской академии наук)

© 2020 г. С. Л. Никонович

Москва

E-mail: trapezunt@yandex.ru

Поступила в редакцию 17.08.2020 г.

Аннотация. В рецензии обращено внимание на результаты монографического исследования закономерностей развития государства и права в советской России (на примере прокуратуры).

Ключевые слова: советская Россия, Российское Государство, Российская Республика, Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика (РСФСР), Союз Советских Социалистических Республик (СССР), советское законодательство, партийное строительство, хозяйственное строительство, советское строительство, культурное строительство, должность прокурора, прокуратура, законность, революционная законность, социалистическая законность.

Цитирование: Никонович С.Л. О закономерностях развития государства и права в советской России (На примере прокуратуры)

В.Н. Галузо. Институт власти прокуратуры в советской России (1917–1991). Часть III. Забвение права // Государство и право. 2020. № 10. С. 160–163.

DOI: 10.31857/S102694520012243-8

ON THE LAWS OF STATE AND LAW DEVELOPMENT IN SOVIET RUSSIA (FOR EXAMPLE OF THE PROSECUTOR'S OFFICE)

**V.N. Galuzo. INSTITUTE OF POWER OF THE PROSECUTOR'S OFFICE
IN SOVIET RUSSIA (1917–1991). Part III. OBLIVION OF LAW.**

Moscow: UNITY-DANA, 2020. 319 p.

Reviewers:

Doctor of Law, Prof. N. V. Mikhailova

(Kikot Moscow University of the Ministry of internal Affairs of Russia);

Doctor of Law, Prof. A.M. Osavelyuk

(Kutafin University (MSLA));

Doctor of historical Sciences, Prof. M.A. Babkin;

PhD in Law N.V. Krotkova

(Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences)

© 2020 S. L. Nikonovich

Moscow

E-mail: trapezunt@yandex.ru

Received 17.08.2020

Abstract. The review draws attention to the extraordinary results of scientific research by a well-known scientist (V.N. Galuzo) concerning the laws of state and law development in Soviet Russia (for the example of the Prosecutor's office).

Key words: Soviet Russia, Russian State, Russian Republic, Russian Soviet Federative Socialist Republic (RSFSR), Union of Soviet Socialist Republics (USSR), Soviet legislation, party construction, economic construction, Soviet construction, cultural construction, Prosecutor's office, Prosecutor's office, legality, revolutionary legality, socialist legality.

For citation: *Nikonovich, S.L. (2020). On the laws of state and law development in Soviet Russia (For example of the Prosecutor's office)*

V.N. Galuzo. Institute of power of the Prosecutor's office in Soviet Russia (1917–1991). Part III. Oblivion of law // *Gosudarstvo i pravo=State and Law*, No. 10, pp. 160–163.

В монографии В.Н. Галузо «Институт власти прокуратуры в советской России (1917–1991). Часть III. Забвение права» на примере одного из государственных органов, истоки которого автор относит к XVII в.¹, представлено развитие государственности в советской России.

Структурно монография состоит из *трех глав*.

¹ См.: *Галузо В.Н. Власть прокурора в России (историко-правовое исследование)*. М., 2008; *Его же. Должность прокурора в России (1825–1917) (историко-правовое исследование)*. Часть II. Действенность права. М., 2011; см. также: *Кроткова Н.В. Допустимо ли новаторство при осуществлении историко-правовых исследований? Рец.: В.Н. Галузо. Должность прокурора в России (1825–1917) (Историко-правовое исследование)*. Часть II. Действенность права. М.: Изд-во СГУ, 2011. 437 с. // *Государство и право*. 2012. № 5. С. 121–123.

В первой главе «Условия и предпосылки формирования советской прокуратуры», включающей три параграфа (с. 5–57), определены условия и предпосылки формирования советской прокуратуры, рассмотрено содержание концепции В.И. Ульянова (Ленина) о развитии советской прокуратуры, разъяснено понятие термина «советская Россия».

Период образования и развития советской России представлен в виде нескольких этапов: с 3 марта 1917 г. по 26 октября 1917 г. – «Российское Государство»; с 26 октября 1917 г. по 10 июля 1918 г. – «Российская Республика»; с 10 июля 1918 г. по 30 декабря 1922 г. – «Российская Советская Федеративная Социалистическая Республика» (РСФСР); с 30 декабря 1922 г. по 12 декабря 1991 г. – «Союз Советских Социалистических Республик» (СССР).

После октябрьского 1917 г. большевистского переворота была создана Российская Республика как государство

нового типа. При этом старый буржуазно-помещичий государственный аппарат перестал существовать, а новый еще только строился. Это напрямую коснулось и прокуратуры.

В монографии представлен перечень структур, которые в той или иной мере выполняли различные функции контроля, свойственные прокуратуре: революционные комитеты в армии; рабочая милиция; рабочий контроль; местные Советы Рабочих, Солдатских и Крестьянских Депутатов; Высший Совет Народного Хозяйства; Коллегия Государственного Контроля; Народный Комиссар по Государственному Контролю в СНК; главный и местные земельные комитеты; Революционный трибунал печати; Комиссар ВРКП; Комиссар юстиции; Революционный трибунал; Народный Комиссариат Юстиции; Народный Комиссариат по внутренним делам; Советы рабочих, солдатских, крестьянских и батрацких депутатов.

Таким образом, на протяжении нескольких лет шел поиск альтернативного государственного органа, способного заменить собой прокуратуру, однако такого универсального органа так и не было создано.

Понимая это, В.И. Ульянов (Ленин) предложил после разногласий, возникших во ВЦИК, обсудить вопрос о «двойном» подчинении и законности на Политбюро и написал об этом 20 мая 1922 г. известную статью с аналогичным названием. В статье он настаивал на едином, вертикальном построении прокуратуры. Однако его статья была опубликована в газете «Правда» лишь спустя три года.

По мнению автора, именно практическая деятельность Ленина заложила фундамент возрождения должности прокурора. Лениным была использована формулировка «о единой законности», заимствованная из законодательства Российской Империи. Впоследствии его преемник И.В. Джугашвили (Сталин) сформировал советскую прокуратуру, обеспечившую приоритет государства над интересами общества и личности.

Во второй главе «*Периодизация истории развития советской прокуратуры*», состоящей из шести параграфов (с. 58–119), представлена хронология развития советской прокуратуры. По мнению автора, периодизация истории советской прокуратуры имеет общетеоретическое значение, поскольку позволяет установить закономерности развития советского государства и его отдельных органов, в т.ч. советской прокуратуры.

Период образования и становления советской прокуратуры с момента принятия Декрета ВЦИК от 8 июля 1922 г. «Об отсрочке до 1 августа введения института прокуратуры и Уголовно-процессуального кодекса» и до принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» совпадает с формированием союзного государства — Союза Советских Социалистических Республик.

Далее автор выделяет союзно-республиканский период, длящийся с момента принятия постановления ЦИК и СНК СССР от 20 июня 1933 г. «Об учреждении Прокуратуры Союза ССР» и до принятия Указа ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении».

В этот период укрепился статус советской прокуратуры как государственного органа СССР, что соответствовало национальной политике, осуществляемой Сталиным.

В военный период с 1941 по 1945 г. — с момента принятия Указа ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «О военном положении» — «День памяти и скорби — день начала Великой

Отечественной войны (1941)» до 2 сентября 1945 г. — «День окончания Второй мировой войны (1945)» — деятельность советской прокуратуры как государственного органа приостанавливалась. Ее функции фактически осуществлялись военными советами фронтов, армий, военных округов, военным командованием войсковых подразделений.

В соответствии с Указом ПВС СССР от 22 июня 1941 г. «Об утверждении Положения о военных трибуналах, объявленных на военном положении, и в районах военных действий» представители военной прокуратуры (Главный военный прокурор Красной Армии СССР, Главный военный прокурор Военно-Морского Флота СССР) лишь уведомялись о результатах правосудия. Очевидно, что после окончания войны возникла необходимость в восстановлении прокуратуры довоенного периода.

В период централизации прокуратуры, со 2 сентября 1945 г. до принятия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР», автор высказывает суждение о том, что в советской России обострилась репрессивная политика (вплоть до смерти Сталина в 1953 г.), к которой самым непосредственным образом была причастна советская прокуратура.

Союзный период, длящийся с 1979 по 1992 г. (с момента принятия Закона СССР от 30 ноября 1979 г. «О прокуратуре СССР» до принятия Закона РФ от 17 января 1992 г. «О прокуратуре Российской Федерации»), характеризуется наивысшим уровнем организационного единства советской прокуратуры.

В третьей главе «*Систематизация советского законодательства*», включающей три параграфа (с. 120–158), определены содержание советского законодательства, формы его единообразного исполнения — революционная и социалистическая законность. Автор полагает, что советское законодательство фактически представляло совокупность нормативных правовых актов, партийных директив, не систематизированных, не позволяющих в полной мере осуществлять комплексное правоприменение.

В этих условиях советская прокуратура осуществляла в лучшем случае представительские полномочия. Советское законодательство было многовекторным — это «партийное строительство»; «хозяйственное строительство»; «советское строительство»; «культурное строительство».

По мнению автора, словосочетание «революционная законность» возникло именно вследствие многовекторности советского законодательства. Его оправданием могла быть лишь международная обстановка, требовавшая от советского государства эффективной защиты от внешних посягательств. Предназначение социалистической законности, как полагает В.Н. Галузо, состояло в обелении тоталитарного государства, вследствие чего фактически отсутствовала действенность советской прокуратуры в обеспечении единообразного исполнения советского законодательства.

Итоги исследования деятельности советской прокуратуры подведены в рубрикаторе «*Заключение*» (с. 159–161).

Автор высказывает суждение, что «советская государственность просуществовала с 1917 г. по 1991 г. и в этом процессе, несомненно, велика роль советской прокуратуры. Прекращение существования СССР было неизбежным, поскольку социалистические общественные отношения изжили себя. Именно в советской России должность прокурора трансформировалась в государственный орган — советскую прокуратуру, которая лишь формально

обеспечивала единообразное исполнение советского законодательства (законность)» (с. 161).

Монография содержит также несколько вспомогательных рубрикаторов: «*Библиографический список*» с подрубрикаторами («I. Использованные литературные источники», «II. Публикации автора монографии», «III. Рецензии на публикации автора монографии») (с. 162–222); «Алфавитно-предметный указатель» (с. 223–226) и «Именной указатель» (с. 227–229).

Особая роль принадлежит рубрикатору «*Приложения*», где размещены нормативные правовые акты рассматриваемого периода, а также в виде таблиц «Периодизация истории развития должности прокурора в России (1649–1917)» и «Периодизация истории развития должности прокурора в советской России (1917–1991)».

К числу недостатков можно отнести отсутствие ссылок на сведения из архивов. Вместе с тем выводы автора обоснованы нормативными правовыми актами, опубликованными в официальных источниках, что, несомненно, обеспечивает объективность научного исследования.

В качестве пожелания можно посоветовать более тщательно изучить деятельность советской прокуратуры в военное время, а также ее роль в подготовке документов и выступлении ее представителей в качестве стороны обвинения гитлеровского фашизма на Нюрнбергском процессе.

* * *

Таким образом, в работе, подготовленной В.Н. Галузо, автору удалось обнаружить закономерности развития государства и права в советской России с 1917 по 1991 г. и определить роль прокуратуры в этом процессе.

Неполный перечень достоинств книги заслуженно оценен управомоченными государственными органами и общественными объединениями. В частности, монография «Институт власти прокуратуры в советской России (1917–1991). Часть III. Забвение права», выпущенная в свет издательством «ЮНИТИ-ДАНА» в 2020 г., уже имеет следующие грифы: «Рекомендовано Учебно-методическим центром “Профессиональный учебник” в качестве монографии»; «Рекомендовано Научно-исследовательским институтом образования и науки в качестве монографии».

Сведения об авторе

НИКОНОВИЧ Сергей Леонидович – доктор юридических наук, доцент; Москва

Монография предназначена для преподавателей, аспирантов (адъюнктов), а также для студентов (курсантов, слушателей) высших учебных заведений, осуществляющих подготовку юристов, практических работников правоохранительных органов, в т.ч. прокуратуры, и всех интересующихся историей развития организации и деятельности правоохранительных органов Российской Федерации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Галузо В.Н.* Власть прокурора в России (историко-правовое исследование). М., 2008.
2. *Галузо В.Н.* Должность прокурора в России (1825–1917) (историко-правовое исследование). Часть II. Действенность права. М., 2011.
3. *Галузо В.Н.* Институт власти прокуратуры в советской России (1917–1991). Часть III. Забвение права. М., 2020.
4. *Кроткова Н.В.* Допустимо ли новаторство при осуществлении историко-правовых исследований? Рец.: В.Н. Галузо. Должность прокурора в России (1825–1917) (Историко-правовое исследование). Часть II. Действенность права. М.: Изд-во СГУ, 2011. 437 с. // Государство и право. 2012. № 5. С. 121–123.

REFERENCES

1. *Galuzo V.N.* The power of the Prosecutor in Russia (historical and legal research). M., 2008 (in Russ.).
2. *Galuzo V.N.* The position of the Prosecutor in Russia (1825–1917) (historical and legal research). Part II. The effectiveness of law. M., 2011 (in Russ.).
3. *Galuzo V.N.* Institute of power of the Prosecutor's office in Soviet Russia (1917–1991). Part III. Oblivion of law. M., 2020 (in Russ.).
4. *Krotkova N.V.* Is innovation acceptable in the implementation of historical and legal research? Review: V.N. Galuzo. The position of the Prosecutor in Russia (1825–1917) (Historical and legal research). Part II. The effectiveness of law. M.: MNU publishing house, 2011. 437 p. // State and Law. 2012. No. 5. P. 121–123 (in Russ.).

Authors' information

NIKONOVICH Sergey L. – Doctor of Law, associate Professor; Moscow

ДОКТОРУ ЮРИДИЧЕСКИХ НАУК, ПРОФЕССОРУ В.А. ЮСУПОВУ – 80 ЛЕТ

Наука административного права богата своей историей и гордится именами людей, прославившими ее новыми достижениями, обеспечивая постоянное поступательное движение вперед. Нельзя не признать, что всегда особую роль в разработке новых подходов в административном праве играли и играют его теоретики, определяющие концептуальные основы перспективных направлений и ставшие родоначальниками различных школ административного права. К таким, несомненно, относится известный российский ученый, крупнейший специалист в области административного права Виталий Андреевич Юсупов, доктор юридических наук, профессор кафедры административного и информационного права Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, который отмечает в 2020 г. свой юбилей.

В.А. Юсупов родился 12 августа 1940 г. в станице Подгорной Спокойненского района Краснодарского края в крестьянской семье. После окончания Подгорненской средней школы работал в редакциях ряда местных газет в качестве литературного сотрудника, публикуя стихи, очерки.

С 1959 по 1962 г. служил в рядах Советской Армии. В 1962 г. поступил на юридический факультет Казанского государственного университета и с первого курса включился в студенческую научную работу на кафедре государственного права и советского строительства. Сочетая отличную учебу с активной исследовательской работой под руководством известного административиста Н.В. Волкова, В.А. Юсупов публикует первые статьи в студенческих научных сборниках. В 1967 г. становится лауреатом Всесоюзного конкурса студенческих работ и награждается золотой медалью. В этом же году поступает в аспирантуру Казанского университета, где под руководством проф. Н.В. Волкова работает над проблемой сочетания отраслевого и территориального управления промышленностью в СССР.

В 1970 г. В.А. Юсупов успешно защищает кандидатскую диссертацию в Институте государства и права Академии наук СССР и начинает преподавать на юридическом факультете Казанского университета курс административного права. В это же время значительно расширяется диапазон научных интересов Виталия Андреевича. Он ведет интенсивную разработку научных принципов управления, впервые обосновывает теорию административного договора. В 1976 г. в издательстве Казанского университета выходит его монография «Право и советское государственное управление», получившая высокую оценку как в нашей стране, так и за рубежом. В 1979 г. в Москве вышла в свет еще одна его монография – «Правоприменительная деятельность органов управления». В этой книге впервые в юридической литературе исследован механизм применения норм административного права в ходе принятия индивидуально-конкретных государственных управленческих решений. В этом же году в МГУ им. М.В. Ломоносова Виталий Андреевич защитил докторскую диссертацию, посвященную теоретическим проблемам административно-правового регулирования управленческих отношений.

С 1981 по 1984 г. В.А. Юсупов был проректором Мордовского университета, способствуя укреплению научных

кадров в этом учебном заведении. В 1985 г. в Москве выходит его наиболее известная монография «Теория административного права». Это небольшое по объему научное произведение положило начало новому направлению в науке – философии и социологии административного права – и на долгие годы стало отправной базой для многих научных исследований ученых-административистов России.

С 1987 по 1993 г. В.А. Юсупов работал в Волгоградском государственном университете – сначала зав. кафедрой, а затем деканом юридического факультета.

Наиболее ярко педагогические и организационные способности В.А. Юсупова проявились в его деятельности в качестве ректора созданного им Волгоградского института экономики, социологии и права, одного из ведущих вузов Волгоградской области. В эти годы под руководством и при деятельном участии юбиляра издается оригинальный учебник «Административное право» (2003 г.). Авторскому коллективу удалось добиться желаемой цели и подготовить добротный труд. Учебник, вобравший в себя новейшие теоретические положения и законодательство, свободный от схоластических пространственных споров с чужими мнениями и во многом именно в силу этого лаконичный, доступный с точки зрения стиля и языка изложения, стал полезен студентам, аспирантам и преподавателям, практическим работникам. Сам Виталий Андреевич, освещая одну из наиболее проблемных тем – «Предмет, метод и система административного права», аргументированно определил объект административно-правового регулирования как «отношения, обеспечивающие упорядоченность общественных отношений в процессе реализации функций исполнительной власти». Впервые обращаясь к этой теме, автор выделил организационно-структурные, организационно-функциональные и административно-деликтные способы такой реализации.

В настоящее время Виталий Андреевич по-прежнему активно работает с аспирантами и докторантами, выступает в качестве официального оппонента на защитах кандидатских и докторских диссертаций. Он является членом двух советов по защите кандидатских и докторских диссертаций в МГУ им. М.В. Ломоносова и Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ.

Все эти годы проф. В.А. Юсупов вместе со своими учениками и коллегами активно участвует в разработке проектов законодательных актов. Его колоссальная творческая энергия реализуется в разных областях и сферах научной жизни. Виталий Андреевич является организатором и бессменным президентом Евразийской академии административных наук, внесшей значительный вклад в развитие фундаментальных основ административного права России, укрепление связей с учеными-административистами других государств. На проводимых ЕААН конференциях, «круглых столах» в России и за рубежом затрагиваются животрепещущие вопросы развития науки административного права, формируются комплексы законодательных инициатив и предложений, направленных на совершенствование деятельности органов исполнительной власти.

В.А. Юсупов – главный редактор журнала «Вестник ЕААН» и член редколлегий ряда других юридических журналов. Талант Виталия Андреевича проявляется не только на научном поприще. Юбиляр известен и как художественный литератор. Его литературные произведения пользуются неизменным успехом у широкой читательской публики. Он является членом Союза российских писателей.

Не только профессиональные, но и человеческие качества Виталия Андреевича вызывают глубокое уважение. Он всегда придёт на помощь в трудную минуту. Большая творческая энергия, порядочность, искренняя увлеченность своей профессией, ответственность в любом деле, доброжелательность, интеллигентность, другие многочисленные личные достоинства снискали ему заслуженный авторитет среди представителей российской юридической общественности.

Возраст сам по себе ничего не означает в жизни человека. Можно дожить до седых волос, но не приобрести ни знаний, ни опыта. Можно быть стариком в юности. Виталий Андреевич вступает в пору научной и жизненной мудрости. Это прекрасная пора, пора осмысления пережитого и изученного. Не случайно в его литературных произведениях отражены воспоминания о событиях прошлых лет, а новые работы возвращаются к темам, уже затронутым, но рассматриваются с новой стороны.

Юбилерам принято желать успехов в труде и счастья в личной жизни. Успех приходит, если человек упорно трудится. Научный успех Виталия Андреевича заработан тяжёлым трудом научного работника. Счастье в личной жизни у него тоже есть. Женившись в молодости на девушке,

которую любил, Виталий Андреевич сумел пронести это чувство сквозь долгие годы семейной жизни. Нина Георгиевна действительно является второй половинкой Виталия Андреевича, близкой по духу, любящей женой. Достойными продолжателями дела проф. В.А. Юсупова являются его сыновья Виталий и Андрей – тоже ученые, прокладывающие свой путь в науке административного права.

В день юбилея коллеги, многочисленные ученики, члены Евразийской академии административных наук, юридическая общественность сердечно поздравляют проф. В.А. Юсупова со знаменательным юбилеем и от всей души желают ему крепкого здоровья, счастья, оптимизма, жизнерадостия, новых творческих замыслов и свершений.

Успехов Вам, дорогой Виталий Андреевич!

*С.Н. Братановский,
доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры государственно-правовых
и уголовно-правовых дисциплин
Российского экономического университета
им. Г.В. Плеханова*

* * *

Редакция журнала «Государство и право» Российской академии наук поздравляет Виталия Андреевича Юсупова с юбилеем и желает здоровья, бодрости духа, творческого долголетия!

БАКАЛАВРИАТ
40.03.01

**Юриспруденция
(гражданско-правовой
профиль)**

МАГИСТРАТУРА
40.04.01

**Правовое обеспечение
предпринимательской
деятельности**

АСПИРАНТУРА
40.06.01

**Теория и история права
и государства; история
правовых учений**
**Гражданское право;
предпринимательское право;
семейное право; международное
частное право**

Юридический факультет ГАУГН осуществляет подготовку юристов на классической академической основе с ориентацией на практическое обучение. Студенты изучают базовые и специальные дисциплины, отражающие современный уровень теоретической и практической юриспруденции в России и в мире.

Изучение обширного комплекса правовых дисциплин в совокупности со стажировкой в юридической клинике факультета и овладением современными информационными технологиями готовит выпускника к правоприменительной деятельности во всех сферах бизнеса, гражданского общества и государства, позволяет быть конкурентоспособным юристом-профессионалом.

Занятия на юридическом факультете проходят в самом центре Москвы, у метро Октябрьская, рядом с парком «Музеон».

5 ПРИЧИН ПОСТУПИТЬ В ГАУГН

**ВЫДАЮЩИЕСЯ
ПРЕПОДАВАТЕЛИ**

Костяк преподавателей составляют ученые научно-исследовательских институтов РАН, включая академиков, членов-корреспондентов, докторов и кандидатов наук.

**ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ
ПОДХОД**

На каждом курсе учится не более 60 студентов. Преподаватель общается с каждым индивидуально, помогает в выборе вектора профессионального развития.

**МЕЖДУНАРОДНОЕ
СОТРУДНИЧЕСТВО**

Отдельные лекции читают приглашенные специалисты из других ведущих вузов России и зарубежных стран. Большое внимание уделяется языковой подготовке.

УДОБСТВО

Факультеты находятся в Москве в непосредственной близости от метро. Обучение в магистратуре и аспирантуре в основном проходит в вечернее время. Подать документы можно онлайн.

СТУДЕНЧЕСКАЯ ЖИЗНЬ

Студенты ГАУГН участвуют в многочисленных студенческих клубах («Что? Где? Когда?», Клуб политического анализа, Китайский разговорный клуб и др.).